А.Б. Широкорад

ГЕРМАНИЯ
Противостояние сквозь века

Москва
«Вече»
2008

ББК 63.3(4Гем)-6
Ш64

Широкорад А.Б.

Ш64 Германия. Противостояние сквозь века / А.Б. Широкорад. — М. : Вече, 2008. — 400 с. : ил. — (Друзья и враги России).

ISBN 978-5-9533-2867-8

Историк, описывающий более чем тысячелетнюю историю взаимоотношений русского и немецкого народов, часто сталкивается с рядом вопросов, ответы на которые позволяют понять ближайшее родство и взаимовлияние двух великих стран.

Почему христианство пришло на Русь не из Германии, а из Византии? Сколько было заключено русско-германских пактов о разделе Польши со времен Ярослава Мудрого? Почему Петр Великий создал в Прибалтике «германский заповедник»? Как при Анне Иоанновне русская армия оказалась на Рейне и зачем Елизавете Петровне понадобилась Восточная Пруссия в качестве новой губернии? Мог ли Сталин отказаться от пакта с Гитлером? Кто и зачем провоцировал берлинские кризисы?

Об этом и о многом другом читатель узнает из книги А.Б. Широкорада.

ББК 63.3(4Гем)-6

ISBN 978-5-9533-2867-8

© Широкорад А.Б., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Глава 1

ПОЧЕМУ НЕМЦЫ НЕ ОКРЕСТИЛИ РУСЬ, А ВЕНА НЕ СТАЛА РУССКИМ ГОРОДОМ

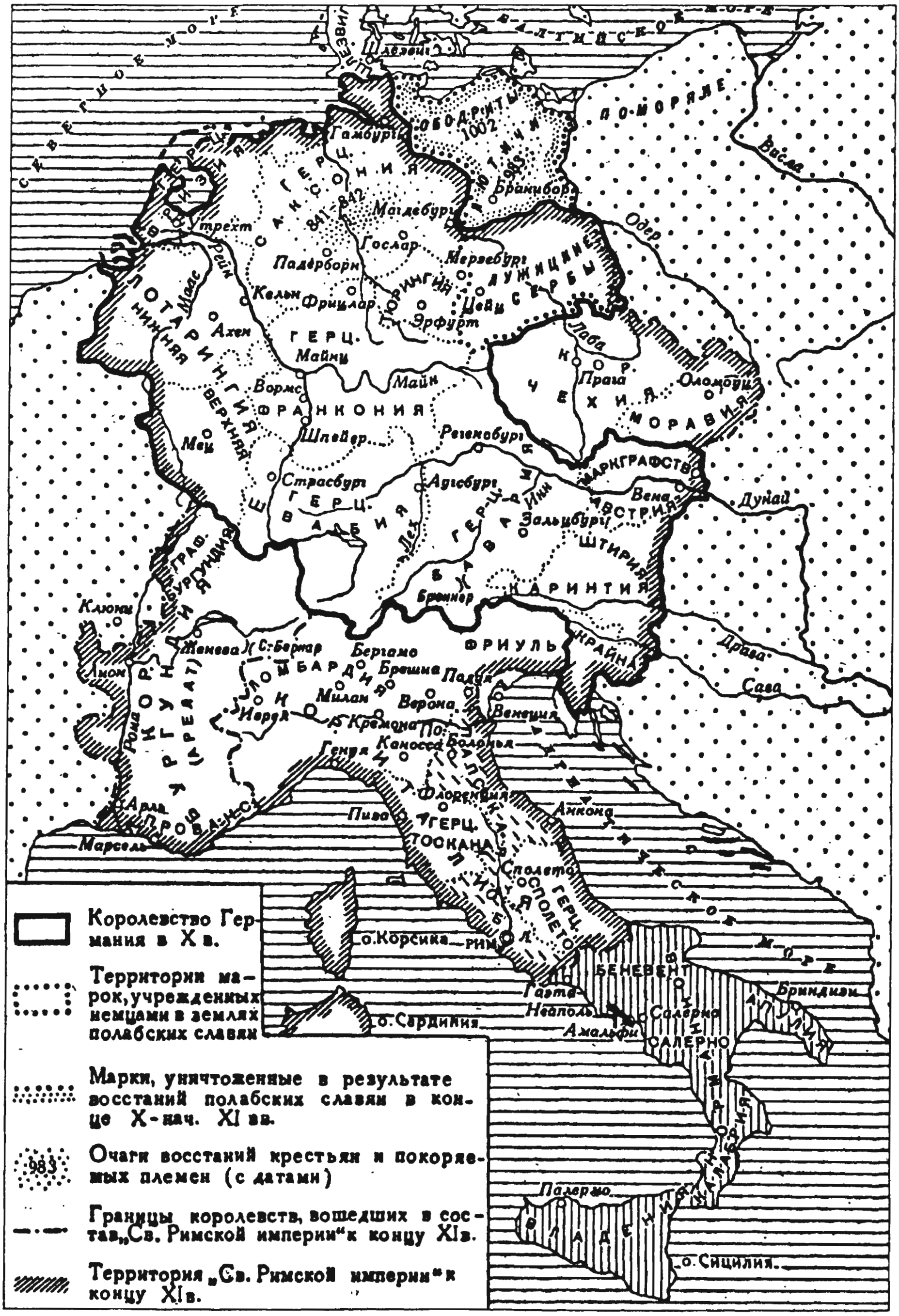
Первое знакомство славян с немцами у подавляющего большинства наших современников ассоциируется с нашествием псов-рыцарей и эпической фигурой святого князя Александра Невского, остановившего их на льду Чудского озера. Ну что ж, такой взгляд в первом приближении верный. Мы же заглянем на три века раньше.

Несколько слов стоит сказать о том, откуда вообще взялась Германия. В качестве самостоятельного государства Германия выделилась из империи Карла Великого после ее распада, оформленного Верденским договором 843 года. По этому договору внуку Карла Великого Людовику Немецкому достались все зарейнские земли и Бавария. Кроме того, в состав складывающегося германского государства вошли земли и по самому Рейну, а именно: область Майнца, Вермса и Шпейера. Эта территория окончательно выделилась из состава Франкского государства лишь в конце IX века. Позднее, с XI века, ее жители стали называть себя тевтонами. Это старое название сохранилось у немцев и до наших дней: Teutschen или Deutschen.

Славяне стали называть жителей Германии «немцы», указывая этим на то, что они говорят на не понятном для славян языке.

Германия не была едина ни в этническом, ни в политическом отношении. Она представляла собой четыре фактически самостоятельных племенных герцогства: Швабию (по Верхнему Дунаю), Баварию (к востоку от реки Леха), Франконию (по Среднему Рейну и Майну) и Саксонию с Тюрингией (в северной части Германии, на запад от Эльбы). В первой половине X века к ним прибавилась еще Лотарингия — территория от устьев Рейна и Шельды почти до Верхнего Рейна.

В 911 г. в Германию переселилась династия Каролингов, и королем в 919 г. стал саксонский герцог Генрих I Птицелов. В 936 г. ему наследовал сын Оттон I. Птицелов после длительной борьбы покорил серболужицкую группу полабских славян, заставив ее платить дань немцам. Одновременно он захватил часть земель другого славянского племени — лютечей. Данниками немцев стали вскоре и ободриты. Генрих I старался также распространить свою власть и на населенную датчана-

Германия и Италия в IX—XI веках

ми Ютландию. Он завоевал Шлезвиг, разъединив, таким образом, славян и датчан, в союзе с которыми славяне отражали натиск немцев.

Первое в Германии упоминание термина «Русь» содержится в «Бертинских анналах» 839 года, а в «Раффельштеттенском таможенном уставе», созданном между 904 и 906 годами, говорится о торговле русских купцов на Среднем Дунае, на территории современной Австрии.

В 959 г. княгиня Ольга, правящая Древнерусским государством после смерти своего мужа, князя Игоря, вернулась в Киев из Константинополя. Княгиня была недовольна политикой византийского императора и в том же году отправила посольство в Германию, к королю Оттону I. Цель посольства — заключение политического союза и присылка в Киев немецкого епископа с попами для крещения Руси.

Судя по всему, княгиня к 959 г. уже крестилась и получила наряду с норманнским именем — Ольга еще и христианское — Елена.

В хронике Продолжателя Регинона Прюмского (германского архиепископа Адальберта) говорится:

Под 959 годом: «Пришли к королю [Оттону I Великому], — как после оказалось, лживым образом, — послы Елены, королевы руссов, которая при константинопольском императоре Романе крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников».

Под 960 годом: «Король праздновал праздник Рождества Христова во Франкфурте, где Лбуций из братии св. Альбана (в Майнце) достопочтенным епископом (бременским) Адальдагом посвящен в епископы руссам».

Под 961 годом: «Лбуций, которого в прошлом году некоторые дела удержали от путешествия, скончался 15 марта настоящего года, в преемники ему был посвящен Адальберт из братии монастыря св. Максимиана в Трире; сего последнего благочестивейший государь, с обычным ему милосердием, снабдив щедро всем нужным, отправил с честью к руссам».

Под 962 годом: «В сем году возвратился назад Адальберт, поставленный в епископы к руссам, ибо не успел ни в чем том, зачем был послан, и видел свои старания напрасными; на обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он с великим трудом едва спасся»[1].

Почему миссия Адальберта закончилась полной неудачей, неизвестно. Ряд историков считают, что в Киеве произошел переворот и язычник князь Святослав Игоревич захватил всю полноту власти, а его мать ушла в «частную жизнь».

В Повести временных лет под 6494 (986) годом содержится прямой намек на то, что одним из тех, кто выступил против Адальберта и его людей, был сын княгини Ольги Святослав. Когда к князю Владимиру «придоша немьцы от Рима» с предложением принять католичество, он

---

[1] Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988. С. 176—177.

им сказал: «Идите опять, яко отцы наши сего не прияли суть». О каких «отцах» тут идет речь? Видимо, князь Владимир говорит о Святославе во множественном числе.

Тем не менее киевские князья не прерывали связей с немцами. В «Анналах» Ламперта Херсфельдского, автора 70-х годов XI века, упоминается, что на Пасху 973 года (23 марта) на немецком имперском съезде в Кведлинбурге среди прочих иностранных посольств присутствовало и русское. Видимо, это посольство имело отношение к браку киевского князя Ярополка Святославича с дочерью шведского герцога Конрада (Куно), которая приходилась внучатой племянницей Оттону I.

В это время в Киев прибывает и германский проповедник Бруно Кверфуртский (монашеское имя — Бонифаций). Согласно «Житию блаженного Ромуальда» («Vita beati Romualdi»), написанному около 1033 г. кардиналом Петром Дамиани, Бонифаций отправился для проповеди к «королю Руси». Тот ответил миссионеру, что уверует не прежде, чем Бонифаций, пройдя сквозь пламя, останется невредим. Святой совершает чудо, и король со своим народом принимают крещение. «Брат же короля, живший рядом с ним, не хотел уверовать, а потому в отсутствие Бонифация был королем убит. Другой брат, который жил уже отдельно от короля», убивает и короля, и Бонифация.

Детали жития довольно фантастичны, но основной сюжет похож на правду. «Уж слишком живо житийная картина напоминает известную по летописи ситуацию при Ярополке Святославиче. Ярополк княжит в Киеве, его брат Олег — “рядом с ним”, в Овуче, городе восточнославянского племени древлян, другой брат, Владимир. — “отдельно от короля” Ярополка — на севере Руси, в Новгороде; затем Олег погибает от руки “короля” Ярополка; в борьбе с Ярополком Владимир подчеркивает свое язычество, но вскоре крестится»[1].

К сожалению, наши летописи умалчивают о многих важных событиях в жизни князей и Древнерусского государства, и зачастую приходится опираться лишь на западные источники. Так, русские источники молчат о пятнадцати последних годах жизни Владимира Красное Солнышко. Примерно[2] в 1008—1009 гг. польский великий князь Болеслав I Храбрый заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка. Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 годами Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава — в Полоцк, Святополка — в Туров, Ярослава — в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сы-

---

[1] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 312.

[2] Из-за скудности и противоречивости источников X—XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

новей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробностией ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ Колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»[1]. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»[2]. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбурского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Со смертью князя Владимира его сыновья затевают усобицу. Святополк, потерпев поражение, бежал к тестю — польскому великому князю Болеславу Храброму. Его брат и соперник Ярослав, еще не Мудрый, в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии, в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников — лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025—1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был

---

[1] Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб, 1872. С. 257.

[2] Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015—1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

В начале августа 1018 г. Болеслав Храбрый подошел к Киеву. Кстати, в его войске были 300 саксонских наемников. Так немцы впервые вступили в «мать городов русских». Ограбив Киев, Болеслав ушел в Польшу, оставив там править Святополка. Однако Ярославу все же удалось победить в гражданской войне.

В 1025 г., через несколько недель после своей коронации, умирает Болеслав Храбрый. В Польше начинается усобица между Болеславичами. В польские дела немедленно вмешиваются соседи — немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет.

По совету Ярослава Мудрого Оттон из Киева связался с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Условия пакта Ярослава — Конрада не сохранились, но очевидна синхронность действий обоих монархов.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи: «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси[1]; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смирницкой: «Изведал лях лихо и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был синхронизирован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию, к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Итак, уже Ярослав Мудрый понял, что лучший способ укротить спесивых ляхов — это заключить союз с немцами. Именно Ярослав положил начало тысячелетней истории русско-германских пактов.

Отечественные историки уже несколько столетий талдычат школьникам и студентам: «Воспользовавшись разорением Руси ордынским

---

[1] Река к югу от Киева.

ханом Батыем, немецкие и шведские феодалы напали...» Ну что ж, элемент истины в этом есть, но не более.

Тот же князь Даниил Романович Галицкий в 40-х годах XIII века воевал «на чужой территории и малой кровью». Его дружины ходили и в Польшу, и в Литву, и в Венгрию. В 1249 г. войска венгерского короля Бэлы были разбиты близ города Ярославля (в Галиции), и, чтобы избежать вторжения русской рати, король выдал свою дочь за Данилова сына Льва.

В июне 1246 г. в битве с венграми погиб Фридрих Бабенберг, герцог Австрии и Штирии, вассал германского императора. Он не имел детей, и большое герцогство должно было достаться мужу одной из его сестер — Маргариты или Гертруды (по другим данным, последняя была не сестрой, а племянницей).

Престарелая Маргарита быстренько вышла замуж за чешского короля Вацлава I Владислава, однако тот скоропостижно, менее чем через год, скончался.

В свою очередь, Галицкий князь Даниил Романович решил поучаствовать в споре за австрийское наследство и женил своего сына Романа на Гертруде. Русских поддерживал и венгерский король Бэла IV, который надеялся за помощь оттяпать часть Австрии.

В начале 1252 г. состоялась свадьба Романа и Гертруды. Роман стал герцогом Австрии и Штирии. Теперь он числился вассалом германского императора, но это лишь пустая формальность — герцогство было фактически независимым государством. Молодые стали жить в замке Гимберг под Веной. Там у них родилась дочь Мария.

Но и чехи не дремали. Племянник усопшего короля, юный Оттокар поспешил жениться на старушке Маргарите. Он собрал большое войско и двинулся на Вену.

Римский Папа Иннокентий IV долго колебался, кого поддержать — русских или чехов? Римские папы давно предлагали королевскую корону Даниилу Романовичу Галицкому в обмен на переход в католичество. В конце концов Даниил короновался, но римский престол послал к... Поэтому Иннокентий IV, а затем и его преемник Александр IV поддержали Оттокара и стали грозить Роману и Даниилу крестовым походом всей Европы.

В итоге Роман был осажден чешским войском в Гимберге. Даниил Галицкий, чтобы помочь сыну, вместе с польским князем Болеславом Стыдливым вторгся в Чехию и взял ряд крепостей. Однако трусость ляхов и сильная болезнь глаз Даниила заставили его прекратить поход.

Роману в 1254 г. оставалось лишь бежать из осажденного Гимберга. В 1260 г. король Даниил ходил с войском добывать Вену, но опять неудачно. Посему Роман Даниилович кончил свои дни удельным князем новогрудским.

Ну что ж, поражение поражению рознь. На мой взгляд, поражение под Веной стоит победы на льду Чудского озера. Как заметил летописец, ни один русский князь никогда не заходил так далеко на запад, как Даниил.

Глава 2

КАК НЕМЦЫ ЗАКРЫЛИ ДВИНСКОЕ «ОКНО В ЕВРОПУ»

Ну, наконец-то автор закончил рассказ о делах давно минувших дней, и сейчас мы узнаем о ратных делах Александра Невского. Увы, я вновь разочарую читателя. В этой главе о нем не будет сказано ни слова. У нас не то что любители, но даже преподаватели истории не знают, что русские князья в течение почти 100 лет вели тяжелую войну с немцами, прежде чем Александр Ярославич вышел на лед Чудского озера.

В VI—VII веках в Прибалтике появляются славяне-кривичи. Практически вся материковая Эстония покрыта их длинными курганами. В 1979 г. на территории Эстонии насчитывали 1432 каменных могильника, 984 длинных кургана и 306 грунтовых могильников балтославян; соотношение русских (славянских) и эстонских могильников — один к одному.

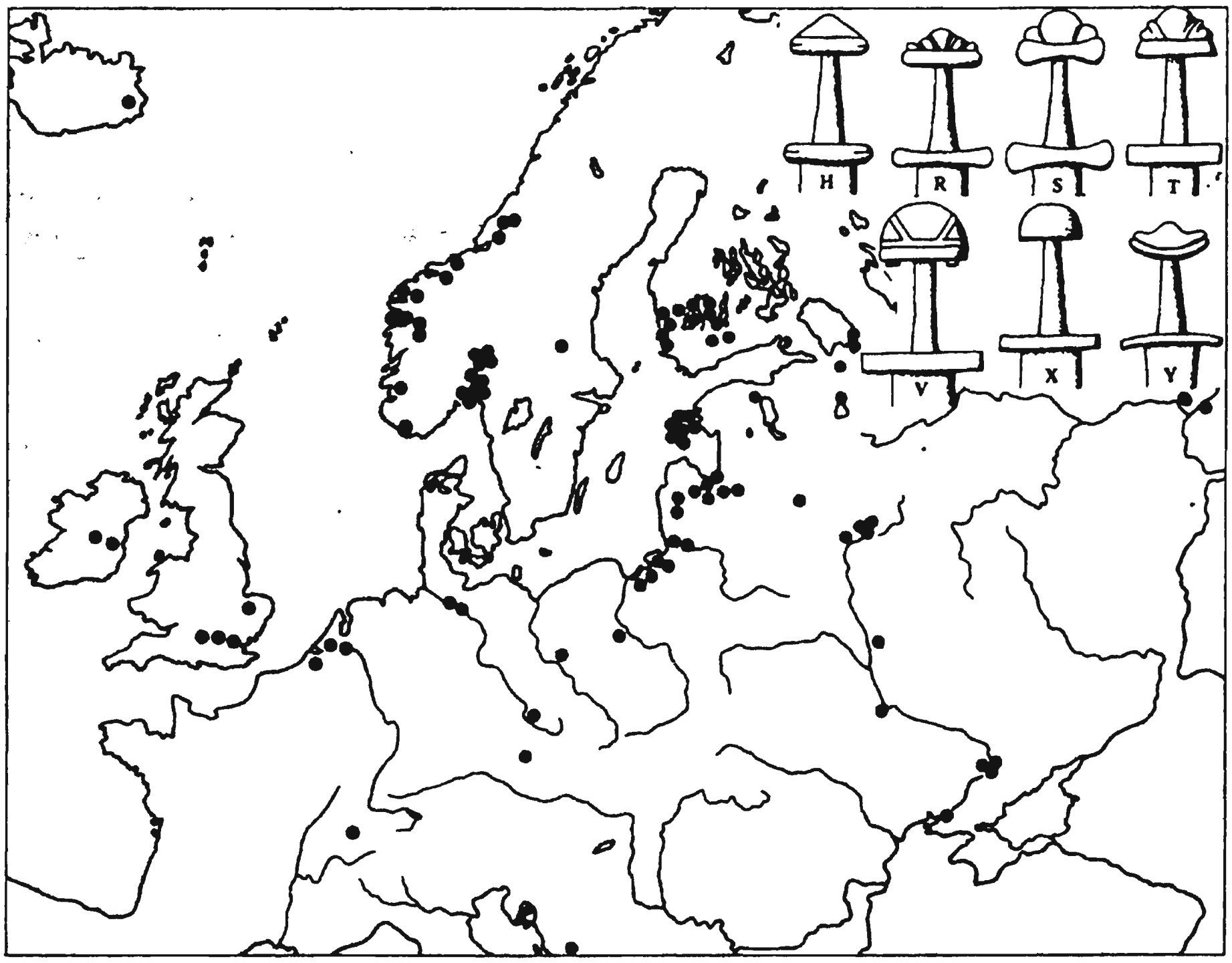
В VIII—X веках через Финский залив и Западную Двину проходил знаменитый путь «из варяг в греки». По нему руссы, то есть дружины из норманнов и славян, проходили в обоих направлениях из Северной Европы по Днепру и дальше в Византию, на Волгу и дальше, в восточные страны.

В устье Западной Двины, в Гробини у Либавы (Лиепаи), найдено поселение скандинавского типа, находка датируется 650—850 гг. Такие же поселения найдены на острове Сааремаа (Купигуста), на западном побережье Эстонии (Лизула) и на крайнем северо-западе (Прооза на территории Таллина).

С созданием Древнерусского государства все течение Западной Двины переходит под контроль киевских князей. В «Повести временных лет» сказано: «И се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (эсты)... Ямь (емь — финны), Литва (Аукштайте), Зимегола (Земгалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (Жемайте), Либь (Ливы)»[1].

После смерти киевского князя Владимира Святого бассейн Западной Двины в ее среднем и нижнем течении попадает под власть его

[1] Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. Стб. 8.

Места находок мечей Ульфберта свидетельствуют о контроле варяго-русов над стратегически важными районами Прибалтики

внука, полоцкого князя Брячислава Изяславича. Ярослав Мудрый, а затем и его преемники несколько раз пытаются подчинить себе Полоцкое княжество, но каждый раз терпят неудачу.

При князе Всеславе, сыне Брячислава Изяславича, на Западной Двине, в городках Герцике, Кукейнойсе и других, находятся полоцкие гарнизоны. В жизнь же местного населения — семигаллов и ливов — русские не вмешиваются, за исключением сбора небольшой дани.

Полоцкий князь Всеслав умер 14 апреля 1101 г. и, чтобы избежать усобицы, дал старшему сыну Роману Полоцк, а другим сыновьям — уделы в составе Полоцкой земли: Витебский, Минский, Городецкий (центр — нынешний город Гродно) и Друцкий. Однако эта мера лишь ослабила Полоцкое княжество. Роман Всеславич умер в 1114 г. бездетным, и его братья вступили в войну за полоцкий престол.

В довершение смут внутренних на Полоцкое княжество в течение всего XII века совершали набеги литовские племена.

В 1158 г. к устью Западной Двины, где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям, был прибит бурей корабль бременских купцов. Ливы, согласно бытовавшему в те времена «береговому праву», попытались захватить корабль, но были отбиты немцами. После этого началась торговля. Обмен оказался столь выгодным для бре-

менцев, что они стали постоянно ездить с товарами к устью Двины. Торговля была выгодна и ливским вождям, и они разрешили купцам построить в устье Двины укрепленную торговую факторию Укскуль (Икшкиль), а затем и вторую факторию — Далеп.

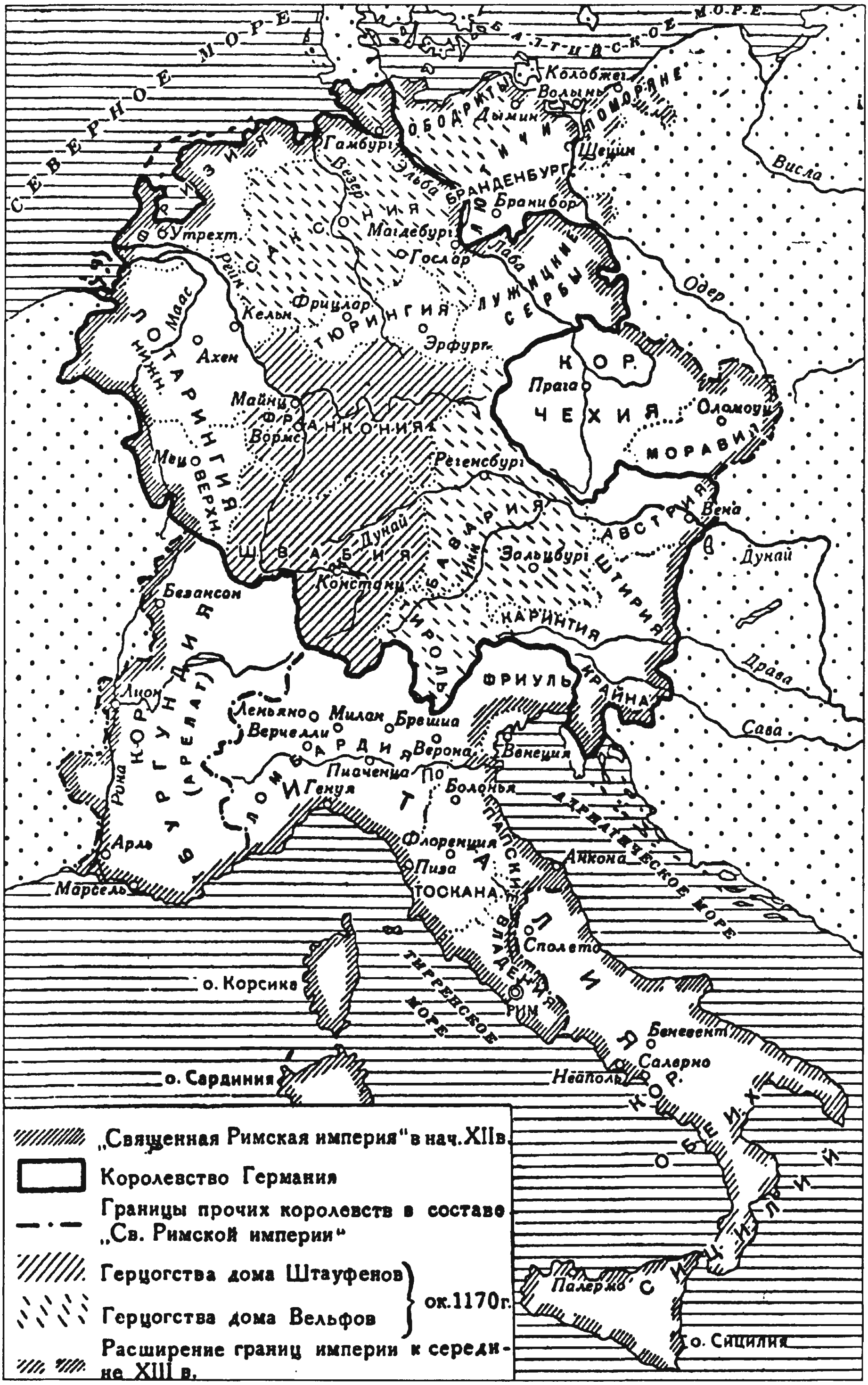
О постройке факторий и о выгодной торговле с ливами вскоре узнал и бременский архиепископ. Упустить такую выгоду архиепископ никак не мог, но на всякий случай обратился за санкцией на вторжение в земли ливов к Римскому Папе. Надо ли говорить, что папа Александр III согласился с мнением архиепископа и велел направить в Ливонию миссионеров.

Вскоре миссионеры с отрядом воинов прибыли в Укскуль. Возглавлял их монах-августинец Мейнгард. Монах был хитер и прежде чем начать проповеди среди ливов, отправился за разрешением к полоцкому «королю» Владимиру. Монах прибыл в Полоцк вместе с бременскими купцами и был тих и кроток. Князь, не мудрствуя лукаво, дал разрешение на «проповедь слова Божьего». Кроме того, монах обещал «королю» помощь германских рыцарей в борьбе с набегами литвы. Владимир дал согласие. Оправдывая ошибку князя, следует сказать, что только столетие прошло с момента разделения православной и католической церквей (в 1054 г.), в Полоцке могли и не знать нюансы взаимоотношений константинопольского патриарха и Римского Папы. Да и полоцкие князья отличались от киевских веротерпимостью. Историки не располагают данными о каких-либо преследованиях язычества в Полоцком княжестве и на его вассальных территориях.

Мейнгард начал вести проповеди среди ливов. А чтобы проповедовать, нужны церкви. Немцы построили их на самых крутых холмах. А чтобы защитить церкви, вокруг них возвели каменные стены с многочисленными башнями. Так появились каменные крепости Укскуль, Гольм и другие. Все шло хорошо, да ливы не изъявляли особого желания креститься. Мало того, уже крещеные туземцы стали перекрещиваться обратно — погружаться в воды Двины, дабы смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию. А поскольку ливы платили дань полоцкому князю, то платить еще десятину в пользу Папы Пимского им явно не улыбалось.

Мейнгард попытался применить силу, но у ливов был многократный перевес. Тогда Мейнгард по традиции обратился к Папе с просьбой организовать хотя бы небольшой крестовый поход и заставить ливов платить. В 1186 г. бременский архиепископ рукоположил Мейнгарда епископом вновь основанного «Икшкильского епископства в Руси» (!). Но в 1196 г. Мейнгард умер, так и не дождавшись крестоносцев. На его место из Бремена оперативно прислали нового епископа — Бартольда.

По прибытии Бартольд велел собрать ливских старейшин и объявил им, что надо креститься и платить, а то, мол, братва крестоносная из-за моря прибудет. Когда Бартольд удалился, вожди начали думать, что делать. Разгорелся жаркий спор. Одни предлагали Бартольда сжечь

Германия и Италия в XII — первой половине XIII веков

вместе с его храмом, другие без лишних церемоний хотели утопить епископа в Двине. Пока шли дебаты, какая-то добрая душа побежала к епископу, а тот, естественно, кинулся на корабль и убыл в Германию.

Бартольд написал Папе слезное послание о своем печальном положении. Папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в Крестовый поход против ливов, и вокруг Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которыми он и отправился назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско. Бартольд ответил, что войско пришло для наказания отступников, на что ливы сказали ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками». В ответ конные крестоносцы построились «свиньей» и двинулись на толпу ливов. Впереди скакал с копьем сам епископ. В сражении Бартольд был убит, но крестоносцам удалось одержать победу.

Немцы предали огню и мечу окрестные земли. Ливы были вынуждены креститься, и их обложили большой данью. Но, как только основные силы крестоносцев убыли в Германию, ливы начали отмываться от крещения в Двине. Расставленные у дорог массивные деревянные распятья клали на плоты и отправляли вниз по течению, в Балтийское море. Всем католическим священникам и рыцарям было приказано отдать награбленное и без багажа садиться на корабли. Купцов и их имущество ливы не тронули.

Но через несколько месяцев в устье Двины появилось 23 корабля с рыцарями-крестоносцами. Вместе с ними прибыл и новый епископ, Альберт фон Буксгевден. Последний оказался довольно гибким и умным политиком. Для начала он позвал местную знать на большой пир. Внезапно по приказу епископа вожди ливов были схвачены. Их освободили лишь после нового принудительного крещения. Кроме того, в заложники были взяты 30 сыновей знати, которых отправили в Германию.

Альберт заменил ливам зерновую десятину небольшим натуральным оброком. Вместе с тем епископ понял, что удержать край в повиновении с помощью набегов крестоносцев невозможно. Нужно было стать твердой ногою на новом месте, строить города и замки.

В 1200 г. епископ Альберт основал при устье Двины город Ригу. Через год он перенес в новый город свою резиденцию. После этого и само епископство стало именоваться Рижским. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население его не могло предаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил

основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан Орден рыцарей меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого позже стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

Первое время отношения между орденом и рижским епископом были хорошие, но через несколько лет они испортились, и фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в крепость Венден.

Полоцкие князья вовремя не осознали угрозы, которую им и другим русским княжествам несут немцы. Лишь в 1203 г. полоцкий князь Владимир с дружиной внезапно осадил Укскуль. Немцы выплатили ему большой выкуп, и Владимир пошел осаждать крепость Гольм. Однако там немцы отразили штурм с помощью метательных машин, бросавших на осаждающих тяжелые камни и бревна. Владимир был вынужден увести свою дружину в Полоцк.

В 1206 г. полоцкий «король» Владимир осадил замок Гольм. «Русские же, не знавшие арбалетов, но привычные к стрельбе из луков, бились много дней и ранили многих на стенах; собрав большой костер из бревен, они старались поджечь укрепления, но старания эти были тщетны, а при сборе дров многие из них пали, сраженные арбалетчиками. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к летам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступили в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и тем, кто пришел, было поручено единственное: собрать дрова для поджога замка. А так как доспехов у них не было, то, пока они собирали, многие из них были убиты неожиданными выстрелами. Леты же и сами не пришли, и гонцов не прислали. Сделали русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но, не зная, как метать камни, они ранили многих своих, попадая в тыл. Тевтоны из-за своей малочисленности — их было всего двадцать человек — опасались предательства со стороны ливов, которых было много с ними в замке, днем и ночью оставались на стенах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов снаружи. Ливы же вместе с королем ежедневно искали способа, как бы, захватив их хитростью, передать в руки русским, и если бы не сократились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма при их малочисленности могли бы защищаться...»[1]

Лишь когда разведчики донесли «королю», что в море у Риги замечена эскадра кораблей, он приказал снять осаду Гольма.

Любопытно, что о деятельности полоцкого «короля» Владимира мы знаем исключительно из германских рифмованных хроник, которые упоминают о нем на протяжении 32 лет. В русских же летописях и родословных о князе Владимире нет ни слова. Это связано с тем,

---

[1] Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 113.

что полоцкая династия Брячиславичей была обособлена от остальных князей Рюриковичей и те периодически пытались захватить Полоцк. А позже, к концу XIII века, Полоцкое княжество попало под власть литовских князей, которых мало интересовали архивы их предшественников. Мало того, литовские князья утверждали, что Полоцк был их исконной вотчиной, и, скорей всего, старые летописи были сожжены по их приказу.

Следует заметить, что в германских рифмованных хрониках XII—XIII веков под термином «христиане» понимаются исключительно немцы, противниками же «христиан» являются язычники и русские. Русских пока еще не называют даже схизматиками.

В 1207 г. кукейносский князь Вячеслав Борисович (Вячко)[1], вассал полоцкого князя, попросил помощь у рижского епископа в борьбе с набегами воинственных литовцев. По германской версии, князь предложил епископу половину земли, если тот «защитит его от варваров». А пока шли переговоры, немецкий рыцарь Даниил фон Леневарден внезапно напал на Кукейнос и захватил его, а князя Вячеслава заковал в кандалы.

Епископ сумел уговорить Даниила отпустить князя. Вячеслава привезли в Ригу, там епископ подарил ему дорогие одежды и несколько коней. Затем князя отпустили в Кукейнос, но не одного, а с немецким гарнизоном.

Вячеслав сумел по достоинству оценить «заботу» крестоносцев. Улучив момент, когда большая часть немцев были заняты на строительстве укреплений Кукейноса, княжеская дружина напала на них. Лишь трем немцам удалось бежать в Ригу. Вячеслав послал гонцов в Полоцк за помощью. «Король» Владимир начал собирать войско, но задержался. Епископ Альберт опередил его и с отрядом рыцарей подошел к Кукейносу.

Согласно германской хронике, при штурме Кукейноса были убиты 500 русских дружинников, а сам Вячеслав с двумястами дружинниками бежал в Юрьев. Как писал С.М. Соловьев: «...окруженные туземцами в глубине дремучих лесов своих, искали спасения от мстительности пришельцев, но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертию»[2].

В 1209 г. епископ Альберт решил захватить город Герсик (Герцике), где правил русский князь Всеволод, женатый на дочери могущественного литовского князя. Всеволод, по мнению немцев, оказывал поддержку литовцам, совершавшим набеги на район Риги.

---

[1] Вячеслав был сыном полоцкого князя Бориса Давидовича, который, в свою очередь, был внуком знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславича Чародея.

[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 636.

О разгроме Герсика нам известно из Ливонской хроники: «Собрав войско со всех областей Ливонии и Леттии, он [епископ Альберт. — *А.Ш.*] вместе с рижанами, пилигримами и всем своим народом пошел вверх по Двине, к Кукейносу...

Русские, увидев издали подходящее войско, бросились к воротам города навстречу им, но когда тевтонцы напали на них с оружием в руках и некоторых убили, то не смогли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством. После взятия города женщин и детей пощадили и многих пленили. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была схвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. В тот же день все войско оставалось в городе; собрали по всем закоулкам большую добычу, захватили одежду, серебро, пурпур и много скота, а из церквей — колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, вознося хвалу Господу за то, что так неожиданно он даровал им победу над врагами и позволил без потерь войти в город.

На другой день, разграбив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Глядя на пожар с другой стороны Двины, король с тяжкими вздохами и причитаниями восклицал: “О, Герцике, милый город! О, наследие отцов моих! О, нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!”

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою землю, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его поступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями во Христе и умолял забыть былое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных»[1].

В итоге Всеволоду вернули жену, но заставили его стать вассалом епископа.

Война между крестоносцами и полоцким «королем» шла с переменным успехом. В 1210 г. рижские немцы были вынуждены заключить «вечный мир» с Владимиром. Полный текст договора до нас не дошел, но в рифмованной хронике говорится, что рижский епископ платил «королю» ежегодную дань. Надо полагать, что в договоре были выгодные для русских условия прохода торговых караванов по Западной Двине.

Весной 1216 г. эсты из приморских областей и острова Эзель (Сааремa) прислали послов к полоцкому «королю» с предложением захватить Ригу и устье Западной Двины. «Король» собрал большое войско,

---

[1] Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. С. 117—118.

но, поднимаясь на корабль, Владимир внезапно упал и умер. Поход был отменен.

Судя по всему, после смерти Владимира в Полоцком княжестве началась ожесточенная борьба за власть. А в 1223 г. Полоцк на некоторое время был захвачен смоленскими князьями. Все это позволило крестоносцам закрепиться в нижнем течении Западной Двины. Таким образом, этот выход к морю оказался закрытым для Руси на целых пять столетий.

Глава 3

КАК КОЛЫВАНЬ СТАЛА РЕВЕЛЕМ

Поначалу русские летописцы не придавали особого значения действиям русских князей в Прибалтике. Вот, к примеру, краткая запись под 1030 годом: «В то же лето пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил град Юрьев»[1].

В данном случае под термином «чудь» подразумеваются эсты. Вообще же чудью (чухонцами) русские именовали все угрофинские племена. Юрьевом город был назван в честь самого князя[2]. Юрий — это христианское имя Ярослава Мудрого. Первые два века христианства на Руси князья в большинстве случаев имели два имени — русское, языческое и христианское.

Видимо, тогда же был основан и город Колывань на месте нынешнего Таллина[3]. Эсты стали данниками русских князей. Русские в отличие от немцев ограничивались выплатой дани, практически не вмешиваясь в быт и религиозные верования населения Прибалтики.

Несколько слов стоит сказать и о стратегическом значении города Юрьева. Наши историки много говорят о водных путях на Балтику через Неву или Северную Двину, но не упоминают о водном торговом пути через... Центральную Эстляндию. А ведь через нее в IX—XV веках шло значительное число товаров в Псков и далее, на Днепр и Волгу.

На старинных германских картах Эстляндии весь этот водный путь именовался Эмбах (Эмайыги). Сейчас же это название относится только к реке, текущей из озера Выртсьярва в Чудское озеро (р. Эмбах).

На этой-то реке и построил город Ярослав Мудрый. Поднимаясь по Эмбаху до озера Выртсьярва, ладьи затем входили в устье реки Тянассилма и поднимались на 34 км вверх по течению, до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та — в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

---

[1] Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 149.

[2] Город Юрьев в 1224—1893 гг. официально назывался Дерпт, в 1893—1919 гг. — Юрьев, с 1919 г. — Тарту.

[3] В 1219—1917 гг. официально назывался Ревелем.

Примерно в 1130 г. племя чудь захватило Юрьев и перебило местных жителей. В 1133 г. черниговский князь Всеволод Ольгович совершил поход на Юрьев — город был возвращен, а чудь основательно побита.

В 1210 г. русское войско совершило поход в Угаунию (Уггеноис) — территорию западнее Чудского озера. Видимо, поводом стала невыплата дани чухонцами. Возглавляли войско новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой и его брат, псковский князь Владимир Мстиславич. Русские осадили большую крепость Оденпе[1] (Отепя, Медвежья Голова). После 8 дней осады чухонцы сдались и выплатили русским 400 серебряных монет. При этом часть чухонцев крестились по православному обряду, причем делали это добровольно.

Вскоре после ухода русской дружины к Оденпе подошли войска крестоносцев из Риги. Город был взят и сожжен, а окрестное население насильно крещено по католическому обряду. Соответственно, выплата дани в Псков прекратилась.

Замечу, что крестоносцы действовали не только кнутом, но и пряником. Немцам удалось сделать своим «агентом влияния» псковского князя Владимира Мстиславовича. Князь даже выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Это не понравилось псковичам, и в 1213 г. они выгнали Владимира из города. Владимиру пришлось бежать к зятю в Ригу, где ему дали в управление Идумейскую , между Ригой и Венденом.

Жизнь у немцев князю пришлась не по душе, и он убежал обратно в Псков. Горожане его простили, и он с псковскими и новгородскими ратями в феврале 1217 г. двинулся к Медвежьей Голове.

Магистр венденских меченосцев Бертольд внезапно напал на русский лагерь. Но новгородцы быстро оправились и контратаковали немцев. Рыцари были разбиты, Владимир Мстиславович взял в плен своего зятя Феодориха и привез его в Псков.

К русским присоединились много эстов. «Пошел с ними и король Псковский Владимир со своими горожанами, и послали гонцов по всей Эстонии, чтобы приходили осаждать тевтонов и угаунийцев в Одемпе. И явились не только эзельцы и гарионцы, но и сакальцы, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя и иго тевтонов, и крещение. И пришли они навстречу русским, и осадили вместе с ними замок Оденпе, и бились с тевтонами и другими, кто был там, семнадцать дней, но не могли причинить им вреда, так как замок был весьма крепок. Но лучники епископа, находившиеся в замке, и братья-рыцари со своими арбалетами ранили и убили многих русских. Точно так же и русские ранили стрелами из своих луков некоторых в замке...

И когда епископы и братья-рыцари услышали об осаде, они послали на помощь своим около трех тысяч воинов. И отправились с ними магистр рыцарей Волквин, и Бертольд Венденский, и Теодорих,

---

[1] Оденпе, с 1917 года — город Отепя.

брат епископа, вместе с ливами, леттами и некоторыми пилигримами. И дошли они до озера Ристегерве, где встретили мальчика, шедшего из замка. Они взяли его в проводники, с наступлением утра подошли к замку и, оставив справа эзельцев, двинулись на русских и бились с ними. Русских и эзельцев было без малого двадцать тысяч, поэтому, испугавшись такого множества, они отошли в замок. И пали тут некоторые из братьев-рыцарей, храбрые мужи, Константин, Бертольд и Элиас и кое-кто из семьи епископа, а остальные все невредимыми достигли замка. И из-за множества людей и коней в замке начался голод, не хватало еды и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга. Так же и в русском замке был недостаток во всем. Наконец, на третий день после столкновения начались переговоры с тевтонами.

И был заключен мир с ними, но с условием, чтобы тевтоны все покинули замок и вернулись в Ливонию. И позвал Владимир зятя своего Теодориха пойти с ними в Псков, чтобы скрепить там мир. И поверил тот и вышел к нему. А новгородцы тут же вырвали Теодориха из рук его и пленником увели с собой»[1].

Так рассказано об этом походе в «Хронике Ливонии». Русские же летописи почему-то не упоминают о потерях немцев, сказано лишь, что у них убиты три главных воеводы и взяты 700 лошадей. Надо полагать, рыцари отдали 700 лошадей не по доброй воле.

Осенью 1217 г. старейшина Сакала Лембит поднял против немцев большую часть эстонских племен. Он послал гонцов в Новгород за помощью. Однако в то время новгородский князь Мстислав Удалой отправился в поход против венгерского короля. И новгородцы взяли себе в князья Святослава, сына киевского князя Мстислава Романовича. Тот обещал помочь Лембиту и стал собирать войско.

К началу сентября на северной границе Сакала, у берегов реки Пала (Навести), собрались не менее шести тысяч воинов из Ляэнемаа, Харьюмаа, Вирумаа, Рявала, Ярвамаа и Сакала. 15 дней они ждали русское войско, но оно так и не подошло. Причиной этого, скорей всего, послужил конфликт новгородского веча и Святослава. Тому горожане «показали путь», а взамен позвали его брата Всеволода.

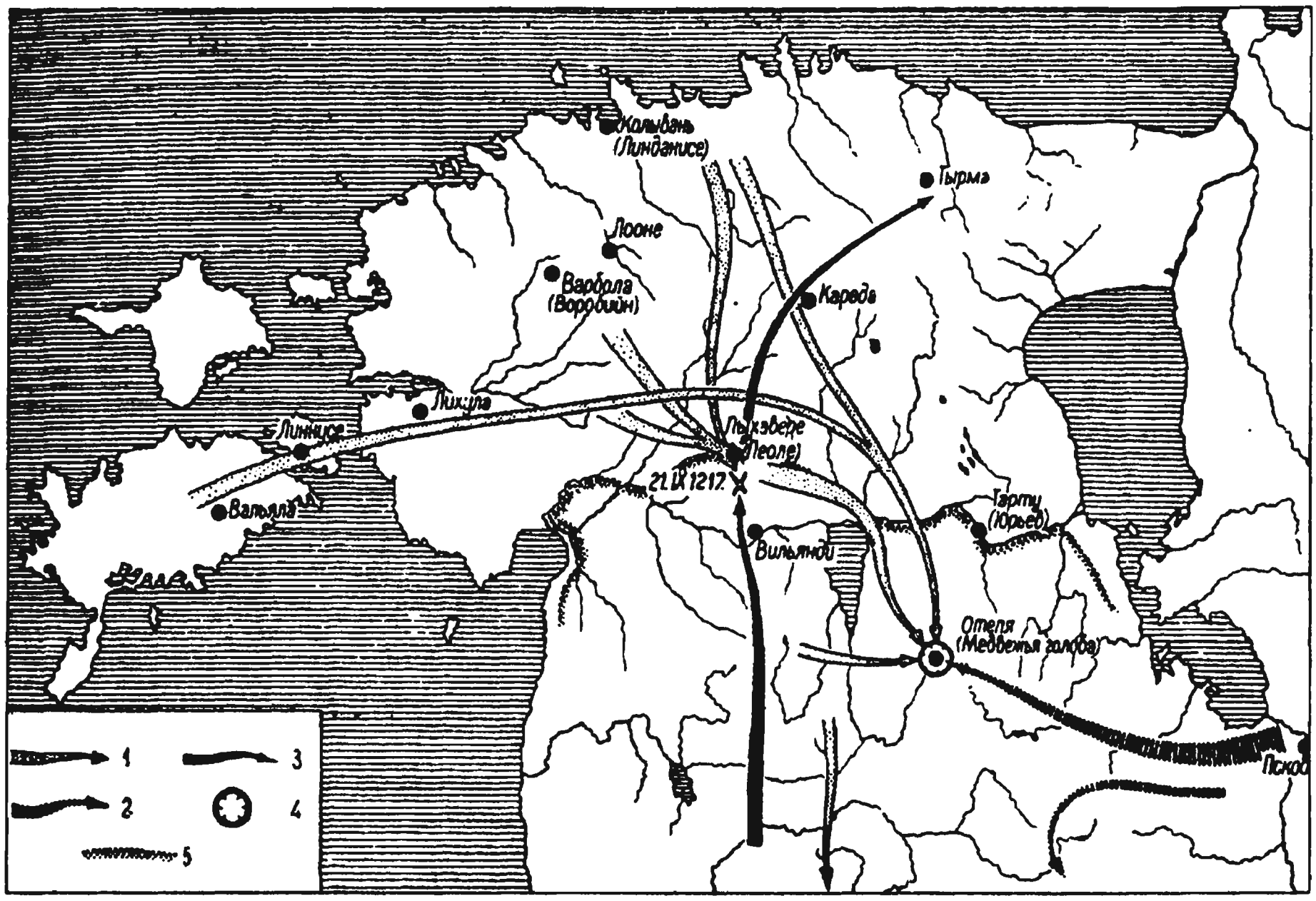
К этому времени из Германии прибыл в Ригу граф Альберт фон Левенборх с отрядом рыцарей. Объединившись с местными крестоносцами, он с тремя тысячами всадников отправился к Сакала. Лембит выступил навстречу рыцарям.

21 сентября 1217 г. недалеко от Вильянди состоялось решительное сражение. Немецкому клину («свинье») удалось прорвать центр эстонского войска, а затем полностью разгромить его. Сам Лембит был убит, а его голову доставили в Ригу и выставили на всеобщее обозрение.

В 1218 г. епископ Рижский, Эстонский и Семигальский вместе с графом Альбертом отправился к датскому королю Вальдемару II. Король Вальдемар к тому времени показал себя опытным полководцем.

---

[1] Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 125—126.

Борьба с немецкими захватчиками в 1217 году.
1 — войска эстонцев; 2 — войска русских; 3 — войска немецких захватчиков; 4 — осада и взятие городищ эстонскими и русскими войсками; 5 – граница территории, оккупированной захватчиками к 1216 году

К 1215 г. он захватил Голштинию и ряд других северогерманских земель. Они «слезно просили его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и прекратить их совместные с русскими нападения на Ливонскую церковь. И когда король узнал о великой войне русских против ливонцев, он пообещал на следующий год прийти в Эстонию с войском как ради славы Пресвятой Девы, так и во отпущение грехов своих»[1].

Подчеркиваю, что это не я сказал «слезно просили», это утверждал современник — автор рифмованной хроники.

А тем временем в Риге крестоносцы готовились к новому походу на север Эстляндии и на остров Эзель. Двинуться решили после 15 августа 1218 г. «И собрались рижане вместе с ливами и летами, и пошли с ними Генрих Боревин[2] и магистр Волквин со своими братьями. И подошли они к Сакале, где обыкновенно бывало место молитв и сговора

---

[1] Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 127.

[2] Генрих Боревин — сын Придислава, князя славян-ободритов. Генрих принял крещение осенью 1164 г. В Ливонию он во главе отряда мекленбургских рыцарей прибыл вместе с графом Альбертом фон Левенборхом.

войска. Граф Альберт повелел устроить там мост, и было там же решено разграбить Ревельскую область»[1].

Но когда крестоносцы достигли замка Вилиенде, разведчики донесли о приближении русского войска, которое вели князь новгородский Всеволод Мстиславич и князь псковский Владимир Мстиславич. Русское войско форсировало реку Эмбах, которую эстонцы называли «Матерью вод», и двинулись вперед.

На речке Эмель состоялось сражение. Судя по тексту рифмованной хроники, крестоносцы внезапно напали на авангард русских, и те отступили за речку. Но когда подошли основные силы новгородцев и псковичей, то ливы и летты в панике кинулись бежать. Организованно удалось отступить лишь двум сотням крестоносцев. Зато в Риге они уже хвастались, что убили 50 русских и что сам «король Новгородский» приказал своему войску оставить их в покое.

Русское же войско широким фронтом прошлось по Ливонии, уничтожая замки и католические церкви, воздвигнутые крестоносцами.

В 1219 г. на севере Эстляндии с 1500 кораблей высадились войска датского короля Вальдемара II и его вассала, правителя острова Рюген и части Померании Вацлава I. Несмотря на ожесточенное сопротивление эстов (реваласцев), они захватили и разрушили крепость Колывань, а на ее месте построили свою крепость Ревель (нынешний Таллин). Любопытно, что по-эстонски «таллин» означает «датский город».

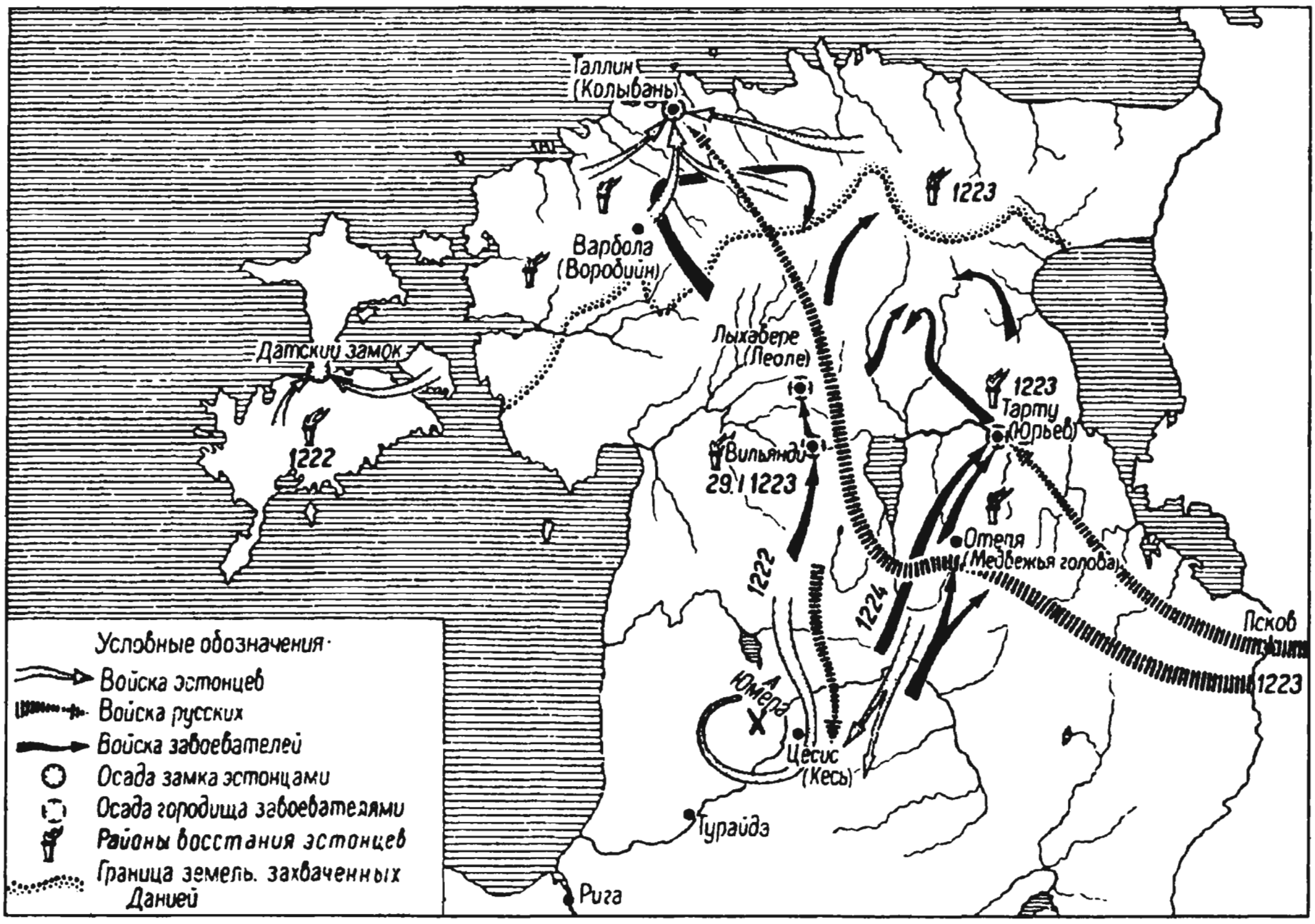
Новгородцы под началом князя Владимира Мстиславовича и его сына Ярослава дважды, в 1219 и 1222 годах, осаждали немецкую крепость Венден (Кесь) и один раз, в 1223 г., — Ревель. Но все три осады были неудачны, врага спасали мощные укрепления и метательные (камнеметные) машины. Русским удалось взять много добычи и пленных, но выгнать противника из Прибалтики они не смогли. Немцы и римские папы сделали из Прибалтики восьмивековой очаг напряженности в северо-восточной Европе.

В 1224 г. немцы двинулись на самую сильную русскую крепость в Эстляндии — Юрьев. Там сидел князь Вячеслав Борисович, у которого немцы ранее отняли город Кукейнос. 15 августа Юрьев был осажден. Немцы приготовили много осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами и под ее защитой начали вести подкоп. Всю ночь и весь следующий день над этим трудилась половина войска: одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула, и башня была придвинута ближе к крепости.

Несмотря на активную подготовку к штурму, осаждающие еще пытались завести переговоры с князем Вячеславом. Они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей с предложением свободного выхода из крепости вместе с дружиной, лошадьми и имуществом, если

---

[1] Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 127.

Борьба с немецко-датскими захватчиками в 1222—1224 годах

князь согласится покинуть отступников туземцев (эстов). Вячеслав Борисович не принял этого предложения, так как ожидал подкрепления из Новгорода. Тогда осада началась с новой силой и продолжалась много дней без видимого успеха.

Согласно немецкой хронике, осаждающие собрали совет, на котором два рыцаря, Фридрих и Фредегельм, недавно приехавшие из Германии, подали идею: «Необходимо сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве».

Идея понравилась. И на следующее утро осаждающие устремились на приступ, но были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатывали оттуда раскаленные колеса, чтобы зажечь башню, от которой была большая опасность крепости. Осаждающим пришлось сосредоточить все свои силы, чтобы потушить пожар и спасти башню. Между тем брат епископа, Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первым начал взбираться на вал, за ним следовал его слуга Петр Оге, и оба беспрепятственно достигли стены. Увидев это, остальные ратники бросились за ними, каждый спешил, чтобы оказаться первым. Кто же взошел первым на стену, осталось неизвестным.

Одни поднимали друг друга на стену, другие прорывались сквозь отверстие, сделанное самими же осажденными для пуска раскаленных колес. За немцами ворвались леты и ливы, и началась резня. Никому не было пощады. Бои в городе продолжались до тех пор, пока русские не были истреблены почти полностью. Немцы окружили крепость и не давали никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного — слугу суздальского князя. Ему дали лошадь и отправили в Новгород рассказать своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша».

К великому сожалению, события в Прибалтике в XII — начале XIII веков не нашли должного отражения ни в царской, ни в советской историографии. И, по мнению многих поколений наших людей, первым против крестоносцев выступил Александр Невский. Поэтому мне и пришлось приводить подробности боевых действий русских князей против крестоносцев задолго до рождения князя Александра Ярославича.

Из всего сказанного можно сделать очевидные выводы.

Во-первых, к 1158 г. Прибалтика была вассальной территорией русских князей. Князья Рюриковичи действовали по принципу «разумной достаточности». Они ставили перед собой две основные цели — обеспечение свободного выхода Руси к Балтийскому морю через Западную Двину и Финский залив и обеспечение безопасности своих княжеств от вторжения западных рыцарей.

Поэтому они не вмешивались во внутренние дела местных племен и не навязывали им православия. Вполне достаточно было построить несколько крепостей и держать там небольшие гарнизоны. Местные племена были обложены сравнительно небольшой данью — на содержание гарнизонов и для психологического воздействия, дабы туземцы не забывали, кто их сюзерен.

Во-вторых, вторжение немцев, а позже датчан встретило отчаянное сопротивление не только местных племен, но и дружин русских князей. Война шла свыше 60 лет.

В-третьих, нельзя забывать, что подлинными организаторами и идейными вдохновителями походов на восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что-де учения Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину Папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Свое истинное лицо рыцари-крестоносцы показали при разгроме Константинополя в 1204 г. Рыцари и католические священники громили православные церкви, рубили и жгли иконы, крали священные сосуды и т.д. В православных византийских храмах под хохот рыцарей плясали проститутки.

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII—XV веках находились сотни западных купцов, их обслуга и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков и вообще процветала веротерпимость.

А вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х годов XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервскому (1091—1153), аббату монастыря в Клерво, в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истиной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать — еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь, не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая — словно другой мир»[1].

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей 2-го Крестового похода 1147 года.

Римские папы с конца XII века периодически рассылают буллы (послания, обязательные к исполнению всеми католиками) с призывами к торговой блокаде Руси. Так, например, Папа Григорий IX в январе 1229 г. отправил буллу к властям Рима с требованием прекратить торговлю с русскими оружием, лошадьми, кораблями, продовольствием и т.д. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232 г.) рыцари призывались на борьбу с русскими, которых Папа прямо именовал «врагами веры».

---

[1] Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 388.

Глава 4

ТАЙНЫ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА

Одним из первых, кто осознал опасность тевтонской экспансии, был князь Переславля-Залесского Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо и отец Александра Невского. В 1228 г. новгородцы позвали Ярослава княжить в Новгород. Вскоре он призвал полки из Переславля и начал готовиться к походу на Ригу. А кому-то в Пскове померещилось, что Ярослав вместо Риги хочет завладеть Псковом. Тут нельзя исключить и дезинформацию немцев. Со страху псковичи заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники с условием, чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но новгородцы также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход: зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня». Псковичи велели отвечать ему: «Тебе, князь, кланяемся и вам, братья новгородцы, но в поход нейдем и братьи своей не выдаем, а с рижанами мы помирились. Вы к Колываню ходили, взяли серебро и возвратились, ничего не сделавши, города не взявши, также и у Кеси [Вендена], и у Медвежьей Головы, и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли. Немцев только вы раздразнили да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на нас, что ли, идти вздумали? Так мы против вас со святой богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые. На том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без свой братьи, без псковичей, нейдем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся». Сильно уговаривал Ярослав новгородцев, но все напрасно, тогда от отослал свои полки назад, в Переславль.

В 1232 г. новгородский тысяцкий Борис поссорился с князем Ярославом Всеволодовичем и бежал к немцам в Оденпе. Туда же бежал и сын Владимира Псковского Ярослав. Перебежчики вернулись с немецким войском и захватили крепость Изборск. Псковичи отреагировали быстро — Изборск был отбит, а Ярослав Владимирович вместе с несколькими немецкими рыцарями взят в плен и отослан в Новгород, к князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав Всеволодович приказал всех пленных заковать в железо и отправить в Переславль-Залесский. В отмщение за это немцы поймали какого-то новгородца, Кирилла

Синкиница, и засадили в тюрьму. Тогда Великий Новгород, считая этот поступок нарушением мира, объявил войну.

Князь Ярослав Всеволодович с дружиной двинулся к городу Юрьеву, точнее, теперь к немецкому Дерпту. Русские не смогли взять город, зато сильно опустошили его окрестности. На выручку Дерпту подошло немецкое войско. В апреле 1234 г. на реке Омовже произошло сражение, немцы были разбиты и предложили князю мир «по всей его правде». Новгородец Кирилл был отпущен на волю, а Ярослав с торжеством вернулся в Новгород, якобы не потеряв ни одного человека убитым в битве с немцами. Даже если и немного перебрал летописец, то это все равно свидетельствует о полководческом таланте князя. Судя по всему, в этом договоре Ярослав и выговорил дань с Дерпта и других земель для себя и своих преемников, ту знаменитую дань, которая после послужила Ивану Грозному поводом для Ливонской войны.

Еще до битвы на реке Омовже рыцари меченосцы решили объединиться с военно-монашеским Тевтонским орденом. Этот орден был основан в 1128 г. в Палестине. Несколько богатых немецких рыцарей основали в Иерусалиме особое братство для помощи паломникам под названием «Братство святой Марии Тевтонской». Когда арабы выставили крестоносцев из Палестины, гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц перебрался в Венецию. В 20-х годах XII века княжество Мазовия (Польша) вело длительную войну с языческими племенами пруссов. Мазовецкий князь Конрад принял христианство и, поверив рассказам попов о бескорыстии и прочих добродетелях военно-монашеских орденов, в 1226 г. решил подарить Тевтонскому ордену Кульмскую и Лебодскую волости. Наивный Конрад надеялся, что рыцари будут защищать его от набегов языческих племен.

В 1228 г. большая часть рыцарей Тевтонского ордена вместе с гроссмейстером Германом фон Зальцем прибыла в Мазовию. Рыцари быстро завоевали земли пруссов. Большая часть населения была истреблена, а оставшиеся обращены в рабство. В Пруссию хлынул поток немецких переселенцев. Тевтонские рыцари построили в Пруссии несколько укрепленных городов, первый из которых, Торн, был заложен в 1231 г.

В 1234 г. Тевтонский орден получил от Римского Папы права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично Папе, который таким образом стал сюзереном ордена. Дань орден платил исправно, но власть Папы оставалась номинальной, и фактически орден был независим в своей внешней и внутренней политике.

В 1229 г. умер рижский епископ Альберт. Магистр Ордена меченосцев Волквин, воспользовавшись его смертью, решил избавиться от своей зависимости от рижских епископов и предложил Герману фон Зальцу объединить ордена. Однако Зальц отказался.

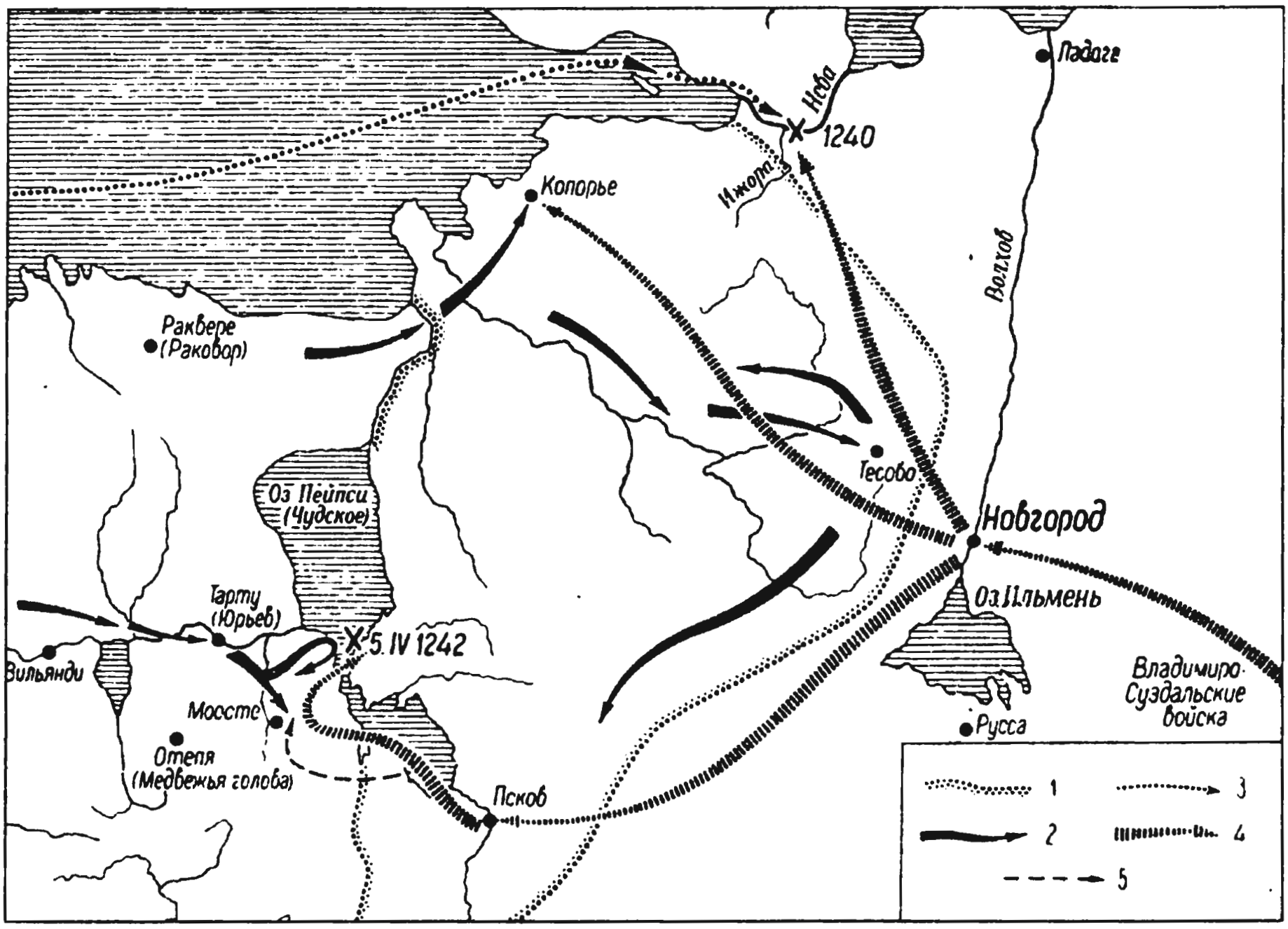
После разгрома рыцарей на реке Омовже переговоры по объединению орденов возобновились. В 1235 г. Зальц отправил в Ливонию двух командоров Тевтонского ордена, Еренфрида фон Неуенбурга и Арнольда фон Неундорфа, поставив им задачу разузнать о правах и обы-

чаях Ордена меченосцев и вообще о положении дел в Ливонии. Вскоре посланцы вернулись и привезли с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонских рыцарей подробно расспросили об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях. Потом были расспрошены командоры, посланные в Ливонию. Еренфрид фон Неуенбург представил поведение рыцарей меченосцев совсем не в привлекательном виде, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага, и, указав пальцем на прибывших с ним ливонских рыцарей, добавил: «А эти, да еще четверо мне известных, хуже всех там». Арнольд фон Неундорф подтвердил слова своего товарища. После такой «рекламы» не удивительно, что когда стали собирать голоса, объединяться ли с меченосцами, то сначала воцарилось молчание, а потом единогласно решено было дожидаться прибытия великого магистра.

Замечу, что историю объединения орденов я излагаю не по русским летописям или трудам советских историков, которых можно обвинить в предвзятом отношении к военно-монашеским орденам. Увы, все это взято их немецких хроник. Что донесения немецких рыцарей относительно поведения меченосцев были справедливы, доказывают послания пап. В 1238 г. Папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонии, чтобы обращенные в христианство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum I, XLVIII). В том же году он писал, чтоб рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь (там же, № XLIX). Известны и другие послания пап, обличающие ордена, как, например, послание Иннокентия IX рыцарям в 1245 г. Так что нравы рыцарей-монахов в художественных фильмах «Александр Невский» и «Крестоносцы» не только не очернены, а скорее, приукрашены, поскольку даже сегодня в кино нельзя показать всех мерзостей, которые творили монахи-рыцари. И это касается не только орденов Тевтонского и Меченосцев. Вспомним, сколько гнусных преступлений рыцарей-монахов было выявлено на процессе Ордена тамплиеров во Франции в 1307—1314 гг.

Однако объединиться разбойничьим орденам все же пришлось. В 1236 г. магистр Волквин совершил опустошительный набег на литву, но вскоре был окружен многочисленными толпами язычников и погиб со всем своим войском. Любопытно, что к орденскому войску присоединился и отряд из двухсот псковичей. Вернулись из них в Псков всего двадцать человек.

После этого поражения уцелевшие меченосцы отправили посла в Рим рассказать Папе о плачевном состоянии ордена и ливонской церкви и настоятельно просить о соединении их с Тевтонским орденом. Гроссмейстер Тевтонского ордена стал сюзереном ордена Меченосцев, который с этого времени стали называть Ливонским орденом. Первым после объединения магистром Ливонского ордена стал Герман фон Балк.

Борьба русских войск под предводительством Александра Невского против захватчиков в 1240—1242 гг.
1 — территория, захваченная Орденом в 1240—1241 гг.; 2 — Орден; 3 — шведы; 4 — русские; 5 — направление удара русского авангардного отряда

Первое столкновение русских с Тевтонским орденом относится к 1235 г. Мазовецкий князь Конрад уступил ордену какие-то свои земли, на которые претендовал и удельный волынский князь Даниил Романович Галицкий. Согласно летописи, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», — и пошел с братом на них с большим войском, взял город, захватил в плен старшину Бруно и ратников и возвратился во Владимир.

Рассказав о крестоносцах, стоит несколько слов сказать и о государственном устройстве Господина Великого Новгорода. В отличие от большинства других городов Руси власть в Новгороде принадлежала владыке (архиепископу), посадникам и вечу (народному собранию). Причем и владыка, и посадник были выборными. Правда, выбор владыки был несколько экзотичным: духовенство и миряне выдвигали три кандидатуры, а затем тянули жребий. И после этого новый владыка уже чисто формально утверждался митрополитом, который последовательно жил в Киеве, во Владимире, а затем в Москве.

Примерно такая же система управления была и в Пскове.

А где же княжеская власть? Ведь автор уже писал о новгородских и псковских князьях. По неписаным конституциям Новгорода и Пскова князья выполняли роль кондотьеров — предводителей наемных дру-

жин, которые должны были защищать город. Ну а кому сие утверждение показалось обидным, мол, святой Александр Невский был кондотьером, то я приведу современное определение. Князья были министрами обороны Новгородской и Псковской республик.

Князь и его дружина размещались вне города. Так, наемные новгородские князья занимали замок Рюриково городище. Князю и дружине не выдавались в кормление волости республики и, кроме того, производились денежные выплаты.

Главная функция князя — защита от внешнего врага. В отдельных случаях князю доверяли вести внешние сношения с соседями. Всякое же вмешательство князей в городскую жизнь исключалось. Другой вопрос, что своенравные Рюриковичи иной раз пытались творить суд и расправу в Новгороде и Пскове. После этого обычно князю «показывали путь», то есть а пошел ты к... матери во Владимир, Суздаль или Переславль-Залесский. И вместо него приглашали нового князя. Когда среди князей не оказывалось подходящего свободного (от богатого княжества) Рюриковича или те желали брать не по чину, то новгородцы и псковичи приглашали литовского князя. Литовские князья были людьми покладистыми, сразу по приезде в Новгород или Псков становились православными. А «получив путь» и отправляясь в этническую Литву, вновь возвращались к вере отцов. В западную часть Великого княжества Литовского князь ехал добрым католиком, а в восточной части Литвы оставался православным.

Первый раз князь Александр Ярославич (будущий Невский) был приглашен новгородцами княжить в 1228 г. вместе с братом Федором[1]. Через год вече прогнало обоих. А еще через год обоих братьев пригласили опять. Федор умер, и Александр стал княжить один.

После победы на Неве в июле 1240 г. новгородцы встретили Александра и его дружину колокольным звоном. Однако не прошло и нескольких недель, как властолюбивый князь и беспокойные граждане вольного Новгорода рассорились, и Александр Ярославович вместе с дружиной отправился восвояси в Переславль-Залесский.

Но время для «крамолы великой» и ссоры с князем Александром новгородцы выбрали явно неудачно. В том же 1240 г. рыцари меченосцы под командованием вице-магистра Андреаса фон Вельвена начали большое наступление на Русь. Вместе с немцами шел и перебежавший к ним князь Ярослав Владимирович[2]. Немцы[3] взяли Изборск. Псковское войско вышло навстречу немцам, но было разбито. Погиб и

---

[1] Оба были еще детьми, 8—10 лет. Точная дата рождения их неизвестна.

[2] Ярослав Владимирович — удельный князь дорогобужский, сын Владимира Мстиславича, в 1232 г., поссорившись князем Ярославом Всеволодовичем, бежал к немцам в Оденпе.

[3] В исторической литературе принято называть рыцарей Орденов Тевтонского и меченосцев немцами, хотя в их числе было немало французских, итальянских и других западноевропейских рыцарей.

псковский воевода Гаврила Гориславович. Любопытно, что немецкие хронисты сделали из Гаврилы Гориславовича вначале Гернольта, а потом князя Ярополка, заставили его жить после смерти и сдать немцам Псков.

На самом деле немцы осаждали Псков около недели, а затем псковичи согласились на все требования врага и дали своих детей в заложники. В Псков был введен немецкий гарнизон.

Немцы не удовольствовались псковскими землями, а вместе с отрядами чухонцев напали на Новгородскую волость (Вотскую пятину). В Копорском погосте, в 16 км от Финского залива, рыцари построили мощную крепость. В 35 км от Новгорода немцы захватили городок Тесов.

В такой ситуации новгородцам потребовался князь со своей дружиной. К князю Ярославу Всеволодовичу срочно были отправлены послы просить дать в Новгород князя Александра. Однако Ярослав Всеволодович дал им другого своего сына, Андрея. Новгородцы подумали и отказались, им нужен был только Александр. В конце концов Ярослав Всеволодович уступил и дал им Александра, но на более жестких условиях.

В 1241 г. Александр Ярославович приехал в Новгород. Для начала Александр припомнил горожанам старые обиды и повесил «многии крамольники». Затем Александр осадил крепость Копорье[1] и взял ее. Часть пленных немцев князь отправил в Новгород, а часть отпустил (надо полагать, за хороший выкуп), зато перевешал всю чудь из копорского гарнизона. Однако от дальнейших действий против рыцарей Александр воздержался до прибытия сильной суздальской дружины во главе со своим братом Андреем.

В 1242 г. Александр и Андрей Ярославовичи взяли Псков. В ходе штурма погибли 70 рыцарей и множество кнехтов. Согласно Ливонской хронике, Александр приказал «замучить» в Пскове шесть рыцарей.

Из Пскова Александр двинулся во владения Ливонского ордена. Передовой отряд русских под командованием новгородца Домаша Твердиславовича попал в немецкую засаду и был разбит.

Получив известие о гибели своего авангарда, князь Александр отвел войско на лед Чудского озера, близ урочища Узмени, у «Воронея камени». На рассвете 5 апреля 1242 г. немецко-чухонское войско построилось сомкнутой фалангой в виде клина, в Европе такой строй часто называли «железная свинья». В вершине клина находились лучшие рыцари ордена. Немецкий клин пробил центр русского войска, отдельные ратники обратились в бегство. Однако русские нанесли сильные фланговые контрудары и взяли противника в клещи. Немцы начали отступление. Русские гнали их на расстоянии до 8 км, до противоположного Соболицкого берега. В ряде мест лед подломился под столпившимися немцами, и многие из них оказались в воде.

---

[1] Ныне село Копорье Ломоносовского р-на Ленинградской области.

Ледовое побоище (миниатюра)

О Ледовом побоище 1242 г. написано множество книг, в которых приводятся подробнейшие детали битвы, карты, схемы и т.д. У наших верноподданнических имперско-советско-демократических историков, как всегда, все ясно и все разложено по полочкам. Однако на самом деле до сих пор остается множество вопросов, среди которых наиболее важные — сколько же немцев оказалось на льду озера, где конкретно проходило сражение и, наконец, кто же стал победителем в битве?

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что в сражении были убиты 400 рыцарей, а 50 рыцарей взяты в плен, чуди же побито «без числа». Западные историки, как, например, Джон Феннел, ставят под сомнение достоверность летописи: «Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей»[1].

---

[1] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304 гг. М.: Прогресс, 1989. С. 145.

Современный историк Анатолий Бахтин утверждает, что все летописные сведения о битве были фальсификацией: «Не было там умопомрачительного столпотворения воюющих сторон, не было и массового ухода людей под лед. В те времена доспехи тевтонцев по своему весу были сопоставимы с вооружением русских ратников. Те же кольчуга, щит, меч. Только вместо традиционного славянского шишака голову братьев-рыцарей защищал ведрообразный шлем. Не было в те времена и латных лошадей. Ни в одной из существующих хроник невозможно отыскать рассказ о треснувшем льде на Чудском озере, об ушедших под воду участниках сражения.

Еще одна откровенная мистификация, которая сослужила медвежью услугу, — это количество участников сражения, — резюмирует он. — В составлении русских летописей того времени наверняка принимали участие имиджмейкеры, которые для того, чтобы признать значимость победы или объяснить причины поражения, не утруждали себя педантизмом. Количество воинов в те времена указывали одним словом "бещисла", то есть несметное количество. Эта формулировка дала повод псевдоисторикам в советские времена увеличить на порядок количество участников битвы на Чудском озере. Как анекдот звучали нереальные и необоснованные цифры: восемнадцать тысяч со стороны русских, пятнадцать — со стороны ордена. К концу тридцатых годов XIII века все население Новгорода, включая женщин, стариков и детей, составляло чуть более четырнадцати тысяч человек. Поэтому максимальное количество ополчения, которое мог призвать Александр под свои знамена, не могло превысить двух тысяч ратников. А Тевтонский орден, большинство членов которого в этот период проливали свою и чужую кровь в Палестине за Гроб Господень, состоял примерно из двухсот восьмидесяти братьев-рыцарей. Непосредственно на лед Чудского озера вышли биться не более двух десятков тевтонцев. Остальную тысячную массу, противоборствовавшую русской дружине, составили ливонцы и чуди, предки нынешних эстонцев»[1].

Сторонники «магистральной линии» по-прежнему верны традициям историков царских и сталинских времен. Например, доктор исторических наук Николай Борисов из МГУ подготовил учебник «История России с древнейших времен до конца XVII века», в котором события излагаются следующим образом:

«Своим любимым приемом — внезапной атакой, "изгоном" — Невский овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше, "в землю Немецкую". Узнав о том, что навстречу ему идет большое рыцарское войско, Александр отступил к Чудскому озеру. Вероятно, этот отход князь совершил умышленно. В его голове уже появилась дерзкая идея: сразиться с врагом на льду озера.

...Утром 5 апреля 1242 г. его войско встретило врага, выстроившись на льду Чудского озера, "на Узмени, у Вороньего камня". Крестонос-

---

[1] Материалы сайта http://middleages.sitecity.ru.

цы построились треугольником, острие которого было направлено на русских. На концах и по сторонам этого живого треугольника — "великой свиньи", по ироническому выражению русских летописцев — встали закованные в латы всадники, а внутри него двигались легковооруженные воины. Осыпав противника дождем стрел, воины Александра раздвинулись, пропуская "великую свинью", а затем яростно ударили по ее флангам. Началась тяжелая и кровопролитная битва. Вскоре ослабевший к весне лед — особенно тонкий в этой части озера, на протоке — начал давать трещины. Кое-где, не выдержав тяжести людей и боевых коней, он стал проваливаться. Первыми шли ко дну самые знатные, богатые рыцари: их тяжелые доспехи весили по два-три пуда. Упав с коня, рыцарь, закованный в латы, уже не мог подняться без посторонней помощи. Уцелевшие рыцари обратились в бегство. Победа Александра была полной. Около 500 немцев погибли в битве, а 50 знатных пленников он привел с собой в Псков»[1].

На основании многочисленных вариантов истории битвы современные знатоки тактики и стратегии средневековых войн делают далекоидущие выводы: «Выставив длинные копья, немцы атаковали центр ("чело") боевого порядка русских. "Вот знамена братьев проникли в ряды стрелков (сторожевого полка). Было слышно, как звенят мечи, и было видно, как рубились шлемы, с обеих сторон падали мертвые".

О прорыве врагом новгородских полков пишет русский летописец: "Немцы же и чюдь пробишася свиньею сквозе полкы". Однако, наткнувшись на обрывистый берег озера, малоподвижные, закованные в латы рыцари не могли развить свой успех. Наоборот, рыцарская конница скучилась, так как задние шеренги рыцарей подталкивали передние шеренги, которым негде было развернуться для боя.

Фланги русского боевого порядка ("крылья") не позволили немцам развить успех операции. Немецкий "клин" оказался зажатым в клещи. В это время дружина Александра нанесла удар с тыла и завершила окружение противника. "Войско братьев было окружено".

Воины, которые имели специальные копья с крючками, стаскивали рыцарей с коней; воины, вооруженные ножами — "засапожниками", выводили из строя лошадей, после чего рыцари становились легкой добычей. "И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди и бе труск от копии ломлениа и звук от мечнаго сеченаа, якоже озеру померзшу двигнутись, и не бе видети леду, покры бо ся кровию". Лед под тяжестью сбитых в кучу тяжеловооруженных рыцарей стал трещать. Некоторым рыцарям удалось прорвать кольцо окружения, и они попытались спастись бегством, но многие из них утонули.

Новгородцы преследовали остатки бежавшего в беспорядке рыцарского войска по льду Чудского озера вплоть до противоположного берега, семь верст. Преследование остатков разбитого врага вне поля боя было новым явлением в развитии русского военного искусства.

---

[1] Там же.

Новгородцы не праздновали победы "на костех", как было принято раньше.

"Ледовое побоище" стало первым случаем в истории военного искусства, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом бою войском, состоявшим в большей части из пехоты. Русский боевой порядок ("полчный ряд" при наличии резерва) оказался гибким, в результате чего удалось осуществить окружение противника, боевой порядок которого представлял собой малоподвижную массу; пехота успешно взаимодействовала со своей конницей»[1].

Боюсь, читателю уже надоели версии битвы, и давно возник вопрос а что же было на самом деле? Увы, за отсутствием достоверных источников ответ на сей вопрос довольно затруднен.

Так, до сих пор точно не известно даже место битвы. Его наши историки ищут с середины XIX века. Причем одни считают местом битвы западный берег Чудского озера, другие — западный берег Псковского, некоторые называют разные места Теплого озера.

Из десяти историков, занимавшихся этим вопросом (Костомаров, Васильев, Трусман, Лурье, Порфиридов, Бунин, Беляев, Тихомиров, Паклар, Козаченко) только эстонец Паклар производил специальные изыскания на месте, остальные же пытались найти решение в тиши своих кабинетов. В итоге предполагаемые места битвы разбросаны на участке протяженностью около ста километров!

Археологи на берегах и даже в прибрежных водах озера сделали десятки интересных находок, рассказывающих о жизни местного населения в XII—XIV веках. Но, увы, среди них нет ни братских могил, ни групповых захоронений воинов, ни больших находок оружия, словом, ничего того, что могло служить вещественным доказательством битвы в 1240 г.

Фантазировать на тему, кто кого и как «стаскивал крючьями с лошадей», я не стану. Но зато есть серьезные сомнения в том, что все лавры победителя в сражении принадлежат Александру Невскому.

Так, Суздальская летопись отводит главную роль в Ледовом побоище не Александру, а Андрею Ярославовичу и его дружине: «Великыи князь Ярославь посла сына своего Андреа в Новъгород Великыи в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковым (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцу своему с честью».

Эта информация косвенно подтверждается немецкой «Рифмованной хроникой». Там повествуется о захвате немцами Пскова, после чего говорится:

Есть город на Руси,
Новгородом он называется.
Их королю стало об этом известно.
Он выступил со многими отрядами...

---

[1] Материалы сайта http://hist-battle.chat.ru.

И пришел он с большой силой.
Он многих русских привел,
Чтобы освободить тех, кто в Пскове[1].

После взятия Пскова и изгнания немцев:

Король Новгорода ушел в свою землю,
Недолго было спокойно.
Есть город большой и просторный
Также на Руси.
Суздалем он называется.
Александром звали того,
Кто в то время там был королем[2].
Своим подданным он велел собираться
В поход. Русским их неудачи обидны были.
Быстро они собрались.
И поскакал король Александр,
С ним много других
Русских из Суздаля.
У них было луков без числа,
Очень много блестящих доспехов.
Их знамена богато расшиты,
Их шлемы славились своим сиянием[3].

Судя по тексту, автор «Хроники...» не был на Чудском озере, но слышал рассказы участников битвы. Обратим внимание на очень важную его ошибку: безымянный «король» Новгорода берет Псков и возвращается в Новгород, а в 1242 г. из Суздаля явился «король Александр» с войском в «блестящих доспехах». Он-то со своей кованой ратью и «накостылял» немцам. Надо ли говорить, что если бы «впервые в истории военного искусства» бой против рыцарей выиграла бы пехота, то это нашло бы отражение в пространном тексте «Хроники...». Но, увы, там нет ни слова ни про пехоту, ни тем более про мужиков с топорами.

Итак, битву на Чудском озере выиграла суздальская кованая рать. Но суздальским князем тогда был Андрей Ярославич, а не Александр Ярославич. Однако ошибка немецкого хрониста вполне объяснима: и до 1242 г., и после Орден вел переговоры с Александром Невским, а Андрей «пришел, увидел, победил» и ушел в родной Суздаль — его немцы и не знали.

Летом 1242 г. в Пскове был заключен договор между Ливонским орденом, Псковом и Новгородом. Немцы возвратили все земли Новго-

---

[1] Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. С. 232.
[2] Выделено мной. — *А.Ш.*
[3] Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. С. 232—233.

рода, куда они «зашли» в 1238—1242 гг., а именно Водь, Лугу, Псков и Летьголу, то есть Занаровье в Ижорской земле и часть Латгалии.

К Новгороду отходил район от Изборска до истоков юго-западных притоков реки Великой, фактически весь бассейн этой реки с притоками Кудеб, Вяда Кухва, Утроя и Лжа. Кроме того, был произведен полный обмен пленными без выкупа.

Глава 5

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Несмотря на многочисленные договоренности с Новгородом и Москвой, как Ливонский орден, так и городские власти Ревеля и Риги препятствовали торговле Руси со странами Западной Европы, в первую очередь с Англией, Голландией и Францией. Они всеми силами старались не пропускать в Россию оружие, ученых и ремесленников, стремясь изолировать ее от научно-технического прогресса.

Так, в 1547 г. Иван IV договорился с императором Карлом V о наборе в Германии трехсот ученых и ремесленников для отправки в Россию через Любек и Ревель. Однако ревельские власти не пропустили их. В результате «иностранные специалисты» прибыли в Россию кружным путем.

Кроме того, ни в Новгороде, ни в Москве никогда не забывали о том, что наши пращуры были силой вытеснены из Прибалтики, а Ревель и Дерпт первоначально назывались Колыванью и Юрьевом.

В феврале 1557 г. Иван IV потребовал от Ливонского ордена, чтобы Дерптское епископство уплачивало Москве дань — в размере 1 марки с человека в год и, кроме того, покрыло в течение трех лет те недоимки, которые накопились за предыдущие 50 лет, то есть с 1503 г. по 1553 г.

Орден согласился платить дань с 1557 г., а от выплаты старых задолженностей отказался. Мало того, 14 сентября 1557 г. орден заключил с Великим княжеством Литовским союз против Москвы, хотя, согласно более раннему договору с Россией, орден не имел права заключать военные союзы с Литвой, Польшей и Швецией.

Терпение Ивана IV переполнилось. В январе 1558 г. сорокатысячная русская армия под началом касимовского царя (хана) Шиг-Алея, князя М.В. Глинского и боярина Даниила Романовича Захарьина вторглась в Ливонию. Русская армия за месяц прошла по маршруту Мариенбург — Нейгаузен — Дерпт — Везенберг — Нарва. При этом не был взят ни один укрепленный город, но страна изрядно опустошена. В феврале армия вернулась в русские пределы. В районе Пскова, узнав об отправке посла магистра в Москву, Шиг-Алей приказал прекратить военные действия.

В марте 1558 г. экстренный ландтаг Ливонского рыцарства принял решение собрать 60 тысяч марок для уплаты русскому царю дани и тем самым решить дело миром и предотвратить русские репрессии

против Ливонии. Однако к маю 1558 г. было собрано лишь 30 тысяч марок. Хуже было то, что гарнизон Нарвы периодически стал открывать огонь по Иван-городу, находившемуся на противоположной стороне реки Наровы. Ивангородские пушкари отвечали, и не без успеха. 11 мая 1558 г. от их огня в Нарве возник сильный пожар. Русские решили воспользоваться оказией и пошли на штурм. После короткого, но кровопролитного боя они овладели крепостью, а гарнизон заперся в цитадели. На следующий день гарнизон сдался с правом свободного выхода.

Русские войска вошли в Ливонию и почти без сопротивления захватили Везенберг, Тольсбург и ряд других замков. Эсты охотно присягали московскому государю. Всем объявлялось, что присягнувшие останутся на местах, при прежних правах «по старине». К воеводам являлись для принятия русского подданства и из других отдаленных волостей.

В конце мая 1558 г. закончилось сосредоточение в Пскове 40-тысячной армии князя П.И. Шуйского с О.И. Троекуровым и А.И. Шеиным.

В начале июня русская армия осадила Нейгаузен. Магистр Фирстемберг с двухтысячным орденским войском и тысячным наемным отрядом епископа Дерптского стоял в нескольких переходах, близ Киремпе. 30 июня Нейгаузен сдался. Магистр поспешил отступить к Валку, а епископ ушел в Дерпт.

Захватив замок Варбек при впадении реки Эмбах (Эмайыги) в Чудское озеро, русская армия на рассвете 11 июля стала в виду Дерпта. Князь Петр Шуйский предложил гарнизону сдаться. Тогда русские приступили к осадным работам и бомбардировке крепости. Современники писали, что русские стреляли каленными ядрами размером с человеческую голову. Стояла сильная жара, и раскаленные ядра вызвали многочисленные пожары.

Городской магистрат обратился к епископу с требованием сдать Дерпт. 18 июля 1558 г. состоялась почетная капитуляция крепости. Замечу, что одновременно со сдачей Дерпта прекратило существование и одноименное епископство.

Падение Дерпта произвело панику в Ливонии. Высылаемые из Нарвы и Дерпта русские отряды без сопротивления овладевали замками. Всего до октября 1558 г. русские взяли 20 крепостей с их волостями, а князь Шуйский писал в Ригу и Ревель, требуя сдаться, и грозил разорить их в случае отказа.

Утвердив условия капитуляции Дерпта, Иван Грозный даровал принявшим русское подданство ливонцам большие льготы, раздавал захваченные земли детям боярским, оставлял гарнизоны в побежденных крепостях, высказывая намерение присоединить эту область к владениям Московского государства. Осенью 1558 г. армия князя Шуйского ушла из Ливонии, оставив небольшой гарнизон. Этим воспользовался коадъютор (заместитель магистра), бывший феллинский

командор Готтард Кетлер, командовавший войсками ордена. Собрав 19-тысячную армию (2 тыс. конницы, 7 тыс. кнехтов, 10 тыс. вооруженных крестьян), он осадил замок Ринген (русское название — Рынгола или Рындех), который защищал гарнизон всего из сорока сынов боярских и пятидесяти стрельцов во главе с боярским сыном Русином Игнатьевым. Русские отчаянно сопротивлялись. Они продержались пять недель (по другим сведениям, шесть недель), отразив при этом два приступа.

На помощь осажденным двинулся двухтысячный отряд воеводы Михаила Петровича Репнина. Ему удалось разбить передовой ливонский отряд, а командир отряда Иоганн (Яган) Кетлер, брат коадъютора, попал в плен вместе с 230 своими воинами. Но тут главные силы Готтарда Кетлера атаковали русский отряд и разбили. Однако это не поколебало мужества защитников Рынголы, которые продолжали отчаянно защищаться. В конце концов у осажденных кончился порох, и Ринген был взят штурмом.

Затем войска Кетлера осадили замок Лайс. Одновременно немцы отправили два отряда в набег на Псковщину. Ливонцам удалось сжечь посад Красного городка и разорить Святоникольский монастырь под Себежем.

15 января 1559 г. ливонскую границу перешла русская армия князя Микулинского. Она беспрепятственно прошла до Риги, опустошив полосу в 150 верст. Попытку сопротивления ливонцы проявили только под Тирзеном, но были разбиты и бежали. Там немецкий отряд под командованием Фридриха Фелькерзама имел встречный бой с русским передовым полком князя Василия Серебряного. Четыреста немцев и сам Фелькерзам погибли, остальные бежали.

Взяв 11 крепостей (замков) и не удерживая их за собой, князь Микулинский опустошил оба берега Западной Двины, сжег корабли под Ригой и через месяц закончил погром в Ливонии.

Следует заметить, что коренное население Эстляндии не только не «поднялось как один против русских захватчиков», но и наоборот, эстляндские крестьяне осенью 1560 г. подняли восстание против немецких феодалов в округах Харою и Ляэнемаа. Вождем восстания стал простой кузнец. Восставшие осадили замок Лоде (Колувере), где заперся отряд Христофора Мюнхаузена. (Уж не предка ли того самого барона?) Однако на помощь осажденным пришел отряд рыцарей. Крестьянское ополчение было разбито, а бедолага кузнец четвертован. Тем не менее, в течение всего 1561 г. в этих округах и в районе Дерпта продолжались волнения крестьян.

В сложившейся ситуации новый магистр ордена, Готтард Кетлер обратился за помощью к соседним государствам. 31 августа 1559 г. Кетлер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август заключили в Вильно соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши. Соглашение было дополнено 15 сентября 1559 г. договором об оказании Польшей и Литвой военной помощи Ливонии. Эти дипломатиче-

ские акции послужили важным рубежом в ходе и развитии Ливонской войны: война России с Ливонией превратилась в борьбу государств Восточной Европы за ливонское наследство.

В том же 1559 году ливонское правительство обратилось к сыну шведского короля Густава Вазы, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбой ссудить 200 тысяч рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц, желая расширить свои владения за счет этой страны, был не прочь вступить в переговоры, но его отец посоветовал не ввязываться в это дело, так как тогда придется поссориться не только с Москвой, но и с императором, королями польским и датским, которые все имеют свои притязания к Ливонии.

Густав Ваза, уже битый «московитами», предпочитал сохранять строгий нейтралитет. Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биоркэ и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то по приказу короля ревельцев арестовали за это в Выборге. Густав Ваза отправил в Финский залив вооруженные суда для обеспечения безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву. Иван Грозный так отвечал ему на это: «Ты писал нам о неправдах колыванских людей (ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань; мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь: нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим».

Власти города Ревеля не надеялись на свои силы и обратились к датскому королю Кристиану III с просьбой принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властью Дании. Но и Кристиан III подобно Густаву Вазе был старик, приближавшийся к гробу. Он объявил ревельским послам, что не может принять в подданство их страну, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага. Он взялся только ходатайствовать за них в Москве, назначил послов, но умер, так и не отправив их.

Послы эти прибыли в Москву уже от имени его наследника, Фредерика II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтобы царь запретил своим войскам входить в Эстляндию, как принадлежащую Дании. Иван Грозный резонно отвечал: «Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном приятельстве, так мы его с собою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей. Но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фредерик король в наш город Колывань не вступался бы». Ай да Грез-

Ливонская война. Район боевых действий

ный! Ответил не в бровь, а в глаз, и не только датским послам, но и нашим «демократам», болтающим об агрессии в Прибалтике в 1940 г. и пакте Молотова—Риббентропа.

В конце 1559 г. эзельский епископ Меннигаузен вошел с датским королем Фредериком II в тайные сношения и продал ему свои владения, Эзель и Пильтен, за 20 тысяч рейхсталеров. Епископ получил деньги и на радостях драпанул с ними в Германию. Новый датский король Фредерик II, обязанный по отцовскому завещанию уступить своему брату Магнусу ряд земель в Голштинии, вместо их отдал ему свою новую покупку, и Магнус весной 1560 г. явился в Аренбурге, где к нему на службу поступили много дворян в надежде, что Дания не оставит его без помощи.

Магистру Кетлеру появление Магнуса в Остзейском крае явно не понравилось. Ведь магистр не получил за Эзель ни одного рейхсталера. Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта. Однако тут возобновилось наступление русских. В сражении у Вейанштейна князь Андрей Курбский нанес жестокое поражение Кетлеру. Затем русский воевода двинулся к орденской столице Феллину. Бывший министр Фюрстмберг приказал отправить тяжелую артиллерию в порт Гапсаль, чтобы она не стала добычей русских.

Разведка доложила об этом Курбскому, и тот выслал 12-тысячный корпус князя Василия Барбашина на перехват орденской артиллерии, а сам с 40-тысячным войском двинулся к Феллину.

Командующий отрядом, сопровождавшим артиллерию, ландмаршал Филипп Белль с тысячей всадников не знал о численности русского отряда и решил устроить Барбашину засаду. Бой кончился полным разгромом немцев, погибли 120 рыцарей и 11 командоров ордена, включая самого Белля.

Тем временем Курбский осадил Феллин и подверг его интенсивной бомбардировке из осадных орудий. Тем не менее сильно укрепленная крепость имела все шансы выдержать долговременную осаду. Но 21 августа в Феллине взбунтовались давно не получавшие жалованья ландскнехты, и город капитулировал. В крепости русские обнаружили 18 больших стенобитных пушек и 450 малых и средних орудий. Бывший магистр Фюрстенберг был отправлен в Москву и получил от Ивана Грозного в пожизненное кормление город Любим в Костромской губернии.

После взятия Феллина русские войска разделились на три отряда. Первый направился к Вендену и Вольмару, где разбил отряд ливонцев и захватил много пленных. Второй отряд под началом князя Мстиславского безуспешно осаждал Вейсенштейн и, простояв там шесть недель, отступил. Третий отряд направился через Вик к Ревелю. Городские ландскнехты, пешие и конные, сделали вылазку, но были разбиты и бежали в город.

В 1560 г. умер старый шведский король Густав Ваза. Магистрат Ревеля немедленно отправил депутатов к сыну и наследнику, который

вступил на престол под именем Эрика XIV. Ревельцы просили денег взаймы. Честолюбивый Эрик отвечал, что «денег он по-пустому не даст, но, если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами».

Ревельцы подумали и в апреле 1561 г. присягнули на верность шведскому королю при условии сохранения всех своих прав. Узнав об этом, магистр Кетлер вступил в переговоры с виленским воеводой Николаем Радзивиллом о присоединении Ливонии к Польше. В итоге в ноябре 1561 г. Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше.

Итак, Ливонский орден пал под ударами русских армий. Победа в Ливонской войне досталась не России, а ее соседям — Польше и Швеции.

В 1582—1583 гг. Россия закончила Ливонскую войну, заключив мирные договора со Швецией и Польшей.

Глава 6

ГЕРМАНСКИЕ ХИМЕРЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В Речи Посполитой по прекращении династии Ягеллонов короли стали выборными. Поначалу их выбирали радные паны, а с середины XVI века паны стали призывать избирателей со стороны. И вот с севера, запада и юга в Польшу стали вступать стройные ряды электората с мушкетами, алебардами и пушками. Российские государи поначалу не вмешивались в избирательные кампании. Другой вопрос, что радные паны несколько раз в «безкоролевье» предлагали престол Ивану Грозному и его сыну Федору, но каждый раз бояре и паны не сходились в цене — ляхи требовали не менее 200 тысяч рублей, а русские послы никак не хотели давать более 60 тысяч. В 1587 г. Борис Годунов поднял планку до 100 тысяч рублей, но паны оказались людьми принципиальными — 200 тысяч на бочку, и баста!

А тем временем в Речи Посполитой объявились два кандидата — принц Сигизмунд и эрцгерцог Максимилиан. Оба кандидата ввели в Польшу по одному «ограниченному контингенту» своих войск. Шведский электорат оказался активнее, и с большим отрывом победил шведский принц, ставший 27 декабря 1587 г. польским королем Сигизмундом III.

Примерно также проходили выборы и остальных польских королей, с той разницей, что русские после 1587 г. в этих играх не участвовали.

Но вот в 1696 г. умирает польский король Ян III Собеский. Сразу же объявились несколько кандидатов на вакантный престол. Среди них были Яков Собеский (сын покойного короля), пфальцграф Карл, герцог Лотарингский и маркграф Баденский Людовик.

Однако основными кандидатами стали двое: саксонский курфюрст Фридрих Август I (Альбертинская линия династии Веттинов) и французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV).

Большинство польских панов предпочитали принца Конти, к тому же он был католик, а Фридрих Август — протестант. Но усиление французской власти в Речи Посполитой оказалось невыгодно австрийскому императору, русскому царю и Римскому Папе.

Петр I, находившийся в составе «русского великого посольства» в Кёнигсберге, отправил радным панам грамоту, где утверждал, что до сих пор он не вмешивался в выборы, но теперь объявляет, что если

французская фракция возьмет верх, то не только союз на общего неприятеля[1], но и вечный мир «зело крепко будет поврежден».

17 июня 1697 г. в Польше две враждебные группировки устроили параллельно два сейма; один избрал королем принца Людовика, а другой — саксонского курфюрста.

Петру I «петуховский»[2] король явно не понравился, и он послал в Польшу «избирателей» князя Ромодановского с сильным войском. Одновременно в Польшу с запада вышло саксонское войско. Франция была далеко, и на польском престоле утвердился 27-летний Фридрих Август. Он хорошо помнил фразу великого французского короля Анри IV «Париж стоит мессы» и немедленно перешел в католичество. Замечу, что конституция Речи Посполитой обязывала короля быть католиком. При этом жена его могла не принимать католичество, но тогда она не могла короноваться вместе с мужем.

Между прочим, Фридрих Август был удивительно похож на Анри IV. Фридрих Август родился 22 мая 1670 г., он был вторым сыном саксонского курфюрста Иоанна Георга III из Албертинской ветви династии Веттинов. Основоположниками династии были Фридрих II (1412—1464) и Маргарита Габсбург (1416—1486).

К Августу вполне подходит французская песенка про Анри IV: «...войну любил он страшно и дрался, как петух, и в схватке рукопашной один он стоил двух...» В 1686 г., то есть в 16 лет, Август отличился, осаждая вместе с датчанами Гамбург. Под началом отца, а затем курфюрста баварского воевал на Рейне с французами в 1689—1691 гг. Затем воевал с турками, командуя армией римского (австрийского) императора Леопольда. Что делать, в те годы было много командующих армиями, не достигших 25-летнего возраста.

Фридрих Август был высок, красив и физически силен. Он легко гнул подковы и серебряные кубки, поднимал 450-фунтовое (184-килограммовое) чугунное ядро. «Еще любил он женщин, имел средь них успех, победами увенчан, он жил счастливей всех». Современники насчитали у Фридриха Августа 700 любовниц и 354 внебрачных ребенка.

В 1694 г., после смерти своего старшего брата Иоганна Георга IV наш герой становится курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом I, а на польский престол он вступает под именем Августа II. В историю же он вошел как Август Сильный.

Воинственный и честолюбивый, Август II решил вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, а при удачном стечении обстоятельств — и Эстляндию. В 1698 г. к Августу приехал лидер оппозиционного шведам лифляндского дворянства Рейнгольд фон Паткуль и предложил план организации союза для борьбы со Швецией. Он писал: «Легче и выгодней склонить к тому два кабинета — москов-

---

[1] Имелись в виду турки.

[2] Словечко из переписки Петра с дипломатом Виниусом.

ский и датский, равно готовые исторгнуть у Швеции силою оружия то, что она отняла у них при прежних благоприятных обстоятельствах и чем до сих пор незаконно владеет».

Август II в конце июля 1699 г. поручил польскому Тайному совету рассмотреть предложения Паткуля и выработать конкретные меры по их реализации. Совет постановил отправить в Москву генерал-майора Карловича для заключения наступательного союза против Швеции, с тем чтобы царь в конце 1699 г. вторгся в Ижорскую землю и Карелию. Вместе с Карловичем Тайный совет решил отправить в Москву сведущего в военном деле лифляндца. Таковым, разумеется, оказался Паткуль, поехавший в Россию под именем Киндлера.

Молодого русского царя особенно уговаривать не пришлось. Петр лишь решил ждать заключения мира с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве было получено известие о том, что русский посол Е.И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции.

Итак, нравится или не нравится это нашим ученым мэтрам с Воробьевых гор, но на Северную войну молодого Петра подбили как кукуйские, так и саксонские немцы.

Первым же Северную войну начал Август II. В феврале 1700 г. семитысячная польско-саксонская армия вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде[1]. Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось и пришлось перейти к правильной осаде.

После поражения русских войск под Нарвой шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Глава (примас) польской католической церкви Михаил Радзеевский обратился к Августу с предложением о посредничестве в поисках мира. Август разрешил примасу отправиться в Варшаву. Аудиенция примаса у Карла XII длилась всего 15 минут. В заключение ее король громко произнес: «Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого короля!»

По указу Карла 12 июля 1704 г. в Варшаве был избран 27-летний познаньский воевода Станислав Лещинский.

1 сентября 1706 г. шведы вступили в Саксонию и заняли ее без сопротивления в течение пары недель. Август II был вынужден подписать 20 октября 1706 г. в городе Альтранштадт мир с Карлом XII. Первая статья договора гласила: «Король Август навсегда отказывается от польской короны, он признает Станислава Лещинского законным королем и обещает никогда не думать о возвращении на престол, даже после смерти Станислава».

Покончив с Августом Сильным, Карл XII двинулся на Россию. Шведское войско 27 июня 1709 г. потерпело неудачу под Полтавой. Катастрофа же произошла лишь через три дня на левом берегу Днепра,

---

[1] С 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. — Усть-Двинск, с 1959 г. — в черте г. Риги.

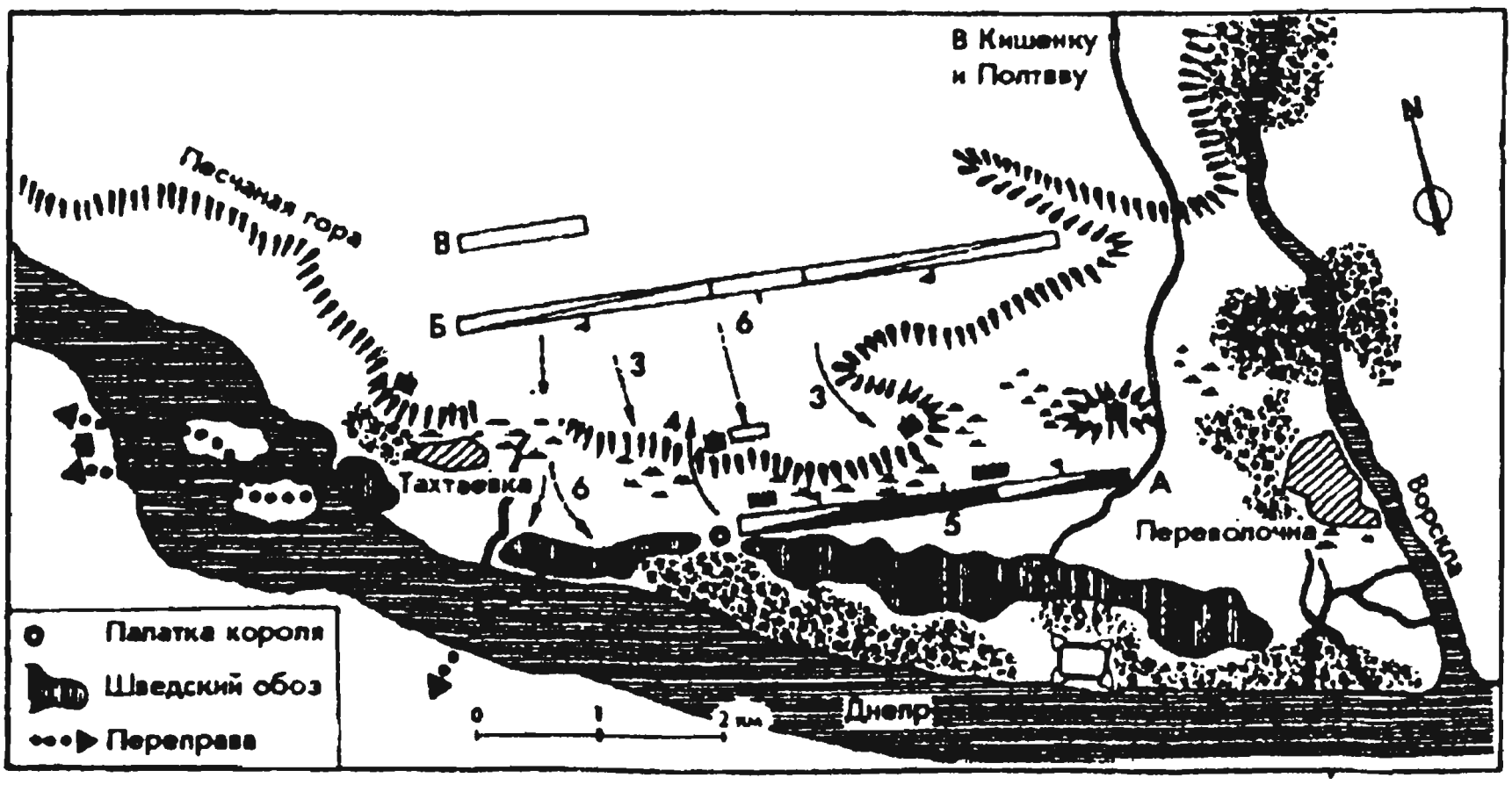

Шведское вторжение в Россию в 1708—1709 гг.

у местечка Переволочна. Там шведская армия сдалась почти в полном составе. На правый берег сумели перебраться лишь сам Карл XII, гетман Мазепа и несколько сот шведских солдат и запорожских казаков. В итоге Карл XII на целых 5 лет оказался полупленником, полугостем турецкого султана.

Узнав о полтавской виктории, Август II решил вновь начать войну со шведами и двинул из Саксонии в Польшу четырнадцатитысячное войско. 26 сентября 1709 г. в Торуни царь Петр встретился с Августом II. Переговоры завершились 9 октября подписанием договора, провозгласившего восстановление русско-саксонского оборонительного и наступательного союза. Станислав Лещинский бежал в Померанию вместе со шведским генералом Крассау. Королем Польши был вновь провозглашен Август II.

Создается впечатление, что Петр после Полтавы воспринял всерьез безудержную лесть окружающих и впрямь решил, что он непобедимый полководец, способный покорить весь мир. Для начала он затеял поход в Турцию, не обеспечив себя ни подкреплением, ни, что самое главное, провиантом. В июле 1711 г. в лагере на реке Прут русская армия оказалась в безвыходной ситуации, и только огромная взятка, свыше 230 тысяч рублей, данная великому визирю и его пашам, позволила Петру с армией уйти подобру-поздорову. При этом Петру пришлось

Сражение под Переволочной. А — Шведский боевой порядок. Б — Русский боевой порядок. В — Запасные лошади русского корпуса

вернуть туркам Азов, разрушить Таганрогскую крепость и порт и лишиться с таким трудом построенного Азовского флота.

Однако на шведских фронтах русские войска одерживали одну победу за другой. К началу 1711 г. вся Прибалтика была очищена от шведов, на Карельском перешейке пали шведские крепости Выборг и Кексгольм. Таким образом, русским была открыта дорога в Финляндию.

Теперь ситуация на севере Европы кардинально изменилась. Если в 1700 г. блестящий полководец Карл XII обладал лучшей в мире армией, а выход России к Балтике закрывало два десятка мощных шведских крепостей на Неве, Карельском перешейке и в Прибалтике, то теперь лучшие шведские войска погибли, Карл XII — в Бендерах, а путь в Финляндию и Швецию был открыт русской армии и флоту.

Но тут возникает вопрос, о который постоянно спотыкаются отечественные историки, — абсолютное господство шведского флота на Балтийском море. А как попасть в Швецию сухим путем? Через Северную Финляндию? В принципе, это возможно, что и показала нам война в 1808 г.

Но на самом деле русская армия могла попасть из Выборга в Стокгольм водным путем, ни разу не встретившись со шведским военно-морским флотом. Матушка-природа создала на севере Финского залива и в горле Ботнического залива уникальный ландшафт — шхеры, состоящие из тысяч каменистых островов. Большим парусным судам вход в шхеры был весьма опасен, зато гребные суда легко проходили шхерными фарватерами от Березовых островов (недалеко от Кронштадта) через шхеры Финского залива, затем через Або-Аландские шхеры входили в Стокгольмские шхеры. Было лишь два места в Финляндии — мысы Гангут и Паркалла-Удд, — где гребным судам при-

ходилось выходить из шхер и несколько миль проходить в открытом море.

К 1713 г. шведский корабельный флот еще превосходил по числу кораблей[1] и орудий русский парусный флот. Однако к этому времени русские построили свыше двухсот галер и стали существенно превосходить шведов в гребном флоте. Кстати, у шведов флот делился на морской (парусный) и армейский (гребной).

Таким образом, русская армия была готова к захвату как Финляндии, так и Швеции. Но Петра нелегкая понесла в... Германию.

Понятно, что в начале войны царю надо было любой ценой поддерживать саксонцев и датчан, чтобы сохранить коалицию, способную оттянуть на себя значительную часть шведских войск. И Петр поступал грамотно, посылая в Европу и деньги, и войска.

Но теперь в Швеции не было ни короля, ни сильной армии. Шведы могли лишь обороняться как собственно в Швеции, так и в Померании (на севере Германии, которая принадлежала Швеции по условиям Вестфальского мира).

Против Швеции воевали Дания, Саксония и Бранденбург-Пруссия[2]. В августе 1711 г. датская армия, состоявшая из 18 тысяч пехоты и 9 тысяч кавалерии, вступила в Померанию. Пятитысячный от-

---

[1] Корабль — парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII по середину XIX века являлись основной силой военно-морских флотов. Они вооружались от 50 до 100, а в XIX в. до 130 орудиями крупного и среднего калибра, которые располагались на одной — трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром имели 8- или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «дредноута» броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли. К сожалению, наши малограмотные историки с середины XX в. стали применять термин «линейный корабль» к кораблям XVIII—XIX вв. Не пора ли нашим титулованным историкам начать уважать историю и русский язык. В русском языке есть частные и обобщающие понятия, включающие в себя совокупность частных. Так, дуб, сосна и береза обозначают конкретные породы деревьев, а их совокупность называется деревьями. А нашим историкам «до лампочки» разница между карронадой, пушкой и мортирой, и вместо того, чтобы применить к их совокупности общее понятие «орудие» или «артиллерийское орудие», они все их записывают в пушки. Точно также шебеки, бриги и галеры в XVIII в. — это не корабли, а их совокупность в русском языке обозначается четко и ясно — суда. В крайнем случае, в книгах для младшего и среднего школьного возраста можно указывать это в примечаниях.

[2] Дело в том, что в 18 января 1701 г. курфюрст Бранденбургский короновался в Кёнигсберге в качестве короля Пруссии. В начале XVIII века его владения назывались Бранденбург-Пруссия, но я далее буду называть их просто Пруссией.

ряд кавалерии был направлен для осады Висмара. Остальные датские войска двинулись к Штральзунду. Одновременно в Померанию вступил Август II во главе 10-тысячного отряда саксонской кавалерии и 6-тысячного отряда русских драгун. 6 сентября союзники соединились под Штральзундом и обложили его. В течение осени велись осадные работы. Были построены батареи для осадной артиллерии, которую намечалось привезти из Дании. Осада затянулась. Успешному ходу военных действий мешали разногласия между союзниками. Август II и Фредерик IV больше думали о личной выгоде, чем об общем деле. Датчане были заинтересованы в захвате Висмара, саксонцы — острова Рюген.

Положение союзных армий становилось тяжелым. Не хватало продовольствия. Особенно в тяжелом положении оказались русские войска, с которыми саксонцы не хотели делиться своим провиантом. Петр требовал у Августа II улучшить снабжение русских солдат и офицеров: «Ежели изволите их еще иметь, то чтоб оным мясо и соль против саксонцев давано было, или их, ежели сего дать им не изволишь, отпустить в службу короля датского, или к Штенину, ибо не сытые солдаты служить не могут».

Положение союзников осложнялось и тем, что датский флот, везший артиллерию, был рассеян поднявшейся бурей и корабли были вынуждены вернуться назад. А шведам удалось на судах перебросить в Померанию дополнительно 6-тысячный корпус. Без осадной артиллерии союзники не решались на зиму оставаться под Штральзундом. Было решено снять осаду. Саксонские и датские войска ушли из Померании. Лишь под Висмаром был оставлен 6-тысячный датский корпус.

Тут стоит сказать пару слов о причинах посылки русских войск в Померанию. Мэтр истории петровского периода Н.И. Павленко пишет по сему поводу: «Отправляя русский корпус в Померанию в 1711 г., царь не рассчитывал на территориальные приобретения. Его цель состояла в изгнании шведов из Померании, что должно было ускорить заключение долгожданного мира»[1].

Увы, это далеко от истины. Ну, предположим, планы Петра сбылись, русские вместе с саксонцами и датчанами дружно бы взялись за шведов в Померании. При таком неравенстве сил любой более-менее грамотный шведский генерал просто эвакуировал бы 18-тысячный корпус в Швецию. Датчане и саксонцы немедленно прекратили бы боевые действия. Им и в голову не пришло бы высаживать десант в Швеции или Финляндии. А вот корпус Крассау мог бы прямо из Померании быть переброшен в Южную Финляндию.

На самом деле, отправляя корпус в Померанию, Петр пытался влезть в германские дела. «Это ни на чем не основанные предположения. Где факты, где документы?» — заявят мои оппоненты. Да, действительно,

---

[1] Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

документов нет или они лежат где-то под грифом «совершенно секретно». А если бы и удалось их обнародовать, то наши верноподданнические историки объявили бы их фальшивкой.

Итак, документов нет, а русский корпус в Германии был. Лез Петр в Германию и с другого хода. 14 сентября 1711 г. в городе Торгау он лично принял участие в празднествах в связи с бракосочетанием своего сына Алексея с принцессой Софией Шарлоттой Христиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Замечу, что и все последующие наследники русского престола женились только на германских принцессах[1]. Неужто был дефицит в красавицах принцессах в королевских домах Англии, Франции, Испании, итальянских государств и т.д.?

Любопытно, что в 1710 г. император Священной Римской империи Иосиф I сделал царю неофициальное предложение — женить царевича Алексея на своей дочери или сестре. В качестве одной из целей австро-русского союза предполагался раздел Речи Посполитой. Однако по неясным причинам этот брак не состоялся. Нам же интересно, что идея раздела Польши была актуальна и в 1710 г.

1 марта 1712 г. в Померанию отправляется новый русский корпус под командованием А.Д. Меншикова. После его прибытия силы союзников в Померании составили 85 тысяч человек, из которых 48 тысяч русских, 27 тысяч датчан и 10 тысяч саксонцев.

31 марта в Кольдинге союзникам удалось наконец согласовать план военных действий, по которому было решено высадить десант на остров Рюген и осадить Штральзунд. Русское командование, чтобы не разрывать тыловые коммуникации, было заинтересовано в первую очередь во взятии Штеттина (Щецина). Русское правительство, желавшее привлечь к союзу против Швеции Пруссию, гарантировало, что после захвата Штеттин будет передан ей. Петр заверял Пруссию, что вступление русских войск в Померанию преследует единственную цель — «принудить короля шведского к полезному миру». Далее Петр продолжал: «Мы декларовать восхотели, что понеже, может быть, мы вскоре осаду города и крепости Штеттина предвосприниматъ будем; и ежели оную вскоре, или по нескольком времени, или через оружие к сдаче принудим, мы никакой претензии на нее чинить и наши войска в оную вводить не будем, но отдастся оная... вечно Его Прусскому Величеству». В сентябре 1712 г. Петр заключил договор об уступке Штеттина Пруссии. Тогда же было заключено соглашение с Августом II о передаче саксонцам Эльбинга, захваченного русскими войсками.

Летом 1712 г. в лагерь русских войск в Померании прибыл сам царь, но и его призывы не изменили ситуации — союзники по-прежнему действовали пассивно. В сентябре 1712 г. была намечена совместная русско-датская высадка десанта на шведский остров Рюген, но шведы опередили союзников и высадили на остров 10 тысяч пехоты и 1800 кавалерии под командованием генерала Стенбока. Вскоре Стенбок пере-

[1] Исключение составил император Александр III.

правил свои войска через узкий пролив между Рюгеном и Померанией и, оставив в крепости Штральзунд двухтысячный гарнизон, двинулся к Мекленбургу. Главные силы шведской армии (10,6 тысячи человек пехоты и 6,6 тысячи человек кавалерии) заняли Дамгартен. Стоявшие здесь четыре полка саксонской кавалерии и около 400 человек датской пехоты при приближении шведских войск отступили.

3 ноября войска Стенбока овладели Ростоком. Меншиков сообщил Петру из Померании, что «Штейнбок со всем войском из Померании марш свой воспринял в Мекленбургскую землю через зело крепкий пас, который держали саксонцы, которые, оставя оный, ушли».

Как только войска Стенбока вступили в Мекленбург, датчане сняли осаду Висмара и отступили к Траве. К концу ноября армия Стенбока сосредоточилась в окрестностях Швана. Союзники расположились следующим образом: русские — за реками Небель и Реквиц, датчане — у Гадебуша, саксонцы — у Гюстрова.

Саксонский главнокомандующий Я.Г. Флемминг без согласия Петра заключил со шведами перемирие на 15 дней. Стенбок надеялся, что за это время прибудет второе подкрепление из Швеции.

Петру пришлось приложить много сил, чтобы убедить датского короля Фредерика IV выступить против Стенбока, указывая на возможность иноземного вторжения в Данию. Кроме того, существовала опасность движения Стенбока в Польшу для соединения с Карлом XII.

Стенбок решил предупредить противников, и 4 (15)[1] декабря, как только кончился срок перемирия, он с 19 батальонами и 48 эскадронами выступил из Швана и двинулся на Шверин и Гирсов. Русское командование, получив известие об этом 7 (18) декабря, тотчас же послало войска на помощь датчанам. Саксонцы под командованием фельдмаршала Флемминга (2 батальона и 32 эскадрона) также пошли на помощь датчанам и соединились с ними. Силы датчан достигли теперь 29 батальонов и 79 эскадронов.

Петр неоднократно посылал курьеров к Фредерику IV, советуя до подхода русских войск уклоняться от сражения. Но датский король, рассчитывая на численное превосходство своих войск, решил принять бой, не дожидаясь русских, «ибо хотели одни славу одержать».

9 (20) декабря шведские и датско-саксонские войска сошлись у Гадебуша. Союзные войска расположились на возвышенности. Их позицию с фронта и левого фланга прикрывала болотистая долина реки Радегаст, а с правого — густой лес.

Утром 9 декабря Стенбок двинул свои войска против правого фланга союзников. Заметив это, они заняли прикрытую болотистым ручьем позицию у деревни Валкенштет. После ожесточенного двухчасового боя союзные войска были разбиты. Шведы преследовали противника и захватили всю датскую артиллерию и четыре тысячи пленных. Датско-саксонские войска потеряли две тысячи человек убитыми и

---

[1] В скобках даты по новому стилю.

столько же ранеными. Шведы потеряли около 500 человек. Остатки армии союзников отошли к Ольдеслое и Любеку.

Узнав о поражении союзников, Петр писал Апраксину: «...господа датчане, имея ревность не по разуму, которых... просили, чтоб не вступать в бой, пока мы будем со всею пехотою к ним, и пришли уже мы за четыре мили: но они, не дождався нас, в бой вступили и баталию потеряли. Но уже славим бога, что не великий урон, а именно 1500 убито их на месте, где и неприятелей более легло; только в полон взято более 2000 пехоты, а конница почитай вся цела, понеже левое крыло скоро побежало».

Русская армия, спешившая на помощь союзникам, отошла на Силоу и Гистров. Шведская армия расположилась по квартирам между Висмаром и Любеком.

В 1713 г. военные действия были перенесены в Голштинию, куда вступили русские войска, преследуя шведскую армию Стенбока. В начале января русская армия расположилась в районе Гамбурга. Шведская армия находилась в Пиннеберге. Имея у себя в тылу сильную датскую крепость Рендсбург, Стенбок не решился вступить в бой и отошел из Пиннеберге к Фридрихштадту. К 12 января в Ридсбурге собралась вся союзная армия. Она состояла из 12 русских батальонов и 29 эскадронов, 9 датских батальонов и 31 эскадрона и 3 саксонских батальонов и 23 эскадронов. К концу января русская армия подошла к Гузуму и стала напротив шведских войск, которые расположились в Эйдерштеде.

Стенбок расположил одну тысячу человек в Ульвесбюле, четыре полка пехоты и четыре тысячи кавалерии — в Фридрихштадте, а остальные пехотные отряды защищали проходы, сделанные в плотинах, ведущих в Эйдерштед.

Занятая шведами позиция находилась вблизи моря, была окружена не проходимыми в распутицу болотами и каналами, подойти к ней можно было только двумя узкими плотинами, «укрепленными перекопами и батареями». Петр I предложил союзникам атаковать неприятеля объединенными силами, но те, считая позицию шведов неприступной, отказались от боя. Кроме того, Фредерик IV ни за что не соглашался оставаться в Гузуме, пока не получит в подкрепление несколько русских полков. В результате было принято решение датско-саксонским войскам, подкрепленным четырьмя русскими пехотными полками, остаться в Гузуме, «дабы, — как писал Петр, — неприятеля чрез дам лежащий к Гузуму не пропустить; а достальным российским войскам ити к местечку Швабстеду, от которого лежит другой дам к Фридригштату (укрепленный перекопами и батареями от неприятеля)».

31 января (11 февраля) 1713 г. русские двинулись по дамбам двумя колоннами. Пехотой, шедшей по одной дамбе, командовал сам царь, а кавалерией, шедшей по другой дамбе, — Меншиков. Шведы, увидев наступающих русских, побросали в воду пушки и отступили. Дожди и размытые дороги затруднили преследование неприятеля, которого «догнать было невозможно: понеже такая была вязкая грязь, что не только

со всех солдат обувь стащило, но и у многих лошадей подковы выдрало». Шведы в этом бою потеряли 300 человек пленными и 13 человек убитыми. Русские потеряли двух человек убитыми и пятерых ранеными.

Под Фридрихштадтом русская армия нанесла решающее поражение Стенбоку. От окончательного уничтожения шведов спасло только то, что голштинский герцог, нарушив свой нейтралитет в Северной войне, впустил Стенбока с остатками армии в крепость Теннинген.

Союзники с суши и с моря осадили крепость. Петр, назначив командующим русскими войсками Меншикова, убыл в Россию. Верховное командование принял на себя датский король Фредерик IV. Были вырыты траншеи и построены мортирные батареи. Осажденные страдали от нехватки продовольствия и пресной воды. Датские корабли блокировали крепость с моря, они стояли в устье реки Эйдера и не давали возможности подвезти в крепость провиант. Ими было захвачено 15 шведских судов с продовольствием, обмундированием и дровами, которые шли к Теннингену. В крепости началась эпидемия, жертвой которой стали четыре тысячи человек. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления, Стенбок был вынужден капитулировать.

4 (15) мая была подписана капитуляция, согласно которой Стенбок сдался в плен со всеми своими войсками (11 485 человек), оружием и знаменами. В донесении русский посол В.Л. Долгоруков так описывал это событие: «По капитуляции, учиненной с фельтмаршалом швецким Штейнбоком, о которой прежними моими письмами я вам доносил, вчера первая и сего дня другая бригады ис Тонинга вышли и положа знамена и ружье перед войски их союзных величество пошли в путь свой на квартиры, которые им определили от датчан».

Шведская армия Стенбока перестала существовать. После капитуляции Стенбока военные действия в Голштинии были закончены, русские и саксонские войска вернулись в Померанию, датские войска остались в Голштинии.

В июне 1713 г. состоялся военный совет в Ванцбеке, на котором союзниками было принято решение силами саксонских и русских войск осадить Штральзунд, захватить остров Рюген, русские войска должны были осадить также Штеттин, «чтобы оную Штеттинскую крепость одними российскими войсски доставать». Август II обещал поставить артиллерию.

4 (15) июля 1713 г. русско-саксонские войска численностью 17 тысяч человек осадили остров Рюген.

В июле 24-тысячная русская армия под командованием Меншикова блокировала Штеттин. Крепость защищал пятитысячный гарнизон и четыре тысячи вооруженных горожан. 17 (28) сентября, с прибытием обещанной Августом II артиллерии — 70 пушек, 2 гаубицы и 30 мортир — началась бомбардировка Штеттина. В городе вспыхнули сильные пожары. На следующий день гарнизон Штеттина капитулировал. Русские потеряли при осаде Штеттина 184 человека убитыми и 365 человек ранеными.

Штеттин был передан в секвестр Пруссии. Тем самым она становилась на сторону Северного союза. Позднее, в июне 1714 г., между Россией и Пруссией был подписан договор, по которому Штеттин должен был навсегда остаться во владении Пруссии, а за Россией оставались Ингрия, Карелия с городами Выборгом и Нарвой, Эстляндия с Ревелем.

С падением Штеттина военные действия в Померании закончились. Петр приказал Меншикову с 26-тысячной русской армией идти через Польшу к русским границам, «не чиня отнюдь никаких обид и отягощений обывателям польским, а довольствовались бы токмо одним провиантом определенным...». В Померании был оставлен 6-тысячный русский отряд.

1 октября 1714 г. Карл XII решил покинуть Турцию. Султану он уже был не нужен, и тот выдели королю просторную алую палатку, вышитую золотом, саблю с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, и восемь отличных арабских лошадей в роскошной сбруе. Шведам выдали 60 повозок с припасами и 300 лошадей.

В Тарговицах на границе с Трансильванией Карл отпустил назад турецкий конвой и весело заявил свите, что дальше он поедет инкогнито с одним провожатым. Местом встречи он назначил Штральзунд, расположенный в 1200 верстах от Тарговиц. Король надел черный парик, шляпу с золотым галуном, серый камзол, синий плащ и покинул испуганную свиту.

Хотя Карл ехал с документами немецкого дворянина, он выбирал для проезда только те земли, которые не находились под властью союзников. За 16 дней он проехал Трансильванию, Венгрию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Вестфалию, Мекленбург, Гессен, Франкфурт и Ганновер, нигде не останавливаясь, и 21 ноября в час ночи постучался в ворота Штральзунда. Отоспавшись несколько часов, король принял на себя командование шведскими войсками в Штральзунде.

Прибыв в Штральзунд, Карл XII стал лихорадочно готовиться к продолжению войны. Основным театром боевых действий король считал Померанию и отдал приказ в шведский сенат — набрать людей и припасы и отправить в Померанию. Король повелел своим каперам атаковать любые чужие, то есть не шведские, торговые суда в Балтийском море и в датских проливах.

Безрассудство Карла дошло до того, что он начал боевые действия в Померании против Пруссии. До этого прусский король колебался в вопросе о войне со Швецией, а его министры категорически были против войны.

Датчане просили Петра послать крупные русские силы в Померанию, а царь по-прежнему требовал прихода датского флота к Финскому заливу. Датчане в очередной раз отказали. Тогда русский посланник в Копенгагене князь Долгоруков попросил, чтобы датский флот хотя бы запер шведский флот в Карлскроне (главная база шведского флота и поныне). Любопытна беседа Долгорукова с датским министром. «Король очень печалится и сомневается, что царское величество не

хочет сделать для него такой милости — прислать своих войск», — сказал один из министров Долгорукову. Долгоруков засмеялся и ответил: «Царскому величеству еще печальнее и сомнительнее, что король не хочет послать ему своего флота, без которого царское величество никакой пользы союзу принести не может». На это министр заметил, что царь, имея до 27 кораблей, может легко действовать против девяти шведских кораблей.

В июле 1715 г. датские и прусские войска осадили шведскую крепость Штральзунд, в которой находился сам Карл XII. Гарнизон крепости насчитывал 9 тысяч человек, а союзники имели 36 тысяч. В лагере осаждающих присутствовали датский и прусский короли. 20 июля союзники захватили остров Узедом, в ноябре — остров Рюген, прикрывавший Штральзунд с севера.

Карл XII, как всегда, проявлял чудеса храбрости и участвовал во всех вылазках. В одной из них датский офицер, узнав короля, схватил одной рукой эфес шпаги Карла, а другой взял его за волосы и крикнул: «Сдавайтесь, Ваше величество, или я вас убью!» Карл успел левой рукой вытащить из-за пояса пистолет и в упор застрелил датчанина. Вскоре положение Штральзунда стало совсем безвыходным. После длительных уговоров командования крепости 9 декабря 1715 г. Карл сел на шестивесельную шлюпку и покинул крепость. Через 12 часов плавания в шлюпке по Балтийскому морю короля и его спутников подобрала шведская бригантина, которая и доставила его на родину.

11 декабря Штральзунд сдался. Теперь в Германии у шведов остался только Висмар.

С годами Петра все более и более интересовали германские дела, включая дрязги мелких владетелей. В 1715 г. царь ни с того ни с сего впутался в раздоры герцога Макленбургского со своим дворянством. Это испугало Данию, Пруссию и Ганновер и поссорило их с Россией. Германская политика Петра, по словам историка В.О. Ключевского, сделала его друзей врагами, не сделав врагов друзьями.

Союз с Карлом Леопольдом, герцогом Макленбургским, Петр решил скрепить браком со своей племянницей Екатериной, дочерью слабоумного царя Ивана V. В Петербурге поговаривали, что Иван был не в состоянии делать детей и его супруга Прасковья Салтыкова попросту нагуляла дочерей, Анну и Екатерину. Кроме того, не было ясности, развелся ли Карл Леопольд со своей первой женой.

Но Петру было на все плевать. Царь обещал передать герцогу шведский город Висмар, а если оное не представится возможным, то выплатить ему 200 тысяч рублей. Кроме того, Петр обещал дать Карлу Леопольду девять или десять русских полков, которые должны были поступить к нему на службу и принять Макленбургскую присягу. 22 января 1716 г. в Санкт-Петербурге был заключен брачный договор.

Не лучше обстояло дело и с Августом II. В 1713 и 1714 годах в Польше был неурожай, а между тем голодная страна должна была содержать саксонское войско, которого король не выводил, несмотря на все

просьбы поляков и требования России. Поляки на сеймиках кричали, что их вольность уже кончается и что им остается одно спасение — просить защиты у России. Наконец образовалась конфедерация, вступившая в открытую борьбу с саксонцами. Конфедераты обратились к царю с просьбой о посредничестве. Петр придвинул к польской границе войско, и Август должен был в течение двух недель вывести из Польши саксонские войска.

Таким образом, три злейших врага Карла XII — Август II, Георг I и Фредерик IV — сделались также врагами Петра.

В кампанию 1716 года союзники планировали захватить Висмар. Русские и датские войска под прикрытием объединенного флота России, Англии, Голландии и Дании должны были вторгнуться в Южную Швецию (Сканию). Для поддержки этой операции русский галерный флот с десантом под начальством Ф.М. Апраксина при поддержке датского флота должен был сделать высадку на территории Швеции со стороны острова Аланд. Высадиться в Скании должны были войска под командованием Шереметева, находившиеся в Мекленбург-Шверине.

Союзники просили Петра прислать войска для взятия Висмара. Петр повелел Репнину с корпусом двинуться к Висмару. Но 7 апреля 1716 г. четырехтысячный гарнизон Висмара капитулировал перед 15-тысячной армией союзников еще до подхода русских. Репнин потребовал, чтобы русским войскам было разрешено войти в Висмар, но получил отказ. Петр повозмущался, пожаловался датскому королю, но дальнейших последствий сей инцидент не имел.

Еще в августе 1715 г. галерная эскадра под командованием капитан-командора Змаевича была отправлена на зимовку в Либаву. На борту галер находился пятитысячный десантный отряд. Транспортные суда, направленные в Либаву, дойти туда не успели и зазимовали в Риге. В Мекленбурге был собран 26-тысячный русский корпус, который предполагалось перевезти на остров Зеландию и отсюда под прикрытием датского и русского флотов — на шведский берег.

К маю 1716 г. в Копенгагене собралась целая русская эскадра. В нее входили три корабля, построенные по русскому заказу в Амстердаме в 1714 г., — «Портсмут» (54 пушки), «Девоншир» (52 пушки) и «Марльбург» (60 пушек). А также четыре 52-пушечных корабля, построенных в 1715 г. в Архангельске: «Уриил», «Селафаил», «Варахаил» и «Ягудиил».

В июне 1716 г. в Копенгаген прибыли галеры Змаевича. Интересно, что от Ростока до Копенгагена их вел сам Петр. В июне в Копенгаген пришли и другие корабли эскадры под командованием Сиверса. В ее составе было 7 кораблей, 3 фрегата и 3 шнявы.

Кроме русской эскадры, в Копенгагене собрались сильные датская и британская эскадры. Казалось бы, успех десанта в Сканию обеспечен. Но и датчане, и англичане под различными предлогами не торопились с высадкой. Нетерпеливый Петр решил сам обследовать шведские берега. Шнява «Принцесса», где находился царь, слишком близко подо-

шла к береговым батареям шведов и была пробита ядром, следовавшая за ней шнява «Лизетта» получила еще большие повреждения.

В конце августа датчане согласились помочь русским высадить десант в Скании, но тут уже заупрямился Петр, мол, дело идет к зиме и десант следует отложить до весны 1717 г.

История пребывания русского флота в Копенгагене — вещь довольно темная. Историкам приходилось работать только с русскими документами, рисующими Петра рыцарем без страха и упрека, а датчан — вероломными дураками. А ведь с весны 1716 г. Карл XII воевал в Норвегии, бывшей тогда частью Датского королевства, и датчане, по идее, должны были более русских желать десанта в Сканию.

По русским источникам, датчане стали обвинять Петра, что он-де ведет сепаративные переговоры с Карлом XII и посему медлит с десантом в Сканию. Мало того, царю приписали желание захватить Копенгаген. В датской столице по тревоге был поднят гарнизон. На валах стояла пехота, пушки находились в полной готовности.

Английский король Георг I прислал приказ командующему британской эскадрой Норрису овладеть русскими кораблями и пленить самого царя и не отпускать Петра до тех пор, пока русские войска не уйдут из Дании и Германии. Однако, придравшись к формальностям в королевском приказе, адмирал Норрис отказался выполнить его. А британский кабинет оперативно объяснил королю, что вследствие разрыва с царем в России будут арестованы английские купцы и пресечется столь выгодная для Англии торговля.

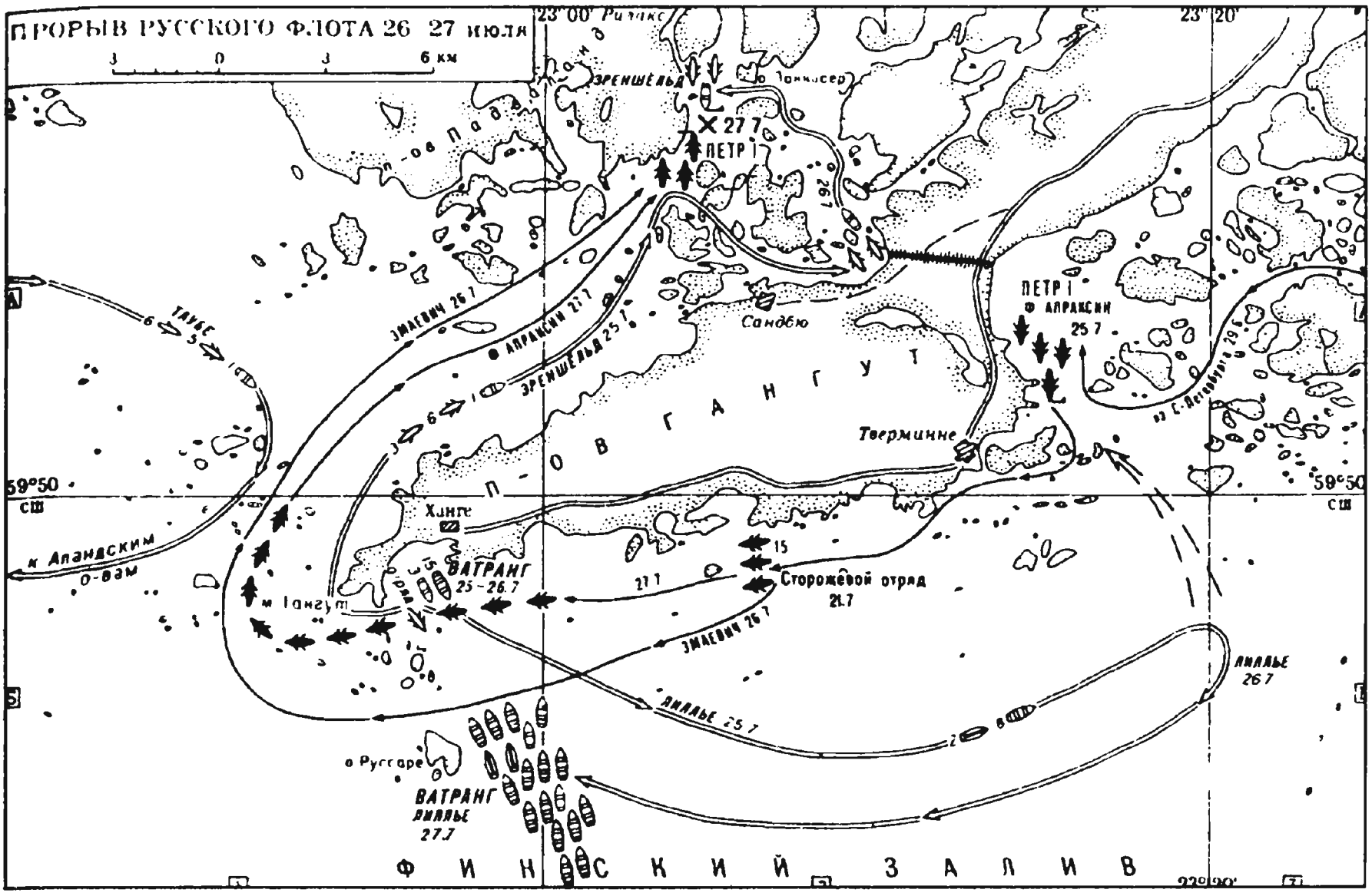
Таким образом, до вооруженного конфликта между союзниками дело не дошло, но с октября 1716 г. русские войска начали перевозиться из Дании в Росток. Фельдмаршалу Шереметеву было указано с пехотой расположиться на зимние квартиры в Мекленбурге, из кавалерии же оставить в Дании только один полк, а остальным идти на зимние квартиры к польским границам.

Между тем 26—27 июля 1714 г. русский галерный флот одержал крупную победу над шведским флотом у мыса Гангут, и теперь русский гребной флот, обойдя этот мыс, мог следовать до самого Стокгольма. 29 июля шведский корабельный флот адмирала Ватранга ушел к берегам Швеции. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части галер к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы русского флота под командованием Апраксина направились к Або. 3—4 августа галерный флот прибыл к Або. Город был занят без сопротивления. В городке Иштадте русские оставили конные галеры[1] и грузовые суда. Держась восточного берега Ботнического залива, русские галеры в сентябре дошли до города Васа.

Шведский генерал Армфельт, имевший около 6000 человек пехоты и 600 конницы, отступил в район Торнео. Генерал-адмирал не решился преследовать противника.

---

[1] Конные галеры — гребные суда, предназначенные для перевозки лошадей.

Гангутское сражение 26—27 июля 1714 г.
Прорыв русского флота 26—27 июля

В связи с приближением холодов галерный флот дошел до города Нюкарлеби, возвратился к Ништадту (Нюстаду) и расположился на зимовку.

В конце кампании по указанию Петра был произведен рейд одиннадцати галер к шведским берегам. Эта акция имела, скорее, пропагандистское, а не военное значение. 11 сентября 1714 г. русские галеры под командованием генерал-майора И.М. Головина вышли из района Васы и перешли в самом узком месте Ботнический залив. Кстати, большую часть пути они прошли среди маленьких островов, боясь шведских кораблей. В районе городка Умео были высажены тысяча солдат. Городок взяли без боя. 23 сентября все одиннадцать галер благополучно возвратились в Васу. Операция имела цель продемонстрировать населению и правительству Швеции, что отныне их страна оказалась в пределах досягаемости русского оружия.

Хотя основные силы русских находились в Северной Германии, сравнительно небольшой корпус генерал-адъютанта Н.М. Голицына в 1716 г. овладел городом Кояненбург, и все шведское войско покинуло Финляндию. Русский галерный флот простоял всю кампанию 1716 года в Аландских шхерах в ожидании десанта в Швецию. Но, увы, приказа не последовало, царь вел тайные переговоры со шведами.

Предварительные переговоры велись между князем Б.И. Куракиным и шведским генералом Станиславом Понятовским. Замечу, что последний был поляком и отцом будущего польского короля Станислава Понятовского (Станислава Августа). Затем участие в перего-

ворах от Понятовского перешло к фавориту Карла XII Генриху фон Гёрцу.

В мае 1718 г. на острове Сундшер Аландского архипелага начались переговоры русских и шведских представителей. Русским послам перед отъездом были вручены «Генеральные кондиции к миру». Они включали следующие условия: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг остаются в вечном владении России. Финляндия будет уступлена Швеции. Граница должна проходить от Выборга по реке Кюмень на город Нейшлот (ныне г. Савонлинна в Финляндии) до старой русской границы. Мир должен быть заключен и с союзниками России. Представители союзных держав должны быть допущены на конгресс, а заключение с ними мирных договоров следует осуществить на разумных условиях. Были оговорены и условия компенсации Швеции взамен утерянных земель. Защищая интересы Пруссии и Польши, Петр был готов предоставить шведам свободу действий в отношении Ганновера и Норвегии, которая принадлежала Дании.

Шведскую делегацию возглавлял барон Генрих фон Гёрц, а русскую — А.И. Остерман и Я.В. Брюс. Переговоры шли вяло. Генрих фон Гёрц часто покидал конгресс, чтобы получить новые инструкции у Карла XII. Условия шведской стороны неоднократно менялись и уточнялись. В ходе переговоров шведские представители постоянно намекали на выгодные предложения, которые им делали английские дипломаты. Швеция явно набивала себе цену. Только к июню 1718 г. стали вырисовываться контуры требований Карла XII. Шведское правительство согласилось оставить за Россией Лифляндию и Эстляндию, но взамен хотело получить датские земли, причем Россия должна была выделить свои войска в помощь шведам для войны против Дании. Петр I не принял этого условия. Он категорически отказался выступить против Дании, но, в свою очередь, предлагал шведам оказать помощь в возвращении земель в областях Вердена и Бремена, захваченных Ганновером. Карл XII пытался закрепиться в южной Прибалтике и настаивал на включении пункта, по которому за Швецией оставалась бы Померания с городом Штеттином. Таким образом, Швеция приобрела бы контроль над выходом из Балтики.

В августе 1718 г. Карл XII выдвинул дополнительные пункты. Шведские представители требовали возвращения города Кексгольма и продолжали настаивать на оказании военной помощи со стороны России против Дании. Но русские уполномоченные отвечали решительным отказом.

К концу августа проект договора был все же согласован, и Петр его одобрил. За Россией закреплялась Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с Выборгом. Занятая русскими войсками Финляндия и большая часть Карелии отходили Швеции. Государственный строй Речи Посполитой сохранялся. Россия обещала оказать помощь Швеции в возвращении Вердена и Бремена.

Карл XII настолько уверовал в положительный исход переговоров с русскими, что в октябре 1718 г. в очередной раз вторгся в Норвегию,

решив поправить свои дела за счет Дании. Основные силы под командованием Карла двинулись к Фридрихсгаму (ныне г. Хамина в Финляндии), а северная армия генерала Армфельда — к Тронхейму.

30 ноября (11 декабря) 1718 г. во время осмотра осадных траншей под крепостью Фредриксхаль Карл XII был убит. По одной версии, он был убит датской пулей, по другой — застрелен шведскими заговорщиками.

Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры, Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII, Ульрику Элеонору. При этом королевская власть в Швеции была сильно ограничена. Герцогу Голштинскому пришлось бежать из Швеции, а барон фон Гёрц был казнен.

Смерть Карла XII временно заставила Петра отказаться от вмешательства в германские дела. Царю пришлось кончать войну самым простым и надежным способом — угрозой вторжения в Швецию через Финляндию. В летние кампании 1719 и 1720 годов русский галерный флот высадил в районе Стокгольма несколько тактических десантов, в ходе которых было разрушено несколько городов. 27 июля 1720 г. у острова Гренгам в шхерах у Гельсингфорса русский галерный флот обратил в бегство шведскую парусную эскадру. Четыре шведских фрегата были взяты на абордаж.

В кампанию 1720 года в Швеции с галер был высажен 5,5-тысячный корпус генерала Петра Петровича Ласси. Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Были разрушены один оружейный и двенадцать железообрабатывающих завода, сожжены три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить не посильную для нее борьбу.

30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор. Нужда в немецких союзниках отпала. Тем не менее Петр не отказался от новых германских химер. Об этом свидетельствует и брак его дочери Анны Петровны с Карлом Фридрихом, герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским. Кстати, от их сына Петра III и пошла Гольштейн-Готторпская династия Романовых.

Элементом планируемой экспансии в Германию стал и «Прибалтийский заповедник Петра Великого».

Царь, завоевав Эстляндию и Курляндию, оставил без изменений власть германских бюргеров в городах и германских феодалов, угнетавших коренное население Эстонии и Латвии. Впервые в истории России в ее большом регионе вся власть принадлежала иностранцам, а государственным языком был немецкий, вся же без исключения администрация состояла из немцев. Во всех школах и Дерптском универ-

ситете преподавание велось на немецком языке. Русский язык, равно как и языки местного населения, был фактически вытеснен из жизни Прибалтики.

В итоге Прибалтика в течение двух с лишним веков являлась инородным телом в составе империи. Зато, по мнению русских монархов, Прибалтика была образцом для германских государств, которые, как предполагалось, должны были со временем войти в состав Российской империи.

Глава 7

РУССКИЕ ВЫХОДЯТ К РЕЙНУ!

Польский король, а по совместительству саксонский курфюрст Август II Сильный после окончания Северной войны большую часть времени проводил в родном Дрездене, лишь изредка наведываясь в Речь Посполитую. Очередной приезд в Варшаву на сейм в январе 1733 г. стал для короля роковым — 1 (11) февраля он скоропостижно умер.

По смерти короля первым лицом в Речи Посполитой становился примас — архиепископ гнезненский Федор Потоцкий, сторонник бывшего короля Станислава Лещинского. Примас распустил сейм, распустил гвардию покойного короля и велел 1200 саксонцам, находившимся на службе при дворе Августа, немедленно выехать из Польши.

Франция уже давно плела интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправила в Варшаву миллион ливров золотом.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к его сыну Августу, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI. Но прусский король Фридрих Вильгельм был категорически против. Тогда австрийский император предложил компромиссную фигуру португальского инфанта дона Эммануила. По сему поводу из Вены на подкуп радных панов было отправлено сто тысяч золотых.

В то время как в Варшаве шла эта бойкая торговля, из Петербурга к примасу была отправлена грозная грамота, в которой императрица Анна Иоанновна требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол: «Понеже вам и всем чинам Речи Посполитой давно известно, что ни мы, ни другие соседние державы избрание оного Станислава или другого такого кандидата, который бы в той же депенденции и интересах быть имел, в которой оный Станислав находится, по верному нашему доброжелательству к Речи Посполитой и к содержанию в оной покоя и благополучия и к собственному в том имеющемуся натуральному великому интересу никогда допустить не можем и было бы к чувствительному нашему прискорбию, ежели бы мы для препятствования такого намерения противу воли своей иногда принуждены были иные действительные способы и меры предвосприять».

14 августа 1733 г. русский посланник обер-шталмейстер Левенвольде заключил в Варшаве с саксонскими комиссарами следующий договор: «Императрица и курфюрст заключают на 18 лет оборонительный союз, гарантируя друг другу все их европейские владения и выставляя вспомогательное войско: Россия — 2000 кавалерии и 4000 пехоты, а Саксония — 1000 пехоты и 2000 кавалерии; курфюрст признает за русской государыней императорский титул, а по достижении польской короны будет стараться, чтоб и Речь Посполитая сделала то же самое; обе стороны пригласят к союзу Пруссию, Англию и Данию; по вступлении на польский престол курфюрст употребит всевозможное старание, чтоб Речь Посполитая удовлетворила всем требованиям России, основанным на договоре вечного мира (относительно земель приднепровских и прав православного народонаселения), чтоб отказалась от притязаний на Лифляндию».

25 августа 1733 г. в Варшаве начался избирательный съезд. На подкуп избирателей в пользу своего зятя Станислава Лещинского французский король Людовик XV отправил 3 миллиона ливров. Большинство панов были за Станислава Лещинского, но оппозиция тоже была достаточно сильна. 9 сентября в Варшаву тайно приехал сам Станислав Лещинский. Он проехал через германские государства в костюме купеческого приказчика и остановился инкогнито в доме французского посла. К вечеру 11 сентября подавляющее большинство панов на сейме высказались за Лещинского, а несогласные переехали на другой берег Вислы, в предместье Прагу.

Колоритная деталь — помимо денег, Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна. Официально считалось, что эскадра будет конвоировать корабль «Le Fleuron», на котором в Польшу прибудет Станислав Лещинский. Однако в ночь с 27 на 28 августа 1733 г. в Бресте на борт «Le Fleuron» поднялся граф де Трианж в костюме короля Стася, а сам король, как мы уже знаем, отправился сушей инкогнито.

В плохую погоду суда эскадры разделились, но в сентябре они постепенно собрались в Копенгагене. Узнав о том, что Станислав избран королем в Варшаве, Людовик XV приказал ля Люзерену возвращаться назад, а де Трианжу — кончать маскарад. 22 октября французская эскадра подняла якоря и отправилась из Копенгагена в Брест.

Увы, французский король слишком плохо знал и поляков, и русских. Судьба польского короля была решена не в Варшаве 11 сентября, а в Петербурге 22 февраля 1733 г. на секретном совещании, собранном по приказу императрицы Анны Иоанновны.

Совещание приняло решение об интервенции в Польшу, то есть о введении туда «ограниченного контингента» войск в составе 18 полков пехоты и 10 полков кавалерии, а также 13 тысяч казаков и трех тысяч калмыков.

20 сентября генерал-аншеф П.П. Ласси прибыл со своим корпусом в предместье Варшавы Прагу. Лещинский бежал из Варшавы, а 24 сен-

тября в полумиле от Праги, в урочище Грохове пятнадцать сенаторов и около шестисот шляхтичей выбрали в короли Фридриха Августа, курфюрста саксонского, сына покойного короля Августа II. Новый король стал именоваться Августом III.

Польские паны — сторонники Лещинского — образовали по всей стране несколько конфедераций, которые и начали гражданскую войну. Тут надо пояснить, что в Польше еще с XVI века существовало право недовольных панов создавать свои военно-государственные формирования и вести войну с другими группами магнатов или даже с собственным королем.

Король Станислав был тертым калачом и прекрасно понимал, что отряды конфедератов не способны противостоять русской армии, поэтому все свои планы он строил в расчете помощь Франции. Простейшим решением проблемы он считал вторжение французских войск в Саксонию. Он хотел, чтобы его зять сделал с Августом III то, что сделал Карл XII с Августом II. Август II куда больше дорожил саксонской короной, чем польской. Он был готов десятилетиями воевать со шведами на польской земле, но сразу же после вторжения Карла XII в Саксонию оказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского. Станислав прямо писал своей дочери Марии: «Если король Людовик XV не овладеет Саксонией, то буду принужден покинуть Польшу и возвратиться во Францию». Но если для утверждения Лещинского в Польше французам было необходимо напасть на Августа в Саксонии, то для утверждения Августа в Польше русским необходимо было выгнать Станислава из Данцига, куда к нему на помощь запросто могли прийти морем французы, а возможно, и другие союзники.

Ласси разгадал планы короля Стася, и 11 февраля 1734 г. русские войска подошли к сильно укрепленному Данцигу и начали его осаду. Осадными работами под Данцигом руководил блестящий полководец и инженер генерал-аншеф Бурхард Миних.

12 мая к Данцигу подошла французская эскадра. Французы высадили на Востерплятте три пехотных полка — Блезуа, Перигорский и Ламарш — под командованием бригадира Ламмота де Лаперуза, всего 2400 человек. Русские не противодействовали десанту. Говорят, что Миних, узнав о высадке французов, изрек: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд в Сибири».

Французский адмирал Берейл делает непростительную ошибку — уходит к Датским проливам, оставив у Данцига фрегат «Брильянт», прам и гукор[1].

---

[1] Прам — плоскодонное и широкое парусно-гребное судно. Название происходит от датского слова pram (баржа). В военных флотах прамы использовались в качестве плавучих батарей. Данных по устройству русских прамов сохранилось очень мало. Часть из них имела заостренные оконечности, а часть представляла собой «четырехугольные неуклюжие ящики».

Гукоры — небольшие парусные торговые или военные суда. Несли 2 мачты, причем грот-мачта находилась в середине судна, а бизань-мачта — на своем

Этим воспользовался русский адмирал Томас Гордон, племянник знаменитого сподвижника Петра I Патрика (Петра Ивановича) Гордона.

Уже 1 июня к Данцигу подошла русская эскадра и в тот же день открыла огонь по его береговым фортам, а транспортные суда подвезли Миниху осадную артиллерию. 12 июня сдались французские войска, а через 5 дней капитулировал и сам Данциг.

Король Станислав Лещинский бежал, переодевшись в крестьянское платье. Замечу, что позже петербургские недоброжелатели Миниха утверждали, что король дал графу большую взятку за пропуск через позиции русских войск.

А пока граф Миних осаждал Данциг, русские и саксонские войска гоняли конфедератов по всей Польше. Однако унять буйное панство удалось лишь к лету 1735 г.

Зато в Европе из-за Польши началась большая война. Людовик XV объявил войну австрийскому императору Карлу VI. Францию поддержали Испания и Сардинское королевство. Союзники захватили районы Неаполя и Милана, Сицилию и Ломбардию.

Две французские армии двинулись в Германию. Ряд германских государств (Бавария, Майн, Кёльн, Пфальц и др.) приняли сторону Людовика XV. Французы заняли Лотарингию, овладели Килем и Филипсбургом.

Австрия срочно попросила Россию о помощи. 8 июня 1735 г. двенадцатитысячная русская армия под командованием Ласси двинулась из Польши в Силезию и далее к Рейну, на соединение с австрийской армией принца Евгения Савойского. Снабжение русских войск производилось из австрийских магазинов (так тогда назывались склады) и за счет Австрии. 15 августа русские войска соединились с австрийскими и были дислоцированы между Гейдельбергом и Ладебургом. Из 25 тысяч солдат Ласси довел лишь 10 тысяч, остальные 15 тысяч заболели, а большинство дезертировали. Однако само по себе появление на Рейне русской армии вызвало шок во Франции. Русские так далеко никогда не заходили, и вновь, во второй и последний раз они появятся там в 1814 г. В итоге участвовать в боевых действиях армии Ласси не пришлось, поскольку в ноябре 1735 г. французы попросили перемирия.

К октябрю 1735 г. русские войска были отведены в тыл и расположились на зимних квартирах в Дурлахской и Виртембергской областях, а Ласси со штабом разместился в местечке Форцгейм.

17 февраля 1736 г. к Ласси явился запыхавшийся курьер из Петербурга. Он передал генерал-аншефу награду Анны Иоанновны — фельд-

---

месте. Внешне создавалось впечатление, что гукор потерял фок-мачту. Гукоры имели непропорционально большой бушприт с выдвижным утлегарем (рангоутным деревом, являвшимся продолжением бушприта). Нос гукора широкий, а корма — круглая. Гукоры отличались хорошими мореходными качествами, были послушны руля и довольно быстроходны. В западных флотах гукоры (от голл. hocker) часто именовались кегами. Отсутствие фок-мачты позволяло обращать гукоры в бомбардирские суда.

маршальский жезл и срочное предписание отправиться с войском под Азов. Начиналась очередная русско-турецкая война.

Новая императрица Елизавета Петровна, возведенная на престол гвардейцами Преображенского полка в 1741 г., продолжала политику вмешательства в германские дела. Ну а повод искать долго не пришлось: с 1741 г. в Центральной Европе шла «война за австрийское наследство». 20 октября 1740 г. скончался император Священной Римской империи Карл VI из династии Габсбургов. Еще в декабре 1724 г. он обнародовал так называемую Прагматическую санкцию, согласно которой, императорский титул должен был передаваться только членам семейства Габсбургов, причем даже по женской линии. И вот теперь австрийский престол должна была занять дочь Карла VI Мария Терезия. Однако Мария была младшей внучкой императора Леопольда I, а старшей — жена баварского курфюрста Карла Альберта.

И вот в 1741 г. Карл Альберт начинает войну против Марии Терезии, а в начале следующего года он объявляет себя императором Священной Римской империи Карлом VII.

Любитель баталий, французский король Луи XV не мог удержаться от соблазна и послал войска на помощь Карлу VII. Его поддержал прусский король Фридрих II. Соответственно, главный противник Франции на море — Британия приняла сторону Марии Терезии.

20 января 1745 г. умер «параллельный император» Карл VII, тем не менее война за австрийское наследство продолжалась. 4 июля 1745 г. Фридрих II наголову разбил войска Марии Терезии при Гогенфридберге, а затем разгромил Саксонию. В итоге в конце декабря 1745 г. между ним и Марией Терезией был подписан сепаратный мир. Мария Терезия уступала Пруссии Силезию, а Фридрих II за это признал ее супруга Франца I императором Священной Римской империи. С тех пор Пруссия держала нейтралитет в войне.

Австрийским и британским дипломатам с немалым трудом удалось втянуть Россию в войну. Им пришлось потратить огромные суммы на подкуп русских сановников, в первую очередь канцлера М.П. Бестужева-Рюмина. 22 мая (2 июня) 1746 г. в Петербурге был подписан секретный договор между Россией и Австрией (имеется в виду правительство Марии Терезии). А 29 декабря того же года Елизавета Петровна собрала в Зимнем дворце совещание, на котором был составлен план кампании.

Тридцатитысячное русское войско, по мнению фельдмаршала Ласси, должно было действовать на Рейне вместе с союзниками. По плану кампании «войско должно было выйти из Курляндии и двигаться через Литву и Польшу на Краков, в Силезию одной дорогой, разделяясь на три колонны, по маршруту, предложенному австрийским посланником бароном Бретлаком. Войско должно было двигаться 162 мили по территории Польши в течение не менее трех месяцев, при этом предполагалось, что каждый третий день будет отдыхом. На содержание корпуса выдавалась сумма вдвое больше внутренних цен, итого выхо-

дило 145 525 рублей 83 копейки. Следовательно, надо было требовать у английского двора уплаты вперед 150 тысяч ефимков наличными, чтобы для подготовки провизии и фуража в Литву и Польшу до вступления туда русского войска отправить нарочных комиссаров. Если же эта сумма английскому двору покажется слишком большой, то пусть тогда англичане пришлют своих комиссаров, которые будут заготавливать и выдавать войску провизию и фураж. В землях австрийской императрицы продовольствие войскам также должно быть приготовлено от английского двора или от Марии Терезии, по их соглашению. Войско отпускалось на два года, считая с выступления его за границу. Если мир будет заключен до этого срока, то войско будет отпущено в Россию раньше».

В январе 1742 г. главнокомандующим русской экспедиционной армией был назначен генерал-фельдцейхмейстер князь В.А. Репнин.

15 марта 1748 г. 37-тысячная армия Репнина выступила в поход. В германские порты на Балтике прибыли 60 русских галер для поддержки войск с моря и их снабжения. Войска должны были войти в район Рейна — Мозеля.

В июле русская армия вступила во Франконию. Людовик XV вновь не пожелал драться с русскими, и в апреле 1748 г. в Ахене (Аахене) открылся международный конгресс, результатом которого стало подписание 18 октября 1748 г. Ахенского мира. По его условиям был подтвержден Дрезденский мир 1745 года, то есть передача Силезии Пруссии. Три итальянских герцогства — Парму, Пьяченду и Гуастелу (Гвасталу) — Австрия передала испанскому инфанту Филиппу, а часть Миланского герцогства — Сардинии.

Ну а Россия? Россия получила дырку от бублика, конечно, если не считать удовлетворенных амбиций матушки Елизаветы Петровны, которая так до конца жизни не сумела понять, почему до Англии нельзя доехать в карете.

Глава 8

ГЛУПАЯ БАБЬЯ ВОЙНА

Фавориты и министры, правившие Россией от имени императрицы Елизаветы Петровны, по-прежнему втягивали страну в чуждый ей конфликт на территории Германии.

Позже царские и советские историки придумают «обоснования» для этой глупой войны, суть которых сводится к тому, что «Россия вступила в эту войну с целью устранить опасность установления прусской гегемонии в Центральной Европе. Прусская агрессия угрожала не только Австрии, но также Саксонии и России»[1]. Увы, толковых объяснений этому не приводит ни Л.Г.Бескровный, ни иные историки.

На самом деле перед Россией стояли две жизненно необходимые задачи. Во-первых, требовалось ликвидировать огромную Дикую Степь и устранить татарскую угрозу центральной России, а затем получить выход в Средиземное море, а во-вторых, освободить Правобережную часть Малой России и Белую Русь от гнета польских панов. Причем, последнюю задачу нужно было решать срочно — магнаты Речи Посполитой проводили жесткую полонизацию населения и искоренение православной церкви. Еще при Петре Великом Правобережье могло само упасть к ногам царя, но русские власти не только не поддержали борьбы казачества с панами, но и всеми силами сдерживали ее.

Наконец, у России были и второстепенные задачи — освоение берегов Тихого океана и укрощение среднеазиатских кочевников.

Участие же в германских войнах ничего не давало России, а лишь отрывало ее ресурсы от решения национальных задач.

Почему же тянуло в Европу всяких там бестужевых-рюминых, воронцовых, шуваловых и др.? Во-первых, огромные взятки, регулярно выдаваемые послами Англии, Франции и Австрии. Ну а во-вторых, европейские дела для них были придворной политической игрой, в ходе которой можно свалить конкурента и получить от императрицы новый чин и новые поместья.

Кстати, об императрице. Елизавета унаследовала от отца лишь страсть к Бахусу и Венере. Умственные же способности она унаследовала от матери-чухонки.

---

[1] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 264.

В Елизавете Петровне непостижимым образом сочетались набожность, строгое соблюдение всех церковных постов и обрядов, частые поездки на богомолье со страстью к балам, маскарадам, охотам, катанию с гор летом на роликовых тележках, а зимой — на санях.

Но главным в ее жизни были фавориты. На мой взгляд, лучше всех ее время охарактеризовал поэт России Максимилиан Волошин:

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте всё...» Судьба же дописала:
«...распутным бабам с хахалями их».

Елисавета с хохотом, без гнева
Развязному курьеру говорит:
«Не лапай, дуралей, не про тебя-де
Печь топится». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудницa, дворца и кабака.
Царицы коронуются на царство
По похоти гвардейских жеребцов.

Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.

И вот царице начали нашептывать гадости про прусского короля Фридриха II. Честно говоря, и без наговоров он внушал неприязнь подобным дамам. Фридрих терпеть не мог женщин и попов, и их не допускали к нему во дворец, за исключением каких-либо особо важных церемоний. Король был энциклопедически образован, много писал — интересно, но очень едко.

У Фридриха не было ни малейшего желания ссориться с Россией, с которой у него не было ни спорных проблем, ни даже общей границы. В августе 1754 г. в Берлине проездом оказался Лейтрум — подполковник русской службы. Король пригласил его во дворец Сан-Суси и в конфиденциальной беседе попросил сообщить кому следует в Петербурге, что он, Фридрих, «к ее Особе [Елизавете. — *А.Ш.*] всегда имел совершенное почтение, каково подлежит высоким и преславным Ее добродетелям и качествам». Далее король заявил, что «не желает более как восстановления между двумя дворами доброго согласия и получения по-прежнему себе дружбы Ее Величества Императрицы... Повторял он мне высокопочитание свое к священной Ее Величества Особе и к удивлению достойным Ее высоким качествам, оказывая при том и собственное свое желание о восстановлении доброго согласия... Его

Величество прибавил к тому еще сие, что завещание Петра Великого есть неоспоримые доказательства, что польза России велит быть в согласии с Пруссией; что для себя он ничего не требует... что он весьма б рад был, ежели б ему позволено было послать сюда втайне когонибудь, который бы мог изъявить его намерение...»[1].

10 сентября 1754 г. Лейтрум подал запись разговора с Фридрихом, но не императрице, а вице-канцлеру М.И. Воронцову. Дошла ли записка до Елизаветы, неизвестно, скорей всего — нет. Зато ей со всех сторон нашептывали мол, прусский король о забавах Вашего величества отозвался так-то и так-то. Обидчивая Елизавета насмерть возненавидела Фридриха.

Объективности ради стоит отметить, что аналогичная картина происходила и в Версале. Австрийскому канцлеру Кауницу и его дипломатам удалось убедить маркизу де Помпадур, что безбожник Фридрих сочиняет о ней фривольные стишки и всячески издевается над ее поведением.

Кстати, тот же Кауниц высказался о России: «...так как политика этого государства истекает не из действительных его интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц, то невозможно строить на ней продолжительную систему»[2].

Итак, три милые дамы — Мария Терезия, мадам де Помпадур и Елизавета Петровна — страстно хотели воевать со зловредным Фридрихом.

Что же касается Англии, то ее короля Георга II гораздо более интересовало его наследственное владение в Германии — Ганновер, нежели сама «владычица морей». По приказу короля британские дипломаты дали взятку канцлеру Бестужеву-Рюмину, и тот 19 (30) сентября 1755 г. в Петербурге подписал так называемую субсидную конвенцию сроком на четыре года. По условиям этой конвенции Россия обязывалась в обмен на единовременную британскую субсидию в 500 тысяч фунтов стерлингов выставить 55-тысячный корпус и до 50 галер в случае нападения на Англию или ее союзников. Статья 5 распространяла обязательства России и на Ганновер. Конвенция предусматривала, что Англия должна выплачивать России по 100 тысяч фунтов стерлингов ежегодно на содержание русского корпуса на границе еще до начала военных действий — «диверсии». Но вот что интересно: из текста «субсидной конвенции» было неясно, против кого же она направлена.

О том, стоит ли какой-то Ганновер жизней нескольких десятков тысяч русских солдат, ни Бестужев-Рюмин, ни сама Елизавета и не думали. Тем временем «скоропостижный» Фридрих узнал о «субсидной конвенции» и предложил Георгу II гарантировать безопасность Ганновера всего за каких-то 20 тысяч фунтов стерлингов, а в обмен потребовал военную помощь Англии в случае вторжения «иностранной державы» в Германию. В итоге 16 января 1756 г. Англия и Пруссия заключили Вестлинстрескую конвенцию, фактически это был военный союз.

---

[1] Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775. М.: Наука, 1995. С. 56.

[2] Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XII. С. 293.

Ряд западных историков назвали 16 января 1756 г. днем «дипломатической революции». Действительно, рухнула вся система европейских союзов. Примирились Бурбоны и Габсбурги, враждовавшие с XVI века. 2 мая 1756 г. в Версале был заключен военный союз между Францией и Австрией.

Когда британский посол в Вене Кейт заметил Марии Терезии, что союз с Францией есть нарушение прежних дружественных отношений Австрии и Англии, то императрица с жаром ответила: «Не я покинула старую систему; но Англия покинула и меня, и систему, когда вступила в союз с Пруссиею. Известие об этом поразило меня, как громом. Я и король прусский вместе быть не можем, и никакие соображения в мире не могут меня побудить вступить в союз, в котором он участвует. Мне нельзя много думать об отдаленных землях, пришлось ограничиться защитою наследственных владений, и здесь я боюсь только двух врагов: турок и пруссаков. Но при добром согласии, которое теперь существует между *обеими императрицами*, оне покажут, что могут себя защитить и что нечего им много бояться и этих могущественных врагов»[1].

Что же касается второй императрицы, то Елизавета Петровна, несмотря на протесты Бестужева, еще 14 марта 1756 г. разорвала «субсидную конвенцию» с Англией.

14 марта того же года по указу Елизаветы при дворе была созвана конференция, на которой присутствовали великий князь Петр Федорович, граф Алексей Бестужев-Рюмин, его брат граф Михаил, генерал-прокурор князь Трубецкой, сенатор Бутурлин, вице-канцлер Воронцов, сенатор князь Михаил Голицын, генерал Степан Апраксин и братья, графы Александр и Петр Шуваловы. Присутствовала и сама императрица.

30 марта конференция в исполнение указа императрицы постановила следующее: «1) С венским двором немедленно приступить к соглашению и склонять его, чтобы он, пользуясь нынешнею войною Англии с Франциею, напал на прусского короля вместе с Россиею. Представить венскому двору, что так как с русской стороны для обуздания прусского короля выставляется армия в 80 000 человек, а в случае нужды употребятся все силы, то императрица-королева имеет в руках самый удобный случай возвратить завоеванные прусским королем в последнюю войну области»[2].

А между тем война уже шла. Британские подданные в Америке создали компанию «Огайо», которой не хватало места в британских владениях, и она начала захватывать земли во Французской Канаде. Управляющим компанией был некий Лоуренс Вашингтон. Его сводный брат Джордж собрал отряд из 159 человек и 28 мая 1754 г. напал на французский пограничный отряд из 30 человек.

Летом следующего года двухтысячный британский отряд попытался овладеть французским укреплением Форт-Дюкен. Однако 9 июля

---

[1] Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XII. С. 297.

[2] Там же. С. 308.

1755 г. французы и пришедшие к ним на помощь индейцы наголову разгромили англичан. Одновременно англичане начали «неограниченную морскую войну» против французов в Западной Атлантике.

А в Европе Август III — курфюрст саксонский и по совместительству польский король — заключил тайный договор с Марией Терезией с целью внезапного нападения на Пруссию. Однако секретарь саксонского курфюрста некий Ментцель передал копии секретных договоров Фридриху II. Тот среагировал почти мгновенно.

18 августа 1756 г. прусский посланник в Дрездене объявил Августу III, что его король в связи военными противлениями в Австрии требует свободный проход прусских войск в австрийскую Богемию. Август попытался тянуть время, заявив нечто типа «такие вопросы с кондачка не решаются, зайдите на неделькe».

В беседе с английским посланником Митчеллом Фридрих II очень своеобразно объяснил свои действия. «Посмотрите мне прямо в глаза. Что вы видите на моем лице? — спросил король опешившего дипломата. — Разве у меня такой нос, чтобы получать по нему щелчки? Я не позволю проделывать с собой такие штуки. Эта дама (Мария Терезия) хочет войны; она ее получит. Мне ничего не остается, кроме того, чтобы опередить моих врагов. Мои войска в полной готовности, надо расстроить заговор, пока он не стал слишком опасным... Я знаю французское министерство, оно слишком слабо и слишком ограничено, чтобы вырваться из когтей Австрии. Граф Кауниц втянет их (французов) туда, куда ему будет нужно, гораздо раньше, чем они сообразят, в чем дело. Мое положение таково, что выйти из него я могу, лишь решившись на смелый шаг»[1].

29 августа 1756 г. прусские войска тремя колоннами вошли в Саксонию. 10 сентября Фридрих без боя овладел саксонской столицей. Саксонские войска и крепости сдались без боя. Сам же Август III бежал в Варшаву, вспомнив, что он еще и польский король.

Поскольку ни король, ни войска драться не пожелали, в бой с истерическими воплями кинулись дамы. Дочь Августа III Мария Жозефа, бывшая замужем за французским дофином Людовиком, устроила красивое представление в Версале. Она кинулась в ноги свекру Луи XV, умоляя спасти ее родителей и любимое саксонское отечество.

Одновременно ее сестра в Варшаве обратилась к Елизавете Петровне с просьбой купить несколько ее бриллиантовых украшений для спасения отчизны. Императрица, как сказано в ее указе Иностранной коллегии, «так чувствительно это приняла», что приказала доставить принцессе 20 тысяч рублей в знак дружбы и истинного участия в их бедственном положении.

По приезде в Варшаву Август III объявил русскому послу Гроссу, что после Бога он всю надежду полагает на скорую помощь императрицы. Та намек поняла и «отстегнула» королю 100 тысяч рублей.

---

[1] Broglie A. Le secret du Roi. Vol. 1. P. 162—163.

22 января 1757 г. в Петербурге была подписана русско-австрийская конвенция об участии России в войне с Пруссией. Согласно условиям конвенции, Австрия обещала выставить против Пруссии не менее 80 тысяч человек регулярного войска, прося, чтобы и Россия, со своей стороны, выставила столько же, а также дала от 15 до 20 кораблей, фрегатов и галиотов на Балтийский береговой фронт против Пруссии и, сверх того, не менее 40 тысяч талеров деньгами.

Австрия, отвлекая прусские войска в Силезии, должна ждать наступления русской армии на Восточную Пруссию.

По условиям конвенции война должна продолжаться до полного отвоевания Силезии и графства Глацкого, «с Пруссией ни мира, ни перемирия не заключать без совета друг с другом».

Секретные статьи конвенции гласили:

— Расширить антипрусскую коалицию, пригласив принять участие в войне с Пруссией Францию и Швецию.

— Король польский, он же курфюрст Саксонский, получит в случае успешной войны против Пруссии герцогство Магдебургское.

В секретном артикуле конвенции говорилось: за то, что Россия берет на себя содержание и действия всех войск на суше и на море, Австрия уплачивает ей, если вступит во владение Силезией и графством Глацким, ежегодно в течение всей войны по 1 млн рублей. Авансом уплачивается первый взнос: полмиллиона сразу по обмену ратификационными грамотами и полмиллиона — через 6 месяцев. Фактически же Россия получила эти деньги тремя взносами: 15 февраля, 12 мая и 24 ноября 1757 г.

Поскольку русский наследник престола был страстным поклонником Фридриха II, императрица Мария Терезия пообещала выплатить ему «моральную компенсацию» — 100 тысяч франков.

В кампании 1757 года Фридрих решил воспользоваться медлительностью в развертывании сил противников и разбить австрийцев в Богемии до подхода союзников. В Восточной Пруссии был оставлен 30-тысячный корпус фельдмаршала Г. Левальда. В апреле прусская армия двинулась в Богемию. Австрийская армия Брауна, занимавшая позиции на реке Эгер, отошла. 21 апреля (2 мая) прусские войска (63 тысячи человек) подошли к Праге. В Пражском сражении 25 апреля (6 мая) австрийцы были разбиты и осаждены в Праге. Но к Праге подошла другая австрийская армия, под командованием фельдмаршала Л. Дауна (54 тысячи человек), и в сражении у Колина 7 (18) июня 34-тысячная прусская армия потерпела поражение. Фридрих был вынужден снять осаду Праги и оставить Богемию.

Наконец-то в войну вступила и Франция. В апреле 1757 г. две французские армии форсировали Рейн, причем 47-тысячная армия[1] принца Субиза двинулась в Тюрингию, а 70-тысячная армия маршала д'Эстре

[1] В этой армии было 24 тысячи французов и 33 тысячи австрийцев и солдат мелких германских княжеств, поддерживавших Австрию.

заняла Гессен-Кассель и двинулась во владения британского короля — Ганновер.

В июле 1757 г. д'Эстре под Хастенбеком разбил армию герцога Кумберландского. Сменивший д'Эстре маршал Ришелье заставил ганноверцев отступить до самого берега Эльбы, но по неясным причинам вместо того, чтобы заставить их капитулировать, 8 сентября в Клостер-Цевене подписал конвенцию о нейтралитете Ганновера, предложенную ему герцогом Кумберландским. Однако король Георг II наотрез отказался ратифицировать эту конвенцию.

Между тем армия Субиза 14 (24) августа подошла к Эйзенаху, угрожая вторжением в Пруссию. Фридрих был вынужден оставить Саксонию и двинуться против Субиза. 25 октября (5 ноября) в сражении при Росбахе союзники, несмотря на подавляющее численное превосходство, были разгромлены и отошли к Рейну. После победы Фридрих начал переброску войск в Силезию, где австрийцы взяли Бреславль и осадили Швейдниц. 24 ноября (5 декабря) при Лейтене австрийцы потерпели крупное поражение и отступили в Богемию. Вся Силезия была вновь занята пруссаками.

Теперь у союзников осталась лишь надежда на мощь русского оружия.

Глава 9

ВТОРЖЕНИЕ РУССКИХ В ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

По рекомендации канцлера Бестужева и графа А.Г. Разумовского Елизавета Петровна решила сделать командующим русской армией 54-летнего генерал-аншефа Степана Федоровича Апраксина. 5 сентября 1756 г. он был пожалован в генерал-фельдмаршалы и 26 октября того же года назначен главнокомандующим русской армией, предназначенной для действий против пруссаков.

Выбор командующего был явно неудачен. Апраксин был неплохим дипломатом, ловким царедворцем, но практически не имел опыта командования войсками. В 1737 г. он под началом Миниха отличился при взятии Очакова и был за это произведен в премьер-майоры. А далее — служба в штабах. Апраксина часто использовали в качестве курьера из армии во дворец, где за сообщения о победах он получал награды, его отправляли в составе посольства в Персию и т.д.

«Апраксин вовсе не хотел торопиться походом. Он имел основания надеяться, что дело не дойдет до настоящей войны, что все ограничится таким же походом на запад вспомогательных русских отрядов при императрице Анне и недавно при Елисавете, прогулки для "возбуждения страха и ускорения мира". Кроме того, молодой двор был против войны, а идти наперекор воле наследника престола и его супруги далеко не входило в планы Апраксина, да и приятель, умница канцлер [Бестужев-Рюмин] был на стороне молодого двора и при прощанье сказал, чтоб в поход не выступать до тех пор, пока все будет к нему приготовлено. Апраксин думал, что далеко еще не все приготовлено, что надобно много и долго готовиться, чтобы успешно биться с первым полководцем времени и с его образцово устроенным войском; хорошо, как австрийцы его задержат; если он обратится с главными силами против русского войска, помогут ли тогда австрийцы?»[1]

Для решения стратегических задач в войне при дворе была образована так называемая Конференция (Военный совет), в состав которой вошли Бестужев-Рюмин, Воронцов, Бутурлин, П. Шувалов, И. Шувалов и Трубецкой. Конференция решила создать армию из шести корпусов, общей численностью 129 966 человек.

---

[1] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. С. 383.

В феврале 1757 г. Апраксин получил от Конференции план военных действий. согласованный с австрийским командованием. Русские войска должны были развернуть боевые действия в Восточной Пруссии и на Нижней Висле. Но Апраксин признал нецелесообразным распылять силы и предложил сосредоточить главные силы в Ковно, а отдельный корпус — в Либаве, чтобы можно было начать наступление на Восточную Пруссию. После взятия Мемеля обе армии должны были действовать в направлении Кёнигсберга, овладение которым позволило бы снабжать русские войска морским путем. Этот план формально не был утвержден Конференцией, но она и не отвергла его, а лишь требовала быстрее начать военные действия в Восточной Пруссии.

В июне 1757 г. Апраксин донес, что в его армии состоит здоровых людей 65 187 человек и 19 325 лошадей. Кроме того, при полках и в госпиталях — 12 796 человек и 15 726 человек находились в командировках. В связи с большим некомплектом Апраксин требовал направить ему 17 173 человека. В состав действующей армии входил особый корпус генерала Фермора, насчитывающий около 16 тысяч человек и 18 осадных орудий. Корпус был сосредоточен восточнее Мемеля. Основные тыловые базы находились в Либаве, Риге, Режице, Динабурге, Минске, Великих Луках и Смоленске. Кроме них, были созданы промежуточные магазины в Кейданах, Вилькамире, Вильно и Гродно и ряд походных магазинов.

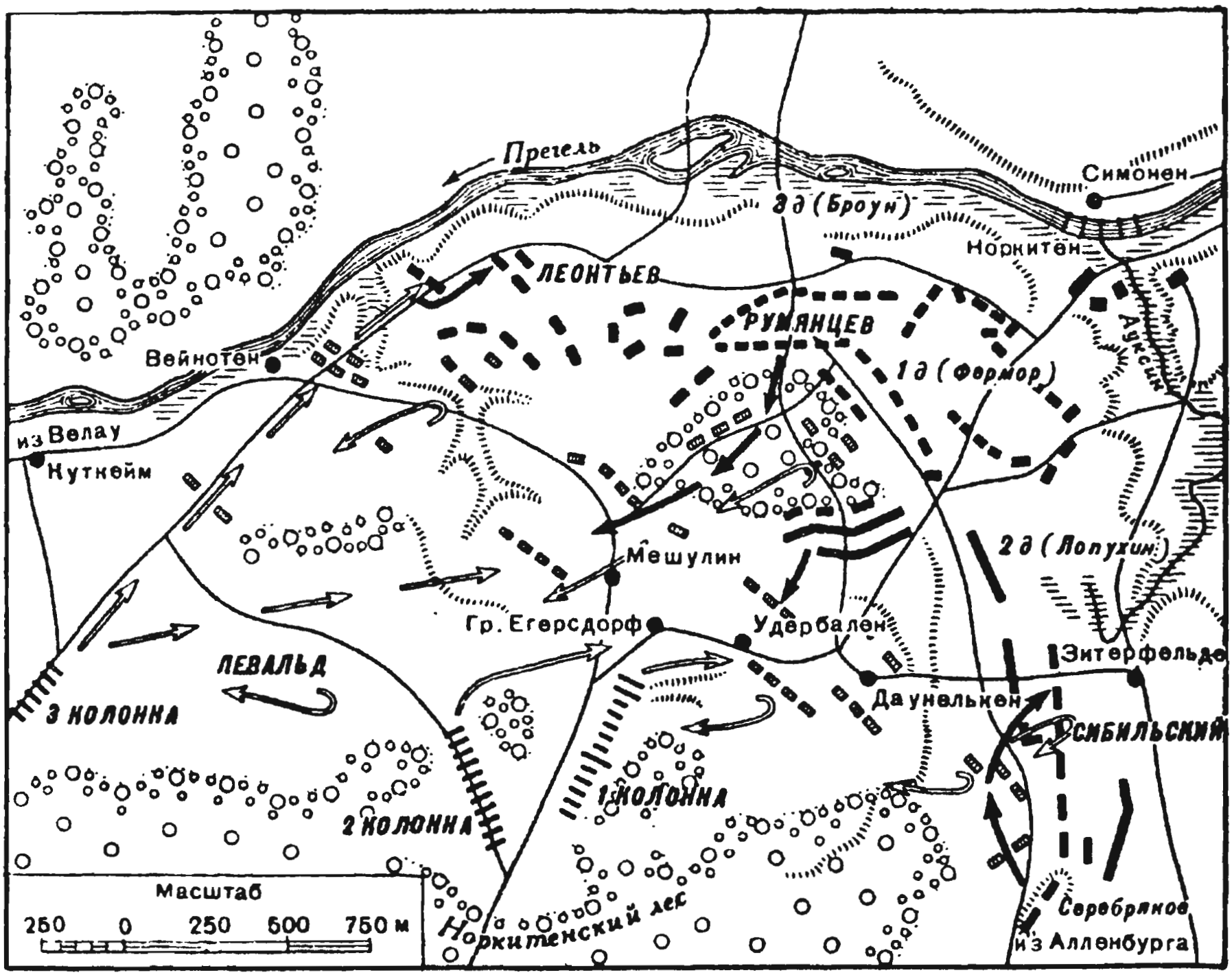
Русским силам противостояла 36-тысячная армия при 64 орудиях фельдмаршала Лавальдта, сосредоточенная в Восточной Пруссии.

После взятия Мемеля русская армия двумя колоннами от Ковно и Мемеля начала наступление на Кёнигсберг. Левальдт оттянул свои войска из района Тильзит — Инстербург к Велау и решил отступать внутрь Восточной Пруссии, к Кёнигсбергу. Он считал, что вступать в бой следует только при выгодной обстановке. Однако, получив сведения о медленном продвижении русских войск, Левальдт решил не допустить их соединения и разбить по частям. Однако этот замысел осуществить не удалось. Русские войска соединились у Инстербурга и продолжали движение. Левальдт занял сильно укрепленную позицию в предместьях Велау.

Апраксин отказался от атаки прусских войск и, пытаясь заставить Левальдта покинуть занятую позицию, повернул на Алленбург. 17 августа он вышел к Норкитену и здесь, на неудобной позиции, остановился. Этим маневром Апраксин угрожал прусской армии обходом.

Получив сведения о движении русской армии к Алленбургу, Левальдт переправил свои войска через реку Прегель и 18 августа вышел к Пушдорфу, став на фланге русской армии.

19 августа русские войска стали выдвигаться по направлению к Алленбургу. Левальдт, построив свои войска на восточной опушке Норкитенского леса, у деревни Гросс-Егерсдорф, решил атаковать левый фланг, а для нанесения удара авангарду русских войск направил конницу. Главные силы пруссаков были сосредоточены против 2-й дивизии, составлявшей центр русской армии. Левальдт предполагал, что

Сражение у деревни Гросс-Егерсдорф в 1757 г.

внезапная атака расстроит русские войска. Однако русский орудийный и оружейный огонь отбил атаку вражеской конницы.

Атака войск принца Голштинского была отбита артиллерийским огнем и 2-м морским полком. Не добившись успеха на этом направлении, Левальдт перенес атаки на 3-ю дивизию, находившуюся на правом фланге. Атака прусской конницы была отбита огнем артиллерии. Затем русская кавалерия вынудила пруссаков отойти. Тогда Левальдт решил нанести удар в стык между 1-й и 2-й дивизиями русских. Атака правого фланга 2-й дивизии имела успех. Создалась угроза прорыва фронта и выхода в тыл. Но положение было восстановлено внезапным ударом четырех полков бригады П.А. Румянцева. По приказу Румянцева эти полки пробились через лес, вышли на фланг прусской пехоты и нанесли ей такой сильный удар, что она «тотчас помешалась и по жестоком и кровавом сражении с достальным числом своих войск в наивящем беспорядке свое опасение бегством искать стала...»[1].

Не имела успеха и повторная атака пруссаков, направленная на авангард генерала Сибильского. Казачья конница навела прусскую кавалерию на свою пехоту и артиллерию. Прусская конница отступала в полном расстройстве.

---

[1] Семилетняя война. Материалы. М.: Воениздат, 1948. С. 185.

В битве при Гросс-Егерсдорфе русские потеряли убитыми 1487 человек, включая двух генералов; ранеными — 4494 человека, включая семерых генералов. Пруссаки потеряли убитыми 1818 человек и ранеными — 2345 человек. Трофеями русских стало 29 пушек.

После сражения Левальд отступил на правый берег реки Прегель, очистив городок Велау и открыв русским дорогу на Кёнигсберг. Однако русский авангард генерала Сибильского преследовал немцев столь вяло, что 21 августа пруссаки снова заняли Велау.

27 августа на Военном совете русской армии было решено отступить на зимние квартиры в Тильзит. Это движение русской армии носило характер поспешного отступления, во время которого была брошена часть обоза и уничтожены «запасы вооружений».

Кстати, именно в этот день, 27 августа, до Петербурга дошла весть о победе под Гросс-Егерсдорфом. На следующий день в 4 часа утра жители Петербурга были разбужены салютом из 101 артиллерийского выстрела. Весть же об отходе Апраксина шокировала дворы Петербурга, Вены и Парижа. Что же произошло?

Апраксин оправдывался, указывая на усталость армии от непрерывного движения, четырехнедельные дожди, размывшие дороги, болезни солдат и офицеров, изнуренность конницы, проделавшей дальний путь с Украины, и, наконец, недостаток в провианте и фураже.

Однако в Петербурге подозревали иное. 8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, Елизавета Петровна во время службы в царскосельской церкви внезапно почувствовала себя плохо. Она вышла из церкви на свежий воздух, но, не пройдя и нескольких шагов, без чувств упала на землю. Лекарь пустил ей кровь, но привести императрицу в сознание удалось лишь через два часа. Все это время она лежала у церкви на глазах многочисленной толпы. Но и придя в себя, императрица еще несколько дней не могла говорить, поскольку во время приступа сильно прикусила язык.

Понятно, что в такой ситуации Апраксину наступать на Кёнигсберг было глупо. В случае смерти императрицы события могли развиваться по двум сценариям. В первом законный наследник Петр Федорович[1] всходит на престол и прекращает войну со столь любимым им Фридрихом. Понятно, что про 100 тысяч франков Марии Терезии никто в Петербурге и не пикнет. По второму сценарию — ненавидевший на-

---

[1] Карл Петр Ульрих родился в 1728 г. Его отец — герцог Шлезвиг-Гольтейн-Готторпский Карл Фридрих, мать — Анна, дочь Петра I, рожденная до брака. В начале 1743 г. по требованию Елизаветы Петровны он был доставлен в Петербург, где принял православие, был наречен великим князем Петром Федоровичем и в ноябре 1742 г. объявлен наследником русского престола. Петр III формально положил начало Гольштейн-Готторпской династии в России, которых наши историки незаконно называют Романовыми. Кстати, те же шулеры от истории именуют Анну Леопольдовну, внучку царя Ивана V, и ее сына Ивана (VI) Антоновича «Брауншвейгской династией». И там, и там — женская линия. В чем же разница? В выгоде шулеров от истории.

следника канцлер Бестужев-Рюмин устраивает государственный переворот и возводит на престол трехлетнего сына Петра Федоровича Павла при опекунстве (регентстве?) его матери Екатерины Алексеевны. В этом случае Бестужев требует вернуть войска в Россию.

Скорей всего, Апраксин и понадеялся на второй сценарий, приказав отступать. Замечу, что фактическое отступление началось 15—16 сентября, то есть через неделю после приступа у Елизаветы Петровны.

Париж и Вена высказали свое возмущение отступлением Апраксина. В ответ русский посол в Вене Кейзерлинг заявил протест против притеснений православных сербов в Австрии: «1) В 1754 году в Кроации и прочих областях публиковано, чтоб все, исповедующие греческий закон оставили его и приняли римско-католическую веру, в противном случае будут осуждены на виселицу и четвертование. 2) Греческий закон, и исповедующих его поносят самым бесчестным образом, называют их неверными и отпадшими; но так называют язычников, а не людей, верующих во Христа и Его апостолов. 3) Командующий в Кроации, Далмации и Трансильвании граф Петацы отнял у греческих прихожан Архангеломихайловский монастырь, отчего воспоследовало, 4) что сербы лишены исповеди и св. причастия и принуждены жить в отчаянии. 5) Неуважение к святейшим вещам простирается так далеко, что некоторые католики во время освящения св. евхаристия в греческих церквах влезают на алтарь и делают всякие непристойности, а в кадильницы кладут вовсе не благовонные вещи. 6) Службу Божию часто останавливают, приходят в церкви с заряженными ружьями, стреляют и, таким образом, заставляют прихожан покидать храмы. 7) Оскверняют храмы, позволяя себе в них такие дела, которые и в законных супружествах не дозволяются. 8) Стараются всякими мерами привлечь православных к принятию унии; те, которые непоколебимы в своем законе, принуждены оставить жен, детей, имение или подвергнуться смертной казни как государственные преступники»[1].

Все сказанное русским послом было правдой, но Кауниц категорически все отвергал.

Между тем здоровье Елизаветы Петровны улучшилось, и 28 сентября Апраксин получил указ императрицы о замене его генерал-аншефом Вильямом Фермором, а самому фельдмаршалу было велено ехать в Нарву. По приезде туда Апраксин был арестован и вместе с канцлером Бестужевым-Рюминым предан суду. Однако следствие не нашло никаких улик, прямо указывавших на участие Апраксина и Бестужева-Рюмина в заговоре. Тем не менее Бестужев был сослан в деревню, где и оставался до восшествия на престол Екатерины II. Апраксин же находился под домашним арестом в местечке под Петербургом, под названием Три-Руни. Там он скоропостижно скончался 26 августа 1760 г.

tУзнав об оккупации Ганновера французскими войсками, Фридрих II, имея всего 20—25 тысяч солдат, совершил бросок из Силезии

---

[1] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. С. 394—395.

в Тюрингию. 5 ноября 1757 г. недалеко от Лейпцига, у местечка Росбах состоялось сражение между пруссаками и объединенной франко-австрийской армией, общей численностью в 64 тысячи человек. Армии принца Субиза и австрийского генерала Хильдбургаузена были наголову разбиты.

Французские войска были вынуждены оставить Вестфалию, Кассель и Ганновер. Однако Фридрих не стал их преследовать, а двинулся спасать от австрийцев Силезию. 5 декабря у местечка Лейтен (Лютин) под Бреславлем король разгромил армию фельдмаршала Дауна, у которого было не менее 80 тысяч солдат и 300 орудий. У Фридриха же имелись 33 тысячи солдат и 167 орудий. Потери убитыми и ранеными у пруссаков и австрийцев были примерно одинаковые — по 6,5 тысяч человек.

Зато 21,5 тысячи австрийцев сдались в плен и была брошена вся артиллерия. Через полвека Наполеон скажет: «Лейтенское сражение представляет chef d'oeuvre искусных движений, маневрирования и решимости; достаточно было бы одной этой битвы, чтобы обессмертить Фридриха и чтобы он занял место между величайшими полководцами».

Спасая союзников, Конфедерация отдала приказ Фермору начать наступление «по первому снегу». Русские войска вступили в Пруссию пятью колоннами под начальством генералов Салтыкова 2-го, Рязанова, графа Румянцева, принца Любомирского, Панина и Леонтьева. 10 января, когда Фермор был в городе Лабио, к нему приехали депутаты от главного города Пруссии — Кёнигсберга с просьбой принять их в покровительство императрицы с сохранением привилегий. И на следующий день русское войско вступил в Кёнигсберг и было встречено колокольным звоном по всему городу, «на башнях играли в трубы и литавры, мещане стояли впереди и отдавали честь ружьем».

Венские власти, с одной стороны, были крайне обрадованы вступлением русских войск в Восточную Пруссию, но, с другой стороны, обеспокоены тем, что русские могут остаться там. Австрийский посол в Петербурге Эстергази получил приказание требовать, чтобы дальнейшее занятие прусских земель делалось именем императрицы-королевы, «дабы не подать повода другим дворам к размышлению, а притом чтоб можно было различить воюющую сторону от помощной». На это был дан ответ: «Отношения наши к королю прусскому вовсе, кажется, не требуют таких предосторожностей... Что касается присяги, к которой приводятся жители прусских земель, покоренных нашему оружию, то справедливость и надобность ее оказываются при первом взгляде, ибо мы требуем только, чтоб жители ни тайно, ни явно не предпринимали против нас ничего предосудительного».

На самом же деле Елизавета Петровна решила присоединить Восточную Пруссию к своей империи. Везде, где появлялись русские солдаты, местные жители приводились к присяге России и самой Елизавете.

Следует заметить, что население Восточной Пруссии в целом недолюбливало Фридриха II и благожелательно относилось к русским. Без всякого нажима со стороны наших военных население устраивало пышные торжества, на домах укреплялись русские гербы, в комнатах развешивались портреты русской императрицы.

Очевидец входа русских войск в Кёнигсберг писал: «Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение онаго было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войска и самового командира; а как присовокуплялся к тому и звон колоколов во всем городе и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшиеся во все времена шествия, то все сие придавало этому более пышности и великолепия»[1].

Русскому командованию были переданы ключи от города, а назавтра началось приведение к присяге его жителей. В их числе принял присягу доцент университета Иммануил Кант.

Указом Елизаветы Петровны Восточная Пруссия вошла в состав Российской империи на правах губернии. Первым ее губернатором назначили Вильяма Фермора. За короткий срок русского управления там погубернаторствовали еще Н.А. Корф, Василий Суворов (отец знаменитого полководца), П. Панин и Ф. Воейков. Пруссия получила права, свободы и льготы, каковых не имела никакая другая губерния Россия. Императрица подтвердила все льготы, которые имели ранее все общества и отдельные лица. Гарантировались свобода религии, свобода внутренней и внешней торговли. Жители провинции освобождались от службы в русской армии, а чиновникам предоставлялась свобода выбора — служить в русской администрации или не служить. Кёнигсбергскому университету обещаны государственные субсидии и невмешательство властей в учебный процесс.

Чтобы более не возвращаться к Восточной Пруссии, я прерву рассказ о военных действиях и немного забегу вперед. В начале 1759 г. к генерал-губернатору Кёнигсберга барону Н.А.Корфу обратился мастер местного монетного двора Б.Ф. Цайтман с докладом о пользе чеканки в Восточной Пруссии новой монеты. Она должна была вытеснить находившиеся в обращении монеты немецких княжеств, и в первую очередь Прусского королевства. Предложение было принято, и вскоре российское правительство повелело чеканить серебряные монеты среднего и малого достоинства. Согласно этому указу, новые монеты должны были обращаться на одинаковых правах с прежними и иметь более высокое содержание серебра. Чтобы население легче признало новинку, было решено выполнить монеты схожими с прусскими.

И вот в 1759 г. Кёнигсбергский монетный двор начал чеканить серебряные монеты в номиналах 18, 6, 3, 2, 1 грош и 1 солид. Последний получил свое имя от золотой византийской монеты. На лицевой стороне

---

[1] Гольденберг Л. Орел, решка и немного истории. Материалы сайта http://www.bogoroditsk.ru/articles/index.php?t=1&art=64

монет достоинством в 18, 6 и 3 гроша красовались портрет Елизаветы с круговой латинской надписью, а на обороте — прусский одноглавый орел, дата выпуска, указание номинала и надпись по-латыни: «Монета королевства Пруссии». На монетах младшего номинала, в 2 или 1 грош, на лицевой помещалось указание номинала по-латыни — «2 (или 1. — *А.Ш.*) королевства Пруссии», — а на оборотной стороне находились российский герб — двуглавый орел и надпись по-латыни: «Серебряная монета». На лицевой стороне монеты в 1 солид размещался вензель Елизаветы (ЕР — Елизавета Петровна), на лицевой — надпись по-латыни «Солид королевства Пруссии» и дата выпуска.

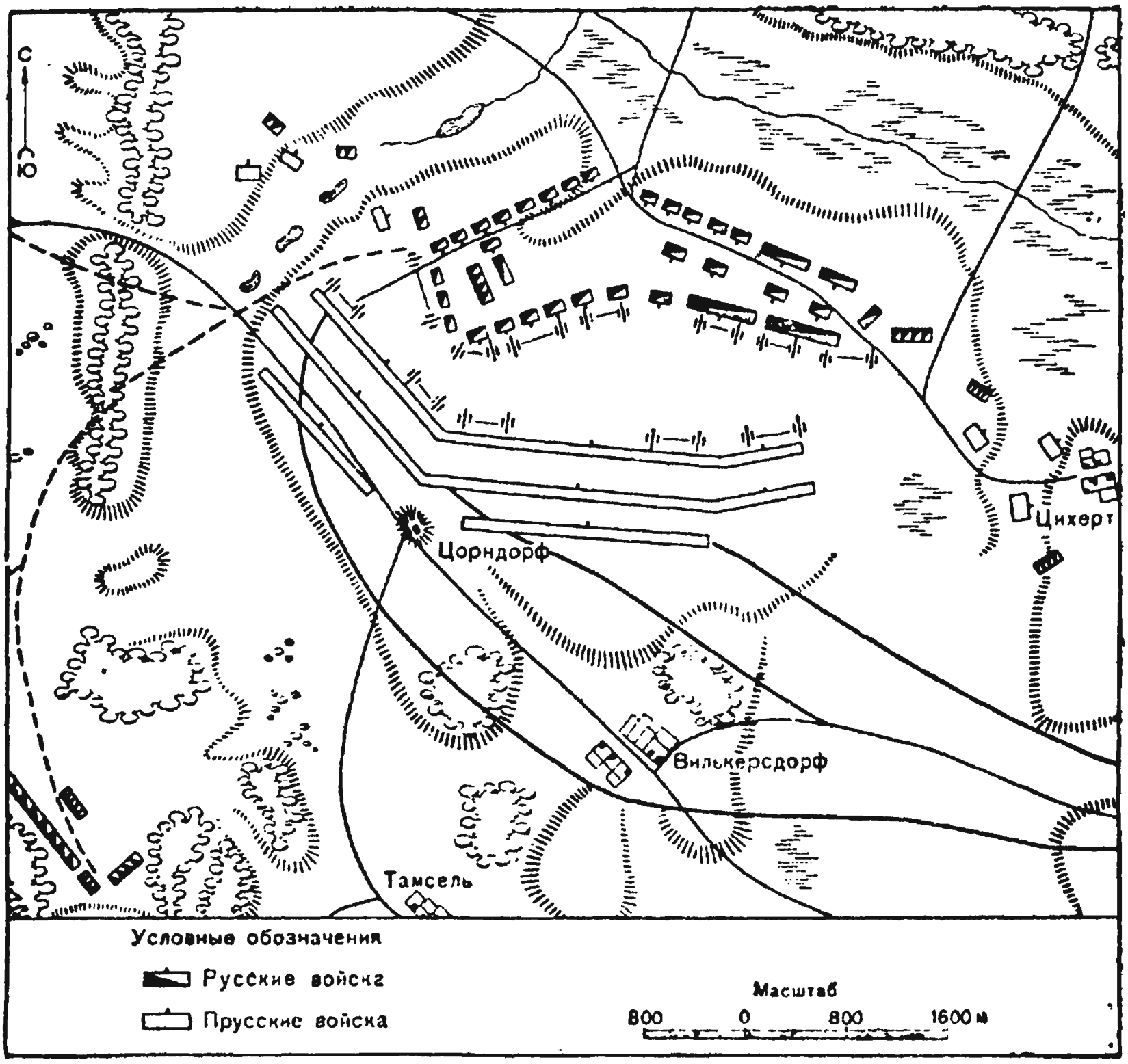
Эти монеты охотно принимались населением. Фридрих II был взбешен и приказал отчеканить и распространить в Восточной Пруссии фальшивые русско-прусские низкопробные монеты, и в первую очередь — 18 грошей. Однако гравер неточно скопировал надпись на лицевой стороне настоящих монет и вместо Russ вырезал Russiae. Эту ошибку тут же заметили, проверкой было установлено в подделках пониженное содержание серебра, и их перестали принимать к платежам.

В том же 1759 году из Московского университета в Кёнигсбергский университет перевелись 10 студентов. Замечу, что для того времени 10 студентов — не так уж мало. В Кёнигсберге и Пиллау (ныне Балтийск) началось строительство нескольких православных храмов. В 1759 г. русские власти отпустили 276 талеров для устройства в Кёнигсберге русского кладбища.

Именно русскому генерал-губернатору Александру Корфу кёнигсбергский Королевский замок обязан появлением знаменитого тронного зала. Кстати, 18 января 1701 г. в замке состоялась коронация первого прусского короля Фридриха I, который вскоре поручил придворному архитектору Иоахиму Щультхайссу фон Унфриду построить в цитадели юго-восточное крыло. Строительство оказалось дорогостоящим, а через некоторое время Фридрих I умер. Его преемник, Фридрих Вильгельм I и его сын, Фридрих II мало интересовались «долгостроем», и лишь Александр Корф достроил злополучное крыло. Позже этот корпус стал тронным залом прусских королей.

Увы, приход к власти Петра III положил конец существованию «прусской губернии». 20 мая 1762 г. губернатор Панин получил указание о передаче провинции пруссакам. Но дворцовый переворот летом 1762 г. отсрочил дело, и передача власти в провинции Пруссия произошла лишь в августе 1762 г., а вывод русских войск по разным причинам затянулся до весны 1763 г.

Но вернемся к боевым действиям. По плану Конференции русская армия в кампанию 1758 года должна была наступать из района Познани, где главным силам надлежало соединиться с войсками Обсервационного корпуса, насчитывавшего 30 тысяч человек. В то время русская армия имела в своем составе 50 590 человек. Чтобы обеспечить свой левый фланг, предлагалось установить связь с австрийскими войсками.

Сражение при Цоридорфе в 1758 г.

В апреле 1758 г. русская армия перешла Вислу. Для прикрытия главных сил, двигавшихся через Торн на Познань и далее на Кюстрин, Фермор направил к Одеру конницу под командованием Румянцева.

3 августа 1758 г. русская армия подошла к мощной крепости Кюстрин, прикрывавшей с востока Берлин. Крепость, расположенная при впадении реки Варты в Одер, была со всех сторон окружена водой. 15 августа русские захватили передовые укрепления Кюстрина и начали его бомбардировку из пушек, мортир и единорогов. Русскими бомбами город был большей частью сожжен, взлетело на воздух и несколько пороховых складов.

Недалеко от Кюстрина находился прусский 18-тысячный корпус генерала графа Дона. Сам же Фридрих II в это время пребывал в Силезии. Узнав об осаде Кюстрина, король собрал отборные части, всего 14 тысяч человек, и форсированным маршем двинулся к Кюстрину. Для защиты Силезии он оставил большую часть своей армии под командованием генерал-фельдмаршала Кейта.

В районе Кюстрина король соединился с корпусом Дона. Приход Фридриха заставил Фермора снять осаду крепости и отступить к местечку Цорндорф.

Фридрих был крайне озлоблен на русских и позабыл свои философские рассуждения. Когда гусары привели к нему 12 пленных казаков, он громко заявил: «Вот видите, с какой сволочью мне приходится сражаться».

В 8 часов утра 14 августа у Цорндорфа произошло кровопролитное сражение. У русских было 50—55 тысяч человек при 240 орудиях, у Фридриха — 33 тысячи человек при 116 орудиях.

Германский историк барон фон Архенгольц писал: «Русская пехота была теперь атакована с фланга, с фронта, с тыла, словом — отовсюду, и началась ужасная кровавая сеча. Пруссаки увидели совершенно не знакомое для них зрелище: хотя порядок битвы был нарушен и ряды разорваны, но, расстреляв все свои патроны, русские стояли, как истуканы в строю, но не из похвального мужества, так как они не защищались, а как бы тупоумно ожидая смертельного удара. На месте павшего строя вырастал новый, снова подвергавшийся той же участи; легче было их убивать, чем принудить к бегству; даже простреленные насквозь солдаты не всегда падали оземь. Пруссакам оставалось, таким образом, лишь одно средство — всех убивать... Ружейный огонь стихал, так как не хватало уже зарядов; солдаты били друг друга прикладами, кололи штыками, рубились на саблях. Невозможно описать ожесточение противников. Тяжело раненные пруссаки, забыв о себе, все еще старались убивать врагов. Русские не уступали им; одного смертельно раненного русского нашли в поле лежащим на умирающем пруссаке, которого тот грыз зубами; пруссак не в состоянии был двинуться и должен был переносить это мучение, пока не подоспели его товарищи, заколовшие каннибала»[1].

Обе стороны объявили о своей победе. У русских были убиты и ранены 19,5 тысячи человек, взяты в плен 3 тысячи человек и 85 орудий. Потери пруссаков составили: убитыми и ранеными — около 10 тысяч человек, взяты в плен 1,5 тысячи человек и 26 орудий.

После Цорндорфа обе стороны... отступили. В сентябре 1758 г. Фермор отошел к Ландсбергу, где русская армия простояла до начала октября, а Фридрих, оставив против русских корпус Дона, ушел в Силезию. Там 14 октября 1758 г. он потерпел поражение от австрийского фельдмаршала Дауна. Прусские потери убитыми, ранеными и пленными составили свыше 9 тысяч человек, также пруссаки потеряли 101 орудие. Австрийские потери оказались существенно меньше — 6 тысяч человек.

Тут следует рассказать о русском секретном оружии — шуваловских гаубицах, которые первый и последний раз были использованы в Семилетней войне.

Еще в 1753 г. граф Шувалов предложил проект так называемой секретной гаубицы. Ее секрет заключался в наличии эллипсовидного, расширяющегося к дулу канала. Это было сделано для лучшего разлета

---

[1] Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М.: АСТ, 2001. С. 141—142.

картечных пуль. Такой принцип уже использовался в морских мушкетонах, но там ствол имел круглое сечение, а шуваловские гаубицы должны были обеспечить широкий разлет пуль по фронту, отсюда и овал. Помимо картечи, такая гаубица могла стрелять и специальными овальными ядрами и бомбами по типу мячей для игры в регби. Увы, меткость стрельбы снизилась, а стоимость овальных снарядов была в 2—3 раза выше обычных.

За раскрытие секрета гаубиц была положена смертная казнь. После стрельбы на дульную часть гаубицы надевали специальные чехлы.

Фридрих Великий не был лишен юмора, и, захватив в битве при Цорндорфе 20 «секретных» гаубиц, он выставил их на улицах Берлина с табличками: «Большой секрет русских». В России же «секретные» гаубицы продержались на вооружении до смерти графа Шувалова в 1762 г. исключительно из-за его больного самолюбия.

Глава 10

ВИКТОРИЯ ПРИ КУНЕРСДОРФЕ И ПЕРВОЕ «ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА»

Кампанию 1759 года русская армия начала лишь в конце мая, выступив от Бромберга на Познань, и, двигаясь медленно, прибыла туда лишь в 20-х числах июня. Здесь был получен рескрипт Конференции, назначавший главнокомандующим графа Петра Семеновича Салтыкова. Инструкцией, присланной из Петербурга, Салтыкову предписывалось соединиться с австрийцами в пункте, где австрийцы укажут: «...буде Даун не согласится у Каролата, то у Кроссена». Затем Салтыкову приказывалось, «не подчиняясь Дауну, слушать его советы» (!), но не жертвовать армией ради австрийских интересов, а также не вступать в бой с превосходящими силами.

Блестящий образец мышления придворной камарильи!

Главные силы русских должны были переправиться через Одер и соединиться с австрийскими войсками Дауна. Русские войска обошли прусскую армию, укрепившуюся у Цюллихау, и продолжали движение. 11 июля они подошли к Пальцигу. В это время русская армия насчитывала 40,5 тысячи человек.

Прусские войска (27 380 человек) под командованием Веделя также подошли к Пальцигу и 12 июля атаковали русскую армию. Две фронтальные атаки пруссаков были отбиты. Неудачно для противника закончился и фланговый обход. Русская кавалерия контратаковала противника и обратила его в бегство. Пруссаки потеряли убитыми 42 200 человек, пленными 605 человек и 14 орудий. Потери русских составили 911 человек убитыми и 3644 ранеными.

Прибыв в Кроссен, Салтыков узнал, что на соединение с русскими войсками идет не армия Дауна, а только 20-тысячный корпус Лаудона. Салтыков приказал последнему продвигаться к Франкфурту (который был занят 20 июля) и там присоединиться к русским войскам. Лаудон прибыл во Франкфурт 21 июля. Союзная армия насчитывала теперь около 58 тысяч человек при 269 орудиях. Русский главнокомандующий поставил перед войсками задачу: овладеть Берлином и оттуда продиктовать противнику условия мира.

Салтыков решил направить к Берлину передовой отряд Румянцева, а вслед за ним двинуть главные силы. Однако Даун предложил сначала

отойти к нему на соединение, а после этого обещал перейти в наступление. Салтыков согласился с этим предложением, отменил поход Румянцева на Берлин и приказал войскам подготовиться к отходу на Кроссен, но в ночь на 30 июля разведка сообщила о появлении прусских войск на правом берегу Одера. Обстоятельства сложились так, что Салтыков был вынужден принять бой у Франкфурта. Для этого он выбрал позицию на высотах между Франкфуртом и Кунерсдорфом. Расположив свои войска фронтом на север, Салтыков приказал построить укрепления позади фронта своих войск.

Фридрих располагал армией в 48 тысяч человек при 240 орудиях, однако не решился атаковать русскую армию с фронта и повел свои войска в обход. В ночь на 31 июля пруссаки переправились через Одер ниже Франкфурта и направились к Герицу.

Убедившись в намерениях Фридриха обойти русские позиции с востока, Салтыков повернул фронт на 180 градусов и стал готовиться к бою фронтом на юго-восток.

Расположение русских войск на Кунерсдорфской позиции было следующим: на правом фланге, на горе Юденберг (Жидовская гора), сосредоточились войска Фермора, в центре, на горе Большой Шпиц, — части Румянцева (17 полков), а на левом фланге, на горе Мюльберг, — 5 полков Обсервационного корпуса Голицына. Австрийские войска располагались за правым флангом и центром русской армии, составляя общий резерв.

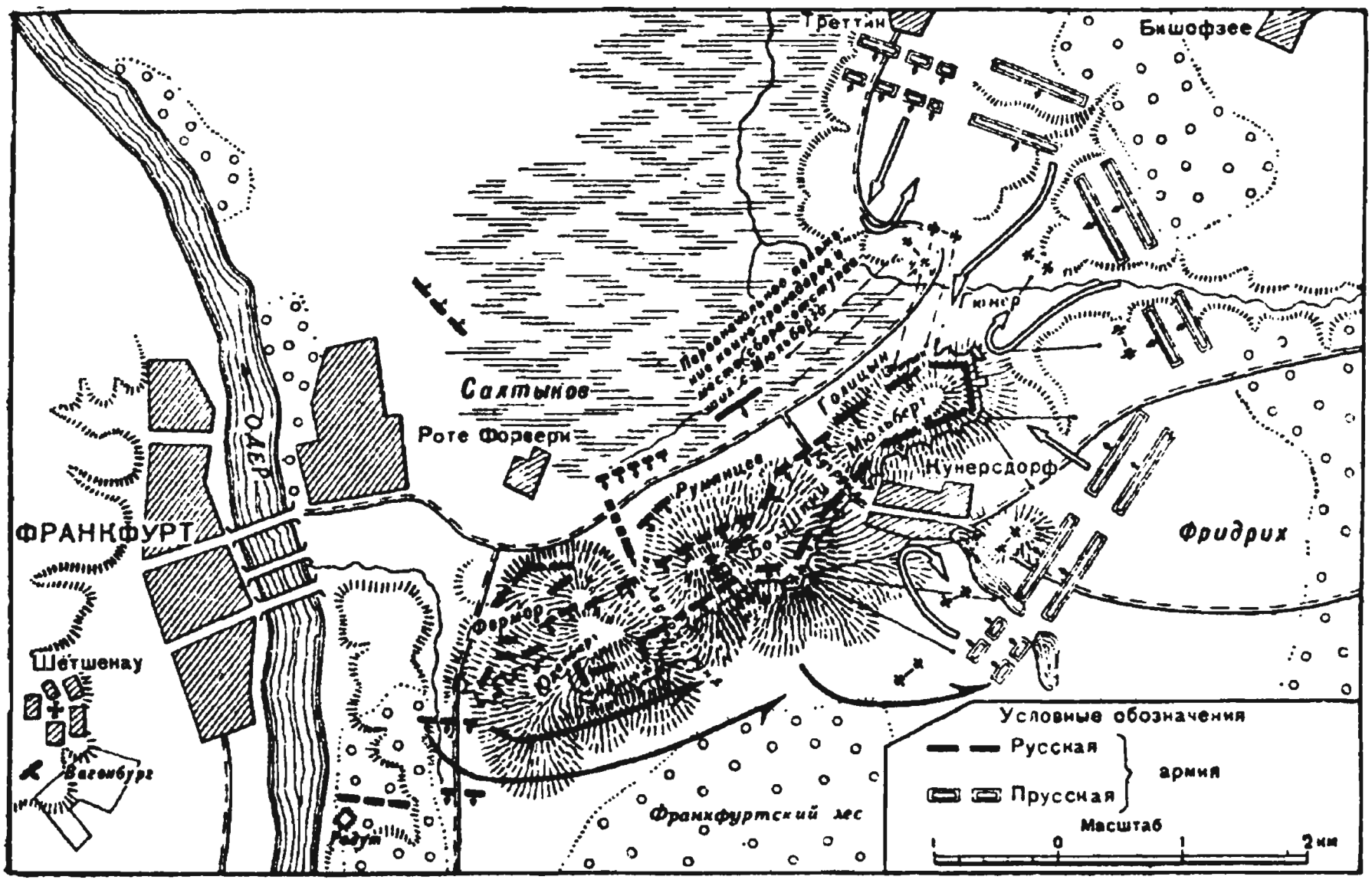
1 августа прусская армия, построившись в две линии, начала движение на левый фланг русских войск. На левом фланге двигалась конница под командованием Зейдлица. Пруссаков поддерживала артиллерийская батарея, установленная на Третинских высотах и на горе Малый Шпиц.

Чтобы затруднить действия противника, Салтыков приказал уничтожить мост между озерами у Кунерсдорфа и зажечь деревню Кунерсдорф. Таким образом, он рассчитывал заставить пруссаков развернуть свои части и затем измотать их на Мюльберге.

Фридрих, сосредоточив свои силы напротив левого фланга русских войск, приказал атаковать Мюльбергскую позицию с фронта и с флангов, и после упорного боя пруссаки захватили эту позицию. Полки Обсервационного корпуса в беспорядке отступили.

Тогда Салтыков, перегруппировав свои войска в центре, приказал Бороздину сосредоточить огонь на Мюльберге, а сам силами пехоты контратаковал противника, пытаясь отбить Мюльбергскую позицию, но сделать этого не удалось. Пруссаки успели установить на горе Мюльберг артиллерийские батареи и продольным огнем обстреливали русские позиции. Однако дальнейшее наступление прусских войск было приостановлено.

В то время, когда полки Обсервационного корпуса упорно защищались, Салтыков усиливал позицию на горе Большой Шпиц, в центре которой были устроены поперечные укрепления. Здесь в шесть линий

Греттин
Бишофзее
Салтыков
Роте Форверк
ОДЕР
ФРАНКФУРТ
Шёнеберг
Шёнеберг
Шёнеберг

лейб-кирасир подполковника Бидербее атаковать головные полки контратаки. Эскадроны бросились во фланг Нарвскому пехотному полку, но Чугуевский казачий полк, следивший за ходом боя, «ударил в копья», сбил кирасир, захватил их штандарт, а самого Бидербее взял в плен. Последняя отчаянная попытка короля спасти остатки армии не удалась. Король бежал и с трудом спасся от смерти. Он беспрестанно повторял находившемуся рядом начальнику охраны, ротмистру: «Притвиц, я погиб».

Однако и союзные войска пришли в расстройство. Конница прогнала пруссаков с поля сражения, но далее не преследовала. Видимо, это и спасло Фридриха.

«Вся союзная армия заночевала на поле сражения, разбросанная от Мюльберга до Жидовской горы, на пространстве до 5 верст. Союзники потеряли 15 тысяч (13 тысяч русских и 2 тысячи австрийцев), то есть 25 %, а пруссаки — 17 тысяч, то есть 34 %. Победителям достались: 26 знамен, 2 штандарта, 172 орудия и огромное количество огнестрельных запасов, из которых одних патронов было более 93 тысяч. Отсутствие преследования со стороны Салтыкова привело к тому, что прусская армия уже к 3 августа сосредоточилась у Фюрстенвальде, непосредственно прикрывая Берлин. Но впечатление от поражения было настолько велико, что как в Берлине, так и в прусской армии царила паника»[1].

Теперь союзная армия получила реальные шансы овладеть Берлином, но из-за венских интриг и глупости австрийского фельдмаршала Дауна возможность эта была упущена.

Испытывая серьезные трудности в снабжении войск, Салтыков отвел армию на зимние квартиры в район Торн-Кульм и в Восточную Пруссию.

Итак, несмотря на блестящую викторию у Кунерсдорфа, кампания 1759 года кончилась ничем.

Кампания 1759 года обострила противоречия внутри антипрусской коалиции. Франция склонялась к заключению мира и не соглашалась на присоединение Восточной Пруссии к России. Австрия стремилась использовать русскую армию в своих целях, главной из которых была Силезия; но Силезский театр не устраивал русских, так как его отдаленность грозила утратой Восточной Пруссии. Однако на данном этапе Россия и Австрия сходились в необходимости продолжения войны с Пруссией. Французскому правительству не удалось добиться успеха в переговорах с Англией, и союзники продолжали войну.

Что же касается заморских театров военных действий, то Франция потеряла Канаду и проиграла войну в Атлантике. В Индии еще в 1757 г. английский генерал Клейв захватил Бенгалию. Попытки французов занять Мадрас оказались неудачны. А в январе 1760 г. полковник Кут при Вандеваше разгромил французский отряд под командованием

---

[1] Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца и др.: В 18 т., Петербург, 1911—1915. Т. XIV. С. 398.

Лалли-Толендаля, тем самым вынудив губернатора Французской Индии отступить с остатками войск в Пондишери.

На Рейне французы добились ограниченных успехов. Маршал Брольи разбил ганноверскую армию при Корбахе и Клостеркампе, но не сумел использовать успех. К концу 1760 г. Фердинанд Брауншвейгский удерживал всю Вестфалию, а французская армия — Гессен и часть Ганновера.

Франция, Австрия и Пруссия устали от войны. Однако Елизавета Петровна по-прежнему была готова воевать до последнего солдата и между балами и маскарадами произносила воинственные речи. Так, австрийскому посланнику графу Эстергази императрица заявила: «Я не скоро решаюсь на что-нибудь, но если я уже раз решилась, то не изменю моего решения. Я буду вместе с союзниками продолжать войну, если бы даже я принуждена была продать половину моих платьев и бриллиантов»[1].

Под давлением союзников Конференция 31 марта 1760 г. приняла план, согласно которому, 70-тысячная русская армия должна была выйти к Одеру и у Франкфурта или Глогау соединиться с австрийскими войсками и совместными энергичными действиями закончить войну.

Пока разрабатывались планы организации движения к Кроссену, из Петербурга пришел еще один план, по которому предлагалось всю русскую армию двинуть на Бреславль. План этот требовал коренным образом пересмотреть вопрос о снабжении войск. Так, к середине июля старые магазины были перемещены и заложены новые. 13 июля началось движение русских войск к Бреславлю. Но когда русские подошли к крепости, австрийской армии там не оказалось, и между русскими и австрийцами опять начались переговоры о месте встречи армий. Австрийское правительство все время меняло планы, что привело к бесконечным перемещениям русских войск, и это отрицательно сказывалось на их боеспособности. В конце концов Салтыков заявил, что он болен, сдал командование Фермору и уехал в Петербург.

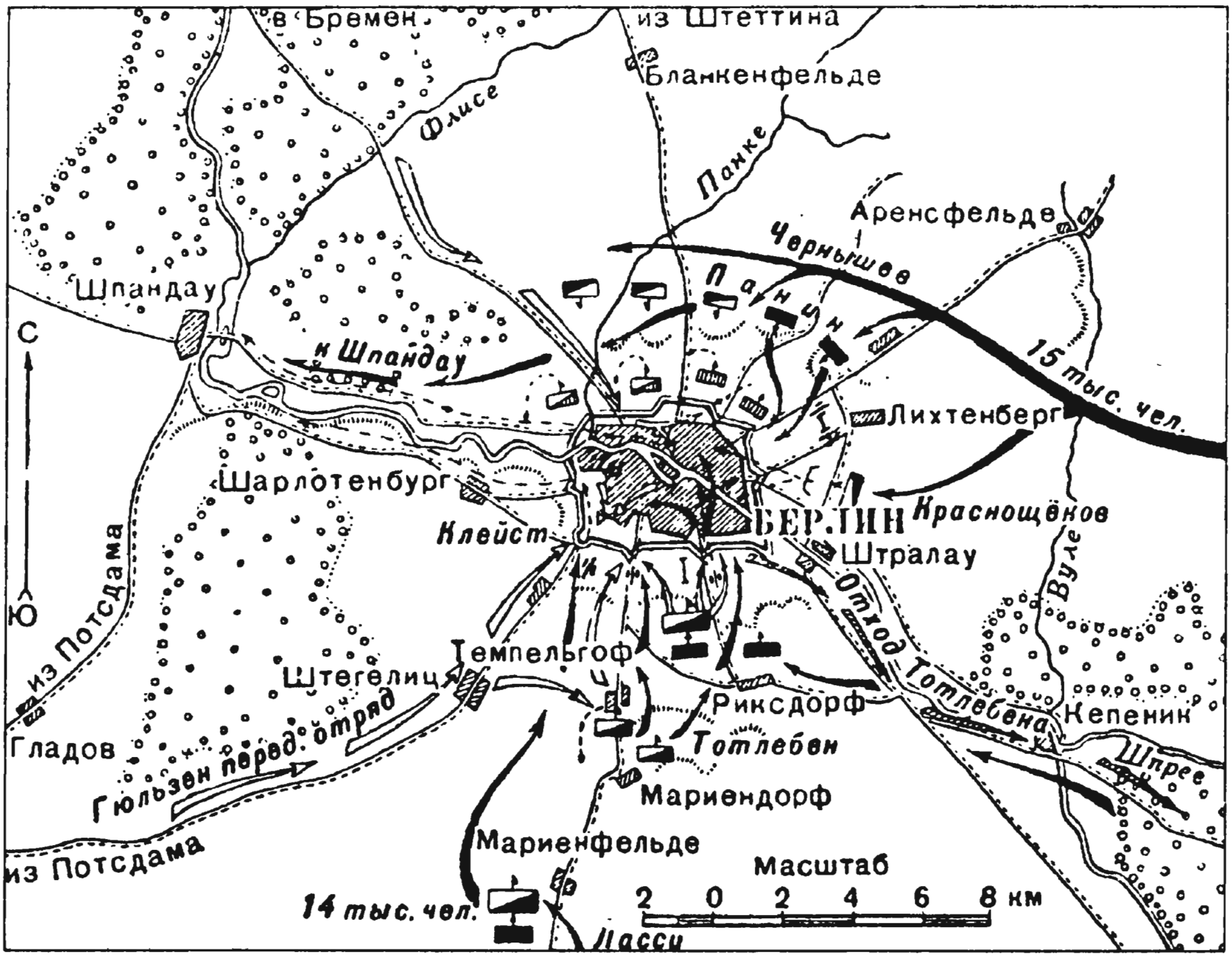
Убедившись в бесполезности действий русских войск в Силезии, Конференция предложила Фермору организовать набег на Берлин, а Даун и Ласси должны были сковать прусские войска в Силезии и Саксонии.

Для проведения этой экспедиции был выделен отряд под командованием генерал-майора графа Тотлебена. В отряд вошли три гусарских, два конно-гренадерских, пять казачьих полков, четыре батальона гренадер и пятнадцать орудий. Отряд прикрывали семь пехотных полков, находившихся в распоряжении графа Чернышева.

В середине сентября 1760 г. Чернышев прошел Губен и Бесков, а 21 сентября русские войска заняли Вюстерхаузен и Фюрстенвальде. В это время дивизия Румянцева вышла к Франкфурту, а главные силы русских — к Губену.

---

[1] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XII. С. 545.

Взятие Берлина в 1760 г.

Внезапное появление русских войск под Берлином вызвало панику. Комендант города генерал фон Рохов был готов сдать столицу без боя. Однако Чернышев вышел к Берлину только 22 сентября и принял командование войсками. Нерешительность русских командиров дала возможность пруссакам усилить гарнизон Берлина.

Город Берлин не являлся крепостью, а лишь был обнесен невысокой каменной стеной, у его ворот пруссаки наскоро возвели ренданты, то есть открытые с тыла земляные укрепления в виде угла, обращенного к противнику.

Граф Тотлебен отправил к трем воротам города три отряда, в каждом из которых было по 300 человек пехоты, по драгунскому эскадрону и по две полевые пушки. Однако первый приступ был отбит.

Фермор, узнав о неудачном приступе Тотлебена, послал ему на помощь дивизию генерал-поручика Панина, который 26 сентября соединился с Тотлебеном. В этот же день отряд Тотлебена выступил из Кёпеника на Риксдорф, к Берлину.

Приближаясь к столице, Тотлебен выделил легкие войска к Котбургским воротам, а большую часть оставшихся войск выслал к Гальским воротам, напротив которых на высотах расположились три прусских батальона с артиллерией. Остальные войска Тотлебена остались в резерве у Котбургских ворот.

После продолжительного артиллерийского огня пруссаки очистили высоты и отошли к Гальским воротам. В это время на дороге из Потсдама показались несколько эскадронов кавалерии и два батальона пехоты, составлявшие авангард прусских войск, высланных из Саксонии на выручку Берлина. Легкая кавалерия Тотлебена атаковала этот отряд, однако атака была отбита, и пруссаки вступили в Берлин.

Вскоре появились войска Клейста, атаковавшие передовые отряды Тотлебена, расположенные южнее Темпельгофа, но русские легко отбили атаку.

Одновременно в направлении к Мариендорфу показались австрийцы графа Ласси, высланные Лаудоном на помощь Чернышеву. Узнав о приближении австрийских войск, Клейст покинул позицию и вошел в Берлин.

Тотлебен, сосредоточив свой отряд у Темпельгофа, двинулся к Берлину и к вечеру 26 сентября расположился перед Котбургскими воротами. В это же время австрийцы заняли деревню Лихтерфельде.

27 сентября к Берлину подошел корпус Чернышева, усиленный дивизией генерала Панина, и занял окрестности города на правом берегу реки Шпрее. К утру 27 сентября под Берлином сосредоточились 24 тысячи русских и 14 тысяч австрийцев. Им противостояли 14 тысяч пруссаков под началом принца Вюртембергского.

На рассвете 28 сентября войска Чернышева выступили из лагеря и заняли назначенные по диспозиции места для штурма Берлина. «Дух войска был превосходный». И вот во время приготовлений к штурму пришла весть о капитуляции Берлина, заключенной ночью Тотлебеном. В это время войска принца Виртембергского и Гюльзена отступили к Шпандау. Столица Пруссии была занята русскими войсками и с нее была взята контрибуция в размере полутора миллионов талеров.

Чернышев выслал всю конницу для преследования отступавшего противника, но русская конница настигла лишь арьергард пруссаков, который и был уничтожен, причем в плен были взяты 1200 человек.

Получив сведения о приближении из Саксонии к Берлину 70-тысячного войска Фридриха II, союзники 1 октября покинули Берлин и отступили: Чернышев — к Франкфунту, где еще в день занятия Берлина Фермор соединился с Румянцевым; Ласси — к Торгау.

Глава 11

ОСАДА КОЛЬБЕРГА И ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ФЛОТА

В кампанию 1758 года после сражения при Цорндорфе Фермор отправил бригаду генерал-майора Пальмбаха для овладения Кольбергом. К этому времени гарнизон крепости состоял из 700 человек под командованием майора Гейдена. Артиллерия насчитывала 130 пушек и 14 мортир. Артиллерийской прислуги не хватало, и она была пополнена за счет добровольцев из числа местного населения.

3 октября 1758 г. русские подошли к Кольбергу. В осаде участвовали четыре пехотных полка (около 3 тысяч человек) и пять эскадронов кавалерии при восьми 3-фунтовых пушках, шести 12-фунтовых пушка и шести единорогах.

8 октября генерал-майор Пальмбах получил приказ снять осаду и увел войска, но в 10 верстах от крепости он встретил полковника Яковлева с большим отрядом и приказом продолжить осаду. Русские устроили сильную бомбардировку Кольберга. У осажденных почти закончились боеприпасы. Однако 29 октября Пальмбах получил сведения, что на выручку Кольбергу идет генерал Платтен с 10-тысячным корпусом. Пальмбах не стал проверять эти сведения и 30 октября снял осаду и отступил к Стекау. Там он узнал, что у Платтена было всего четыре батальона пехоты, один драгунский полк и 400 гусар.

А теперь мы перейдем к действиям русского флота. В июне 1757 г. в ходе осады Мемеля (современная Клайпеда) в помощь сухопутным войскам был послан отряд судов под начальством капитана 1-го ранга Ляпунова в составе корабля, двух фрегатов, двух бомбардирских кораблей, двух прамов и транспорта с боеприпасами. Подвергнутый бомбардировке с суши и с моря, Мемель продержался всего 4 дня и капитулировал.

С июня по 12 октября 1757 г. русская Ревельская эскадра под командованием вице-адмирала А.И. Полянского блокировала прусские порты и была готова к предполагаемому вторжению британского флота на Балтику.

В 1758 г. русский флот, в составе которого было 24 корабля, вместе со шведской эскадрой (6 кораблей и 3 фрегата) под общим командованием адмирала З.Д. Мишукова все лето простоял близ Копенгагена

в ожидании британского флота. Увы, «просвещенные мореплаватели» так и не пришли на помощь не менее «просвещенному» королю. Так что Мишукову пришлось ограничиться досмотром купеческих судов, идущих на Балтику, на предмет провоза пруссакам недозволенных товаров.

В 1759 г. шведская эскадра, в составе которой было 7 кораблей, с февраля вела блокаду германского побережья. А со сходом льда в Ревеле к ней присоединилась и русская эскадра. Действия русских судов продлились до глубокой осени. Последний отряд вернулся в Ревель 11 ноября, когда гавань уже покрывалась льдом.

В 1760 г. командующему Балтийским флотом адмиралу Мишукову было приказано самостоятельно захватить крепость Кольберг. Армия же выделила для осады два отряда — драгун и казаков.

На соединенных эскадрах, Кронштадтской и Ревельской, состоявших из 27 кораблей и фрегатов и 17 мелких и транспортных судов, находилось до 1500 человек десанта пехоты, 100 лошадей, часть осадной и полевая артиллерия, шанцевый инструмент и лагерные принадлежности. Зайдя в Пиллау для принятия на суда находящейся там остальной осадной артиллерии, 15 августа Мишуков прибыл к Кольбергу, а на другой же день три бомбардирских корабля подошли к крепости и открыли артиллерийский огонь, поддерживаемый теми кораблями и фрегатами, осадка которых не позволяла им приблизиться к берегу.

Свезенный с флота трехтысячный десант, состоявший из солдат и матросов, взял укрепление, находившееся по восточную сторону реки Персанте, навел через нее мост и на другом берегу заложил брешь-батарею. Непосредственным руководителем осады был обер-цейхмейстер Демидов, который командовал и бомбардирскими кораблями.

На следующий день после высадки десанта на рейд пришла шведская эскадра из девяти судов. Бомбардировка продолжалась. Огонь кораблей и фрегатов был малоэффективен, так как они из-за большой осадки не могли близко подойти к берегу.

На выручку Кольберга из Силезии Фридрих отправил пятитысячный корпус генерала Вернера. 8 сентября 1760 г. осаждающие услышали о приближении пруссаков и в панике бежали на корабли. Одним из первых бежал их командующий, контр-адмирал С.И. Мордвинов.

Пруссаки взяли 600 пленных, 22 осадных орудия, множество боеприпасов и продовольствия. 10 сентября русско-шведская эскадра ушла от Кольберга. «Ближайшие участники осады, Демидов, Мордвинов и несколько офицеров отданы были под суд и только в исходе 1763 года получили прощение»[1].

Кольберг имел важное стратегическое значение, и Фридрих понимал, что русские вновь попытаются атаковать его. Поэтому король

---

[1] Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М.—Л.: Военмориздат, 1939. С. 81.

приказал корпусу герцога Вюртембергского (12 тысяч человек[1]) двинуться к Кольбергу и построить рядом с крепостью большой укрепленный лагерь.

25 июня 1761 г. в район Кольберга прибыл генерал-лейтенант П.А. Румянцев с 14-тысячным корпусом. При корпусе были 44 полевые пушки, 15 осадных пушек, 14 шуваловских и 7 больших гаубиц. Румянцев обосновался в районе Рюгенвальде в ожидании подхода русского флота.

Командовать эскадрой, действовавшей против Кольберга, был назначен вице-адмирал А.И. Полянский. На суда эскадры, состоявшей из 24 кораблей, девяти фрегатов и трех бомбардирских кораблей, а также нескольких транспортов, были посажены 7 тысяч десантников.

По прибытии 1 июля на Данцигский рейд Полянский поправил рангоут и такелаж и, приняв осадную артиллерию, отправился к Кольбергу. Но на пути, встретив противный ветер, по договоренности с Румянцевым свез десант и артиллерию в местечко Рюгенвальде.

Высадка войск и осадной артиллерии у Рюгенвальде была произведена с 21 июля по 11 августа. 13 августа к Кольбергу на расстояние пяти миль подошел русский флот и стал на глубине 8 сажен. Стрельба на такой дистанции была невозможна, и русские шлюпки приступили к промеру глубин, чтобы подвести суда поближе к крепости. На следующий день шлюпки отбуксировали бомбардирский корабль «Самсон» к батарее Персант-Минд. «Самсон» открыл «непрерывный мортирный огонь», а к вечеру к нему присоединились однотипные бомбардирские суда «Юпитер» и «Дондер». С них в город попало 38 бомб.

На следующий день к обстрелу города подключились корабли «Астрахань» и «Рафаил», а также фрегаты «Архангел Михаил» и «Россия». Параллельно по крепости с берега действовала осадная артиллерия русских.

16 августа к русским присоединилась шведская эскадра из шести кораблей и трех фрегатов под флагом контр-адмирала Нильса Силандера Шольта. 22 августа на барказах шведской эскадры на берег был свезен десант из 2012 матросов и солдат с офицерами под командованием капитана 1-го ранга Спиридова. Также на берег были свезены 51 Кугорнова мортирка и 19 орудий сухопутной артиллерии. Десант высадился близ деревни Инкенгаген.

В осажденной крепости стала ощущаться нехватка продовольствия, и в начале сентября принц Вюртембергский отправил почти всю конницу и часть пехоты в район Трептова, в тыл русских, для фуражировки, том есть отъема продовольствия у населения. Полковник Бибиков отрезал этому отряду отступление, разбил его и взял в плен 500 человек, в то числе генерала Варнери, командовавшего отрядом, две пушки и 20 фур с продовольствием. Разбитые пруссаки отступили в Штеттин.

---

[1] По другим источникам, 8 тысяч человек.

24 сентября ушли пять шведских кораблей, а 28 сентября и русский флот отправился зимовать в Ревель. На рейде Кольберга остались корабли «Варахаил», «Нептунус», фрегат «Архангел Михаил» и два шведских корабля.

Воспользовавшись уходом основных сил русского флота и разразившимся 2 октября сильным штормом, пруссаки сумели доставить морем из Штеттина немного провианта.

В октябре русские овладели гордом Трептовом на реке Рега, взяв в плен генерала Кноблоха с двухтысячным отрядом, который пытался прорваться в Кольберг.

На помощь Кольбергу Фридрих II отправил корпус генерала Платтена. В конце сентября Платтену удалось прорваться в город. Но прибытие новых ртов лишь осложнило продовольственную проблему.

3 ноября отряды принца Вюртембергского и генерала Платтена бежали из лагеря под Кольбергом. Каждый гусар был обязан посадить на своего коня дополнительно одного гренадера.

С 5 по 13 ноября русские овладели несколькими внешними укреплениями крепости. От непрерывной бомбардировки в Кольберге постоянно возникали большие пожары.

5 (16) декабря 1761 г. начальник гарнизона Гейден капитулировал. В числе пленных были 76 офицеров и около 2800 нижних чинов. Трофеями русских стали 136 орудий. К этому времени принц Вюртембергский был уже на зимних квартирах в Мекленбурге, а генерал Платтен — в Саксонии.

Глава 12

ГОЛШТИНЕЦ НА РУССКОМ ТРОНЕ

Согласно русскому плану кампании 1761 г., предполагалось перейти реку Одер, очистить путь шведской армии, а затем двинуться на Берлин, чтобы завершить войну.

Фельдмаршал А.Б. Бутурлин, сменивший Салтыкова, обследовал гавани в Рюгенвальде, Любе и других портах и убедился, что зимой ими пользоваться нельзя. Зимние квартиры было решено устроить в районе Данцига и на Висле.

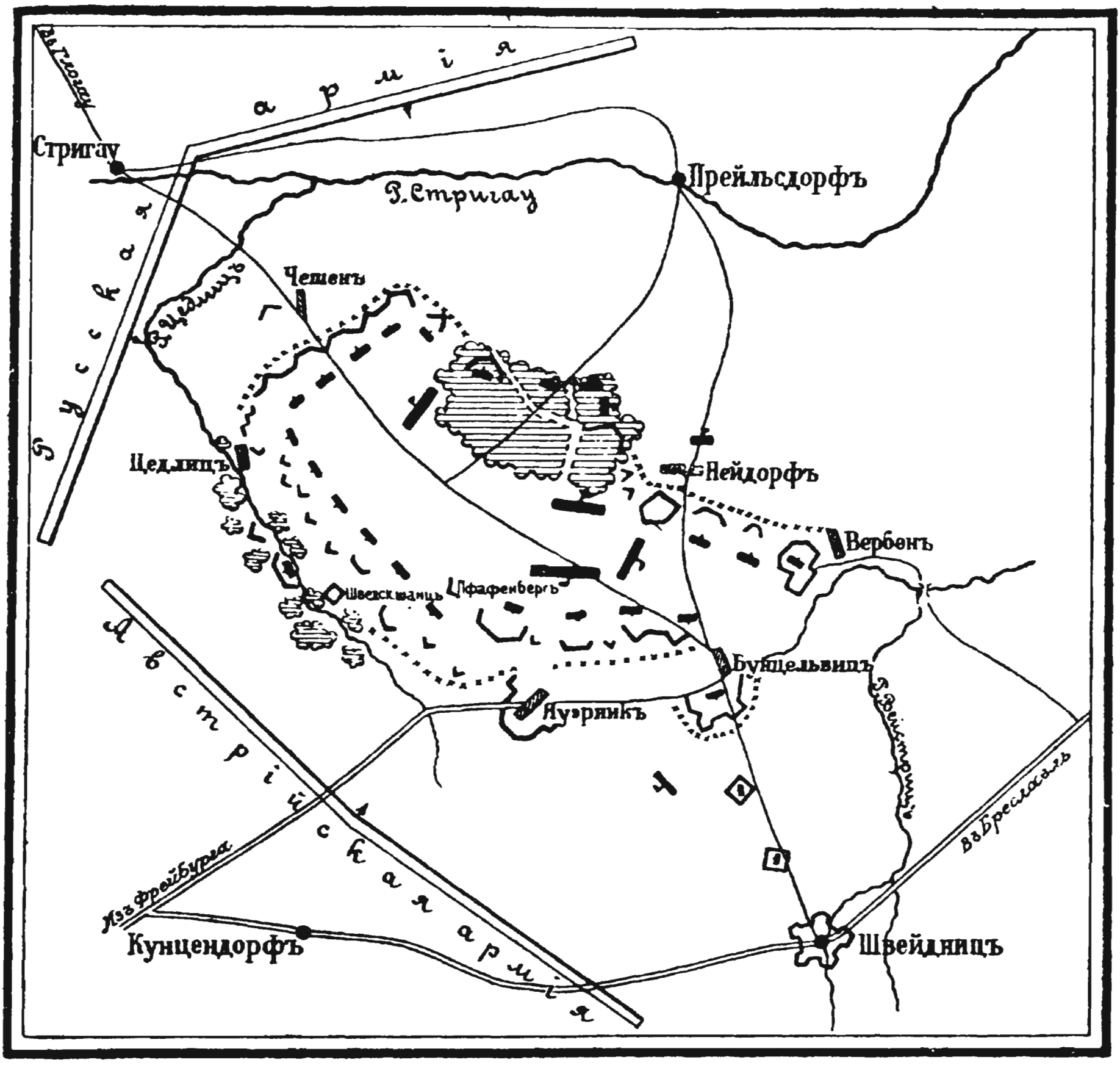
В связи с требованиями Австрии оказать ей помощь в Силезии и в районе Кюстина в план пришлось ввести поправки.

Конференция решила действовать самостоятельно, особенно после получения сведений о секретных переговорах между Австрией и Францией, намеревавшихся заключить сепаратный мир. Конференция уведомила Вену, что ей известно об этих переговорах, и если союзники не откажутся от такой политики, то Россия будет вести войну одна. Австрия принесла России извинения и сообщила, что она намерена продолжать войну.

В мае 1761 г. Бутурлин двинулся к Бреславлю на соединение с австрийской армией фельдмаршала Лаудона. Союзники встретились у Старого Стригау. У Бутурлина было 65 тысяч солдат, а у Лаудона — 75 тысяч. Фридрих II имел против них всего 60 тысяч человек. И вот король первый и последний раз за свою полководческую карьеру решил отсидеться в укрепленном лагере.

По приказу короля прусские войска построили Бунцельвицкий лагерь на невысокой холмистой гряде. Лагерь представлял собой неправильный пятиугольник длиной 7 верст и шириной 2 версты.

«Лаудон убеждал Бутурлина решиться на атаку пруссаков соединенными силами, но Бутурлин не соглашался с ним, сомневаясь в содействии австрийцев и будучи убежден, что недостаток продовольствия заставит короля сдаться на капитуляцию и без кровопролития; последнего можно было ожидать с полным основанием, так как союзные войска блокировали Бунцельвицкий лагерь, запасов же Швейдница могло хватить ненадолго. Три недели продолжались споры между Лаудоном и Бутурлиным и кончились тем, что Бутурлин, не желая подчиняться распоряжениям Лаудона и не получая от австрийцев продовольствия для своей армии в достаточном количестве, в ночь на 10 сентября, от-

Бунцельвицкий лагерь Фридриха II

командировав в распоряжение Лаудона 12-тысячный корпус Черныше-ва, с остальными войсками двинулся в Польшу.

Оставленный русскими, австрийский главнокомандующий не решился атаковать пруссаков и отступил к Фрейбургу. Узнав об отступлении армии Бутурлина, Фридрих выслал 11 сентября вслед за ней отряд Платтена в составе 14 батальонов и 25 эскадронов с целью истребить русский магазин в Познани и лишить Бутурлина возможности двинуться к Берлину или Глогау»[1].

Я здесь специально процитировал официальных царских историков. Советские же историки нагло валили все на австрийцев. Вот, к примеру, процитирую Л.Г. Бескровного: «Русское командование пыталось объединить союзные войска, но добиться этого не удалось. В сентябре Бутурлин отвел свои войска к Познани, а затем на Вислу»[2].

---

[1] Военная энциклопедия. Т. V. С. 151.

[2] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 284—285.

На самом же деле австрийцы мечтали изловить прусского короля, а Бутурлин тянул время, держа нос по ветру. В Петербурге же весь 1761 год царедворцы «сидели на чемоданах» и ждали. Уже в феврале императрица выслушивала доклады, лежа в постели. 17 ноября у нее начались сильные припадки, но вскоре с помощью лекарств Елизавета немного поправилась.

12 декабря царице вновь стало плохо — «жестокая рвота и кровь с кашлем». 25 декабря 1761 г. после двух суток агонии Елизавета Петровна скончалась.

Так что Бутурлин знал, что делал. Отведя армию на зимние квартиры, он кинулся в Петербург и уже по дороге получил известие о смерти императрицы. В столице Бутурлин был милостиво принят новым императором, Петром III, который полностью оправдал все действия фельдмаршала в кампанию 1761 года.

Перед смертью Елизавета Петровна потребовала от Сената обещания не заключать мира с Пруссией без участия союзников. Однако через несколько часов после смерти тетушки Петр III отправил своего любимца Андрея Гудовича в Берлин с известием о своем восшествии на престол и с предложением Фридриху II «доброго согласия и дружбы». Ко времени приезда Гудовича в Берлин король находился в Бреславле. 31 января 1762 г. Фридрих получил весть о приезде посла Петра III и о содержании его грамоты. «Благодарение небу, — писал король своему брату Генриху, — наш тыл свободен». «Голубица, принесшая масличную ветвь в ковчег», Гудович , был приглашен в Бреславль и принят с распростертыми объятиями.

28 января 1762 г. Фридрих отвечал Петру: «Особенно я радуюсь тому, что ваше императорское величество получили ныне ту корону, которая вам давно принадлежала не столько по наследству, сколько по добродетелям и которой вы придадите новый блеск».

Петр III начал в одностороннем порядке освобождать прусских пленных и велел передать немцам часть больших запасов зерна, собранных в русских магазинах и предназначенных для кампании 1762 года.

Новый британский премьер-министр лорд Бьют, не зная о пресмыкании Петра III перед Фридрихом, отправил новому русскому императору письмо, в котором обещал заставить своего союзника, то есть прусского короля, отдать России все германские области, которые запросит Петр III. Взамен Бьют просил, чтобы Россия осталась в составе коалиции против Фридриха. Теперь король потерял своего последнего серьезного союзника. Однако Петр не ответил лорду, а переслал оригинал письма Фридриху.

Петр III приказал 20-тысячному корпусу Чернышева отделиться от австрийской армии. Он же предложил Марии Терезии заключить перемирие с Пруссией, а получив отказ, повелел корпусу Чернышева присоединиться к... войскам Фридриха.

С Гудовичем, не имевшим никаких инструкций от Петра III, прусскому королю вести переговоры не имело смысла, поэтому он отпра-

вил в Петербург своего фаворита[1], 26-летнего адъютанта фон Гольца, произведя его по такому случаю в полковники. Гольцу король дал следующую инструкцию: «Существенная цель вашей посылки состоит в прекращении этой войны и в совершенном отвлечении России от ее союзников. Доброе расположение русского императора позволяет надеяться, что условия не будут тяжки...

Теперь рассмотрим, какие мирные предложения могут нам делать эти люди. 1) Они предложат отвести свои войска за Вислу, возвратить нам Померанию, но захотят удержать Пруссию или навсегда, или до заключения общего мира. На последнее вы соглашайтесь. Но 2) если они захотят оставить за собою Пруссию навсегда, то пусть они вознаградят меня с другой стороны. 3) Если они захотят очистить все мои владения под условием, чтоб я гарантировал им Голштинию, то подписывайте сейчас же, особенно если вы успеете выговорить у них гарантию Силезии»[2].

12 февраля 1762 г. Гольц прибыл в Петербург, и на следующий день его представили новому императору. Едва только он успел выговорить поздравления с восшествием на престол и уверение в дружбе своего короля, как Петр осыпал его самыми горячими уверениями в дружбе и бесконечном своем уважении к Фридриху II.

Прусский король поступил довольно умно. Он написал Петру III: «Вам угодно получить от меня проект заключения мира; посылаю его, потому что вашему императорскому величеству это угодно, но вверяюсь другу, распоряжайтесь этим проектом как угодно, я все подпишу; ваши выгоды — мои, я не знаю других. Природа наделила меня чувствительным и благодарным сердцем, я искренне тронут всем, что для меня сделано вашим императорским величеством. Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан. Отныне все, чем могу я вас обязать, все, что вам нравится, все, что от меня зависит, — все будет сделано, чтоб убедить ваше императорское величество в моей готовности предупреждать все ваши желания... В течение этой войны я потерял 120 генералов, 14 и в плену у австрийцев, наше истощение ужасно. Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочитает чувство чести»[3].

24 апреля (5 мая) 1762 г. канцлер Воронцов и полковник Гольц подписали мирный договор между Россией и Пруссией, подготовленный Фридрихом II.

Договор объявлял прекращенным состояние войны между Россией и Пруссией.

Русский император объявлял себя гарантом мира в Европе и в Германии особенно.

---

[1] Король Фридрих II, как сейчас говорят, придерживался нетрадиционной ориентации.

[2] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIII. С. 30.

[3] Там же. С. 32—33.

Россия без каких-либо компенсаций возвращала Пруссии в течение трех месяцев все свои завоевания: Восточную Пруссию, Померанию, Силезию, эвакуировала свою администрацию и войска из этих областей.

Россия предоставляла часть своих войск в пользу Пруссии, чтобы она могла победить Австрию.

Россия обещала помирить Пруссию со Швецией без ущерба для Пруссии.

В секретном же протоколе к договору Фридрих обещал помощь Петру III как герцогу Гольштейн-Готторпскому в войне с Данией и присоединении Шлезвига. Кроме того, король обещал способствовать избранию Курляндским герцогом родственника Петра III — герцога Георга Людвига Гольштейн-Готторпского, а также гарантировать в Польше существующий порядок избирательной, а не наследственной монархии и договариваться о кандидатурах на польский престол друг с другом.

В Петербурге, как и во всей стране, среди дворянства и особенно офицерства царило негодование как по поводу позорного мира с Пруссией, так и в связи с подготовкой похода в Данию. Выразителем общего негодования стал М.В. Ломоносов:

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд! О, странный оборот!

В итоге 28 июня 1762 г. гвардейцы под руководством братьев Орловых устроили в Петербурге переворот. Император Петр III был низложен, а затем убит в Ропше.

Любопытно, что с конца XIX века и по сей день ряд историков и литераторов делают попытки «реабилитировать» Петра III. Основной их козырь — несколько толковых указов императора, выпущенных за 186 дней его царствования, в том числе знаменитый указ «О вольности дворянства». Тут надо заметить, что оные указы, касавшиеся внутренних дел империи, писались не императором, а его советниками. Бесспорно, что после июльского переворота 1762 года Екатерина II, Екатерина Дашкова, Болотов и ряд других мемуаристов перегнули палку, описывая чудачества Петра. Но что касается прекращения войны с Пруссией и похода в Данию, то тут бредовость поступков императора очевидна.

Вот, к примеру, Александр Бушков пишет: «Достаточно взглянуть на подробную карту, чтобы убедиться: держава, владеющая Шлезвиг-Гольштейном, автоматически получает два важнейших военно-стратегических преимущества: во-первых, открывает своему флоту доступ в Северное море, во-вторых, способна без особого труда блокировать выходы из Балтийского моря. Шлезвиг — это ключ и к Балтике,

и к важнейшим торговым путям, связывающим Англию с остальным миром».

Далее идут рассуждения о важности Шлезвига, из-за которого Пруссия дважды (в 1848—1850 гг. и в 1864 г.) воевала с Данией и т.д.

Ну что же, возьмем карту и посмотрим — где Шлезвиг, а где Датские проливы, связывающие Балтийское море с Северным. Но вот если бы Россия построила две большие военно-морские базы в Шлезвиге — одну на Балтике, другую на Северном море в Киле, да еще базу на острове Гельголанд. Да еще завела бы два больших флота в каждом из морей, а заодно прорыла бы Кильский канал... То вот тогда действительно Российская империя могла бы контролировать Датские проливы. Предполагать такое можно только в очень сильной стадии опьянения.

Наследственное владение Петра III могло стать лишь обузой для России, которая все равно никогда не смогла бы его долго удерживать. Это прекрасно понимала Екатерина II, которая отказалась за себя и за несовершеннолетнего цесаревича Павла Петровича от прав на Голштинию.

Итак, с Голштинией все ясно. Но вот более сложный вопрос — была ли права Елизавета Петровна, присоединив к России Восточную Пруссию? Как мы уже видели, к концу 1761 г. Фридрих Великий был на грани поражения. Поэтому вполне вероятно, что если бы осенью 1761 г. Елизавета стала дееспособной хотя бы на год, в 1762 г. был заключен бы мир, по которому Восточная Пруссия стала бы русской губернией. Но вот сумела бы империя ее удержать? Ведь Восточная Пруссия к тому времени была с трех сторон окружена землями Речи Посполитой и не имела сухопутных границ с иными государствами. А по морю сообщение Восточной Пруссии с Россией могло осуществляться лишь с июня по ноябрь. Так что без полного раздела Речи Посполитой, осуществленного в 1795 г., удержать Восточную Пруссию было практически невозможно.

Самый же важный здесь вопрос: а зачем вообще России Восточная Пруссия? Ну как же! Это далеко выдвинувшийся на запад бастион, защищавший Россию. А главное, русские императоры становятся полноправными германскими монархами и смогут на законном основании вмешиваться в дела всех германских гособразований.

Увы, Восточная Пруссия с немецким населением, включенная в состав России, привела бы к германизации нашей страны. И так Петр I и его наследники привели к руководству Россией, ее армией и наукой немыслимое число немцев. Внутри империи уже существовало немецкое царство на территории Прибалтики.

Сейчас ряд либеральных авторов утверждают, что-де немецкого засилья на Руси в XVIII—XIX веках вообще не было и что против мудрых и достойных германских баронов выступали лишь писатели-неудачники и узколобые купцы с Охотного Ряда. На самом же деле против немецкой мафии выступало подавляющее большинство рус-

ских дворян и вообще все лучшие люди России — ученые, от великого Ломоносова до хирурга Пирогова, писатели — Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Гончаров, Чехов и др., и, что самое важное, талантливые генералы и офицеры — Румянцев, Потемкин, Суворов, Кутузов, Скобелев и т.д.

Вся Россия пересказывала диалог между Александром I и Ермоловым: «Как же мне наградить вас?» — «Ваше величество, произведите меня в немцы!» Как известно, «наш ангел» мог без всяких объяснений отправить в ссылку любого царедворца, того же Палена или Сперанского. Но тут самодержавная власть царя кончилась — струна была слишком сильно натянута. Александр вспомнил участь отца и деда и счел за лучшее промолчать в тряпочку.

Еще Ломоносов в своих одах пусть архаичным языком, но с гневом обращался к иностранцам, особенно к немцам, что сделали они для России, которая великодушно их приютила и

Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет.

Вместо того чтобы быть благодарными русскому народу, они стремятся унизить и подчинить его себе:

И вместо чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей.

Присоединение Восточной Пруссии с немецким населением неизбежно привело бы к тому, что наглые и чванливые прусские дворяне толпами рванулись бы в Петербург «на ловлю счастья и чинов». А русские монархи еще более увязли бы в германских делах. Вне всякого сомнения, это переполнило бы чашу терпения как дворян, так и народа, и с династией внебрачных дочерей Петра I было бы покончено навсегда.

Но, как говорится, история не терпит сослагательного наклонения. После 1991 г. действия Елизаветы Петровны в Восточной Пруссии оказались идеологически востребованы. И в 2003 г. в Балтийске (бывшем Пиллау) началась постройка огромной медной статуи Елизаветы Петровны работы армянского скульптора Георгия Франгуляна. Высота ее от копыт коня до треуголки на голове царицы составляет 6 м 35 см, что на 1 метр больше, чем у «Медного всадника» в Петербурге. Общая высота статуи с постаментом — свыше 14 м. А в самом постаменте-форте собираются открыть ресторан.

Глава 13

ТРИ РАЗДЕЛА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

28 июня 1762 г. императрицей «всея Руси» стала Екатерина II — этническая немка, не имевшая никакого отношения к Романовым и, соответственно, прав на престол. Все современники, включая Фридриха II, были уверены, что Екатерина — это лишь проходная фигура и в ближайшие месяцы последует очередной дворцовый переворот. Тем не менее императрица не только продержалась 34 года на русском престоле, но и получила титул Великой, то есть стала вторым после Петра и последним Великим монархом империи.

Успех Екатерины заключен в правильной национальной, внутренней и внешней политике. Великим людям свойственно как разумом, так и интуитивно ощущать масштаб исторических событий и государств. Наполеон в 22 года осознал разницу между Корсикой и Францией, навсегда покинул Аяччо и стал называть себя Наполеоном Бонапартом. Иосиф Джугашвили лишь в 33 года осознал разницу между Грузией и Россией и сменил партийный псевдоним Коба (от клички кавказского разбойника) на звучную русскую фамилию Сталин.

Замечу, что в окружении этих двух великих людей практически не было ни грузин, ни корсиканцев, хотя именно грузины и корсиканцы много сделали для выдвижения обоих.

Ангальт-Цербская принцесса София Фредерика Августа в 15 лет осознала разницу между своим крошечным княжеством и Россией. Она приняла православие и стала цесаревной Екатериной Алексеевной. И, как ни странно, именно она, немка, существенно ограничила германское засилье в России. Начну с того, что в длинном списке фаворитов любвеобильной Екатерины нет ни одного иностранца — все, как на подбор, природные русаки.

Мы никогда не узнаем, испытывала ли Екатерина ностальгию по Германии и по своим родственникам, но она ни разу с 15 лет не была в Германии и категорически запретила своей родне въезд в империю.

Екатерина II прекрасно понимала важность высококвалифицированных иностранных специалистов. Поэтому все компетентные в своей области немцы остались на своих местах. Но при подборе новых специалистов царица предпочитала нанимать англичан, французов, испанцев, греков и др. Таким образом, процент немцев среди всех иностранцев русской службы заметно снизился. Понятно, речь тут не

идет о совершенно обрусевших немцах. Как правило, второе или третье поколение немцев, находившихся на службе в России, переходило в православие, вступало в браки с русскими девушками, и о немецком происхождении напоминали лишь фамилии. Однако дворяне из «Прибалтийского заповедника» упорно считали себя немцами и служили не России, а ее царю, то есть считали себя наемниками.

Екатерина II постоянно довольно энергично вмешивалась в германские дела. Но это вмешательство имело диаметрально противоположные цели, чем те, которыми руководствовались ее предшественники. Если все цари, от Петра I до Елизаветы и Петра III, стремились «ногою твердой» встать в Германии, то Екатерина стремилась заставить Австрию и Пруссию помогать ей в решении национальных проблем России или по крайней мере не мешать.

Как уже говорилось, одной из двух высокоприоритетных задач было присоединение русских земель, захваченных в XIV—XVI веках Литвой и Польшей.

Польские и западные историки уже три века именуют процесс воссоединения земель Великой, Малой и Белой Руси разделом Речи Посполитой и все это время ищут виноватых в оном разделе.

В числе «злодеев» оказались Богдан Хмельницкий, монархи Пруссии, Австрии, России и другие, вплоть до... Молотова и Риббентропа. Когда так много виноватых, поневоле задумаешься и о жертве.

Как уже говорилось, деградация Польского государства началась еще в XV веке, а в XVII веке Речь Посполитую можно считать государством с очень большой натяжкой. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопов, любимую женщину, и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Говоря современным языком, паны жили не по законам, а «по понятиям».

В 1592 г. некий шляхтич, пан Януш захватил силой имение казачьего старшины Косинского. Началась двухлетняя казацкая война.

Не успело закончиться восстание Косинского, началась война Северина Наливайко. Причина та же. Жила-была в Остроге семья мещанина Наливайко. Старший сын, Демьян, был попом, а младший Северин служил пушкарем в частной армии магната Острожского. Но вот шляхтичу Калиновскому приглянулась земля семьи Наливайко в Гусятине. Пан, не долго думая, захватил надел, а старого Наливайко велел избить палками так, что тот на следующий деть отдал Богу душу. Северин Наливайко поднял казаков, и поляки получили четырехлетнюю гражданскую войну.

Польский шляхтич, чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу, чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорей всего, причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому

же Чаплинский велел высечь плетьми десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер.

Богдан пытался судиться с Чаплинским, но все было безрезультатно. Наконец сотник в январе 1646 г. добился приема у старого короля Владислава III. На жалобу Богдана король пожал плечами: ничего поделать с панами не могу. «А что, у тебя самого сабли нет? — поинтересовался король Владислав. — Эй! Выдать сотнику добрую саблю!»

А 18 апреля на майдане в Сечи Богдан крикнул: «Бей ляхов!» Королевская сабля вылетела из ножен, и в ответ взметнулись сотни запорожских сабель.

Бесчинства панов не только не уменьшались, но и возрастали. Так, шляхтич Лящ приговаривался к изгнанию судами Речи Посполитой 236 (!) раз. Но ни один из этих приговоров не был приведен в исполнение. Обнаглевший пан сшил себе кафтан из постановлений королевского суда и заявился в нем ко двору.

Польские паны творили беспредел не только у себя дома, но и постоянно нападали на соседние территории.

Общеизвестно, как пан Юрий Мнишек пригрел у себя монаха-расстригу, собрал большую частную армию и пошел походом на Москву. Но мало кто знает, что до этого магнат Адам Вишневецкий три года вел «частную» войну с воеводами Бориса Годунова за городки Прилуки и Сиетино.

А вот пример из середины XVIII века. Трахтомировский староста Щенявский с начала 60-х годов вел «частную» войну с русскими из-за островов на Днепре. Он убивал драгун-пограничников, а на захваченных островах ставил на страх русским виселицы. Но вот в 1768 г. Максим Железняк поднял казаков. Услышав о гайдамаках, шкодливый пан бежал на правый берег к Румянцеву — «Простите, я больше не буду». Уняли русские гайдамаков, пан Щенявский убыл на Левобережье и опять начал воевать с русскими, но на сей раз вместе с барскими конфедератами.

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

Значение королевской власти при Августе II и Августе III еще больше упало. И отцу, и сыну куда милей была тихая Саксония, чем буйные паны. Оттуда и «правили» Речью Посполитой оба короля.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений — liberum veto — приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652-го по

1764 год из 55 сеймов было сорвано 48, причем одна треть из них — голосом всего одного депутата.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII веке стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе русско-турецкой войны 1735—1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII, но и в XXI веке ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Помимо вышесказанного, у России накопилось и много мелких претензий к Речи Посполитой. Так, к примеру, в 1753 г. по результатам рекогносцировки местности, проведенной инженер-полковником де Боскетом, выяснилось, что вопреки Вечному миру 1686 года 988 квадратных верст российских земель незаконно оставались в польском владении, в том числе территории, приписанные к Стародубскому, Черниговскому и Киевскому украинским полкам. Вследствие непрерывных междоусобных споров русско-польская граница была укреплена только от «Смоленской губернии до Киева», на всем же остальном протяжении она оставалась практически открытой. Пользуясь этим, поляки самовольно населили десять городов Правобережной Украины, признанных по договору 1686 года спорными и поэтому не подлежащими заселению.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 года. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

И Екатерина II, и Фридрих II отлично понимали ситуацию в Речи Посполитой. Надо было все менять. Вопрос был лишь в средствах — терапевтических или хирургических.

В конце 1750-х годов король Август III стал хворать, и польские магнаты загодя начали думать о его преемнике. Естественно, что сам король мечтал передать свой трон сыну — курфюрсту Саксонскому, так сказать, сохранить традицию. Во главе саксонской партии были премьер-министр Бриль и его зять, великий маршал, коронный граф Мнишек, а также могущественный клан магнатов Потоцких.

Против них выступал клан князей Чарторыских[1]. Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией еще в 20—30-х годах

---

[1] В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

XVIII века. Чарторыские, по польской версии,происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской — от другого сына Ольгерда Черниговского, князя Константина. Прозвище свое они получили от имения Чарторыск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторыских были православными, но князь Юрий Иванович, по одним данным, в 1622 г., а по другим — в 1638 г. перешел в католичество.

Чарторыские предлагали осуществить ряд реформ в Польше, причем главной из них должен был стать переход всей полноты власти к Фамилии. Они утверждали, что новым королем должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены Фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии, и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Ее дальний предок, германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторыским примкнул и Станислав Понятовский (1676—1762 гг.) — воевода Мазовецкий и каштелян Краковский.

Стась Понятовский, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и в качестве шведского генерала участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королем в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского проиграно, Понятовский поехал мириться с королем Августом II.

После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамилией. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии, Дрездене, при дворе короля Августа III. Там юный плейбой приглянулся сэру Генбюри Вильямсу — английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берет с собой двадцатитрехлетнего Станислава.

А далее началась любовно-детективная история, по сравнению с которой все сказки о мушкетерах, анжеликах и гардемаринах становятся скучными и глупыми.

Вильямс решает с помощью денег и чар красавца Станислава сделать своим агентом влияния 26-летнюю цесаревну — глупую немецкую

принцессу, оказавшуюся в далекой северной стране, во враждебном окружении. Муж третирует ее и даже не желает с ней спать. А императрица Елизавета Петровна, наоборот, смотрит на нее как на машину для производства наследника престола.

И действительно, Екатерина берет деньги у Вильямса охотно и много. Общей суммы «вклада» мы никогда не узнаем. Сохранились лишь две расписки, подписанные великой княгиней на общую сумму в 50 тысяч рублей, помеченные 21 июля и 11 ноября 1756 г. И заем 21 июля был, очевидно, не первый, так как, испрашивая его, Екатерина писала банкиру Вильямса: «Мне тяжело опять обращаться к вам».

Параллельно цесаревна проглатывает и другой крючок — отдается Стасю и безумно влюбляется в него.

Итак, обычный сюжет из классических романов и лучших отчетов разведслужб. Деньги и секс помогают завербовать агента. Но здесь вопреки всем законам жанра молодая девушка, получившая убогое образование в Германии и действительно окруженная врагами в Петербурге, сама обыгрывает и делает своими агентами матерого британского шпиона и его польского коллегу.

В романе такой поворот событий критики назвали бы надуманным, но в жизни произошло именно так.

Матерый разведчик строил планы на далекую перспективу. 16 ноября 1756 г. он писал цесаревне: «Льщу себя надеждой, что когда-нибудь Вы и король Пруссии как Ваш помощник (lieutenant) сделаете его [Понятовского. — *А. Ш.*] королем Польши»[1].

Екатерина сделал вид, что пропустила это предложение мимо ушей, но ровно через 6 лет она начинает секретные переговоры с Фридрихом II о судьбе польского престола в случае смерти Августа III. Обе стороны поддерживали кандидатуру Станислава Понятовского.

1 февраля 1763 г. в Петербург поступили сведения об ухудшении здоровья Августа III. Через два дня по указанию царицы был созван совет с участием канцлера М.И. Воронцова, вице-канцлера А.М. Голицына, Н.И. Панина, А.П. Бестужева-Рюмина и М.Н. Волконского. Престарелый граф Бестужев-Рюмин попытался агитировать за сына Августа III Карла, но большинство членов совета, а главное, сама Екатерина, были за избрание в короли Пяста. Совет постановил сосредоточить тридцать тысяч солдат на границе с Речью Посполитой, а еще пятьдесят тысяч держать наготове.

5 октября 1763 г. наконец-то умер король Август III. «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского; король Прусский из-за стола вскочил, как услышал», — писала Екатерина Панину.

Гетман Браницкий привел в боевую готовность коронное (польское) войско, к которому присоединились саксонские отряды. В ответ

---

[1] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. М., 1909.

Чарторыские обратились прямо к императрице с просьбой прислать им на помощь две тысячи человек конницы и два полка пехоты.

К тому времени в Польше имелись лишь небольшие отряды русских (полторы-две тысячи человек), охранявшие магазины (склады), оставшиеся после Семилетней войны. Эти силы было решено собрать и двинуть к резиденции коронного гетмана в Белостоке. Русский посол в Польше князь Н.В. Репнин писал графу Н.И. Панину: «Правда, что этого войска мало, но для Польши довольно; я уверен, что пять или шесть тысяч поляков не только не могут осилить отряд Хомутова, но и подумать о том не осмелятся».

В начале апреля 1763 г. в Польшу были введены новые части. Первая колонна под командованием князя М.Н. Волконского двигалась через Минск, а вторая, под командованием князя М.И. Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Дашковой), шла через Гродно.

10 (21) апреля 26 польских магнатов подписали письмо Екатерине II, в котором говорилось: «Мы, не уступающие никому из наших сограждан в пламенном патриотизме, с горестию узнали, что есть люди, которые хотят отличаться неудовольствием по поводу вступления войск вашего императорского величества в нашу страну и даже сочли приличным обратиться с жалобою на это к вашему величеству. Мы видим с горестию, что законы нашего отечества недостаточны для удержания этих мнимых патриотов в должных пределах. С опасностию для нас мы испытали с их стороны притеснение нашей свободы именно на последних сеймиках, где военная сила стесняла подачу голосов во многих местах. Нам грозило такое же злоупотребление силы и на будущих сеймах, конвокационном и избирательном, на которых у нас не было бы войска, чтоб противопоставить его войску государственному, вместо защиты угнетающему государство, когда мы узнали о вступлении русского войска, посланного вашим величеством для защиты наших постановлений и нашей свободы. Цель вступления этого войска в наши границы и его поведение возбуждают живейшую признательность в каждом благонамеренном поляке, и эту признательность мы сочли своим долгом выразить вашему императорскому величеству».

В числе подписей были имена епископа куявского Островского, епископа плоцкого Шептицкого, Замойского, пятерых Чарторыских (Августа, Михаила, Станислава, Адама и Иосифа), Станислава Понятовского, Потоцкого, Лобомирского, Сулковского, Соллогуба, Велепольского.

Прошу извинения у читателя за длинную цитату, но как заткнуть пасть нашим либералам-русофобам?

31 марта (11 апреля) 1764 г. в Петербурге были подписаны русско-прусский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши. В соответствии с третьим артикулом трактата, Пруссия обязывалась выплачивать России ежегодные субсидии в 400 тысяч рублей в случае ее войны с Турцией или Крымом. Екатерина и Фридрих договорились избрать королем Станислава Понятовского, что и

было зафиксировано в конвенции. Стороны договорились сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши, совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских».

Замыслам Екатерины и Фридриха способствовала и смерть 6 декабря 1763 г. сына короля Августа III, Карла Августа. Младшему же сыну покойного короля, Фридриху Августу исполнилось только 13 лет, и избрание королем его было маловероятно. Главным противником Станислава Понятовского мог стать только гетман Браницкий.

Чтобы иметь повод для постоянного вмешательства в польские дела, Екатерина II и Фридрих II решили взять под защиту польских диссидентов. Через 200 лет этот прием используют США и страны Западной Европы для вмешательства во внутренние дела СССР. Но если в СССР шла речь о политических диссидентах, то в Польше имелись лишь религиозные диссиденты — православные и протестанты. Причем православными были белорусы и украинцы, а протестантами — в основном, немцы.

Как уже знает читатель, гонения на православных и протестантов продолжались уже много веков. И чем-то знаменательно, что в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича, князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования, получил отказ, и следствием этого стал первый раздел Польши.

Для начала Репнин решил действовать в диссидентском вопросе чисто польским методом — создать диссидентскую конфедерацию. Но вскоре выяснилось, что православной шляхты в Речи Посполитой «кот наплакал» (русские дворяне в большинстве своем приняли католицизм еще в XVII веке). В результате православную конфедерацию, созданную 20 марта 1767 г. в Слуцке, возглавил кальвинист, генерал-майор Я. Грабовский. В тот же день в Торне была создана протестантская конфедерация под руководством маршала Генриха фон Гольца.

23 сентября 1767 г. в Варшаве начался внеочередной сейм, который должен был хотя бы частично уравнять в правах католиков и диссидентов. Репнину удалось склонить короля Станислава к позитивному решению вопроса. Русские войска, не покидавшие Польши со времени избрания Станислава, были стянуты к Варшаве.

Тем не менее предложение Репнина о диссидентах натолкнулось в сейме на жесткую оппозицию. Наиболее рьяно выступали краковский епископ К. Солтык и шведский епископ Ю. Залусский, а также краковский воевода В. Ржевусский.

Репнин решил вопрос весьма радикально: в ночь на 3 октября все трое фанатиков были арестованы русским полковником Игельстреном и отправлены в... Калугу. В имения других оппозиционеров были направлены русские отряды. В итоге 21 февраля 1768 г. сейм утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнение в гражданских правах представителей всех конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т.д.

Недовольные паны собрались в начале 1768 г. в городке Бар, в 60 верстах к западу от Винницы, и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма о диссидентах. Во главе конфедерации стали подкормий Разанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Польские паны попытались пополнить ряды своих войск за счет казаков правобережной Малороссии. Однако в подавляющем большинстве казаки попросту разбежались. А притеснения панами православных на Правобережье привело к большому крестьянскому восстанию, зачинщиками которого стали запорожцы. Поляки, желая оскорбить повстанцев, назвали их «гайдамаками», от турецкого слова «разбойник». Но крестьяне Правобережья с гордостью говорили: «Однако мы уси гайдамаки».

И вот тогда паны, барские конфедераты попросили помощи у России. Екатерина II долго думала, но в конце концов приказала генерал-майору Кречетникову подавить бунт гайдамаков. Как говорится, «и на старуху бывает проруха». Нет бы матушке-государыне погодить, пока гайдамаки зарежут последнего ляха, а вот тогда... Может, и не было бы сейчас «незалежной» Украины.

Набег гайдамаков на местечко Балта на турецко-польской границе был использован Турцией как повод для нападения на Россию. Ход русско-турецкой войны 1768—1774 гг. выходит за рамки нашего исследования, а интересующихся я отсылаю к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград» (М.: Вече, 2005). Здесь лишь скажу, что значительная часть русских войск в ходе войны была связана борьбой с конфедератами в Польше, которой помогал людьми, деньгами и оружием Людовик XV. Именно в Польше в 1768—1773 гг. обрел первые лавры полководца Александр Суворов.

А пока русские и польские отряды гонялись друг за другом по всей Речи Посполитой и Литве, австрийские войска тихо перешли польско-венгерскую границу и заняли два староства, причем вместе с пятью-стами деревнями захватили богатые соляные копи Велички и Бохни. Целью этой акции было не умиротворение конфедератов, а отчуждение земли в пользу Австрийской империи. Новая администрация этих староств применяла печать с надписью: «Печать управления возвра-

щенных земель». Земли эти объявлялись «возвращенными» на том основании, что в 1412 г. они отошли к Польше от Венгрии.

А еще в 1769 г. Фридрих II отправил в Петербург своему послу, графу Сольмсу план раздела Речи Посполитой, так называемый проект Линара. Сольмс начал обсуждение этого проекта с графом Н.И. Паниным, но тогда Екатерина еще и слышать не хотела о разделе. Тогда Фридрих решил действовать самостоятельно и под предлогом защиты своих владений от морового поветрия, свирепствовавшего в южной Польше, занял пограничные польские земли.

Обратим внимание, с 1700-го по 1772 год Россия не присоединила к себе ни вершка территории Речи Посполитой. Это к вопросу об ответственности за раздел Польши.

В сентябре 1770 г. — январе 1771 г. состоялась поездка брата прусского короля, принца Генриха в Петербург. В ходе бесед с Генрихом в конце декабря 1770 г. Екатерина II впервые согласилась на обсуждение вопроса о разделе Речи Посполитой. К этому времени Пруссия и Австрия уже «де-факто» захватили часть польских земель. Россия была связана тяжелой войной с турками и не могла и думать о конфликте с Пруссией и Австрией из-за Польши.

В конце марта 1771 г. прусский кабинет-министр К.В. Финк фон Финкенштейн заявил австрийскому послу ван Свиттену, что, «по мнению короля, венский двор мог бы изложить свои права и претензии на другие [кроме Ципса] части Польши, поскольку другие соседи этого королевства поступят именно так». После того как ван Свиттен, связавшись с Веной, заявил об отсутствии у Австрии территориальных претензий к Польше, Фридрих, на этот раз лично, сказал ему: «Поройтесь в своих архивах, и Вы найдете там предлог приобрести в Польше еще что-нибудь, помимо того, что Вы уже оккупировали... Поверьте мне, надо пользоваться случаем, я возьму свою долю, Россия — свою, это не приведет к значительному увеличению наших территорий, но это будет полезно всем нам. Кроме того, поскольку наши дворы хотели бы способствовать умиротворению Польши и поддержанию в ней спокойствия, наши новые приобретения могут помочь нам выполнить эту задачу более эффективно».

После долгих согласований вопроса о территориях, отходящих к участникам раздела, 6 (17) февраля 1772 г. в Петербурге была подписана секретная конвенция с Пруссией, а 25 июля (5 августа) — с Австрией.

С русской стороны конвенция была подписана главой Коллегии иностранных дел графом Н.И. Паниным и вице-канцлером князем Александром Михайловичем Голицыным, за Пруссию подписался граф Виктор Сольме, а за Австрию — князь Иосиф Лобкович.

Любопытно, что обе конвенции начинались одинаково: «Во имя Пресвятой Троицы...»

По этим конвенциям Пруссия получала: всю Померанию, исключая город Данциг с округом. Часть Великой Польши между Вислой на

востоке и рекой Ницей (Нитце) на юге, так что она составляла границу между Пруссией и Польшей. Юго-западную часть Восточной Пруссии, включая Мариенбург и Эльбинг. Епископство Вармское и воеводство Кульмское, но без города Торна (Торунь), который остался за Польшей.

Австрия получала: Правобережье реки Вислы, от Силезии до Сандомира и до впадения реки Сан, откуда граница шла по прямой линии на Фрамполь до Замостья, а оттуда на город Грубешов и до реки Западного Буга, западнее города Владимира Волынского. От Западный Буг граница Австрии с Польшей теперь проходила по исторической границе Червонной Руси, которая ныне является границей Польши с Подолией, до окрестностей города Збараж, а оттуда на юг по прямой линии до реки Днестр, вдоль небольшой речки Подгорче, которая отделяет незначительную часть Подолии до своего впадения в Днестр. Отсюда граница шла по старой австрийской границе с Молдавией.

Россия получала часть Литвы, то есть Литовского княжества, состоящую из воеводств Полоцкого и Витебского, с границей по реке Западная Двина, а оттуда на юг по прямой линии до Орши, и затем граница России с Польшей шла по естественным рубежам, по реке Друть до впадения ее в Днепр, а затем по течению Днепра, так что все Левобережье Днепра осталось за Россией и в пределах Белоруссии, и в пределах Малороссии, где сохранялась старая граница — от Лоева по Днепру. Киев (на Правобережье) как анклав сохранялся, как и по миру 1686 г., за Россией.

Пруссия, Австрия и Россия договорились держать в тайне конвенцию о разделе Польши до сентября 1772 г. В сентябре Пруссия и Австрия ввели свои войска в установленные конвенцией области Польши, а русские войска уже были на местах. Внезапность акции, а также значительное неравенство сил привели к тому, что раздел прошел без войны с поляками.

Тем не менее, поскольку Речь Посполитая продолжала и после раздела существовать как государство, требовалось хоть какое-то формальное согласие поляков. Чрезвычайный польский сейм удалось созвать лишь 8 (19) апреля 1773 г., и он заседал в Варшаве до сентября 1773 г., когда союзные государства заставили подписать его три отдельных договора с Пруссией, Австрией и Россией, закреплявших отчуждение польских земель. 8 сентября 1773 г. король Станислав Август ратифицировал эти договоры.

Кючук-Кайнарджийский мир, заключенный в 1774 г., оказался не миром, а перемирием между двумя войнами. Турки жаждали реванша. Осенью 1788 г. в преддверии войны Екатерина II предложила польскому королю Станиславу Августу военный союз против турок. Османы были давними врагами поляков, да и императрица обещала королю Стасю турецкие Подолию и Молдавию за помощь в войне.

Король Станислав Август был всей душой за этот союз. Но прусский посол Бухгольц подал Варшавскому сейму ноту, в которой говорилось,

что прусский король не видит для Польши ни пользы, ни необходимости в союзе с Россией, что не только Польша, но и пограничные с ней прусские владения могут пострадать, если республика заключит союз, который даст туркам право вторгнуться в Польшу. Если Польша нуждается в союзе, то прусский король предлагает ей свой и прусский король постарается сделать все, чтобы избавить поляков от чужестранного притеснения и от нашествия турок, обещает всякую помощь для охранения независимости, свободы и безопасности Польши.

На самом же деле Фридрих Вильгельм II смертельно боялся усиления Австрии и России в ходе турецкой войны. Пруссия ничего не могла получить при разгроме Оттоманской империи. Но если дядя (Фридрих Великий) воспользовался первой турецкой войной и получил часть Польши, то почему его племянник (Фридрих Вильгельм) не может получить еще больший кусок, не сделав ни одного пушечного выстрела?

Присоединение Польши к России и Австрии в ходе войны с Турцией давало ей последний шанс остаться на карте Европы независимо от исхода кампании. Даже в случае поражения России, что представляется весьма маловероятным, Польша выигрывала. России было бы не до захвата польской земли, но при этом Екатерина вряд ли допустила бы раздел Польши между Австрией и Пруссией, я уж не говорю о победителе — турецком султане, который стал бы диктовать свои условия. В случае же успеха России Польша уже в ходе войны смогла бы создать мощную, хорошо обученную и дисциплинированную армию, а после заключения мира — получить обширные территории на юге, присоединение которых, с одной стороны, поддержало бы материально Польское государство, а с другой — стимулировало бы взрыв патриотизма среди поляков. Предположим на секунду, что Россия в ходе второй турецкой войны овладела бы Проливной зоной. Тогда даже на мирное «переваривание» причерноморских земель ей потребовалось бы не менее полувека. Но 50 лет мира в этой ситуации — чистая утопия. России пришлось бы постоянно воевать за Проливную зону как с остальными частями Оттоманской империи, так и с европейскими государствами. Риторический вопрос: было бы дело России до Польши?

Однако радные паны предпочли поверить Фридриху Вильгельму, а не Екатерине. Уже три столетия правящие круги Польши не покидает иллюзия, что существуют сильные государства, главной целью которые является совершенно бескорыстная поддержка поляков и которых готовы сражаться до последнего своего солдата за Великую Польшу «от можа до можа». Увы, ни уроки конца XVII века, ни 1807 год, ни 1812-й, ни 1831-й, ни 1863-й, ни даже 1939 г. ничему поляков не научили.

Итак, позиция прусского короля вызвала в ноябре-декабре 1788 г. бурную поддержку среди шляхты, а точнее, среди подавляющего ее большинства.

14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было

такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам».

В Польше же Французская революция произвела еще большее впечатление. Польская шляхта, совершенно не разбираясь в событиях во Франции, решила подражать якобинцам.

В конце 1790 — начале 1791 годов польский высший свет охватила идея введения новой конституции. В ее создании приняли участие Чарторыские, Игнатий Потоцкий, Станислав Малаховский, братья Чацкие, Станислав Солтык — племянник известного епископа, Немцевич, Вейссергоф, Мостовский, Матушевич, Выбицкий, Забелло и др.

О введении новой конституции было торжественно объявлено в Варшаве 22 апреля (3 мая) 1791 г. Фактически произошел государственный переворот.

В Петербурге к майскому перевороту отнеслись достаточно спокойно. «Мы как прежде, так и теперь остаемся спокойными зрителями до тех пор, пока сами поляки не потребуют от нас помощи для восстановления прежних законов республики», — отвечала Екатерина на донесение Булгакова о перевороте. Но позже тон стал несколько меняться. Так, летом 1791 г. Екатерина писала Григорию Потемкину: «Мы не желаем разрыва с поляками, хотя после столь наглого с их стороны нарушения дружбы, после ниспровержения гарантированных нами учреждений, после многих нанесенных нам оскорблений имели бы на то полное право».

Нетрудно догадаться, что польские реформы не понравились императрице, но турецкая война связывала ей руки.

Но вот ситуация кардинально меняется. 29 декабря 1791 г. Россия и Турция заключили мир. А 7 февраля 1792 г. Австрия и Пруссия заключили военный союз против революционной Франции.

Между тем Польша бурлила. Но дело было не в реформах, о которых столько говорили, но ничего не делали. Паны сводили счеты между собой. Заодно усилились преследования диссидентов. Многие обиженные магнаты стали просить помощи у соседних государств. Так, Феликс Потоцкий и С. Ржевуский прибыли в начале 1792 г. в Петербург и обратились с просьбой к русскому правительству о помощи для восстановления старой конституции.

В конце мая — начале июня 1792 г. генерал граф М.В. Каховский ввел 65-тысячную русскую армию в пределы Польши. Сразу после ввода войск в маленьком украинском городке Таргович образовалась конфедерация для восстановления старой конституции. Феликс Потоцкий был провозглашен ее генеральным маршалом, а Браницкий и Ржевуский — советниками. К ним присоединились Антон Четвертинский, Юрий Виельгорский, Мошинский, Сухоржевский, Злотницкий, Загорский, Кабылецкий, Швейковски и Гулевич.

Каховскому противостояла 45-тысячная армия под командованием племянника короля, князя Иосифа Понятовского. Узнав о походе

русских, Понятовский отступил сначала за реку Случь (она же Десна), а затем и за Буг.

В Литву русские войска вступили под командованием генерала М.Н. Кречетникова и не встретили там сопротивления. 31 мая 1792 г. русские заняли Вильно, где с торжеством провозгласили литовскую конфедерацию для восстановления старой конституции. 25 июня был взят Гродно.

Армия Каховского форсировала Буг 5 июля и разгромила поляков у деревни Дубенки. 14 июля русские войска заняли Люблин.

Предчувствуя очередной раздел Польши, ее вельможи начинали строить самые химерические проекты. Так, король Станислав Август предложил сделать своим наследником внука Екатерины II, великого князя Константина. При этом королевский титул должен был стать наследственным для потомков Константина. А Игнатий Потоцкий предложил в Берлине сделать наследником польского короля Людовика — второго сына прусского короля.

12 (23) января 1793 г. в Петербурге вице-канцлер граф Иван Андреевич Остерман и посланник Пруссии граф Генрих Леопольд фон дер Гольц подписали секретную конвенцию о втором разделе Польши. Конвенция начиналась традиционно: «Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы...» Ради Троицы Россия получала левобережную Украину и значительную часть Белоруссии. Соответственно, Пруссия получала западную часть Польши, в том числе Данциг и Данцигский округ, а также территорию по линии Ченстохов — Рава — Солдау.

Австрия во втором разделе Польши не участвовала.

Екатерина II и русское правительство были удовлетворены вторым разделом Польши и желали лишь спокойствия и стабильности в остальной части Речи Посполитой. Разумеется, дело не в том, что Екатерина к старости стала кроткой и миролюбивой. Просто у императрицы была совсем иная цель, и малейшая нестабильность в Польше могла ей только навредить.

Еще 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев якобинцев, а на юг. В 1793 г. из Балтики на Черное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве были заложены 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 года в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов. В указе о приготовлении Черноморского флота было сказано, что он «Чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий, граф Александр Васильевич Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с якобинцами и устраивала публичные истерики по поводу казни короля и королевы, на Санкт-Петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой — горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 года.

Никогда, ни раньше, ни потом, Россия не будет так близка к овладению Константинополем. Вся Западная Европа была связана войной с Францией. В 1791 г. умер Г.А. Потемкин, который в последние годы связывал руки Суворову. Теперь же Суворов и Ушаков с нетерпением ждали приказа императрицы — вперед!

Но в Речи Посполитой мира не было и не могло быть по определению. Ах, стенают польские историки, какой может быть покой в стране, которую так дважды обобрали?! Ну, начнем с того, что Россия не взяла ни одного города или деревни, где этнические поляки составляли большинство. А главное, что в пору «бедствий отчизны» ни один богатый шляхтич не отказался от балов, маскарадов, псовой охоты и т.д.

Вот, к примеру, как «страдал» после двух разделов один из главных патриотов Речи Посполитой, князь Карл Радзивилл в своем замке в городе Несвиже: «Кроме служивших в замке, было множество женщин, даже девиц, весьма хороших фамилий, которые назывались резидентками (т.е. поживальницами) и находились или в свите сестер и родственниц князя, или в ведении особых гувернанток. Это были одалиски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшие его сераль, только без названия. Их выдавали замуж, с хорошим приданым, и заменяли другими. При этом всегда была одна султанша, или главная любовница, maitresse en titre. Каждый Божий день, круглый год, был публичный стол человек на шестьдесят, иногда на сто, а вечером — или театральное представление или концерт, а потом бал. Если дамы не хотели танцевать, то заставляли плясать украинских казачков, с бандурами и песнями, или танцовщиков и танцовщиц балетной группы. Князь Карл Радзивилл весьма любил пушечную пальбу, стрельбу из ружей и фейерверки и весьма часто тревожил по ночам свой Несвижский гарнизон, выводя его в поле для примерных атак и сражений с пальбою»[1].

От большой любви к отчизне Радзивилл даже решил чеканить свою собственную монету и действительно выпустил несколько сотен полновесных золотых монет. На них был изображен в анфас король Станислав Август и написано: «Krol Poniatowsli, kier z laski Boskiey» («Король Понятовский, дурак по Божьей милости»).

---

[1] Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 348.

Король тоже очень страдал и поэтому еще чаще стал менять любовниц, искал утешения то у ксендзов, то у Вольтера, то в мартинизме. Станислав писал легкомысленные стихи и вполне серьезную монографию об истории наиболее известных в мире алмазов и других драгоценных камней.

Увы, слишком многие паны считали, что «Польша сильна разборами», и мечтали именно на «разборе» сделать свою карьеру. Среди этих панов были генерал Дзялынский, бригадир Мадалинский, шляхтич Ельский и др. К ним примкнули довольно темные личности, как, например, купец Копотас и башмачник Ян Килинский.

Заговорщикам нужно было «знамя», и им стал 47-летний генерал Тадеуш Костюшко (1746—1817 гг.). Он принадлежал к небогатому старинному дворянскому роду[1].

Посланцы варшавских заговорщиков Костюшко находят в декабре 1793 г. в Риме. Долго Костюшко уговаривать не пришлось.

Польские заговорщики в Варшаве и Вильно назначили день восстания на 6 (17) апреля. Ночью с 5 на 6 апреля заговорщики раздавали деньги деклассированным элементам («черни»). Один только Килинский раздал 6 тысяч злотых. Частям коронных войск, дислоцированным в Варшаве, их офицеры объявили, что русские войска ночью нападут на польский арсенал и пороховые склады.

В 4 часа утра 6 апреля 1794 г. в Варшаве и Вильно началась резня русских. Овладев обоими городами, Костюшко провозгласил себя генералиссимусом. Король Станислав Август фактически был отстранен от власти. Начались массовые убийства. Уже в первый день восстания были убиты 120 знатных панов. «9 мая были повешены гетман коронный Ожаровский, гетман Литовский Забелло, Анквич; народ требовал казни Масальского — и епископа повесили, несмотря на протест папского нунция Литты»[2]. В Польше и Литве началась анархия.

Екатерине пришлось отменить планы занятия Босфора. Главное командование русскими войсками Екатерина II поручила графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому (1725—1796), что стало большим утешением для престарелого и больного полководца, сознавшегося, впрочем, что командование это может быть теперь чисто фиктивным.

Румянцев немедленно принял первое и последнее свое собственное решение, вызвав в Польшу Суворова без санкции императрицы. Лишь задним числом Екатерина писала: «Я послала две армии в Польшу — одну действительную, другую Суворова».

С десятитысячным отрядом Суворов прошел от Днестра на Буг, сделав 560 верст за 20 дней. Ни Румянцев, ни сама императрица больше не вмешивались в дела Суворова.

---

[1] Его родословная восходит к каменецкому боярину и дьяку Констанцию Федоровичу, прозванному Костюшкой.

[2] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. С. 612—613.

4 сентября Суворов атаковал и разбил под Кобрином передовой отряд поляков под командованием генерал-майора Ружича.

Любопытно, что, когда генерал Сераковский донес Костюшко о появлении на театре военных действий Суворова, тот ответил, что бояться нечего: «Это не тот Суворов, а другой, казачий атаман». Генералиссимус все еще думал, что Суворов в Новой России. Но Суворов оказался там, и ляхи в нескольких сражениях были вдребезги разбиты. 24 октября Суворов взял Прагу — предместье Варшавы на правом берегу Вислы. У поляков были убиты 13,5 тысячи человек, взяты в плен 14,5 тысячи, еще две тысячи утонули в Висле, переправляясь на левый берег. Русские взяли 104 пушки, потеряв убитыми 580 человек и ранеными 960 человек.

На следующий день Варшава капитулировала. Сразу после падения Варшавы начались переговоры между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши. Надо сказать, что они шли весьма сложно и стороны спорили буквально за каждый клочок земли. Детали этих споров представляют интерес лишь для узкого круга историков дипломатии. Поэтому я скажу только о документе, ставшем результатом длительного закулисного торга.

23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.) австрийский посол граф Людвиг Кобенцль и графы И.А. Остерман и А.А. Безбородко подписали в Петербурге Акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши и русско-австрийскую декларацию по сему вопросу. Согласно декларации, Австрии было разрешено ввести свои войска в Польшу. Новая граница Австрии должна была идти от линии южнее Ченстохова, а далее на восток до пересечения с Западным Бугом.

13 (24) октября 1795 г. в Петербурге была подписана трехсторонняя — русско-прусско-австрийская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой. От России ее подписали те же: Остерман и Безбородко, от Австрии — Кобенцль, а от Пруссии — прусский посол в Петербурге граф Фридрих фон Тауенциен.

Стороны взаимно гарантировали друг другу новые владения, полученные ими при разделе Польши, вплоть до оказания военной поддержки в случае покушения на эти владения любых третьих сторон или попыток их возвращения Польше.

Договор резервировал и гарантировал за Пруссией получение Варшавы, включая Правобережье Вислы по линии реки Свидра — слияние реки Нарев с рекой Западный Буг, а за Австрией закреплял Краков с округом.

Подавляющее большинство русских, польских и западноевропейских историков оценивали третий раздел Польши прежде всего с эмоциональной (нравственной) и правовой точек зрения. Такие оценки неверны хотя бы из-за отсутствия всеми признанных критериев морали и права. Нам ли из XXI века судить XVIII век?

Давайте внимательно прочтем выдержку из совместной декларации России и Австрии от 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.). Там

говорилось: «Два монарха, убежденные опытом прошедшего времени в решительной неспособности Польской республики устроить у себя подобное [твердое и сильное. — *А. Ш.*] правление или же жить мирно под покровительством законов, находясь в состоянии какой-либо независимости, признали за благо в видах сохранения мира и счастия своих подданных, что предпринять и выполнить совершенный раздел этой республики между тремя соседними державами представляется крайней необходимостью».

Что могут возразить критики этой декларации? То, что Речь Посполитая могла жить мирно? То, что подданные России и Австрии не были заинтересованы в разделе?

Ах, воскликнет душка-интеллигент, вот если бы соседние державы не вмешивались в польские дела, если бы у Стася был бы твердый характер, если бы католики возлюбили диссидентов, если бы все радные паны помирились и стали бы безоговорочно подчиняться королю, если бы все гайдамаки побросали бы сабли и мушкеты и стройными рядами пошли на барщину к панам и к евреям арендаторам, то как бы расцвела Речь Посполитая!

Но у русских есть пословица: «Если бы да кабы, во рту выросли б грибы». Аналогичные пословицы есть у белорусов и у поляков.

Формально последняя точка в существовании Речи Посполитой была поставлена 15 (26) января 1797 г. в Петербурге. В этот день была подписана «Конвенция между Россией и Пруссией с участием Австрии о распределении финансовых и имущественных обязательств Польского государства между тремя договаривающимися сторонами».

А «в это время Бонапарт переходил границу».

Глава 14

ВОЙНА С БОНАПАРТОМ ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ГЕРМАНИИ

14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам». Екатерина же была крайне возмущена событиями во Франции. Ее гневные слова разлетались по всей Европе. Она называла депутатов Национального собрания интриганами, не достойными звания законодателей, «канальями», которых можно было бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Екатерина призывала европейские государства к интервенции — «дело Людовика XVI есть дело всех государей Европы».

Екатерина подстрекала к нападению на Францию даже своего двоюродного брата, шведского короля Густава III. 27 июля 1791 г. в своем дневнике секретарь Екатерины Храповицкий записал: «Барон Плен из Ахена пишет, что шведский король стремится защищать короля французского, подговаривая к тому и нас, но по-прежнему просит три миллиона за мир; мы с ним часто в мыслях разъезжаем по Сене в канонерских лодках»[1].

Для этой цели Екатерина II отправила братцу кругленькую сумму. Но 16 марта 1792 г. шведский король был застрелен на маскараде.

После казни Людовика XVI Екатерина публично плакала, позже она заявила: «...нужно искоренить всех французов для того, чтобы имя этого народа исчезло».

Осенью 1791 г. Екатерина II вступила в переписку с братом короля Луи XVI, графом Прованским, обосновавшимся в германском городе Кобленце. Письмами жив не будешь, и императрица отослала ему 2 млн франков. После казни короля 21 января 1793 г. роялисты объявили королем Людовиком XVII восьмилетнего Луи Шарля, сына покойного короля. Он находился в Париже в заключении, и 8 июня 1795 г. правительство Французской республики официально объявило о смерти бывшего дофина. Хотя обстоятельства и дата смерти Луи

---

[1] Французская буржуазная революция 1780—1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 159.

Шарля вызывали и вызывают ныне много споров, граф Прованский немедленно провозгласил себя королем Франции Людовиком XVIII. Понятно, что первой признала нового короля Екатерина II и стала настойчиво советовать сделать то же Лондону и Вене.

Нетрудно догадаться, что мудрая императрица надеялась еще больше обострить отношения Англии и Австрии с Францией и затруднить возможное примирение.

Итак, Екатерина II всеми силами пыталась вовлечь в войну с Францией все европейские державы. А что делала сама? Да ровным счетом ничего. Разве что в 1795 г. направила в Северное море эскадру вице-адмирала Ханыкова в составе 12 кораблей и 8 фрегатов. Эта эскадра конвоировала купцов, вела блокаду голландского побережья и т.п. Боевых потерь она не имела. Фактически это была обычная боевая подготовка с той разницей, что финансировалась она целиком за счет Англии.

Причем Екатерина была прекрасно осведомлена о событиях во Франции. Полнота информации плюс аналитический ум императрицы позволили ей прогнозировать события. Так, в октябре 1789 г. она сказала о Людовике XVI: «Его постигнет судьба Карла I». И действительно, 21 января 1793 г. голова короля скатилась в корзину у подножия гильотины.

В феврале 1794 г. Екатерина писала Гримму: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда либо, будет послушна и кротка, как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от того. Если найдется такой человек, он стопою своею остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте». А ведь до 18 брюмера было 5 лет и 7 месяцев!

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и вновь, как и после смерти Елизаветы Петровны, внешняя политика России резко изменилась. В тот же день с барабанным боем и развернутыми знаменами в Петербург вступили прусские войска. Очевидец, француз Масон сострил: «Дворец был взят штурмом иностранным войском». Но, конечно, это были не пруссаки, а гатчинское воинство, которое Павел еще при жизни матери одел в прусские мундиры и муштровал по прусским уставам.

Придя к власти, он решил делать все наоборот. Павел прекратил подготовку к босфорской операции и отозвал эскадру Макарова из Северного моря.

В первые месяцы своего правления Павел не вмешивался в европейские дела, но внимательно наблюдал за ними. 1796—1797 годы ознаменовались, с одной стороны, политической нестабильностью во Франции, а с другой — успехами французской армии в борьбе против европейской коалиции. Такую ситуацию Павел воспринял лишь как

военную слабость монархов Европы. Он постепенно давал себя убедить, что без его вмешательства порядок в Европе навести невозможно.

В апреле 1796 г. французская армия под командованием 27-летнего генерала Бонапарта вторглась в Италию. Австрия посылала одну за другой лучшие армии под командованием лучших своих полководцев, но они вдребезги были разбиты Бонапартом. В мае 1797 г. французы заняли Венецию. По приказу Бонапарта на венецианские корабли был посажен французский десант, который в июне 1797 г. занял Ионические острова, принадлежащие Венеции. Эти острова — Корфу, Цериго, Санта-Мавра и другие — находятся вблизи берегов Греции и имеют стратегическое положение в центральном и восточном Средиземноморье.

18 октября 1797 г. Австрия и генерал Бонапарт заключили мир, вошедший в историю как Кампаформийский.

А как реагировал Павел на Кампа-Формио? Да никак. Но вот к императору прибыл представитель французских эмигрантов. По условиям мира Австрия уже не могла держать на своей территории эмигрантские отряды, которыми командовал принц Конде. На этот раз эмигранты просили не военной поддержки, а убежища, взывая к милосердию императора. Павел считал себя благородным рыцарем, без страха и упрека. «Русский Дон Кихот», — называл его Наполеон. Не подумав о последствиях и интересах России, Павел широким жестом пригласил эмигрантов к себе.

Самому принцу Луи Конде, его сыну, герцогу Бурбонскому, и его внуку, герцогу Ангиенскому, в Петербурге было оказано пышное гостеприимство, а их отряды Павел велел расквартировать в Подолии и на Волыни. Даже был поднят вопрос о браке Александры Павловны с Антуаном, герцогом Ангиенским.

А в декабре 1797 г. сам претендент на французскую корону, герцог Прованский поселился в Митавском замке, и Павел назначил ему пенсию в 200 тысяч рублей.

Русская военная партия сфабриковала заговор поляков в Вильно, которых якобы субсидировал Бонапарт. На самом деле в Вильно хватало скандальных панов, но серьезным заговором и не пахло. Да и «Бонапартий» в те годы даже не слыхивал о таком городе. Тем не менее слухи о заговоре и участии Бонапарта вызвали ярость императора.

Существенную роль во втягивании России в войну сыграли и мальтийские рыцари. Они предложили передать остров Мальту под протекторат России.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта — от высадки в Англии до захвата Константинополя. На брегах Невы испугались, что злодей «Бонапартий» не иначе как замыслил

отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром (Севастополем) и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала Ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убираться с острова подобру-поздорову. 20 июня 1792 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет, но 20—21 июля адмирал Нельсон в Абукирской бухте разгромил французский флот. Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

Изгнанные с Мальты рыцари обратились за помощью к Павлу I и предложили ему стать Великим магистром ордена. Павел радостно согласился, не думая о комизме ситуации — ему, главе православной церкви, предложили стать магистром католического ордена. 10 сентября 1798 г. Павел издал манифест о принятии Мальтийского ордена в «свое Высочайшее управление». В этот же день эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой в Дарданеллах, и они вместе двинулись против французов.

Бонапарт турок напугал еще больше, чем русских. Хотя Египет и управлялся полунезависимыми от Стамбула мамелюкскими беями и Бонапарт неоднократно заявлял, что воюет не с турками, а с мамелюками, все равно султан Селим III считал высадку французов нападением на Оттоманскую империю. Мало того, иностранные дипломаты, скорей всего, русские, довели до султана «секретную» информацию о планах «Бонапартия», который решил, ни много ни мало, как разорить Мекку и Мединy, а в Иерусалиме восстановить еврейское государство. И как этому не поверить, когда французы на Ниле и двигаются в Сирию? Тут уж не до воспоминаний об Очакове и Крыме.

Султан Селим III повелел заключить союз с Россией, а французского посла, как положено, заточили в Семибашенный замок.

7 августа 1798 г. Павел I послал указ адмиралу Ушакову следовать с эскадрой в Константинополь, а оттуда — в Средиземное море.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли шесть кораблей, семь фрегатов и три авизо. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого Ушак-паши шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будут и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских Полях.

Начав войну с Францией, Павел решил не ограничиваться посылкой эскадры Ушакова в Средиземное море. 29 декабря 1798 г. в Петербурге был подписан русско-английский договор, согласно которому Россия обязывалась направить в Европу для военных действий против Франции 45-тысячную армию, а Англия, со своей стороны, согла-

шалась предоставить единовременную денежную субсидию в 225 тыс. фунтов стерлингов и выплачивать ежемесячно по 75 тысяч.

Любопытно, что монархическая Европа потребовала от России не только пушечное мясо, но и полководца. Еще в марте 1798 г. Гримм писал из Гамбурга Семену Воронцову: «В 1793 г. старый граф Вюрмзер говорил мне в главной квартире короля Прусского, во Франкфурте: "Дайте нам вашего графа Суворова с 15 000 русских, и я вам обещаю, что через две недели мы будем в Майнце и заберем в свои руки все, вместе с оружием и обозом"»[1].

В конце же 1798 г. послы Австрии и Англии почти ультимативно потребовали назначения Суворова командующим русскими войсками, которые будут действовать в Европе.

А фельдмаршал Суворов между тем пребывал в ссылке в селе Кончанское, куда его упек Павел. В декабре 1798 г. старик не выдержал и написал императору: «Ваше императорское величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу».

И вот 6 февраля 1799 г. в Кончанское прискакал флигель-адъютант Толбухин с собственноручным рескриптом Павла I: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа идут. И так посему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но и от лица других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для въезда в Вену». В другом письме император пояснял: «Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше — спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствия вас видеть»[2].

Но одновременно Павел отправил генерал-квартирмейстеру, немцу И.И. Герману указание: «Венский двор просил меня, чтобы поручить фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому начальство над союзными войсками в Италии. Я послал за ним, предваряя вас, что если он примет начальство, то вы должны во время его командования наблюдать за его предприятиями, которые могли бы служить ко вреду войск и общего дела, когда он будет слишком увлечен своим воображением, могущим заставить его забыть все на свете. И так хотя он стар, чтобы быть Телемаком, но, не менее того, вы будете Ментором, коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами»[3].

Тем не менее, прощаясь с Суворовым, Павел сказал: «Воюй, как умеешь».

---

[1] Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. XX. С. 332.

[2] Цит. по: Михайлов О.Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 364—365.

[3] Там же. С. 369.

Однако контролировать действия Суворова Герману не пришлось. Павел I совместно с англичанами решил восстановить в Голландии власть штатгальтера принца Оранского, изгнанного оттуда французами. Для этого в Кронштадте и Ревеле была собрана 17,5-тысячная армия, командовать которой Павел поручил генерал-квартирмейстеру Герману. Там войска были посажены на транспортные суда, причем своих судов не хватило, и англичане прислали вспомогательную эскадру.

И вот транспорты с русской армией отправились к берегам Голландии. Их конвоировала эскадра адмирала Чичагова в составе шести кораблей и пяти фрегатов. За посылку этой армии британский король Георг III уплатил Павлу 88 тысяч фунтов стерлингов единовременно и обещал платить по 44 тысячи ежемесячно в течение всей кампании.

В середине сентября 1799 г. около 30 тысяч русских и британских солдат высадились в Голландии. 19 сентября в сражении с французами под Бергеном союзники были разбиты, сам Герман взят в плен, а генерал-лейтенант Жеребцов смертельно ранен. 18 октября русские войска в Голландии капитулировали.

14 марта 1799 г. Суворова торжественно встретила Вена. На предложение австрийцев составить детальный план предстоящей кампании фельдмаршал ответил: «Цель — к Парижу! Достичь ее: бить врага везде; действовать в одно время на всех пунктах, — и добавил: — В кабинете врут, а в поле бьют!»

24 марта Суворов покинул Вену и 3 апреля прибыл в итальянский город Верона, где расположились штабы русских и австрийских войск.

10 апреля Суворов взял крепость Брешиа.

16 апреля русско-австрийское войско под командованием Суворова форсировало реку Адда и разгромило французскую армию, которой командовал самый талантливый французский полководец — Моро. Понятно, что речь не идет о генералах, сражавшихся в Египте. Французы потеряли 27 пушек, 2,5 тысячи человек убитыми и ранеными и 5 тысяч пленными. Потери союзников составили 2 тысячи убитыми и ранеными.

Затем последовала серия побед над другими первоклассными французскими генералами — Жубером, Макдональдом и т.д. Северная Италия была, в основном, очищена от французов. Роялисты во Франции с нетерпением ждали прихода русских. Многие начали учить русский язык, а в Марселе дамы стали носить шляпы «а-ля Суворов».

Однако в середине августа 1799 г. Суворов получил рескрипты императоров Павла I и Франца II, извещавшие его о принятом ими новом плане дальнейшего ведения войны. Теперь Суворову приказывалось с русскими войсками покинуть Италию и двинуться в Швейцарию. Таким образом, планы наступления на Геную и вторжения во Францию, давно намеченные фельдмаршалом, окончательно отменялись.

В Швейцарии из-за предательского ухода австрийских войск двадцатитысячная армия Суворова оказалась в западне. Однако русские

войска преодолели все препятствия и 28 сентября 1799 г. вышли в долину Рейна. В конце сентября фельдмаршал отвел свои войска на зимние квартиры в Баварии.

К этому времени Павел I осознал всю глупость затеянной им войны. Австрийцы и англичане использовали русских лишь как пушечное мясо. К осени 1799 г. они решили, что дни революционной Франции сочтены, и постарались лишить русских лавров победы.

Победы Суворова ничего не дали России, зато принесли огромную пользу... генералу Бонапарту. Покорив Египет, генерал не смог взять сирийскую крепость Акра и был вынужден отступить. Адмирал Нельсон в ходе Абукирского сражения уничтожил французский флот. Таким образом, англичане лишили французскую армию в Египте связи с метрополией. Бонапарт мог еще держаться несколько месяцев, но у него был лишь один выход — позорная капитуляция перед Нельсоном.

Но Суворов спас Наполеона. Теперь он мог бросить в лицо адвокатам, правившим страной: «Что вы сделали с Республикой?»

23 августа 1799 г. генерал Бонапарт садится в Александрии на фрегат «Мюирон» и в сопровождении двух малых судов покидает Египет. С формальной точки зрения это было элементарное дезертирство. Командующий армией по своей инициативе покинул войска. Ни Директория в Париже, ни армия в Египте, ни даже генерал Клебер, которому Бонапарт оставил армию, ничего не знали.

9 октября Бонапарт высадился во Франции, где был восторженно встречен народом. А 9 ноября (18 брюмера) он стал Первым консулом, то есть неограниченным правителем Франции.

Став Первым консулом, Бонапарт сразу же обратил внимание на нелепость ситуации — Россия воевала со страной, не имеющей общей границы и вообще предметов спора, если не считать идеологий. «Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза; мы просим его оказать лишь одну услугу — примирить нас с Россией», — писал Бонапарт в январе 1800 г.

Как ни странно, те же мысли пришли в голову и Павлу I. 8 января 1800 г. он приказал Суворову отвести армию в Россию. Зато семитысячной армии принца Конде пришлось искать новых покровителей. В начале марта прикомандированный к принцу князь Горчаков объявил, что тот больше не состоит на службе у царя.

А еще раньше, 2 января 1800 г., граф Ферзен, митавский губернатор, явился к герцогу Прованскому, именовавшему себя Луи XVIII, и без обиняков заявил: «Его величество император советует вам встретить вашу супругу Марию Жозефу в Киле возможно скорее и там с ней поселиться». Одновременно была прекращена выплата герцогской пенсии в 200 тысяч рублей в год. Герцогу ничего не оставалось, как последовать совету губернатора.

С июля 1800 г. медленно начинаются двухсторонние поиски союза между Россией и Францией. Между тем 5 сентября 1800 г. французский генерал Вобуа после двадцатимесячной блокады Мальты был вы-

нужден капитулировать перед англичанами. Капитуляция была почетный, и французский гарнизон немедленно переправили английскими кораблями во Францию.

Когда до Петербурга дошла весть о падении Мальты, граф Растопчин немедленно потребовал от Лондона согласия на высадку в столице Мальты Ла-Валетте русского корпуса. Лондон не ответил. 22 ноября Павел приказал наложить секвестр на английские товары в русских лавках и магазинах, остановить долговые платежи англичанам, назначить комиссаров для ликвидации долговых расчетом между русскими и английскими купцами.

В декабре 1800 г. Россия подписала вместе с Пруссией, Швецией и Данией договоры, возобновлявшие в более широких размерах систему вооруженного нейтралитета 1780 года. Это соглашение было направлено против морской блокады Франции и союзных ей государств, которая уже несколько лет велась британским флотом.

18 (30) декабря 1800 г. Павел I напрямую обратился с письмом к Первому консулу. Бонапарт ответил. Завязалась непосредственная переписка между главами государств. Дело дошло до того, что русский посол в Париже Колычев предложил Бонапарту от имени своего государя принять титул короля с правом наследственной короны, «дабы искоренить революционные начала, вооружившие против Франции всю Европу».

В феврале 1801 г. в Париже по указанию Бонапарта началось изучение возможности совместного русско-французского похода в Индию. Но Павел опередил Первого консула и уже 12 января 1801 г. отправил Орлову, атаману Войска Донского, приказ начать поход в Индию. «Индия, — писал царь Орлову, — куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговли, приобретенные или деньгами или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан. Торг ее обратить к нам».

Но дойти до Индии казакам не удалось.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке группой офицеров был зверски убит Павел I. Императору пробили голову массивной золотой табакеркой и рукояткой пистолета, затем долго душили шарфом, а уже бездыханное тело пинали ногами. Через полчаса к солдатам вышел цесаревич Александр и заявил, что император скончался от апоплексического удара и что теперь «все будет, как при бабушке» (то есть при Екатерине Великой).

Сам Александр давно был в курсе дел заговорщиков. Другой вопрос, что при нем о цареубийстве говорили иносказательно: «Государь должен отречься». Понятно, что упрямый Павел никогда бы не отрекся от престола.

Уже утром 12 марта весь Петербург охватило ликование. К полудню в лавках не осталось ни одной бутылки шампанского. На улицах всех

гвардейских офицеров приветствовали криками «ура», а барышни, позабыв всякий стыд, лезли к ним целоваться.

В первые же дни своего царствования Александр I отменил все нелепые указы своего отца. Большинство сосланных Павлом людей было возвращено в Петербург. Городам возвращены екатерининские названия, Ахтиар вновь стал Севастополем.

Внутренняя политика нового императора достаточно хорошо описана в нашей исторической литературе, а нас больше интересует внешняя политика.

Внутри страны восстановить «все, как при бабушке», можно было несколькими десятками царских указов, но во внешней политике сделать это было весьма трудно, а скорее всего, невозможно. Возвращение казаков Орлова было, безусловно, необходимым и правильным решением. Но в марте 1801 г. Россия оказалась перед лицом британской агрессии.

В январе 1801 г. британское правительство приказало захватить все русские, шведские и датские суда в английских портах. Одновременно началось формирование Балтийской эскадры в составе 20 линейных кораблей, 5 фрегатов, 7 бомбардирских кораблей и 21 мелкого судна. Во главе экспедиции был поставлен адмирал Гайд-Паркер, вторым флагманом назначили вице-адмирала Нельсона.

Узнав о приготовлении англичан, А.Ф. Крузенштерн, будущий знаменитый путешественник, 5 декабря 1800 г. предложил адмиралу де Рибасу «для обуздания Англии послать эскадру к Азорским островам, с тем чтобы здесь перехватывать крупные английские суда, а мелкие просто потоплять»[1].

1 апреля 1801 г., то есть уже после убийства Павла I, англичане вероломно напали на датский флот, стоявший в Копенгагене. Замечу, что с 1792 г. Дания придерживалась самого строгого нейтралитета в войне. Часть датских кораблей погибла в бою, а остальные были захвачены англичанами.

Однако главной целью англичан была не Дания, а Россия. 14 мая английская эскадра под командованием Нельсона вошла в устье Финского залива. Замечу, что англичане действовали не только грубой силой. Их посол в Петербурге Витворт был одним из главнейших организаторов заговора.

Александр I потребовал от Нельсона уйти от русских берегов в качестве предварительного условия для проведения переговоров. Англичане дали «спасти лицо» новому императору, и эскадра действительно ушла.

Но на переговорах с англичанами царь уступил им почти по всем пунктам. 5 июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, в сущности, значительно изменяющая правила вооруженного нейтралитета Екатерины II и разрушающая цель, к которой стремился

---

[1] «Русский архив», 1878. Кн. 4. С. 491.

Павел I при образовании союза северных держав. Англичане получили возможность творить на море любые беззакония.

26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже граф А.И. Морков и Морис Талейран заключили русско-французский мирный договор, а на следующий день к нему был подписан секретный протокол (конвенция) о в фактическом протекторате Франции и России над Германией. Как дипломатично написал В.В. Похлебкин: обе «стороны решили и впредь так устраивать отношения между германскими государствами, так влиять на них, чтобы сохранялось равновесие между Австрией и Пруссией»[1].

В протоколе были зафиксированы предполагаемые изменения границ Вюртемберга, Баварии, Бадена и других германских государств. Бонапарт хотел мира для переустройства Франции и поэтому шел на значительные уступки. Русскому же дворянству, не говоря о простом народе, всякие эти вюртемберги, баварии и прочая, и прочая... были «до лампочки». Империя пошла на поводу у германской клики, «толпою жадною» стоящей у трона.

27 марта 1802 г. в Амьене был заключен мирный договор между Англией с одной стороны и Францией, Испанией и Батавской республикой — с другой. Это был компромиссный мир, в целом все же более выгодный для Франции.

Однако британская буржуазия не желала терпеть быстро развивавшиеся французские промышленность и торговлю. Британский кабинет пошел на нарушения статей Амьенского мира, а 16 мая 1803 г. объявил Франции войну.

В ответ Наполеон приступил к устройству грандиозного лагеря в Булони, на самом берегу Ла-Манша, в 40 верстах от английского берега. Там должна была собраться огромная армия, которая предназначалась для высадки в Англии. «Мне нужно только три дня туманной погоды, и я буду господином Лондона, парламента, Английского банка», — сказал Наполеон в июне 1803 г., через месяц после начала войны.

Британское правительство организовало несколько покушений на Наполеона. В феврале-марте 1804 г. в Париже была арестована очередная группа террористов. И тут Наполеон узнал, что на границе с Францией, в городе Эттенгейм, в герцогстве Баден находится внук принца Конде, Луи Антуан де Бурбон-Конде.

Позже многие историки будут утверждать, что бедный принц не был причастен ни к каким заговорам. А у французской границы он жил-де только для того, чтобы встречаться с мадемуазель Жорж, знаменитой парижской актрисой. Мало того, Первый консул был тоже влюблен в нее. И вот злодей — Бонапартий решился погубить соперника.

---

[1] Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995. Кн. 1. С. 649.

На самом же деле герцог Энгиенский служил в армии принца Конде и был участником ряда роялистских заговоров. Поэтому, а главное, чтобы раз и навсегда пресечь британскую практику политических убийств, Первый консул приказал арестовать герцога и судить его военно-полевым судом.

В ночь с 14 на 15 марта 1804 г. отряд французской конной жандармерии вторгся на территорию Бадена, вошел в Эттенгейм, окружил дом, где находился герцог Энгиенский, арестовал его и тотчас же увез во Францию. Никто из баденских властей и не попытался защитить герцога, все сидели тихо и были довольны уже тем, что их не тронули.

20 марта герцога привезли в Париж и заточили в Венсенский замок. Вечером того же дня в замке состоялся военный суд, который обвинил герцога в получении денег от Англии и в том, что он воевал против Франции. Без четверти три ночи герцог Энгиенский был приговорен судом к смертной казни, а в три часа его вывели в Венсенский ров и расстреляли.

Очередная попытка покушения на Бонапарта вновь привела к усилению его власти.

2 декабря 1804 г. в соборе Нотр-Дам в Париже произошли торжественное венчание и помазание на царство Наполеона.

Инцидент в Венсенском замке стал буквально манной небесной для англичан. Как писал Е.В. Тарле: «Когда произошел расстрел герцога Энгиенского, во всей монархической Европе, и без того готовившейся к выступлению, началась бурная и успешная агитация против “корсиканского чудовища”, пролившего кровь принца Бурбонского дома. Решено было вовсю использовать этот кстати подвернувшийся инцидент. Сначала все советовали Баденскому великому герцогу протестовать против вопиющего нарушения неприкосновенности баденской территории при аресте герцога Энгиенского, но великий герцог Баденский, люто перепуганный, сидел смирно и даже поспешил окольным путем справиться у Наполеона, вполне ли он доволен поведением баденских властей при этом событии, исправно ли они исполняли все, чего от них требовали французские жандармы. Другие монархи тоже ограничились негодованием вполголоса в узком семейном кругу. Вообще храбрость их выступлений по этому поводу неминуемо должна была оказаться прямо пропорциональной расстоянию, отделявшему границы их государств от Наполеона. Вот почему наибольшую решительность должен был проявить именно русский император. Александр протестовал формально, особой нотой, против нарушения неприкосновенности баденской территории с точки зрения международного права.

Наполеон приказал своему министру иностранных дел дать тот знаменитый ответ, который никогда не был забыт и не был прощен Александром, потому что более жестоко его никто никогда не оскорблял за всю его жизнь. Смысл ответа заключался в следующем: герцог Энгиенский был арестован за участие в заговоре на жизнь Наполео-

на; если бы, например, император Александр узнал, что убийцы его покойного отца, императора Павла, находятся хоть и на чужой территории, но что (физически) возможно их арестовать и если бы Александр в самом деле арестовал их, то он, Наполеон, не стал бы протестовать против этого нарушения чужой территории Александром. Более ясно назвать публично и официально Александра Павловича отцеубийцей было невозможно. Вся Европа знала, что Павла заговорщики задушили после сговора с Александром и что юный царь не посмел после своего воцарения и пальцем тронуть их: ни Палена, ни Беннигсена, ни Зубова, ни Талызина и вообще никого из них, хотя они преспокойно сидели не на "чужой территории", а в Петербурге и бывали в Зимнем дворце»[1].

Лично я не склонен подобно академику Тарле переоценивать личную обиду Александра в качестве причины вступления России в новую войну с Францией.

Дореволюционные историки объясняли это приверженностью царя к священным правам легитимизма и т.п., советские историки — заинтересованностью дворянства в торговле с Англией. Хотя уж в чем дворяне, особенно их жены и дочери, были заинтересованы, так это во французских товарах. На самом деле решающими оказались два субъективных фактора — влияние «немецкой» партии и честолюбие молодого царя. Матерью Александра была вюртембергская принцесса София Доротея, а женой — Луиза Баденская, при переходе в православие получившие имена Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Вместе с ними в Россию наехала толпа родственников и придворных. Я уже не говорю о «гатчинских» немцах, которым Павел доверил самые ответственные посты в государстве. Вся эта компания настойчиво требовала от Александра вмешательства в германские дела — у кого были там корыстные интересы, а у кого на родине от Наполеона пострадали родственники. Свои интересы были и у «польских друзей» императора — Адама Чарторыского и К°. Все они доказывали царю, что дело герцога Энгиенского касается всей Германии. Неприкосновенность ее границ нарушена самым наглым образом, и т.д., и т.п.

Следует учесть и субъективные факторы: Александр был крайне честолюбив и жаждал воинской славы, надеясь, что она покроет позор отцеубийства. Император решил лично предводительствовать войсками, двинувшимися в Германию.

Наконец, дворянство было избаловано прежними победами русских войск. Бахвальство и откровенная глупость царили в гостиных и салонах Петербурга и Москвы. Узколобые аристократы забыли, что всеми победами и территориальными приобретениями Россия обязана мудрой внешней политике великой императрицы, а не каким-то мифическим «непобедимым россам».

---

[1] Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. VII. С. 146—147.

Согласно договоренности союзников новой коалиции, Россия обязывалась выставить 180-тысячную армию, Австрия — 300-тысячную. Англия ассигновывала по 1 125 000 фунтов стерлингов на каждые 100 тысяч союзных войск и принимала на себя, сверх того, четвертую часть расходов по мобилизации.

Русские и австрийские генералы составили гениальный план разгрома Бонапартия. Из Баварии на Францию должна была наступать 90-тысячная австрийская армия под командованием эрцгерцога Фердинанда, фактически же ею командовал генерал Мак. Другая большая австрийская армия, под командованием эрцгерцога Карла, двигалась в занятую французами Италию.

На помощь австрийцам шла русская армия. 56-тысячное войско Кутузова в августе было уже в Моравии, тогда как главные силы генерала Буксгевдена (60 тыс. человек), при которых находился Александр I, собирались у границ Галиции. Кроме того, экспедиционный корпус графа Толстого (20 тысяч человек) назначался для совместных действий со шведами в Померании и северной Германии, а средиземноморскому флоту адмирала Сенявина с посаженной на суда дивизией генерала Анрепа (12 тыс. человек) надлежало овладеть побережьем Адриатики — Далмацией, Иллирией и Истрией. На средиземноморском театре вместе с русскими должны были действовать англичане и Неаполитанское королевство.

Австрия и Россия спасли Англию. Наполеон был вынужден покинуть Булонский лагерь и стремительным маршем двинуться к Дунаю. 25—26 сентября 1805 г. французы форсировали Дунай. А 8 сентября шестьдесят шесть тысяч австрийцев во главе с генералом Маком сдались в районе города Ульм.

Но 20 ноября (2 декабря) 1805 г. в Аустерлицком сражении Наполеон вдребезги разбил русско-австрийскую армию. Александр I и австрийский император Франц бежали с поля боя. Оба императора были страшно испуганы. 14 (26) декабря 1805 г. Австрия подписала Пресбургский мир с Францией. Австрия уступала часть своей территории Баварии, Вюртембергу и Бадену (немецким союзникам Наполеона), Франция же получала Венецианскую область, почти всю Истрию, Далмацию и Которскую бухту.

Казалось бы, после аустерлицкого погрома и выхода из войны Австрии Александру I стоило уняться и заключить мир с Наполеоном. Благо, тот не предъявлял никаких территориальных претензий к России, да и особых идеологических причин для вражды не было — теперь во Франции правили не злодеи якобинцы, а был стабильный монархический строй.

Тем не менее Александр продолжал упорствовать. Русскому народу надо было как-то объяснить, зачем гибнут в центральной Европе десятки тысяч русских солдат. Александр I не придумал ничего более умного, чем приказать Священному синоду объявить Наполеона... антихристом. Народу объявили, что-де Наполеон еще в 1799 г. в Египте

тайно принял мусульманство, а также много не менее занятных вещей. Глупость царя и Синода ужаснула всех грамотных священников. Согласно канонам Православной церкви, антихрист должен был первоначально захватить весь мир и лишь потом погибнуть от божественных сил, а не от рук людей. Из чего следовало, что сражаться с Бонапартом бессмысленно.

15 сентября 1806 г. была создана новая, четвертая по счету коалиция против Франции. В ее состав вошли Пруссия, Англия, Россия и Швеция.

В Берлине настолько увлеклись воинственным пылом, что даже не стали дожидаться, когда подойдет русская армия. 14 октября 1806 г. одновременно состоялось два сражения. Под Иеной Наполеон разбил армию прусского генерала Гогенлоэ, а под Ауэрштедтом маршал Даву разбил герцога Брауншвейгского. Из 186 тысяч прусских войск около 25 тысяч были убиты и ранены, свыше 100 тысяч сдались в плен, до 45 тысяч дезертировали и рассеялись, остались лишь 14 тысяч.

Генрих Гейне по этому поводу сказал фразу, сразу же ставшую крылатой: «Наполеон дунул на Пруссию, и она перестала существовать».

26 октября французская армия вступила в Берлин. 21 ноября Наполеон в Берлине подписал ставшие знаменитыми декреты о континентальной безопасности.

Нельсон в октябре 1805 г. у мыса Трафальгар разгромил объединенный франко-испанский флот. Но Наполеон решил сокрушить Англию блокадой, теперь английские товары не должны были попасть на континент.

Первый параграф декрета о блокаде гласил: «Британские острова объявлены в состоянии блокады». Второй параграф: «Всякая торговля и всякие сношения с Британскими островами запрещены». Следующие параграфы воспрещали почтовую и иную связь с англичанами, приказывалось немедленно и повсеместно арестовывать всех англичан и конфисковывать принадлежавшие им товары и их имущество вообще.

Осенью 1806 г. в Польше собралась новая русская армия (122 тысячи солдат при 624 орудиях). Французская армия в ответ двинулась к Висле. 19 ноября французы выгнали пруссаков из Варшавы. Русские начали отступать. Однако у Пултуска 45-тысячный корпус генерала Беннигсена разбил корпус маршала Ланна. Затем в дело вступили генералы Голод, Бездорожье, а еще позже — и генерал Мороз. В результате 15 декабря русские войска отступили за реку Нарев, а французы — за Вислу.

14 июня 1807 г. русская армия была разбита Наполеоном при Фридланде, и император Александр I был вынужден вступить в переговоры с Наполеоном. Положение у русских было настолько критическим, что еще до сражения у Фридланда великий князь Константин заявил Александру I: «Государь, если вы не хотите мира, тогда дайте лучше каждому русскому солдату заряженный пистолет и прикажите им всем

застрелиться. Вы получите тот же результат, какой даст вам новая (и последняя!) битва, которая откроет неминуемо ворота в вашу империю французским войскам».

25 июня (7 июля) в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области) был заключен «Русско-французский договор о мире и дружбе». Согласно этому договору, между двумя странами устанавливались мир и дружба, военные действия прекращались немедленно на суше и на море. Наполеон из уважения к России возвращал ее союзнику, прусскому королю, завоеванные им прусские территории, за исключением тех частей Польши, которые были присоединены к Пруссии после 1772 г., по первому разделу Польши, и тех районов на границе Пруссии и Саксонии (округ Котбус в Лаузице — Лужицкой Сербии), которые отходили к Саксонии.

Из польских округов Пруссии создавалось герцогство Варшавское, которое теперь будет принадлежать королю Саксонии. Восстанавливался свободный город Данциг под двойным управлением — Пруссии и Саксонии.

Россия получала Белостокскую область, ранее принадлежавшую Пруссии.

Формально Тильзитский мир был выгоден России. Произошел уникальный случай в истории войн: наголову разбитая страна не теряла, а приобретала новые земли. Однако в России известие о Тильзитском мире вызвало волну возмущений. «Боже мой! — восклицал Денис Давыдов, вспоминая позднее пережитое. — Какое чувство злобы и негодования разлилось по сердцам нашей братии, молодых офицеров». Позже тот же Денис Давыдов называл 1807—1812 годы «тяжелой эпохой». Что же было «тяжелого» в те годы для русского дворянства? Для «русских немцев», включая родню Александра I, это было действительно тяжелое время — обделывать свои гешефты в Германии стало ужасно трудно. А вот империя в целом приобрела в 1807 г. Белостокский округ, а через два года, после очередного разгрома Австрии, Наполеон подарил Александру город Тернополь с областью.

Но, увы, по губерниям разъехались поручики Ростовы, драпанувшие при первых же выстрелах в 1805 г. Теперь, на паркете, в парадных ментиках, с напомаженными усами и с большими саблями они выглядели античными героями и рассказывали «о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как бурею налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса и как он падал в изнеможении и тому подобное»[1]. И, мол, если бы не чертовы дипломаты, то они бы, гусары да кавалергарды, показали бы этим французишкам!

Надо ли говорить, что было раздражено и британское правительство, решившее драться с Наполеоном до последнего солдата, разумеется, русского или немецкого. Английские дипломаты и разведчики

---

[1] Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Правда, 1978. Т. I. С. 307.

в Петербурге получили указания любой ценой добиться расторжения Тильзитского мира.

Однако Тильзитский мир просуществовал еще пять лет. Почему? Да потому, что союз с Францией был объективно выгоден России. Начну с того, что благодаря союзу с Наполеоном, Александр провел войну со Швецией и присоединил к своей империи Финляндию. Сам царь назвал ее «крепкой подушкой Петербурга». И действительно, впервые в истории Россия была надежно защищена с севера. На западе Россия также вышла к своим этническим рубежам. Зато на юге, как уже говорилось, ситуация оставалась крайне опасной — «подбрюшье России» было открыто для нападения как турок, так и любой европейской державы, которая могла оперативно провести свой флот через Проливы и высадить десант в любой точке побережья, от Кавказа до Одессы. Проливы были закрыты для русских военных кораблей, а торговые суда пропускались, пока на то была воля его султанского величества.

Итак, настала пора решить вопрос с Проливами. И вот 18 декабря 1806 г. султан Селим III издал фирман о войне с Россией. Казалось бы, вот прекрасный повод, чтобы решить все проблемы. Однако по воле Александра I основные силы России были сосредоточены на западе. В результате война с турками затянулась, и лишь в мае 1811 г. был подписан Бухарестский мир, по которому Россия получала Бессарабию.

Как видим, проблема Проливов не была решена. Но еще не все потеряно. Наполеон увяз в испанской войне, антифранцузские настроения распространяются по всей Европе. Поэтому нетрудно предположить, что Наполеон рано или поздно совсем увязнет в большой европейской войне, и тогда Россия останется один на один с Оттоманской империей.

Наконец, Наполеон, как и все люди, смертен. Я даже не буду говорить о смерти от яда или бомбы террориста. Рассмотрим самый выгодный для Наполеона вариант. Пусть он проживет еще лет 15—20. Пусть он сумеет укрепить свою власть над Европой. Но ведь все равно когда-то он умрет. И чем большей будет его власть, тем большая свара начнется в Европе после его смерти. Никто в те годы не сомневался, что опереточному клану Бонапартов не удержать власти в случае смерти их гениального родственника. Это не размышления «задним умом» из XXI века. Это — политическая арифметика, понятная в начале XIX века не только дипломатам, но и любому дворянину средних умственных способностей.

Увы, наши историки предпочитают помалкивать об упущенных возможностях России. Зато все историки долго и нудно разглагольствуют о невыгодности России континентальной блокады, навязанной Наполеоном Александру I.

Французский историк Жан Тюлар писал: «Замкнув кольцо континентальной блокады, Наполеон перекрыл потоки зерна, пеньки и леса в Англию, не предоставив России альтернативных рынков сбыта. Все это, разумеется, вызывало резкое недовольство русских купцов.

По имеющимся данным, русский экспорт во Францию едва достигал 257 тысяч рублей, тогда как Франция импортировала в Россию товаров на сумму в 1 миллион 511 тысяч рублей»[1]. И ему вторит хор наших историков, начиная с патриарха — академика Тарле, мол, это все подрывало благосостояние дворянства и всей страны.

Но, пардон, риторический вопрос: а кто получал французские товары — спиртные напитки, парфюмерию, фарфоровые и ювелирные изделия и т.п.? Крепостные крестьяне или самоеды на Севере?

Не надо врать. Без этих предметов не могло обойтись как раз дворянство, и в первую очередь их жены и дочки, которые в этом случаев держали мужей и отцов под каблуком.

Наполеон раскрыл перед Россией рынки всей Европы. Он построил великолепные дороги, причем не только во Франции, но и в Германии, и в других странах. Он ликвидировал множество таможенных кордонов.

Русские купцы могли искать выход на восток через Каспий или на юг, в Средиземное море. Как раз и повод потребовать от Наполеона надавить на султана. Мол, нельзя торговать с Англией, так дай гарантии свободного прохода через Проливы торговых судов под конвоем военных судов, защищавших их от пиратов.

Общепризнанно, что континентальная блокада дала толчок к развитию промышленности всей Европы. Так что мешало нашему царю-батюшке заняться созданием собственной промышленности?

Ну и совсем очевидный вопрос: что хуже — терпеть убытки от континентальной блокады или вести войну с Наполеоном? Наши историки написали не менее тысячи книг об «Отечественной войне», но, увы, никто не попытался подсчитать, в какую сумму обошлась нам одна только кампания 1812 года, я уж не говорю, в 1813—1814 гг. Ни Москва, ни десятки других городов, затронутых войной, не были отстроены полностью и через 10 лет. Мало кто знает, что армия Кутузова, преследуя Наполеона от Москвы до русской границы, потеряла от 70 до 80 % своего личного состава.

Потери в кампанию 1812 года были на порядок выше всех возможных потерь от континентальной блокады за 20 лет.

Так ж что получается — Наполеон не был агрессором? А как же школьные учебники? А кинофильм «Гусарская баллада»: «На родину надвинулась беда, второго в день форсировали Неман нежданно Бонапартовы войска».

Увы, агрессором был не злодей Бонапарт, а наш родной Александр Благословенный. Для него Тильзитский мир стал лишь необходимой передышкой для новой войны.

Я не буду говорить о резком увеличении численности армии, о реформах Аракчеева в артиллерии и т.д. Это меры необходимые, и счи-

---

[1] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 1996. С. 316—317.

тать их поводом к войне просто глупо. Вспомним пословицу: «Хочешь мира — готовься к войне».

Когда Наполеон попросил руки сестры Александра I Анны, ему отказали в довольно грубой форме. Между тем тогда была свободна и другая дочь Павла I, Екатерина. Самое забавное, что наши историки, особенно дамы, ставили в заслугу царю этот отказ. Как можно отдать сестру «узурпатору и врагу рода человеческого»? Между тем вся Европа и до, и после 1815 г. считала Наполеона величайшим человеком своего времени.

Наконец, император постоянно был в разъездах, и ему от русской великой княжны нужно было лишь одно — родить здорового наследника. Кроме этого, на ее долю приходились лишь роскошные дворцы, балы, охота и т.д.

Александр I упекал своих сестер и в Тверь, и в захолустные германские княжества, а вот Париж был недостоин русской великой княжны!

По совету фаворита Сперанского царь в декабре 1810 г. издал новый таможенный тариф, больше всего затрагивавший торговлю с Францией. По этому тарифу пошлина на бочку вина составляла 80 рублей, а ввоз водки и предметов роскоши вообще запрещался. Царь приказал всякий контрабандный товар попросту сжигать и, заметим, не побоялся возмущения дворян, для которых, собственно, и ввозились французские предметы роскоши.

Таким образом, царю Александру I и его немецкой камарилье было попросту плевать на интересы как дворян, так и крестьян, и на все геополитические интересы страны в целом.

В 1811 г. началось сосредоточение русских армий на границах с герцогством Варшавским. 17 октября 1811 г. в Петербурге между Россией и Пруссией был подписан секретный военный договор, направленный против Франции. Любопытно, что генерал Шарнгорст, подписавший договор, прибыл в Петербург под чужой фамилией.

В феврале 1812 г. Александр I заявил: «Я скорее готов вести войну в течение десяти лет... удалиться в Сибирь... чем принять для России те условия, в каких находятся сейчас Австрия и Пруссия»[1].

Наполеон ответил сосредоточением своих войск на Одере и Висле. Там он с горечью заметил русскому генералу Чернышеву: «Такая война из-за пустяков».

Итак, нравится нам или нет, но Наполеон в 1811 г. не желал воевать с Россией. Его войска завязли в войне на Пиренейском полуострове, континентальная блокада оказалась не столь эффективной, как думал Наполеон, и нужно было что-то делать с Англией. Наконец, французская буржуазия получила от войны больше, чем могла мечтать, и теперь хотела от власти лишь одного — мира. Определенная усталость наблюдалась и во французской армии. Один из генералов зло писал

---

[1] Россия. История XIX века. М.: Новь, 1998. С. 151.

жене: «Мы [то есть армия] вернемся в Париж лишь после похода в Китай». Письмо было перлюстрировано полицией, а копия передана императору.

Александр еще в октябре 1811 г. готовил ультиматум Наполеону, а 27 апреля 1812 г. царь поручил графу Куракину передать его. В ультиматуме Александр требовал эвакуации шведской Померании и ликвидации французских разногласий со Швецией, эвакуации прусских областей, сокращения данцигского гарнизона, разрешения торговли с нейтральными государствами. В случае принятия Францией этих предварительных условий Александр изъявлял готовность вести переговоры о компенсации за Ольденбург и об изменении русских тарифов, применяемых к французским товарам.

Однако незадолго до этого в парижской квартире генерала Чернышева был произведен обыск, давший неоспоримые доказательства того, что Чернышев добыл секретные документы, подкупив одного из служащих Военного министерства, некоего Мишаля. 13 апреля Мишаль предстал перед судом присяжных, который приговорил его к смертной казни.

Осуждение Мишаля можно рассматривать как заочное осуждение России. Так что аудиенция 27 апреля, на которой Куракин передал Наполеону ультиматум, была бурной. Наполеон кричал: «Вы дворянин, как вы смеете делать мне подобные предложения? Вы поступаете, как Пруссия перед Иеной!»

Александр и не рассчитывал, что Наполеон примет его ультиматум, и поэтому еще 21 апреля выехал из Петербурга к армии. Русский император приблизил к себе всех, кто в Европе ненавидел Наполеона. Среди них были швед Армфельд, немцы Фуль, Вольцоген, Винценгероде, эльзасец Аншетт, пьемонтец Мишо, итальянец Паулуччи, корсиканец Поццо ди Борго, британский агент Роберт Вильсон. 12 июня в Россию прибыл барон фон Штейн. Эти иностранцы образовали военную партию, еще более непримиримую, чем самые ярые русские.

Таким образом, вопрос о том, был ли Наполеон агрессором, нанеся превентивный удар России, остается открытым.

Я вовсе не пытаюсь утверждать, что Наполеон был добрым и миролюбивым человеком. Но в высочайшем уровне аналитического мышления великого полководца и политика пока никто не сомневался. Он прекрасно понимал, что к Франции было присоединено столько территорий, что для их освоения не хватит и ста лет. Поэтому он, начиная с 1802 г., непрерывно ищет прочного мира со своими противниками. Походы Наполеона прекратились бы, если бы Англия всерьез выполняла все статьи Амьенского мира или после Аустерлица заключила с ним новый компромиссный мир.

Но вот Наполеон перешел Неман. Каковы же планы этого «вероломного агрессора»? У Наполеона одна только мысль — разбить противника и заключить мир. При этом он не претендовал ни на один квадратный метр русской территории. Единственное требование к

Александру: оставить территориальный статус-кво, выполнять ранее подписанные договоры и не помогать его врагам.

А каковы же условия у жертвы «агрессии»? «Или я, или Наполеон. Мы вместе не можем царствовать!» — заявил Александр I еще до Бородина.

Наполеон проиграл кампанию 1812 года исключительно потому, что вел локальную, то есть ограниченную войну с ограниченными средствами. А противники, то есть Александр, Кутузов, Растопчин и К°, вели войну тотальную, то есть войну без всяких правил, на уничтожение, не считаясь с потерями своих войск и своего населения.

Наполеону удалось вовлечь в войну с Россией и немцев. В июне 1812 г. двинулись на восток:

1) VI корпус Баварский, состоявший из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 25 тысяч человек.

2) VII корпус Саксонский, состоявший из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 17 тысяч человек.

3) VIII корпус Вестфальский, состоявший из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 18 тысяч человек.

4) X корпус Прусский, состоявший из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 32,5 тысячи человек.

5) XII корпус Австрийский, состоявший из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 34 тысячи человек.

Итак, из десяти корпусов первой линии у Наполеона было пять германских, один польский, один итальянский и всего три французских. Кроме того, во французские части были включены десятки тысяч немцев из областей, включенных Наполеоном в состав Франции.

Следует заметить, что немцы храбро дрались в кампанию 1812 года. Кстати, атака германской кавалерии показана в панораме Рубо «Бородинская битва».

Но вот Великая армия Наполеона погибла в снегах России. Царские войска к концу 1812 г. полностью очистили от французов всю территорию империи. И тут встал вопрос: что делать дальше? Мудрый Кутузов предложил остановиться и не лезть в Европу. Действительно, там после гибели Великой армии повсеместно начались антифранцузские выступления. Было очевидно, что в Европе будет как минимум лет пять бушевать большая война. Итак, России вновь представилась возможность захватить Проливы при гарантированном невмешательстве великих европейских держав. Замечу, что никогда больше в истории такой возможности для нашей страны не представится.

Но приехавшему в армию Александру I было не до стратегических интересов России, царь плевал на жертвы и материальные лишения своих подданных.

И скоро силою вещей
Мы оказался в Париже,
А русский Царь — Царем царей!

После отречения Наполеона 18 (30) мая 1814 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Франция возвращалась к границам на 1 января 1792 г. с небольшим приращением, династия Бурбонов восстанавливалась на престоле и т.д. Однако окончательный раздел Европы союзники решили провести на конгрессе в Вене, который был открыт 1 ноября 1814 г.

На Венском конгрессе было решено, что все союзники — Англия, Австрия и Пруссия — получат большие приращения в Европе, а Англия — еще и в колониях, а вот Россия, которая-то и вынесла основную тяжесть войны с Наполеоном, должна получить «кукиш с маслом». Австрия и особенно Англия были категорически против передачи России района Варшавы, а Пруссии — части Саксонии. Спору нет, Александр I требовал земли, которые никогда не принадлежали Русскому государству и были заселены этническими поляками. Но ведь и оппоненты предлагали не независимость этим районам, а их присоединение к Австрии. Почему же Россия должна была отдавать плацдарм, с которого началось вторжение в 1812 г.?

Сравним, к примеру, Варшавскую область и Мальту. Англия не имела никаких прав на Мальту, и с Мальты никак нельзя было угрожать британским островам. Единственным аргументом «за» было наличие британских солдат на острове[1]. Так, пардон, в 1814 г. русские войска были в Париже! Почему бы не восстановить независимость Мальты, которая была там несколько столетий, или, на худой конец, не передать остров королевству обеих Сицилий, которое находилось всего в 90 верстах от Мальты? Но, увы, на Венском конгрессе господствовал двойной стандарт: один — для просвещенной Англии и совсем другой — для русских варваров.

3 января 1815 г. был заключен секретный союз между Австрией, Англией и Францией, которые «сочли необходимым, — как сказано в договоре, — по причине претензий, недавно обнаруженных, искать средств к отражению всякого нападения на свои владения». Договаривающиеся стороны обязались: если вследствие предложений, которые они будут делать и поддерживать вместе, владения одной из них подвергнутся нападению, то все три державы будут считать себя подвергнувшимися нападению и станут защищаться сообща. Каждая держава выставит для этого 150-тысячное войско, которое выступит в поход не позднее шести недель по востребованию. Англия имеет право при этом выставить наемное иностранное войска или платить по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотного солдата и по 30 фунтов стерлингов за кавалериста. Договаривающиеся державы могут приглашать другие государства присоединиться к договору и приглашают к тому немедленно королей Баварского, Ганноверского и Нидерландского.

---

[1] Мальта имеет несколько островов, но в обиходе ее принято называть островом.

Надо ли говорить, что союз этот был направлен против России? Риторический вопрос: за что отдали жизни миллионы русских людей?

Спас Россию от новой войны «враг рода человеческого». Наполеон покинул Эльбу, высадился во Франции и, безоружный, идет прямой дорогой на Париж.

Людовик XVIII драпанул так быстро, что забыл на туалетном столике оригинал секретного договора от 3 января 1815 г. Наполеон переслал этот договор Александру I. Тот показал документ австрийскому канцлеру Меттерниху, а затем демонстративно бросил его в камин.

18 июня 1815 г. войска Наполеона были разбиты англо-прусскими силами Веллингтона и Блюхера. Через три десятка лет молодой Герцен, рассматривая картину, запечатлевшую встречу и взаимные поздравления Веллингтона и Блюхера ночью на поле битвы у Ватерлоо, сказал: «Как им не радоваться. Они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, и в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат...»

Наполеон напугал союзников, и 21 апреля (3 мая) 1815 г. в Вене были подписаны русско-прусский и русско-австрийский договоры о разделе Герцогства Варшавского. (Многие историки называют эти договоры четвертым разделом Польши.) В итоге Россия уступила Австрии четыре уезда Восточной Галиции: Злочувский, Бржезанский, Тарнопольский и Залешчикский. К Австрии отошел весь Величковский соляной бассейн (включая его подземную часть, заходящую на территорию Российской империи). А король саксонский Фридрих Август I уступил России большую часть Герцогства Варшавского.

Глава 15

КАК ФРАНЦ ИОСИФ ОТБЛАГОДАРИЛ НИКОЛАЯ I

В марте 1848 г. в Венгрии, бывшей частью Австрийской империи, началась революция. Вскоре волнения захватили и Вену. 17 мая император Фердинанд I бежал из столицы в город Инсбрук. Население Северной Италии поднялось против австрийцев. Австрийские гарнизоны были изгнаны восставшими горожанами из Милана и Венеции.

На помощь итальянским националистам пришла Сардиния (Пьемонт), объявившая Австрии войну. Но сардинский король Карл Альберт не имел ни хорошо обученного войска, ни выдающихся полководцев. 25 июля 1848 г. австрийский фельдмаршал Редецкий разгромил сардинцев при Кустоцце. В августе австрийцы вернулись в Милан, и Карл Альберт спешно заключил с ними перемирие.

Успехи в Италии окрылили императора, 12 августа вернувшегося в Вену. Теперь австрийцы решили силой подавить восстание в Венгрии. 11 сентября верные Фердинанду хорваты вторглись на территорию Венгрии. Через несколько дней к власти в Будапеште пришло новое правительство во главе с Кошутом. Началась революционная война, получившая в венгерской историографии название войны за независимость.

В октябре 1848 г. Фердинанд I вновь бежал из столицы. Вену окружили императорские войска, и в конце октября они с боем захватили столицу.

Среди придворной камарильи созрел заговор с целью отречения недалекого императора Фердинанда I. Формально наследником престола был его брат Франц Карл. Но тот не обладал силой воли и был столь же простодушен, как и старший брат. В итоге 2 декабря в Ольмюце[1] состоялись отречение Фердинанда I и возведение на престол его восемнадцатилетнего племянника, Франца Иосифа, сына Франца Карла.

Но венгры не признали нового императора. 14 апреля 1849 г. в Дебрецене венгерский парламент объявил Габсбургов низложенными, а

[1] Ольмюц — городок в Моравии, где находилась одна из самых мощных крепостей Австрийской империи.

Венгрия была провозглашена независимым государством во главе с регентом Кошутом.

И тут молодой император по наущению придворных решил обратиться за помощью к Николаю I.

Австрийская империя еще с середины XVIII века была опасным соперником России в вопросе о Проливах и освобождении южных славян из-под власти турок. Всякое ослабление Австрии было благом для России, а ее развал — вообще манной небесной. Но, увы, опять в российской внешней политике победил субъективный фактор — амбиции царя. Николай I воображал себя рыцарем, который-де стоял на страже беззащитной Европы от покушений злодеев-революционеров.

23 апреля 1849 г. в Петербурге была получена «телеграфическая депеша» от австрийского канцлера князя Шварценберга, просившего отправить в Вену как можно скорее русский отряд «хотя бы в 25 тысяч». Немедленно по приказу царя дивизия генерал Панютина (11 тысяч человек при 48 пушках) была переброшена в Вену. Любопытно, что впервые в истории русские войска перевозились по железной дороге (по линии Краков — Вена).

План кампании разрабатывался под руководством самого царя и заключался в движении главными силами из Польши, через Галицию и Карпаты, в Венгрию — на Будапешт. Таким образом, русская армия выходила в тыл главным силам восставших мадьяр, действовавших против австрийцев в западной Венгрии (в венском направлении — у Рааба и Коморна). Одновременно с этим наступлением главных сил из Польши и Галиции генерал Лидерс с 5-м корпусом (2,5 пехотной и 1 кавалерийская дивизии, всего 35 тысяч человек, при 80 орудиях) должен был очистить Трансильванию от армии Бема, воспрепятствовав ее переброске в главном операционном направлении.

К моменту русского вторжения в Западной Венгрии (на Верхнем Дунае) 70-тысячная австрийская армия барона Гайнау была бессильна что-либо предпринять против главной венгерской армии (58 тыс. человек) энергичного и талантливого польского генерала Гергея. В Южной Венгрии (в Банате и Воеводине) 40 тысяч хорватов бана Елачича вели бои с 30-тысячной армией генерала Дембиньского. В Трансильвании польский генерал Бем с венгерским ополчением (32 тыс. человек) был полным хозяином края, и о каком-либо противодействии ему со стороны слабого австрийского корпуса графа Клам-Галасса (всего 12 тыс. человек) не могло быть и речи. Наконец, в Северной Венгрии, в пределах Словакии и Карпатской Руси, находились до 17 тысяч повстанцев, в основном, партизан, разбросанных на громадной территории.

3 июня русский авангард — 3-й корпус генерала Ридигера — перешел через перевал Дуклу, и 5 июня главные силы спустились в венгерскую равнину. 11 июня вся армия (100 тыс. человек) сосредоточилась у Эпериаша, а 14-тысячный корпус барона Остен-Сакена был оставлен в Галиции (всегдашний русский обычай всюду ставить «заслоны» вопреки Суворову, требовавшему «снимать коммуникации»).

12 июня русские заняли Кошице, но день этот был омрачен появлением в русской армии первых больных холерой. Через две с половиной недели болезнь вывела из строя 14,5 тысячи солдат, то есть седьмую часть русской армии.

Паскевич предписал своим главным силам — 2-му и 3-му корпусам — идти на Будапешт, а 4-му корпусу генерала Чеодаева (левофланговый отряд) двинуться в долину Тисы, на Дебречин, где, предполагалось, и был главный очаг «крамолы». 18 июня главные силы заняли Мишкольц. Холера и нехватка продовольствия вынудили Паскевича остаться здесь до прибытия сильно запаздывавших транспортов с продовольствием. Венгры сопротивлялись весьма упорно, тем не менее из-за неравенства сил повстанцы потерпели поражение 21 июля при Дебречине и 28 июля у Темешвара. К 1 августа при Вилагоше венгерская армия (31 тыс. человек при 144 орудиях) во главе с Гергеем сдалась генералу Ридигеру.

А тем временем 5-й корпус генерала Лидерса усмирял Трансильванию. 25 июля в бою под Германштадтом венгерская армия была разбита. К началу августа Трансильванская венгерская армия Бема перестала существовать, а ее остатки (7 тыс. человек при 74 орудиях) сдались 6 августа — через 5 дней после капитуляции главной армии Гергея при Вилагоше. 13 августа сдался последний венгерский отряд в Трансильвании. Лидерс отвел свои войска в Германштадт, а затем вывел их назад, в Валахию, оставив в усмиренном крае 15-ю пехотную дивизию.

В Венгерском походе приняли участие до 170 тысяч русских войск. Потери составили 708 человек убитыми и 2447 ранеными. Зато заболели, в первую очередь холерой, 85 387 человек, из которых умерли 10 885 человек. Потери от болезней превысили боевые в 28 раз!

Николай I принес в жертву 11,5 тысячи русских жизней для удовлетворения собственных амбиций. Австрийцы и не подумали оплатить русским расходы. Наоборот, австрийцы «отблагодарили» Россию в 1855—1856 гг.

Затраченная Россией на Венгерскую кампанию сумма — 47,5 млн рублей — сама по себе ничего не говорит современному читателю. Поэтому я для сравнения скажу, что покупка в Англии пароходо-фрегата «Владимир», который к началу Крымской войны был самым мощным паровым кораблем России, обошлась в 437,8 тыс. рублей. А если бы сей корабль строили в России, а в Англии купили только паровую машину, то его стоимость составила бы 354 тыс. рублей. Таким образом, вместо авантюры в Венгрии Россия могла бы купить 108 морских пароходо-фрегатов типа «Владимир» или сама построить 134 таких судна.

Ну а к началу войны «Владимир» остался в одиночестве. На Балтийском флоте имелось 11 пароходо-фрегатов, на Черноморском флоте — еще 6, но все они уступали по своей огневой мощи «Владимиру» минимум в два раза.

Отсутствие у России парового флота и решило исход Крымской войны. Однако не только техническая отсталость империи обусло-

вила серию позорных поражений. С декабря 1825 г. русские цари подавляют не только оппозиционные политические взгляды в армии, но и всякую свободу мысли. С этого времени высшие военные и гражданские чины получали в подавляющем большинстве офицеры гвардии. А жизнь гвардейского офицера составляли исключительно муштра, скачки, карты и женщины. Поскольку подробное описание жизни нашей гвардии выходит за рамки книги, я советую читателю еще раз перечитать «Анну Каренину» в тех местах, где говорится об Алексее Вронском и его приятелях-гвардейцах. В быту Вронский у многих вызывает симпатию, но в целом это страшная фигура. Прикажут ему изучить пулемет Максима — изучит досконально. Не будет приказа — он никогда и не поинтересуется. Роман кончается отъездом Вронского на турецкую войну. Оттуда он вернется весь в орденах как за храбрость, так и за происхождение. Через 22 года Вронский положит дивизию под Мукденом, а еще через 10 лет — корпус под Танненбергом или в Карпатах.

Россию погубили не только отсутствие больших боевых пароходов и нарезных ружей, но и «разруха в головах» генералов и адмиралов.

Всего через 7 лет после описываемых событий, в 1861 г., начнется Гражданская война в США. Там обе стороны станут применять самые разнообразные способы войны на море. В ход пойдут и брандеры, и таран, и шестовые мины, и подводные минные заграждения. Никаких особых изобретений, необходимых для создания и использования этих примитивных типов вооружений, делать в 1855—1861 гг. не надо было. Так, например, брандеры новгородцы использовали против шведских судов еще в 1300 г. на Неве, а в 1770 г. граф Орлов с помощью брандеров сжег при Чесме превосходящие силы турецкого флота. Но вот Орловых-то в 1854 г. в России и не оказалось.

Ну а русские парусные суда? Они все были затоплены в Севастополе или отстаивались в Кронштадте. Ну что ж, они действительно были бессильны против английского и французского флотов. Ведь союзники отправили туда почти все боеспособные пароходы.

Но почему наши адмиралы, имея на Балтике 14 парусных фрегатов, корветов и бригов и 24 таких же судна на Черном море, не позаботились заранее послать хотя бы часть этих судов в Мировой океан на вражеские коммуникации? Вспомним, что через 8 лет наделает в океане одно лишь судно южан «Алабама»!

Под стать военным были и политики. Они никак не могли понять две очевидные вещи. Во-первых, Россия, выступавшая в роли жандарма в Европе, неизбежно должна была вызвать всеобщую ненависть — от монархов до революционеров. А во-вторых, любые попытки России, даже дипломатическим путем, нажать на Турцию вызывали недовольство всех ведущих стран Европы. В деле захвата Проливов у России не было и не могло быть союзников.

Все вышесказанное и привело Россию к поражению в Крымской войне. Формально германские государства не участвовали в этой вой-

не, но их позиция существенно влияла как на боевые действия, так и на переговоры, приведшие к заключению Парижского мира.

Франц Иосиф I быстро забыл помощь России в 1848 г. и в 1858 г. сосредоточил войска на ее границе. Правительство Австро-Венгрии попыталось втянуть в антирусский союз и Пруссию. Однако в Берлине опасались чрезмерного усиления как Австрии, так и Франции. Поэтому пруссаки сделали хитрый ход — 20 апреля 1854 г. согласились подписать только оборонительный союз на тот маловероятный случай, что Австрия подвергнется нападению со стороны России. Пруссия соглашалась перейти к наступательной политике только в том случае, если будут задеты общегерманские интересы. Пруссия даже требовала, чтобы в подписании договора участвовал и Германский союз.

Зная, с какой симпатией дворы мелких германских государств относятся к России, Пруссия была уверена, что их участие в предполагавшейся комбинации послужит, по выражению Бисмарка, «тормозом, парализующим воинственные стремления Австрии». Предположение это оправдалось: германские государства вошли в союз только 24 июля, после продолжительных совещаний в Бамберге, и потребовали, чтобы без их согласия не предпринималось никаких шагов. Они предложили даже некоторые враждебные действия против союзников, например, помешать им двинуться дальше Дуная. Таким образом, Австрия очутилась в таком положении, что руки у нее были связаны и ей даже грозила опасность выступить в защиту России и поссориться с Францией и Англией.

Тем не менее под давлением австрийцев Николай I был вынужден отдать приказ об оставлении Дунайских княжеств. 3 сентября последние русские части ушли за Прут. Дунайские княжества были заняты австрийскими войсками, образовавшими своеобразный буфер между турецкой и русской армиями. Таким образом, действия на Балканском театре были прекращены и более не возобновлялись.

Союзные эскадры блокировали Россию со стороны Черного, Балтийского и Белого морей. Единственным «окном в Европу» для империи стала прусская граница. И через оное окно в Россию непрерывно шли пушки, нарезные ружья, порох, станки для военных заводов и т.п. Именно за счет военных поставок в Россию сколотил свой капитал предприимчивый Генрих Шлиман. Позже на русские деньги он раскопает Трою.

В общей массе военных заказов в 1855 г. остался незамеченным маленький заказ небольшой фабрике Фридриха Круппа на два опытных стальных орудия. Этот заказ положил начало почти шестидесятилетнему сотрудничеству между Россией и фирмой Круппа.

Правительство Австро-Венгрии прилагало все силы, чтобы стать посредником в переговорах Англии и Франции с Россией. В этом вопросе Австро-Венгрии оказал определенную помощь и новый посланник России, князь Александр Михайлович Горчаков, прибывший в Вену 5 июля 1854 г. Горчаков из Вены постоянно пугал Николая I, а

затем и Александра II возможностью вступления Австрии в войну на стороне союзников.

В августе 1854 г. правительство Австро-Венгрии, пытавшееся играть роль посредника между противоборствующими сторонами, предъявило России от имени великих держав в качестве предварительных условий мирного урегулирования следующие четыре пункта: 1) замена русского покровительства над Дунайскими княжествами гарантией пяти великих держав; 2) свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьями реки; 3) пересмотр конвенции 1841 года о Черноморских проливах «в интересах европейского равновесия»; 4) замена покровительства России православному населению Османской империи коллективной гарантией прав христианских подданных султана со стороны всех великих держав.

Однако Николай I еще не считал войну проигранной и позволил себе обидеться формой и существом австрийских предложений. Он повелел «не давать им никакого хода».

Переговоры в Вене возобновились весной 1855 г. Теперь это была уже официальная конференция, «имеющая целью восстановление мира на Востоке». На нее были приглашены и представители Османской империи. Конференция начала работу 2 марта и продолжалась до 22 мая. 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. Это послужило одной из предпосылок возобновления переговоров. Новый император, Александр II был более уступчивым, склонным к компромиссам, чем его отец.

На конференции довольно быстро было достигнуто соглашение по первым двум пунктам (статус Дунайских княжеств и обеспечение свободы судоходства по Дунаю). Россия пошла на уступки по этим вопросам, так как они входили в сферу непосредственных интересов Австрии и это могло бы предотвратить окончательный переход Австрии на сторону противников России. Также, уступая в первых двух пунктах, Россия надеялась обеспечить себе большую возможность маневра в наиболее важном для нее вопросе — третьем (о пересмотре конвенции 1841 года). Вопреки ожиданиям союзников Александр II несколько месяцев отказывался пойти навстречу их требованиям.

Наполеон III, воодушевленный взятием Севастополя, попытался поднять вопрос о Польше, точнее, Привисленском крае, входившем в состав России. В сентябре 1855 г. министр иностранных дел Франции граф Валевский уведомлял Англию, что Наполеон III готов продолжать войну в том случае, если на будущем мирном конгрессе будет поставлен вопрос о восстановлении независимой Польши. Лорд Пальмерстон не прочь был еще более ослабить Россию, но он быстро сообразил, что даже разговоры о восстановлении Польши серьезно затронут интересы Австро-Венгрии и Пруссии. К тому же британец не желал значительного усиления роли Франции в Европе. Поэтому Наполеон III получил категорический отказ.

Лишь к концу 1855 г. Александр II в принципе согласился со всеми требованиями союзников. 20 января 1856 г. в Вене был составлен

протокол, констатирующий, что в пяти пунктах изложены предварительные условия мира. Сам же мирный конгресс открылся в Париже 13 февраля.

18 марта, после семнадцати заседаний конгресса, в Париже был подписан мирный договор. Самым важным следствием Парижского мира стало падение влияния России в Западной и Центральной Европе. Запрещение же иметь военные корабли на Черном море и арсеналы на его берегах было оскорбительно для великой державы и делало ее беззащитной с юга.

Однако на самом деле все было не так страшно. Во-первых, ситуация в 1856 г. коренным образом отличалась от ситуации 1815 года, когда Александр I решил навечно зафиксировать status quo в Европе. Наполеон III, наоборот, стремился к капитальному переделу границ в Европе, что автоматически развязывало руки России.

Во-вторых, технический прогресс практически сводил к нулю военные ограничения Парижского мира. К примеру, никто не запрещал России строить на Черном море большие быстроходные грузовые и пассажирские пароходы, создавать развитую железнодорожную сеть в Крыму и в районе Одессы и т.д. Другой вопрос, что Россия использовала лишь незначительную часть таких возможностей.

Глава 16

«БИТВА ДВУХ ВЕЛИКИХ КАНЦЛЕРОВ» — ПУШКИ БИСМАРКА И ЦИРКУЛЯРЫ ГОРЧАКОВА

Сразу после окончания Крымской войны князь Горчаков пообещал царю отменить унизительные для России статьи Парижского договора 1856 года, причем средствами дипломатии. Надо ли говорить, что Александру II импонировало такое развитие событий, и Горчаков становится вначале главой Министерства иностранных дел, затем вице-канцлером, 15 июня 1867 г., в день пятидесятилетия своей дипломатической службы, Александр Михайлович Горчаков был назначен государственным канцлером Российской империи.

Фраза Горчакова — «Россия не сердится, Россия сосредотачивается» — стала хрестоматийной. К месту и не к месту приводит ее каждый автор, пишущий о России 60-х годов XIX века. Но, увы, никто не объясняет, по какому поводу была сказана сия фраза, вырванная нашими историками из контекста.

На самом деле 21 августа 1856 г. во все русские посольства за рубежом был разослан циркуляр Горчакова, где говорилось: «Россию упрекают в том, что она заключается в одиночестве и хранит молчание ввиду явлений, несогласных ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, Россия дуется. Нет, Россия не дуется, а сосредоточивает себя (La Russie boude, dit-on. La Russie se recueille). Что же касается до молчания, в котором нас обвиняют, то мы могли бы напомнить, что еще недавно искусственная коалиция была организована против нас, потому что голос наш возвышался каждый раз, когда мы считали это нужным для поддержания права. Деятельность эта, спасительная для многих правительств, но из которой Россия не извлекла для себя никакой выгоды, послужила лишь поводом к обвинению нас невесть в каких замыслах всемирного господства»[1].

Дело в том, что после заключения Парижского мира ряд государств начали готовиться к перекройке границ в Европе, определенных Венским конгрессом 1815 года, и государства, которые боялись перекройки границ, стали обращаться к России за помощью.

---

[1] Татищев С.С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996. Кн. I. С. 253—254.

Более ясно Горчаков сформулировал свою политику в беседе с русским послом в Париже Киселевым. Он заявил, что «ищет человека, который помог бы ему уничтожить параграфы Парижского трактата, касающиеся Черноморского флота и границы Бессарабии, что он его ищет и найдет»[1].

Это была очередная ошибка князя. Искать следовало не человека, а ситуацию, при которой Россия могла сама аннулировать статьи Парижского мира. А Горчаков искал доброго дядю, которого можно было бы задобрить и уговорить, чтобы он сам предложил изменить статьи договора.

Таким человеком Горчаков считал французского императора. Наполеон III ни умом, ни полководческим дарованием не пошел в своего дядю, но ему постоянно удавалось надувать Горчакова. Я вовсе не хочу сказать, что Горчаков был глуп, он был достаточно умен, но чрезмерно верил в свои химерические проекты и отметал все аргументы, не согласующиеся с ними.

20 июля 1858 г. в городе Пломбьер Наполеон III и премьер-министр Сардинского королевства граф Кавур заключили тайное соглашение, в силу которого Франция обязалась содействовать отторжению Ломбардии от Австрии и присоединению ее к Сардинии, которая, в свою очередь, обещала вознаградить Францию уступкой ей Ниццы и Савойи.

В середине декабря 1858 г. Наполеон III воспользовался проездом через Париж генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, чтобы в доверительной беседе с ним подробно развить программу своей политики. Император выставил Австрию заклятым, непримиримым врагом как Франции, так и России. Пока Франция будет вытеснять Австрию из Италии, Россия должна поднять против нее подвластных ей славян, а затем, при заключении мира, получить Галицию независимо от пересмотра в ее пользу Парижского трактата. Тогда, по мнению Наполеона III, всесильной стала бы в Европе коалиция, состоявшая из Франции и России — на окраинах, а Пруссии с германскими государствами — в центре. Англия потеряла бы всякое значение, при условии, конечно, что Франция, Россия и Пруссия действовали бы дружно и стремились бы к одной и той же цели.

Не дремала и английская дипломатия. Пользуясь родственными отношениями королевы к принцу прусскому (старшая дочь королевы была замужем за сыном последнего Фридриха Вильгельма), британское правительство хлопотало о примирении Пруссии с Австрией и о заключении между ними союза, к которому приступила бы и Англия с целью противодействовать единению России и Франции.

Ждать поддержки Англии в деле отмены Парижского мира было нереально. Но, с другой стороны, Наполеон III тоже отделывался туманными фразами по этому поводу, зато предложил России Галицию.

---

[1] Андреев А.Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999. С. 50.

Расчет Наполеона III был прост: даже вступив в переговоры с Францией по поводу этой провинции, Россия сделает Австрию своим вечным врагом. Горчаков предпочел занять благожелательный нейтралитет по отношению к Франции.

Цель войны французский император определил в своем воззвании к итальянскому народу: «Италия, свободная от Альп до Адриатики!»

Немедленно печать малых германских государств начала кампанию за возвращение Германии Эльзаса и Лотарингии, где проживало в большинстве своем германское население. Конечно, эти требования Наполеон III игнорировал, однако ради «самоопределения итальянского народа» решился на войну с Австрией.

В результате в 1859 г. французские войска разгромили при Манженте и Сольферино австрийскую армию. При этом часть австрийских войск сдерживалась русскими корпусами, сосредоточенными на австрийской границе. Но, увы, потом Наполеон III обманул Горчакова и Россию и ни на йоту не согласился изменить условия Парижского договора.

Больше всех от войны 1859 года получил сардинский король Виктор Эммануил II. 7 марта 1861 г. он был провозглашен королем Италии. За услуги императору Наполеону III были переданы итальянские города Ницца и Савойя с окрестностями.

3 ноября 1868 г. умер датский король Фредерик VII. На престол с некоторым нарушением права наследования вступил «принц по протоколу» Христьян (Кристиан) Глюксбург[1].

Смерть Фредерика VII дала прусскому министру-президенту Бисмарку желанный повод возбудить шлезвиг-голштинский вопрос и приняться за осуществление своей политической программы, целями которой были: расширение пределов Пруссии, исключение Австрии из состава Германского союза и образование из союза немецких государств германского союзного государства, то есть объединение Германии под наследственной властью прусских королей.

20 января 1864 г. войска Пруссии и Австрии вступили в Шлезвиг, принадлежавший Дании. Оказав небольшое сопротивление, датские войска отступили. Князь Горчаков не только не протестовал против вступления австро-прусских войск в Шлезвиг, но даже одобрил, а австрийскому посланнику объяснил, что Россия сочувствует Германии и что если Швеция окажет помощь Дании, то Россия двинет войска в Финляндию.

Англия попыталась передать решение конфликта на третейский суд, но ее отказались поддержать Франция и Россия.

По этому случаю поэт, дипломат и большой патриот Федор Иванович Тютчев писал: «Мы... до сих пор с какою-то благодушною глу-

---

[1] Его право на наследование было заверено Лондонским протоколом 1852 г., подписанным Англией, Францией, Россией, Австрией, Пруссией, Швецией и Данией.

постью все хлопотали и продолжаем хлопотать о мире, но *чем* для *нас* будет этот мир, того мы понять не в состоянии... Наполеонова диктатура... необходимо должна разразиться *коалициею* против России. Кто этого не понимает, тот уже ничего не понимает... Итак, вместо того чтобы так *глупо* напирать на Пруссию, чтобы она пошла на мировую, мы должны от души желать, чтобы у Бисмарка стало довольно духу и решимости *не подчиниться* Наполеону... Это для нас гораздо менее опасно, чем сделка Бисмарка с Наполеоном, которая непременно обратится против нас...»[1] А 26 июня 1864 г. Тютчев предельно четко сформулировал внешнеполитическую задачу России: «Единственная естественная политика России по отношению к западным державам — это не союз с той или иной из этих держав, а разъединение, разделение их. Ибо они, только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными — по бессилию... Эта суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но, в конце концов, ведь это закон нашего бытия...»[2]

Шлезвиг и Голштиния были присоединены к Пруссии. Россия ничего от этой войны не выиграла. А Горчаков по-прежнему писал депеши и циркуляры, дабы найти человека, который отменит статьи Парижского мира. Ему не было дано понять, что с 1854 г. ситуация изменилась, что Европа разобщена и ни Франции, ни Пруссии, ни Австрии нет дела до тоннажа черноморских корветов и до наличия брони на пассажирских пароходах РОПиТа.

В январе 1863 г. польские паны подняли мятеж в Русской Польше. Я пишу «паны», поскольку подавляющей части польских крестьян цели повстанцев были безразличны и хлопы ничего не получили бы в случае успеха. Наоборот, царь Александр II в это время проводил крепостную реформу и в ответ на восстание потребовал ускорить освобождение крестьян в Польше.

Восстание в Польше вызвало серьезный международный кризис. Европа оказалась на грани большой войны.

Первой однозначную позицию в польском вопросе заняла Пруссия. В ее составе исконно польских земель было куда больше, чем в Российской империи, а целью повстанцев было присоединение и этих земель к Великой Польше в границах 1772 г. Отдавать их прусское руководство, естественно, не собиралось. Мало того, немцы ни до 1863 г., ни после не собирались давать полякам какую-то автономию, пусть даже культурную. Считалось, что поляки — обычные подданные прусского короля, и принимались все меры к их добровольно-принудительной германизации. Таким образом, поляки в России имели куда больше прав и привилегий, чем в Пруссии.

По поводу польского восстания прусский министр-президент Бисмарк заявил в палате депутатов: «Во всем этом деле речь идет вовсе не

---

[1] Кожинов В. Тютчев. М.: Соратник, 1994. С. 439.

[2] Там же. С. 427.

о русской политике и не о наших отношениях к России, а единственно об отношениях Пруссии к польскому восстанию и о защите прусских подданных от вреда, который может произойти для них от этого восстания. Что Россия ведет не прусскую политику, знаю я, знает всякий. Она к тому же и не призвана. Напротив, долг ее — вести русскую политику. Но будет ли независимая Польша в случае, если бы ей удалось утвердиться в Варшаве на месте России, вести прусскую политику? Будет ли она страстной союзницей Пруссии против иностранных держав? Озаботится ли о том, чтобы Познань и Данциг остались в прусских руках? Все это я предоставляю вам взвешивать и соображать самим».

А вот в кулуарной беседе с вице-президентом палаты депутатов Бисмарк выразился более откровенно: «Польский вопрос может быть разрешен только двумя способами: или надо быстро подавить восстание в согласии с Россией и предупредить западные державы совершившимся фактом, или же дать положению развиться и ухудшиться, ждать, покуда русские будут выгнаны из Царства или вынуждены просить помощи, и тогда смело действовать и занять Царство за счет Пруссии. Через три года все там было бы германизировано». На что собеседник возразил: «Но ведь то, что вы говорите, не более как бальный разговор». — «Нисколько, — отвечал Бисмарк, — я говорю серьезно о серьезном деле. Русским Польша в тягость, сам император Александр признавался мне в этом в Петербурге».

В Берлине, очевидно, помнили, что с 1795-го по 1807 год Варшава была прусским городом, а Царство Польское — прусской областью, носившей даже название Южной Пруссии.

Немедленно к русской границе было направлено четыре прусских полка, получивших приказ не допускать в прусские пределы вооруженные шайки повстанцев. В воззвании прусских властей к познаньскому населению выражалась надежда, что польские подданные воздержатся от участия в восстании, в случае же ослушания их предупреждали, что виновных постигнет кара, положенная за государственную измену. Наконец, генерал-адъютант Вильгельма I Альвенслебен и флигель-адъютант Раух были посланы в Варшаву, а оттуда в Петербург для сбора сведений о ходе восстания и для соглашения с русским правительством об общих мерах к его усмирению.

27 января 1863 г. генерал Альвенслебен подписал в Петербурге с князем Горчаковым конвенцию, что в случае требования военного начальства одной из держав, войска другой державы могут перейти границу, а если окажется нужным, то и преследовать инсургентов на территории соседнего государства.

Русско-прусская конвенция стала немедленно приносить плоды. Так, 18 февраля 1863 г. отряд повстанцев Меленцкого и Гарчинского численностью более тысячи человек был прижат русскими войсками к прусской границе, где их взяли в плен королевские войска.

С точки зрения международного права борьба с шайками бандитов на своей территории является внутренним делом государства. Соот-

ветственно, и конвенция от 18 февраля 1863 г. касалась исключительно России и Пруссии. Тем не менее правительства Англии и Франции попытались использовать конвенцию как предлог для вмешательства в польские дела.

Британский кабинет приказал своему послу в Петербурге лорду Непиру предложить русскому правительству дать амнистию полякам и вернуть Польше гражданские и политические права, данные ей императором Александром I, во исполнение обязательств, якобы принятых им на Венском конгрессе перед Европой.

26 февраля 1863 г. лорд Непир вручил князю А.М. Горчакову ноту с требованиями английского кабинета. Прочитав ее, вице-канцлер объявил, что, действуя в духе примирительном, он не даст письменного ответа на замечания британского правительства, а ограничится лишь возражением на словах.

Сложилась любопытная ситуация. Англия шлет ноту, содержащую указания, как вести внутреннюю политику Российской империи. Как будто Александр I — вождь племени готтентотов или индийский раджа. А второе лицо в империи (после царя) боится даже дать письменный ответ, я уж не говорю о том, чтобы посла за подобную дерзость в 24 часа заставить покинуть Петербург. Вместо этого вице-канцлер начинает оправдываться перед послом. Представим себе на секунду, если бы русский посол заявился в Форин оффис (МИД Англии) с аналогичной нотой по поводу событий в Индии и Ирландии?

Патологическую трусость перед Англией и франкофилию Горчакова отмечали многие современники. Так, тот же Бисмарк говорил в рейхстаге: «Я пришел к убеждению, что в русском кабинете действуют два начала: одно — я мог бы назвать его антинемецким, — желавшее приобресть благоволение поляков и французов, главными представителями которого служили: вице-канцлер князь Горчаков, а в Варшаве — маркиз Велепольский; другое — носителями которого был преимущественно сам император и прочие его слуги, основанное на потребности твердо придерживаться во всем дружественных отношений с Пруссией. Можно сказать, что в среде русского кабинета вели борьбу за преобладание дружественно расположенная к Пруссии антипольская политика с политикой польской, дружественно расположенной к Франции».

Позиция британского кабинета в польском вопросе нашла поддержку, правда, с некоторыми оговорками, в Париже и Вене.

В июне 1862 г. послы Англии, Франции и Австрии вручили Горчакову ноты с требованием амнистии мятежникам и установления в Русской Польше «народного представительства», то есть фактического предоставления краю независимости. По указанию Александра II Горчаков ответил категорическим отказом. Почему же Россия столь смело заговорила с самыми сильными державами Европы?

Решили дело три фактора. Ну, во-первых, храбрость русских войск и малороссийских крестьян, громивших польских панов.

А во-вторых, позиция Прусского королевства. Через «прусское окно» в Россию опять пошел поток оружия, боеприпасов, строительных материалов и станков, причем теперь и по железной дороге. В 1862 г. вошла в строй линия Варшава — Санкт-Петербург.

Военное и Морское ведомства России в 1862—1863 гг. заказывают фирмам Круппа и Бергера 196 стальных пушек калибра от 6 до 9 дюймов (152—229 мм), а в начале следующего года Военное ведомство заказало Круппу восемьдесят четыре 8-дюймовые (203-мм) пушки. Вес 8-дюймовых пушек составлял 7,2 тонны, а 9-дюймовых — 7,8 тонны. Это были пока гладкоствольные и дульнозарядные орудия, но их снаряды пробивали броню всех тогдашних британских броненосцев. Первые восьмидюймовки Круппа прибыли в Петербург в начале 1863 г., и их после испытаний установили на батареях Кронштадта и палубах броненосцев и фрегатов.

Третьим и решающим фактором стала посылка двух русских крейсерских эскадр к западному и восточному побережьям Америки. Кроме того, до конца 1863 г. на Средиземном море крейсировали фрегат «Олег» и корвет «Сокол».

Через три недели после прибытия русских эскадр в Америку Александр II в рескрипте на имя генерал-адмирала (от 19 октября) назвал Польшу страной, «находящейся под гнетом крамолы и пагубным влиянием иноземных возмутителей». Упоминание в обнародованном рескрипте об «иноземных возмутителях», которое до прибытия русских эскадр в Америку могло бы послужить casus belli, теперь было встречено западными державами молча, как заслуженный урок.

Сразу же после прибытия эскадр в Америку антирусская коалиция развалилась. Первой поспешила отойти Австрия, которая, сразу почуяв всю шаткость положения, предвидя близкую размолвку Англии и Франции, побоялась принять на себя совместный удар России и Пруссии. Австрия, круто изменив свою политику, не только пошла на соглашение с Россией, но даже стала содействовать усмирению мятежа в Царстве Польском.

Английским дипломатам с большим трудом удалось задержать на полпути, в Берлине, грозную ноту с угрозами в адрес России, которую должен был вручить Горчакову лорд Непир. Теперь Форин оффис пошел на попятную.

Очередная война за передел европейских границ началась в июне 1866 г. 3 июля прусские войска разбили австрийцев у деревни Садовая. Мирным договором в Праге было установлено, что Шлезвиг, Голштиния, Ляуенбург, Ганновер, Кургессен, Нассау и Франкфурт присоединены к Пруссии. Кроме того, Бавария и Гессен-Дармштадт уступали Пруссии часть своих владений. Между всеми немецкими государствами был заключен наступательный и оборонительный союз, впоследствии преобразовавшийся в Германскую империю. Одним из пунктов договора было обязательство южногерманских монархов (баварского,

баденского и виртембергского) во время войны отдавать свои войска в распоряжение Пруссии.

В ходе войны и после нее Горчаков развил бешеную дипломатическую активность, досаждая Наполеону III планами отмены Парижского мира в обмен на одобрение Россией тех или иных территориальных переделов. Император по-прежнему водил князя за нос. Многочисленные послания Горчакова представляют интерес лишь для узкого круга историков. Но в одном из писем барону А.Ф. Будбергу князь проболтался. 9 августа 1866 г. Горчаков написал: «Мы протягиваем для него руку, но с условием, что если мы поддержим виды Наполеона, то он поддержит наши. Политика — это сделка, и не я придумал это»[1]. Далее Горчаков писал, что Наполеон III «желает территориальных компенсаций» за пределами «границ 1814 г.», но его планы могут встретить сопротивление, которое может иметь успех, «если мы будем в нем участвовать». Горчаков предлагал следующую сделку: «Россия может не чинить препятствий планам Наполеона III, если он пойдет навстречу ее интересам в деле отмены условий Парижского мира». В намерения и интересы России, продолжал Горчаков, «не входит восстановление флота на Черном море в его прежних размерах. Мы не имеем в этом надобности. Это более вопрос чести, чем влияния»[2].

Совершенно верно, отмена статей договора для князя в первую очередь было вопросом чести. А вот для жителей Одессы и Севастополя нужны были быстроходные корабли с дальнобойными пушками и мощные береговые батареи. И им было абсолютно наплевать, какой флаг развевается над этими кораблями — Андреевский или нынешний триколор[3], и что строения с толстыми двух-трехметровыми каменными стенами именуются не пушечными казематами, а складами купца 1-й гильдии Пупкина...

Бисмарк систематически издевательски высказывался о политике Горчакова: «Обыкновенно думают, что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разных тонкостей, хитросплетений и интриг. Это неправда... Если бы они, в Петербурге, были умнее, то воздержались бы от подобных заявлений, стали бы спокойно строить суда на Черном море и ждать, пока их о том запросят. Тогда они сказали бы, что им ничего неизвестно, что нужно осведомиться, и затянули бы дело. Оно могло бы продлиться, при русских порядках, и, в конце концов с ним бы свыклись»[4].

Война 1866 года предельно обострила взаимоотношения Франции и Пруссии. Разрешить их дипломатическими способами было невоз-

---

[1] Нарочницкая Л. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М.: Наука, 1989. С. 63.

[2] Там же. С. 64.

[3] В то время триколор был флагом торгового флота России.

[4] Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 75.

можно, рано или поздно в ход должен был быть пущен «последний довод королей»[1].

Париж и Берлин были абсолютно уверены в своей победе и с нетерпением ждали начала войны. Единственной столицей Европы, где боялись франко-прусской войны, был... Санкт-Петербург. Наши генералы и дипломаты переоценивали мощь французской армии. Им мерещились поражение Пруссии, вступление в войну Австрии на стороне Франции и, наконец, вторжение австрийских и французских войск в Польшу с целью создания независимого Польского государства из территорий Пруссии и России. И действительно, польские эмигранты зашевелились в Вене и Париже. Как всегда, кичливые паны были абсолютно уверены в своем успехе и жарко спорили, кто же станет во главе нового государства — граф Альфред Потоцкий или князь Владислав Чарторыский.

Россия начала готовиться к защите своих западных земель. В начале августа военный министр Д.А. Милютин представил царю записку, в которой были разработаны меры на случай войны с Австрией. Было решено сосредоточить в Польше армию до 350 тысяч человек, а на Волыни — 117 тысяч человек.

Замечу, что численность армий мирного времени в 1869 г. составляла: в Австро-Венгрии — 190 тысяч человек, в Пруссии — 380 тысяч, во Франции — 404 тысячи, в Англии — 180 тысяч и в России — 837 тысяч человек.

Накануне войны русская дипломатия металась из стороны в сторону. В значительной степени это объяснялось тем, что царь сочувствовал Пруссии, а канцлер — Франции. За несколько дней до начала войны Горчаков довольно откровенно заявил французскому послу Флери, на какой основе возможно улучшение отношений между обеими державами: «Франция — должница России. Надо, чтобы она дала залог примирения на Востоке»[2].

Но еще в июне 1870 г. Александр II еще раз подтвердил Бисмарку обещание: в случае вмешательства Австрии на стороне французов Россия выдвинет к ее границе трехсоттысячную армию и, если понадобится, даже «займет Галицию». В августе 1870 г. Бисмарк сообщил в Петербург, что Россия может рассчитывать на поддержку Пруссии в деле пересмотра Парижского мира: «Мы охотно сделаем для нее все возможное». Бисмарк, конечно же, постарался, чтобы в Вене узнали об обещании России выдвинуть трехсоттысячную армию, если Австрия пожелает вмешаться в войну, еще до ее начала. 16 июля 1870 г. сообщение об этом уже поступило в Вену от австрийского поверенного в делах в Берлине, и именно поэтому 18 июля Общий совет министров в Вене высказался против немедленного участия в войне.

---

[1] Такая надпись была на французских пушках, начиная с XV века.

[2] Нарочницкая Л. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. С. 168.

Александр II порекомендовал малым германским государствам в случае войны полностью выполнять свои союзнические обязательства перед Пруссией.

19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии. Начало августа застало императора Александра II на маневрах в Царском Селе. 6 августа был днем Преображенского полкового праздника. Утром французский посол Флери принес царю депешу о блистательной победе французов при Марс-Латуре. Затем явился прусский посол, принц Генрих VII Рейсс со своей депешей, где говорилось о полном разгроме французов там же, под Марс-Латуром. Александр II, выйдя к гвардейцам, провозгласил здравицу в честь непобедимой немецкой армии: «Французы с дороги на Верден отброшены к Мецу!»

Император Наполеон III вместе с армией маршала Мак-Магона был окружен в крепости Седан и 2 сентября капитулировал вместе с армией. Императрица Евгения вместе с сыном, Наполеоном Эженом Луи бежала в Англию. 4 сентября Франция была провозглашена республикой.

27 октября 1870 г. в Царскосельском дворце Александр II созвал заседание Совета министров для обсуждения вопроса о целесообразности отмены ограничительных статей Парижского договора. Против отмены статей, касающихся Черноморского флота, никто не возражал. Но ряд министров во главе с военным министром Д.А. Милютиным поставил вопрос о Южной Бессарабии. В конце концов Александр II согласился с Милютиным.

Таким образом, знаменитый циркуляр А.М. Горчакова от 31 октября 1870 г. был не плодом его гениальных дипломатических способностей, а простым изложением решения Совета министров, принятого 27 октября. В циркуляре Горчаков объяснял причины утраты силы ряда статей Парижского договора: призванный сохранять «равновесие Европы» и устранить всякую возможность столкновений между государствами, а также оградить Россию от опасного вторжения путем нейтрализации Черного моря, договор показал свою недолговечность. Державы, подписавшие Парижский мир и неоднократно нарушавшие его условия, доказали, что он существует чисто теоретически.

Циркуляр Горчакова вызвал крайне негативную реакцию в Австрии. Итальянский министр иностранных дел маркиз Висконти-Веноста заявил, что, как ни дорожит Италия дружественными отношениями к России, не от нее зависит освободить эту державу от обязательств, принятых относительно пяти других держав, и что результат этот может быть лишь следствием добровольного соглашения между всеми дворами, участвовавшими в заключении Парижского трактата. Оперетточное французское правительство «народной обороны», заседавшее в городе Тур, предпочло отмолчаться.

Бисмарк по поводу циркуляра и русской дипломатии ядовито заметил: «Если бы она была смышленее, то совершенно разорвала бы Парижский трактат. Тогда ей были бы благодарны за то, что она снова

признала бы некоторые из его условий и удовольствовались бы восстановлением своих державных прав на Черном море»[1].

Громче всех протестовал британский кабинет. Лорд Гренвиль назвал русскую ноту «бомбой, брошенной в тот момент, когда Англия ее менее всего ожидала»[2]. Однако воевать один на один с Россией Англия не хотела, а главное, не могла. Поэтому нужно было срочно искать союзников. Франция была вдребезги разбита, Австрия еще не оправилась от поражения под Садовой четыре года назад, плюс волнения славянского населения империи. Оставалась Пруссия.

Когда в Главной ставке германских войск, расположенной в Версале, узнали, что туда едет английский уполномоченный Одо Руссель с целью потребовать от германского канцлера «категорических объяснений» по поводу русской декларации, король Вильгельм воскликнул: «Категорических? Для нас существует одно “категорическое” объяснение: капитуляция Парижа, и Бисмарк, конечно, скажет ему это!»[3]

Англичанам пришлось пойти на компромисс, и они согласились с Бисмарком устроить международную конференцию по вопросу пересмотра статей Парижского мира.

Конференция уполномоченных держав — участниц Парижского договора 1856 года открыла свои заседания в Лондоне 5 января 1871 г., а 20 февраля ими была подписана конвенция, вносившая в Парижский трактат следующие изменения.

Отменялись три статьи этого трактата, ограничивавшие число военных судов, которые Россия и Турция имели право содержать в Черном море, а также их право возводить береговые укрепления.

Подтверждался принцип закрытия Дарданелл и Босфора с правом для султана открыть доступ в эти проливы военным судам дружественных и союзных держав каждый раз, когда Порта признает это нужным для поддержания прочих постановлений Парижского трактата.

Черное море объявлялось по-прежнему открытым для свободного плавания торговых судов всех наций.

Существование международной Дунайской комиссии продолжено на двенадцать лет, с 1871-го по 1883 год.

---

[1] Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 75—76.

[2] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Под ред. Н. Киняпина. М.: Наука, 1978. С. 180.

[3] Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 75.

Глава 17

РОЛЬ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.

С начала 70-х годов XIX века Балканский полуостров стали называть «пороховым погребом Европы». Национально-освободительную войну славян против турок пытались использовать в своих целях все ведущие державы Европы. Летом 1875 г. в Южной Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Крестьяне, подавляющее большинство которых было христианами, платили огромные налоги турецкому государству. В 1874 г. натуральный налог официально считался 12,5 % со сбора урожая, а с учетом злоупотреблений (с отступными и т.д.) — до 40 %.

Ближайшим поводом к восстанию послужили притеснения христианского населения турецкими сборщиками податей, вызвавшие кровавые схватки между христианами и мусульманами. В дело вмешались оттоманские войска, встретившие неожиданное сопротивление.

Повстанцы имели поддержку в сопредельных с восставшими областями странах, в Черногории и Сербии. Черногорцы не только давали приют семьям инсургентов, но и снабжали их продовольствием, оружием, порохом и другими припасами и даже сами нередко принимали участие в их боевых стычках с турками. Сербия начала поспешно вооружаться. Из всех славянских земель, не исключая и России, посылались герцеговинцам и боснякам щедрые денежные пособия от обществ и частных лиц, сочувствовавших делу их освобождения.

В Болгарии положение христиан было еще более тяжелым, чем в Боснии и Герцеговине. В середине 60-х годов XIX века турецкое правительство поселило в Болгарии 100 тысяч «черкесов» — горцев мусульман, эмигрировавших с Кавказа. Подавляющее большинство этих «джигитов» не хотели заниматься физическим трудом, а предпочитали грабить болгарское население. Естественно, что болгары последовали за жителями Герцеговины и тоже подняли восстание. Однако туркам удалось подавить его. Причем «черкесы» и башибузуки[1] вырезали в Болгарии свыше 30 тысяч мирных жителей.

---

[1] Башибузуки — иррегулярная турецкая кавалерия.

Таким образом, просвещенная Европа получила традиционный повод вмешательства в балканские дела — защита мирного населения. Разумеется, демагогическая болтовня была лишь дымовой завесой для прикрытия корыстных целей. Англия стремилась установить свое господство в Египте и Константинополе, но при этом не допустить усиления России.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что политика Австро-Венгрии на Балканах имела программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум состояла в том, чтобы в ходе конфликта на Балканах не допустить территориального расширения Сербии и Черногории. В Вене считали, что само по себе существование этих государств несет угрозу «лоскутной империи», поработившей миллионы славян. Надо ли говорить, что Австро-Венгрия была настроена категорически против любого продвижения России к Проливам.

Программа-максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгерской империи Боснии и Герцеговины. И, конечно, в Вене не отказывались от традиционной мечты — контроля за устьем Дуная. Императору Францу Иосифу очень хотелось хоть чем-нибудь компенсировать потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосам сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Тем не менее в Вене хорошо помнили 1859 и 1866 годы и не торопились лезть в драку, прекрасно понимая, чем может кончиться война один на один с Россией.

Франция и Германия были практически лишены возможности участвовать в силовом разрешении Балканского кризиса. Франция лихорадочно перевооружалась и готовилась к реваншу. Националистическая пропаганда сделала возвращение Эльзаса и Лотарингии целью всей нации. В начале 1875 г. Германия решила прекратить рост вооружений Франции и пригрозила войной. В историю эта ситуация вошла как «военная тревога 1875 года». Против намерений Германии резко выступили Россия и Англия. Британский премьер Дизраэли был чрезвычайно обеспокоен возможностью захвата Бельгии, появления Германии у берегов Па-де-Кале и перспективой нового разгрома Франции, поскольку английская дипломатия основывалась на наличии в Западной Европе нескольких соперничающих великих держав. Английская политика ввиду этого всегда стремилась к поддержанию «европейского равновесия» и к предотвращению гегемонии той или иной державы на Европейском континенте.

Подобно тому, как Англия в свое время боролась вместе с Россией против Наполеона, так и теперь Дизраэли выступил против Бисмарка рука об руку с русским правительством. «Бисмарк — это поистине новый Бонапарт, он должен быть обуздан», — заявил Дизраэли. «Возможен союз между Россией и нами для данной конкретной цели», — писал он.

В 1875 г. Германия вынуждена была отступить. Но целью германской внешней политики по-прежнему было уничтожение или суще-

ственное ограничение французской военной мощи, чтобы гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. Не будем забывать, что в 1877 г. Германия напоминала питона, заглотившего гораздо больше, чем он мог переварить. Германии нужно было провести интеграцию Пруссии и многочисленных земель, присоединенных к ней в 1859, 1866 и 1870 годах. В таких условиях для Германии было безумием затевать войну на два фронта — с Россией и Францией, и канцлер Бисмарк прекрасно это понимал. Бисмарк всеми силами пытался удержать Австрию от конфликта с Россией, а Горчакову заявил, что в случае военного разгрома Австрии Германия будет вынуждена вмешаться. Через германского посла в Петербурге Швейница Бисмарк посоветовал Горчакову на случай войны с Турцией купить нейтралитет Австро-Венгрии, предоставив ей захватить Боснию.

Только в одном случае Бисмарк готов был пожертвовать Австро-Венгрией. В инструктивном разговоре со Швейницем перед его отъездом в Петербург канцлер заявил, что согласен активно поддержать Россию в случае, если она гарантирует Германии обладание Эльзасом и Лотарингией. В интимной беседе с одним из приближенных Бисмарк еще откровеннее сформулировал свои замыслы: «При нынешних восточных осложнениях единственной выгодой для нас могла бы быть русская гарантия Эльзаса. Эту комбинацию мы могли бы использовать, чтобы еще раз совершенно разгромить Францию».

Как видим, к 1877 г. в мире сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для активных действий России на Балканах, включая захват Константинополя. Перед русской дипломатией стояла сложная, но вполне достижимая задача, состоявшая из двух частей.

Во-первых, найти достойные компенсации Австро-Венгрии и Германии в качестве платы за нейтралитет при захвате Россией Проливов. Австрии можно было предложить Боснию, Герцеговину, ну а в крайнем случае — свободный выход к Эгейскому морю через Салоники. Кстати, Австро-Венгрия и так захватила Боснию и Герцеговину, а Россия получила кукиш с маслом. Маленькая Греция и так была настроена крайне агрессивно по отношению к своему большому, но больному соседу. Достаточно было пообещать ей Крит и ряд островов Эгейского моря, чтобы Турция получила второй фронт на юге, а русские корабли — базы в Эгейском море.

Германии же на определенных условиях можно было гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. С одной стороны, уже в 1877 г. было очевидно, что Франция никогда не смирится с потерей Эльзаса и Лотарингии и рано или поздно нападет на Германию, втянув в войну Россию. Русская гарантия на Эльзас и Лотарингию уничтожала бочку с порохом в центре Европы. Усиление же в этом случае Германии и охлаждение отношений с Францией были ничтожным фактором по сравнению с решением вековой задачи России. Захват Проливов существенно увеличивал военный потенциал России, который бы с лихвой компенсировал потерю столь сомнительного союзника, как Франция.

Второй же задачей русской дипломатии была жесткая политика в отношении с Англией, вплоть до разрыва дипломатических отношений и начала войны. Но такая позиция не исключала и компенсации Англии, например, передачу ей Кипра и Египта, которые ею также были захвачены в конце концов.

Выживший из ума канцлер Горчаков и не дюже разбиравшийся в политике Александр II поступили с точностью до наоборот. Они оба трепетали перед Англией и по-детски надеялись, что если они будут действовать осторожно и с оглядкой на лондонскую воспитательницу, то им удастся дорваться до сладкого. В отношении же компенсаций Австро-Венгрии и Германии Горчаков был категорически против. Старая «собака на сене» хотела обмануть Вену и Берлин, а на самом деле привела страну к поражению.

В начале 1876 г. князь Горчаков предложил главам правительств Австрии и Германии, графу Андраши и князю Бисмарку, обсудить сложившуюся на Балканах ситуацию при встрече трех министров, приурочив ее к предстоявшему визиту царя в немецкую столицу. Предложение Горчакова было принято.

29 апреля (10 мая) 1876 г. император Александр II прибыл в Берлин и провел там три дня. Все эти дни происходили непрерывные консультации между Горчаковым, Андраши и Бисмарком.

1 (12 мая) 1876 г. был опубликован знаменитый меморандум трех императоров — Александра II, Франца Иосифа I и Вильгельма I. Суть меморандума формально заключалась в сохранении целостности Османской империи при «облегчении участи христиан». Однако там содержался пункт, серьезно ограничивавший власть султана на славянских землях. Так, в пункте 3 говорилось: «Для устранения всяких столкновений турецкие войска будут сосредоточены в нескольких определенных пунктах, по крайней мере до тех пор, пока умы не успокоятся». Пункт 4 гласил: «Христиане сохранят оружие, так же как и мусульмане». Пункт 5: «Консулы или делегаты держав будут наблюдать за введением реформ вообще...»

Разумеется, меморандум, в лучшем случае, закреплял нестабильную ситуацию на Балканах.

Правительства Франции и Италии незамедлительно ответили, что они согласны с программой трех императоров. Но Англия в лице кабинета Дизраэли высказалась против нового вмешательства в пользу балканских славян. Англия подобно Австро-Венгрии не желала допустить ни их освобождения, ни усиления русского влияния на Балканах. Руководители британской внешней политики считали Балканы плацдармом, откуда Россия могла угрожать турецкой столице, а следовательно, выступать в роли соперника Англии, оспаривая у нее первенствующее влияние в Турции и на всем Востоке.

Премьер Дизраэли был очень озабочен продвижением русских в Средней Азии и желал остановить их руками турок и австрийцев, начав войну на Балканах. Либеральная оппозиция в лице Гладстона возража-

ла, что Англия сейчас не имеет никакого интереса бороться с Россией и что для цивилизованного государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, как турецкое. Корреспондент либеральной газеты «Daily News» обрисовал картину болгарских погромов, где турецкое правительство, чтобы предупредить возмущение, дало волю башибузукам безнаказанно жечь, убивать и насиловать. Гладстон издал свою брошюру под заглавием «Болгарские зверства», направленную против туркофильской политики британского кабинета. Оппозицией были созваны во многих больших городах митинги для выражения негодования политикой султана.

В свою очередь, Дизраэли начал играть на шовинизме британских лавочников. В лондонских кафешантанах пелись патриотические и воинственные куплеты. Сильно распространенная уличная песня «Мы не хотим войны, но, черт возьми (by jingo), если нельзя иначе...» внесла в английский политический жаргон два новых слова — «джинго» и «джингоизм» — для обозначения шовинистов и шовинизма.

Британская эскадра покинула Мальту и стала на якорь в Безикской бухте, недалеко от входа в Дарданельский пролив.

30 мая 1876 г. в Константинополе был свергнут своими новыми министрами, а затем убит султан Абдул Азиз, которого подозревали в намерении уступить Европе. На престол был возведен Мурад V. Это событие совершилось в обстановке бурного подъема турецкого национализма и мусульманского фанатизма.

27 июня (8 июля) 1876 г. в Рейхштадском замке в Чехии состоялись встречи Александра II с Францем-Иосифом и Горчакова с Андраши. В результате состоявшихся там переговоров не было подписано ни формальной конвенции, ни даже протокола. Итоги достигнутого сговора были изложены обеими сторонами, каждой в отдельности, в двух записях. Одна была продиктована Андраши, другая — Горчаковым. Эти две записи, никем не заверенные и притом в ряде пунктов расходившиеся друг с другом, являлись единственными документами, в которых закреплены были результаты Рейхштадтских переговоров. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договоренности.

В случае успеха турок обе державы «потребуют восстановления довоенного status quo в Сербии». Что касается Боснии, Герцеговины, а также Болгарии, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме.

В случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России Андраши все-таки согласился на территориальное приращение для Сербии и Черногории. Сербия согласно горчаковской записи, получала «некоторые части старой Сербии, и Боснии», Черногория —

Герцеговину и порт на Адриатическом море. По записи Андраши, Черногория получала лишь часть Герцеговины. «Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть аннексирована Австро-Венгрией». По русской же записи, Австрия имела право аннексировать только «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней (то есть с Австрией) части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии». О правах Австрии на Герцеговину в русской записи вообще не упоминалось. Ясно, что Рейхштадское соглашение таило в себе источник недоразумений и конфликтов: Австро-Венгрия претендовала на всю Боснию и Герцеговину, а Россия не желала соглашаться на их передачу сопернице.

Далее, по Рейхштадскому соглашению Россия получала согласие Австрии на возвращение Юго-Западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 г., и на присоединение Батума.

В случае полного развала европейской Турции Болгария и Румелия должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи — автономные провинции Османской империи; по австрийской версии, такой провинцией могла стать и Албания. Русская запись не упоминала об этом. Эпир, Фессалию (по австрийской записи, также и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь мог бы стать вольным городом».

20 июня 1876 г. Сербия и Черногория, стремясь поддержать повстанцев в Боснии и Герцеговине, объявили Турции войну. Большая часть русского общества поддержала это решение. В Сербию отправились около семи тысяч русских добровольцев. Во главе сербской армии встал герой туркестанской войны генерал Черняев. Тем не менее в Петербурге все понимали, что одним сербам и черногорцам с турками не сладить. И действительно, 17 октября 1876 г. под Дьюнишем сербская армия была наголову разбита.

В конце сентября — начале октября 1876 г. в России началась частичная мобилизация. Численность русской армии, составлявшая по штатам мирного времени 272 тысячи человек, возросла до 546 тысяч человек.

3 (15) января 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать своими войсками Боснию и Герцеговину. При этом Австро-Венгрия обязывалась не распространять военные операции на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а Россия — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Австро-Венгрия давала, впрочем, согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России.

18 марта 1877 г. была подписана дополнительная конвенция, но датирована она была 15 января — днем подписания первой конвенции, и предусматривала ожидаемые результаты предстоящей войны. Территориальные приобретения в Европе ограничивались: для Австро-Венгрии — Боснией и Герцеговиной, исключая Ново-Базарский сан-

джак, то есть территорию, отделяющую Сербию от Черногории, о которой должно было последовать особое соглашение; для России — возвращением Юго-Западной Бессарабии. Таким образом, Россия уступила в вопросе о Боснии и Герцеговине.

Этот договор, заключенный в Будапеште между Россией и Австро-Венгрии, можно рассматривать как договор о разделе Турции.

В договоре подтверждались условия Рейхштадского договора о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Болгария, Албания и «оставшаяся часть Румелии могли бы стать независимыми государствами». Подтверждалось Рейхштадское соглашение о судьбах Фессалии, Эпира и Крита, равно как и Константинополя. О нем снова было постановлено, что он «мог бы стать вольным городом».

Обе конвенции — основная и дополнительная — были подписаны Андраши и русским послом в Вене Новиковым. Теперь Россия могла воевать, но результаты ее возможной победы были заранее урезаны до минимума. За нейтралитет Австро-Венгрии Россия дорого ей заплатила.

В специальных соглашениях было сказано, что ввиду необходимости для русских военных целей временного заграждения Дуная Австро-Венгрия не будет протестовать против ограничения судоходства по этой реке, Россия же обязуется восстановить по ней свободу плавания, как только это окажется возможным. Русские военные лазареты могут устраиваться с соблюдением постановлений Женевской конвенции вдоль австро-венгерских железных дорог, прилегающих к границам России и Румынии, а русские больные и раненые солдаты и офицеры будут приниматься в военные и гражданские госпитали в Галиции и Буковине по тарифу, установленному для чинов австро-венгерской армии.

Обе стороны обязались не распространять свои военные операции: австрийский император — на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а русский император — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Оба славянских княжества и территория между ними должны были служить нейтральной полосой, не доступной для армий обеих империй, которая должна была предотвратить непосредственное соприкосновение между их войсками.

В предвоенной ситуации попытался «половить рыбку в мутной воде» и Бисмарк. Он неоднократно говорил с английским послом, лордом Одо Росселем о выгоде, которую представляет для Англии овладение Египтом. Бисмарк надеялся, что эта акция Англии надолго поссорит ее с Францией.

В конце января 1877 г. Бисмарк обратился к Росселю с еще более рискованным предложением, нежели захват Египта. Канцлер уверял посла, будто бы Франция готовится к вторжению в Германию. И для предотвращения этого Германии необходимо принять меры предосторожности. Меры эти, по словам Бисмарка, несомненно, будут ис-

толкованы Францией как провокация. Возможно, последует война. И канцлер просил у Англии дать обязательство соблюдать «благожелательный нейтралитет», а в обмен предлагал свое сотрудничество в турецких делах.

В феврале Бисмарк уже предложил Англии заключить оборонительный и наступательный союз. Видимо, Бисмарк хотел втянуть Россию в войну с Турцией, чтобы тем временем окончательно сокрушить Францию. Британский кабинет рассмотрел германское предложение и отказался его принять. В беседе с русским послом в Англии графом Шуваловым Дизраэли заявил, что интересы как Англии, так и России требуют, чтобы Франция не была низведена до положения второстепенной державы, что, несомненно, стало бы результатом новой войны между Германией и Францией.

В британском кабинете возникла настоящая паника. Многие министры советовали Дизраэли заключить компромиссное соглашение с Россией. Ведь в случае вторичного разгрома Франции германские войска выйдут на побережье Канала и тут «туманному Альбиону» будет не до Константинополя. Однако новоиспеченный лорд Биконсфильд[1] продолжал хладнокровно блефовать в отношениях с Россией.

24 апреля 1877 г. император Александр II в Кишиневе подписал манифест об объявлении войны Турции.

Ход боевых действий 1877—1878 гг. выходит за рамки книги, и я отсылаю интересующихся к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград» (М.: Вече, 2005). Нам же интересна позиция Пруссии. Точно так же, как в 1854—1856 гг. и в 1862—1864 гг., в Россию из Германии начались массовые поставки оружия и боеприпасов.

Еще в 1863 г. по тактико-техническим требованиям и чертежам русских офицеров из Артиллерийского комитета ГАУ Крупп получил задание: одну из серийных 8-дюймовых гладкоствольных пушек снабдить клиновым затвором Круппа и нарезать по «прусской» системе.

Дело в том, что Крупп в том же 1863 году создал систему нарезных орудий, у которой снаряды имели свинцовые оболочки. Эти оболочки ввинчивались в нарезы канала ствола. Эксплуатация орудий показала, что орудия «прусской» системы были лучшими в мире до 1876 г. В России эта система нарезов до 1877 г. именовалась прусской, а после — «образца 1867 г.».

С 1865 г. Крупп начал серийные поставки в Россию 8-дюймовых пушек обр. 1867 г. Вместе с серийными и опытными образцами Круппа в Россию поступала и вся технологическая документация на них, что позволяло быстро запускать эти изделия в серийное производство на Обуховском сталелитейном (ОСЗ) и Пермском орудийном (ПОЗ) заводах.

В 1869 г. Морское ведомство заказало Круппу 11-дюймовую (280-мм) пушку, а через два года Крупп передал ОСЗ чертежи 12-дюймовой

---

[1] Премьер Дизраэли в 1876 г. был пожалован королевой Викторией в пэры с титулом лорда Биконсфильда.

(305-мм) пушки. Наконец, в 1868 г. Крупп подарил императору Александру II 14-дюймовую (356-мм) пушку, один ствол которой весил 50 тонн.

Наконец в 1865—1871 гг. прошло перевооружение полевой артиллерии с гладкоствольных пушек обр. 1838 г. на нарезные казнозарядные пушки обр. 1867 г. Часть полевых орудия поставил Крупп, а большая часть была произведена на отечественных заводах.

В 1876 г. в Германии были успешно испытаны снаряды с двумя медными поясками. По сравнению со снарядом со свинцовой оболочкой (обр. 1867 г.) снаряд с медными поясками позволял существенно увеличить начальную скорость вследствие большой прочности ведущих частей и возможности принятия прогрессивной нарезки канала ствола, а также повысить меткость за счет увеличения скорости вращения и лучшей центровки снаряда. Фактически это были снаряды современного образца. Например, 6-дюймовым снарядом с медными поясками, изготовленным Круппом в 1877 г., можно выстрелить и из 6-дюймовой пушки «Авроры», и даже из 152-мм установки «Гиацинт».

В начале 1877 г. Военное ведомство в срочном порядке закупило у Круппа шестнадцать 11-дюймовых стальных пушек, стрелявших снарядами с медными поясками. Вместе с пушками были заказаны лафеты и боекомплект 50 выстрелов на ствол, а затем последовал заказ еще на десять 11-дюймовых пушек. Первые пушки прибыли в Кронштадт в мае 1877 г., а шестнадцатая — в октябре того же года. Крупп поставлял новые пушки, как говорится, «под ключ».

Одна из 11-дюймовых пушек была отправлена на Главный артиллерийский полигон (ГАП), а остальные 15 уже к концу ноября 1877 г. стояли в полной готовности на фортах Кронштадтской крепости.

По документации Круппа, 11-дюймовые пушки «нового образца» начали изготавливать с 1878 г. на Обуховском и Пермском заводах, причем ОСЗ делал стальные пушки, а ПОЗ — чугунные.

27 сентября 1875 г. на Меппенском полигоне Круппа была испытана новая 14-дюймовая (356-мм) стальная пушка с каналом образца 1877 г. 58,5-тонный ствол орудия был скреплен четырьмя рядами стальных колец. В связи с обострением внешнеполитического положения России Военное ведомство купило эту пушку вместе с лафетом и тремястами снарядами. 14-дюймовая пушка обр. 1877 г. прибыла в Кронштадт в мае 1877 г. Вскоре она была установлена на форту «Константин».

Русские инженеры на Волковом поле (полигоне под Петербургом) построили несколько точных копий отсеков британских броненосцев. Пушки Круппа пробивали их броню на всех реальных дистанциях боя. Замечу, что на британских кораблях артиллерия главного калибра до 1885 г. была нарезная, но дульнозарядная, что резко усложняло систему заряжания и приводило к большому числу разрывов снарядов в канале ствола.

Таким образом, Крупп создал современную русскую артиллерию, которая с 1867 г. разделяла с германской первое место в мире. В свою

очередь, Россия создала империю Круппа с помощью русских денег, а также идей и проектов русских артиллеристов. Ведь заказывались не крупповские пушки, а пушки системы Круппа по чертежам и техническим условиям, разработанным в Арткомитете ГАУ. В какой-то мере Крупп стал опытным заводом для наших инженеров.

В связи с войной 1877—1878 гг. и последовавшим за ней международным кризисом русское Морское министерство отступило от этого принципа. Так, для кораблей, предназначенных для действий на британских коммуникациях, срочно были заказаны штатные германские[1] 15-см (5,9-дюймовые, то есть 149,3-мм) пушки с каналом, близким к каналу образца 1867 г. Пушки были длинные и короткие, их длина составляла 25,7 и 21,8 калибра, соответственно. Станки, заряды и снаряды к ним были германские. 15-см пушками вооружили крейсера «Европа», «Азия», «Африка»; корветы «Богатырь», «Варяг» и др.

Вооружение германскими орудиями крейсеров «Европа», «Азия» и «Африка», которые представляли собой большие торговые пароходы, закупленные в США, первоначально должно было произойти в океане у берегов США, вне территориальных вод. Пушки должны были доставить германские торговые суда. Кроме 15-см пушек, эти крейсера должны были получить по одной 21-см мортире Круппа. Однако ремонт и переоборудование крейсеров в США затянулись, и они вышли в море после окончания Берлинского конгресса, когда острота кризиса несколько спала. Поэтому корабли вооружили германскими орудиями уже в спокойной обстановке в Кронштадте.

В 1877—1878 гг. Морское ведомство впервые заказало Германии боевые корабли. Пока это были малые миноноски. Так, судостроительной фирме «Шихау» в городе Эльбинг было заказано одиннадцать двадцатитонных миноносок типа «Лук», а фирме «Вулкан» в Шеттене заказали еще две миноноски — «Ракету» и «Самопал», водоизмещением в 33 тонны. Все тринадцать миноносок в 1878 г. вступили в строй Балтийского флота.

В ноябре 1876 г. Морское ведомство заказало германской фирме «Циклоп» 200 мин заграждения системы Герца с пироксилиновым зарядом. Причем первая партия мин прибыла в Петербург уже в том же месяце. Затем на германские заводы из России последовал еще ряд заказов на мины Герца. Всего с ноября 1876 г. по июль 1878 г., то есть менее чем за полтора года, Морское ведомство получило из Германии 2100 мин, а Военное ведомство — 1935 мин, всего 4035 мин Герца. Из них свыше 860 мин были отправлены на Черное море. В ходе войны 140 мин выставили на Дунае, где на них подорвалось несколько турецких судов. Несколько сот мин было выставлено для защиты Севастополя, Одессы и Днепро-Бугского лимана.

---

[1] До этого все пушки, заказанные заводам Круппа и Бергера, делались по чертежам, утвержденным в России.

Объективности ради стоит отметить, что германские фирмы поставляли оружие, в том числе пушки, и Турции. Но объем этих поставок был более чем на порядок меньше, чем в Россию. Турецкая армия и флот были вооружены в первую очередь англичанами, а далее с большим отрывом шли французы, итальянцы и только потом немцы.

10 апреля 1877 г. император Александр II объявил Турции войну. Наши генералы действовали не самым лучшим образом[1]. Тем не менее в конце декабря русская армия перешла Балканы и двинулась к Стамбулу.

2 января 1878 г. был взят Адрианополь. Все турецкие войска в Европе были разгромлены[2], и их столица оказалась без защиты. Турецкое командование обратилось к главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу с просьбой о перемирии. Русские имели возможность занять Константинополь и район Дарданелл без особого труда. Но тут вмешалась Англия. Британский флот стоял в Безикской бухте, вблизи у входа в Дарданеллы. Подстрекаемая Англией Австрия заявила, что она разорвет отношения с Россией. Но император Франц Иосиф не решился, несмотря на сильный нажим англичан, объявить мобилизацию. Кстати, в России за всю войну так и не была объявлена всеобщая мобилизация, то есть большая часть войск так и не была мобилизована.

В ходе боевых действий в 1877 г. у русских генералов и политиков постоянно вызывала сильную головную боль угроза Австрии нанести удар по Румынии и Бессарабии и полностью прервать растянутые коммуникации нашей действующей армии. Это было по силам австрийской армии. Другой вопрос, что две трети русской армии не были задействованы в турецкой кампании и их было достаточно, чтобы раздавить лоскутную империю.

Взятие Константинополя могло полностью исключить угрозу австрийцев нашим коммуникациям. В этом случае боевая мощь русской армии резко возрастала. Вместо тысячи километров ужасных дорог от Бессарабии до Адрианополя любой груз мог быть оперативно доставлен по железной дороге до Одессы, Севастополя или портов Азовского моря, а затем за сутки на пароходе или за двое-трое суток на парусниках переброшен в Константинополь. Таким образом, 8-дюймовые мортиры из Брестской или Ивангородской крепостной артиллерии, снаряды, изготовленные петербургскими заводами, и мобилизованные резервисты из Нижегородской губернии могли быть доставлены за неделю в Проливы.

Русская береговая артиллерия из Севастополя, Одессы, Керчи и Очакова могла быть за одну-две недели переброшена к Дарданеллам. Однако царь испугался. Братцы Николаевичи начали подталкивать друг друга к захвату Стамбула, причем каждый боялся проявить ини-

---

[1] О чем рассказано в книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

[2] Кое-где в тылу в Болгарии турецкие войска занимали отдельные крепости и анклавы.

циативу. Ну, Николай, давай прибей к вратам Царьграда если не щит, то хоть панталончики Числовой! — Не, Саш, ты сначала прикажи. — А ты что, сам решить не можешь? Ты в 15 верстах от Стамбула сидишь, а я за 2500 миль, в Петербурге.

Увы, это совсем не анекдот, именно в таком смысле шла переписка между августейшими братцами[1]. Русские генералы и дипломаты оказались в положении глупой обезьяны из английской сказки, которая засунула руку в кувшин с орехами и непременно хотела взять их все. Лапа с орехами не проходила через узкое горло, и глупая обезьяна сдохла с голода.

Россия могла договориться с Германией, дав ей за Константинополь отступное в виде окончательного признания существующей франко-германской границы и разрыва отношений с Францией.

Можно было договориться по-хорошему и с турками. Не надо забывать, что турки боялись Англию ничуть не меньше, чем Россию. Идея столкнуть лбами британского льва и русского медведя была заманчива для султана, но в финале наверняка исключалось возвращение к status quo и прежним турецким границам, вопрос заключался только в том, кто и сколько отхватит от турецкой территории.

С учетом вышесказанного русская дипломатия имела реальный шанс договориться с турками. Ведь, по большому счету, России был не нужен Константинополь. Мало того, включение этого города в состав Российской империи принесло бы много бед и царизму, и народу. России вполне было достаточно и нескольких баз в обоих проливах, гарантирующих безопасность южных границ — подбрюшья России. Вот и всё!!! При наличии баз в Проливах Батум и Карс становились не нужными России. Мало того, в этом случае появление независимых славянских государств, к чему ранее стремилась Россия, стало бы ей невыгодным. Взамен Проливов России было достаточно потребовать от Турции декларации о правах славян и оставить ее в границах 1876 г. Остановить распад своей империи турки могли лишь союзом с Россией. Только она могла стать гарантом территориальной целостности Турции, включая Египет, Ливию, Кипр и т.д.

Контроль над Проливами был жизненно не обходим России, и ради этого можно было пойти на всё, плюнув на Францию, беспокойных меньших братьев — южных славян, вплоть до того, чтобы отдать Привисленский край вместе со скандальным панством Германии.

Вместо этого Россия навязала Турции мир, невыгодный обоим государствам. Мирный договор был подписан 19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано, под Константинополем.

Канцлер Горчаков и его подчиненные с Певческого моста[2] рассчитывали на содействие германского канцлера Бисмарка, чтобы умерить

---

[1] См. Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война 1857—1907 гг. М.: АСТ, 2003.

[2] В Петербурге у Певческого моста располагалось здание МИДа.

аппетиты Австрии и при этом удержать ее в составе союза трех империй. Но германский канцлер не желал отступать от политики, начатой им в начале восточного кризиса, и отказывался как-либо влиять на венский двор. Он считал, что России даже выгодно позволить Австрии «зарваться» на Балканах и уж ни в коем случае не стоит рисковать ввязаться в войну с мощной державой из-за большей или меньшей протяженности границ Болгарии. Бисмарк считал, что «если же, невзирая на это, война все-таки вспыхнет между ними, то Германия останется нейтральною, так как ей одинаково было бы неприятно поражение и той, и другой из воюющих сторон»[1].

В последних числах апреля 1878 г. русское правительство решилось выйти из состояния неизвестности и снова призвать к содействию Германию.

24 апреля Горчаков телеграфировал русскому послу в Берлине П.П. Убри предложить князю Бисмарку и самому императору Вильгельму стать арбитрами в споре между Россией, Австрией и Англией.

22 мая 1878 г. германское правительство разослало всем странам — участницам Парижского трактата 1856 года приглашения собраться на конгресс в Берлине для обсуждения условий «прелиминарного» мирного договора, заключенного в Сан-Стефано между Россией и Турцией.

Представители великих держав съехались в Берлин к 1 июня. Первыми уполномоченными были министры, руководившие внешней политикой своих государств: за Германию — князь Бисмарк, за Австро-Венгрию — граф Андраши, за Англию — премьер-министр граф Биконсфильд и министр иностранных дел маркиз Салисбюри, за Францию, Италию и Турцию — министры иностранных дел Ваддингтон, граф Корти и Каратеодори-паша. Русский канцлер князь Горчаков хоть и был назначен первым уполномоченным, но по слабости здоровья не принимал активного участия в совещаниях, на которых отстаивать интересы России выпало на долю второго уполномоченного, графа Шувалова. Не вдаваясь в нюансы, следует сказать, что Россия потерпела поражение на конгрессе. Произошло это по глупости наших дипломатов и военных. Замечу, что все это время русская армия стояла у ворот Стамбула.

27 января 1879 г. в Константинополе был подписан окончательный мирный договор между Россией и Турцией. Согласно его условиям, Россия получала большую контрибуцию от Турции (в этом Бисмарк решительно поддержал Горчакова), а также города Карс и Батум с прилегающими землями.

Англия заняла Кипр и тем самым обеспечила себе новый опорный пункт в Средиземном море. Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину, утвердилась на пути к Салоникам. И отныне Австрия стала ближе к Средиземному морю, даже к Константинополю, чем Россия.

---

[1] Татищев С.С. Император Александр Второй. Кн. II. С. 452.

Глава 18

АЛЕКСАНДР III МЕЖДУ ПАРИЖЕМ И БЕРЛИНОМ

В 1878 г. наши дипломаты и военные вновь показали полнейшую бездарность и узость мышления. Но все свои грехи они в петербургских салонах на страницах «патриотической» прессы свалили на князя Бисмарка. Он-де был двуличным и не хотел таскать каштаны из огня для Александра II и Горчакова. А за что? Да за так, потому что мы, русские, белые и пушистые, нас нужно любить только бескорыстно.

И, надо сказать, эта кампания удалась. Большинство русской интеллигентной публики резко осудили Бисмарка и Германию в целом. Под интеллигентной публикой я понимаю не только дворянство, чиновников, университетских профессоров, но и приказчиков, лавочников, лакеев и прочие категории граждан, читавших газеты и любивших потолковать о политике в разрешенных цензурой рамках. Помните доктора из чеховской «Шведской спички»: «Ах, Австрия, все это твои дела». Другой вопрос, что не менее 90 % населения России не имели представления, кто такой Бисмарк и где находятся Эльзас с Лотарингией.

Я уж не говорю о победе германского оружия в 1870 г. Но тогда победили не только немцы, но и «просвещенные мореплаватели», а также французские «письменники».

Лорды Адмиралтейства выиграли войну на море в 1870—1871 гг. «Какая еще война на море?! — воскликнет военный историк. — Никакой войны на море между Францией и Германией не было!» Правильно, и вот это-то самое интересное!

Франция имела второй в мире после британского военно-морской флот. Германия существенно уступала ей, но тоже имела в строю мощные броненосцы. А войны не было? Дело в том, что англичане своими правилами морской войны заморочили головы не только нашим, но и французским, и германским адмиралам.

Французские эскадры крейсировали в Северном и Балтийском морях у германских берегов. Они могли вдребезги разнести десятки германских портовых городов. Но боялись нарушить навязанные англичанами морские права. Немцы, в свою очередь, имели несколько скоростных пароходов компании Ллойда, которые можно было вооружить и использовать для каперской войны. Но и те побоялись нару-

шить морское право. Дело часто доходило до анекдотов. На открытом рейде Файяла (Азорские острова), то есть вне территориальных вод, французский броненосец «Монкальм» мирно обошел стоявший на якоре германский корвет «Аркона» и пошел дальше.

Как метко выразился гросс-адмирал фон Тирпиц: «Ведь это была морская война, в которой не участвовали англичане!»

И до, и после 1870 г. английские корабли захватывали и грабили нейтралов и разрушали незащищенные города по всему свету. Для собственных же нужд у «просвещенных мореплавателей» была совсем другая мера. Первый британский лорд Адмиралтейства, адмирал Джон Фишер писал в своих мемуарах: «На первой мирной конференции в Гааге в 1899 г., когда я был британским делегатом, городили ужасную чушь о правилах ведения войны. Война не имеет правил... Суть войны — насилие. Самоограничение в войне — идиотизм. Бей первым, бей сильнее, бей без передышки»[1].

Увы, наши адмиралы и политики не только не сделали нужных выводов из опыта войны 1870 г., но и взяли ее за образец для своего флота в 1904—1905 гг.

И еще одну войну выиграла парижская писательская братия. Речь идет о психологической войне, начатой в 1870 г. талантливыми писателями типа Золя, Флобера, Мопассана и т.д. Благодаря им подавляющее большинство французов прониклись ненавистью к проклятым тевтонским варварам.

Иван Сергеевич Тургенев, проживавший в 1870—1883 гг. в Париже, писал: «Я все это время прилежно читал и французские, и немецкие газеты — и, положа руку на сердце, должен сказать, что между ними нет никакого сравнения. Такого фанфаронства, таких клевет, такого незнания противника, такого невежества, наконец, как во французских газетах, я и вообразить себе не мог... Даже в таких дельных газетах, как, например, “Temps”, попадаются известия вроде того, что прусские унтер-офицеры идут за шеренгами солдат с железными прутьями в руках, чтобы подгонять их в бой, и т. п. Это говорится в то время, когда вся Германия из конца в конец поднялась на исконного врага...»[2]

Но в самой России трезвомыслящих людей было немного, и французская пропаганда у нас принималась как «святое писание». Барышни плакали, читая мопассановскую «Пышку», а на банкетах худосочные приват-доценты между севрюжиной с хреном и шампанским с чувством обличали «злодеев немцев».

Проводниками идей французского реваншизма в России стали многочисленные и хорошо законспирированные масонские ложи, руководимые из Парижа. В свою очередь, франкоязычные финансисты

---

[1] Цит. по: Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета. 1993. С.73

[2] Цит. по: Кремлев С. Россия и Германия: стравить! М.: АСТ; Астрель, 2003. С. 19.

и предприниматели оперативно сориентировали своих русскоязычных соплеменников и коллег по бизнесу.

В итоге при дворе, в министерствах и прессе началась борьба сторонников союза с Германией и франкофилов. Новый император, Александр III колебался. Поначалу он вступил в союз с Германией. 18 июня 1881 г. был подписан австро-русско-германский договор, вошедший в историю под названием «Союз трех императоров».

Согласно первой статье этого договора, все три договаривающиеся стороны взаимно обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если бы одна из них оказалась в состоянии войны с четвертой великой державой. В переводе на простой язык эта статья фактически означала, что Россия обязывается перед Германией соблюдать нейтралитет во франко-германской войне, а Германия и Австро-Венгрия гарантируют то же самое России на случай англо-русской войны.

Далее в первой статье говорилось о гарантии нейтралитета и на случай войны одной из трех держав с Турцией, но при обязательном условии, чтобы между всеми тремя участниками договора было предварительно заключено соглашение о результатах этой войны.

В условиях сложившейся международной обстановки постановление это означало, что Австро-Венгрия и Германия обязывались соблюдать нейтралитет в случае новой русско-турецкой войны при условии, что их интересы, и прежде всего интересы Австро-Венгрии, будут заранее обеспечены чем-то вроде нового издания Рейхштадского и Будапештского соглашений, посредством которых Австро-Венгрия оградила свои интересы и обеспечила себе компенсацию перед минувшей русско-турецкой войной.

Согласно второй статье договора, Россия в согласии с Германией заявляла «о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом». Под «новым положением» Австро-Венгрии подразумевалась оккупация Боснии и Герцеговины. Далее говорилось, что все три участника договора «дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном status quo в европейской Турции могут произойти не иначе, как по их взаимному соглашению».

Согласно третьей статье, «все три двора признают европейский и взаимно обязательный характер принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл для военных кораблей, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и сформулированного в заявлении второго уполномоченного России на заседании Берлинского конгресса от 12 июля».

Это постановление договора означало присоединение Германии и Австро-Венгрии к русскому толкованию режима Проливов. Тем самым отклонялась английская интерпретация принципа их закрытия, изложенная лордом Солсбери на Берлинском конгрессе и сводящаяся к тому, что обязательство соблюдать этот принцип державы приняли только перед турецким султаном, но не друг перед другом и только на

тот случай, если этот принцип будет выражен в «свободно принятом» решении султана. Присоединяясь к русской точке зрения, Германия и Австро-Венгрия отрицали за Англией право вводить свой флот в Проливы и в Черное море по соглашению с Турцией.

Далее, в третьей статье содержалось обязательство всех трех участников договора «сообща следить» за тем, чтобы Турция не допускала исключения из правила закрытия Проливов, предоставляя Проливы для военных операций какой бы то ни было воюющей державы. «В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое», все три правительства обязывались предупредить Турцию, «что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной Берлинским трактатом».

Дальнейшему сближению России и Германии препятствовала политика панславистов (то есть персонажей, именовавших себя славянофилами). Среди них были и генералы, тот же герой русско-турецкой войны Скобелев, писатели и представители «общественности» (братья Аксаковы и Кириевские, Ю.Ф. Саморин, А.С. Хомяков и т.д.).

Восточная политика России была метко охарактеризована генерал-майором Генштаба Е.Н. Мартыновым: «Для Екатерины Великой овладение Проливами было целью, а покровительство балканским славянам — средством. Екатерина на пользу национальным интересам эксплуатировала симпатии христиан, а политика позднейшего времени жертвовала кровью и деньгами русского народа для того, чтобы на счет его возможно комфортабельнее устроить греков, болгар, сербов и других, будто бы преданных нам единоплеменников и единоверцев».

Не надо было быть провидцем, чтобы понять, что любое вмешательство России в дела беспокойных и непредсказуемых южных славян — греков, албанцев и прочих — может привести к непредсказуемым последствиям — Россия уже обожглась в 1831 и 1863 гг., взяв под покровительство поляков.

Да, контроль над Проливами нужен России и в экономическом, и в политическом отношениях. Но захват Австро-Венгрией Балканского полуострова лишь чисто формально усиливал ее. На самом деле это привело бы к полному развалу «лоскутной империи». И без Боснии и Герцеговины славян там было куда больше немцев и венгров, вместе взятых.

Но, увы, наших дипломатов, военных и всю «общественность» занесло в «австрийском вопросе». А ведь у России, и помимо Босфора, хватало проблем на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Большое влияние на царя имела и «ночная кукушка» — супруга Мария Федоровна. Датская принцесса София Фредерика Дагмара вышла замуж за цесаревича Александра еще в сентябре 1866 г. Когда в 1864 г. Пруссия напала на Данию и отняла у нее Шлезвиг-Гольштейн, впечатлительной принцессе было 17 лет, и она всю жизнь испытывала неприязнь к Германии.

В 1886 г. отношения Германии и спешно вооружавшейся Франции вновь серьезно обострились. В ноябре 1886 г. в Берлин прибыл великий князь Владимир Александрович, родной брат царя. Германский статс-секретарь (глава МИДа) Герберт Бисмарк, сын канцлера, в беседе с Владимиром предложил carte blanche России в восточном вопросе, в том числе и в оккупации русскими войсками Болгарии. О Проливах речь не шла, но можно было и поторговаться.

Еще более откровенной стала беседа Герберта Бисмарка с русским послом Петром Шуваловым. Шувалов предложил статс-секретарю возобновить союз без участия Австрии, поскольку отношения России с этой державой сильно испортились. Двойственный русско-германский договор должен был строиться на следующей основе: Россия гарантирует Германии свой нейтралитет в случае франко-германской войны. Шувалов заявил, что «безразлично, нападет ли Франция на Германию или же вы начнете против нее войну и наложите на нее 14 миллиардов контрибуции. Или даже посадите прусского генерала в качестве парижского губернатора». Предложение Шувалова было настолько смело, что сам Бисмарк, читая донесение сына, поставил на полях вопросительный знак.

В обмен же Шувалов просил у Германии обязательства, что она не станет препятствовать России овладеть Проливами и восстановить русское влияние на правительство Болгарии. На донесении канцлер пометил: «С большим удовольствием».

Через несколько дней братья Петр и Павел Шуваловы и Герберт Бисмарк, сидя за бутылкой шампанского, составили проект договора на только что изложенной основе. Были также добавлены новые важные пункты, обязывавшие Россию «ничего не предпринимать против территориальной целостности Австро-Венгрии» и признававшие Сербию сферой австрийского влияния.

13 января 1887 г. Бисмарк обратился к бельгийскому правительству с запросом: принимает ли оно меры и какие именно для обеспечения своего нейтралитета в случае якобы возможного французского вторжения в Бельгию? 22 января поверенному в делах в Париже было предписано срочно представить сведения о французских военных приготовлениях. Канцлера, как он замечал в своем письме, «занимает вопрос, не следует ли обратить внимание французского правительства на то обстоятельство, что его военные приготовления заставляют сомневаться в его миролюбии».

28 января Бисмарк беседовал с французским послом, который заверил канцлера в мирных намерениях Франции, на что Бисмарк ответил, что сомневается в миролюбии существующего правительства. Однако его положение представляется непрочным. «Но если Буланже станет председателем Совета министров или Президентом Республики, тогда будет война», — пригрозил Бисмарк.

В конце января германским правительством было принято решение о призыве 73 тысяч резервистов на учебные сборы, назначенные на 7 февраля в Лотарингии.

В Берлине великий князь Владимир и Петр Шувалов вели беседы с Гербертом Бисмарком не по собственной инициативе, а с санкции Александра III. Но вот Петр Шувалов приезжает в Петербург с проектом русско-германского договора и видит, что ситуация резко изменилась. Министр иностранных дел Гирс заявляет, что Шувалов продешевил, наобещав Бисмарку гарантию целостности Австро-Венгрии и ее преобладания в Сербии.

17 января 1887 г. первый советник МИДа В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «По-видимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его величество высказывается не только против Тройственного союза (с участием Австро-Венгрии), но даже против союза с Германией. Ему будто бы известно, что союз этот непопулярен и идет вразрез с национальным чувством всей России; он признается, что боится не считаться с этими чувствами...»[1]

Мало того, в субсидируемой русской разведкой бельгийской газете «Le Nord» в номере от 20 февраля 1887 г. появилась статья, в которой многозначительно указывалось, что, допустив разгром и поглощение Франции Германией, Россия «обречет себя на ужасное будущее».

Московский генерал-губернатор князь Голицын 28 января записал в дневнике, что в связи с напряженным положением на Рейне правительство на всех железных дорогах России законтрактовало вагоны для перевозки войск.

Фактически Россия оказалась на грани войны с Германией по вине французских реваншистов. Старик Бисмарк смертельно боялся войны на два фронта — против Франции и России — и был вынужден отказаться от требований к Франции.

Не меньшую, чем дипломаты, активность проявили и французские банкиры. Как писал советский историк А.З. Манфред, кстати, большой франкофил: «Группа влиятельных французских банкиров начала скупать русские ценные бумаги, выброшенные на германский денежный рынок. То обстоятельство, что в этих операциях по скупке русских ценных бумаг участвовали такие крупные руководители французской финансовой олигархии, как дом Ротшильдов, дом Верне, дом Малле и др., показывает, что речь идет о планомерно подготовленной операции большого масштаба. В сентябре 1887 г. в печати появилось сообщение о том, что на Лионской бирже было скуплено русских ценных бумаг на 25 млн рублей, а на Парижской бирже — на 40—50 млн рублей. Это было косвенным подтверждением, что русские денежные бумаги входят в цену и что предвидится значительное повышение их стоимости.

И действительно, уже в 1888 г. начались прямые переговоры между французскими банкирами, направившими в Петербург своего упол-

---

[1] Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 34—35.

номоченного, известного в свое время банкира Госкье, и министром Вышнеградским... 12 ноября 1888 г. между Госкье и Вышнеградским было достигнуто соглашение по всем важнейшим статьям предстоящей операции, и 9 (21) ноября того же года был издан указ о выпуске российского золотого 4%-ного займа. Так был заложен первый камень русско-французских финансовых связей. Первоначальная сумма займа была сравнительно невелика — 500 млн франков, но заем, заключенный в 1888 г., был лишь началом — за первым займом последовал новый. В феврале 1889 г. указом царского правительства был выпущен консолидированный российский 4%-ный железнодорожный заем первой серии на сумму 175 млн рублей. Заем, как о том свидетельствовало само его название, был выпущен для конверсии 5%-ных облигаций железнодорожных займов разного времени — 1870, 1871, 1872 и 1879 гг., выпущенных в связи с железнодорожным строительством. Подписка на заем прошла с огромным успехом, и требуемая сумма была перекрыта во много раз.

Непредвиденный успех этой операции побудил царское правительство в апреле того же года, по предварительному соглашению с банком Ротшильдов, выпустить еще один заем, названный займом консолидированных российских облигаций 2-й серии, на сумму 310 498 тыс. рублей, также предназначенный для конверсии старого железнодорожного займа. И эта операция прошла во Франции с таким же успехом, как и предыдущая»[1].

Итак, деньги сыграли важную роль в сближении Франции и России, начавшемся в 1887 г.

Тем не менее канцлер Бисмарк по-прежнему пытался договориться с Россией. Потерпев неудачу с Петром Шуваловым, он обращает внимание на царского посла в Константинополе А.И. Нелидова. Умный и высокообразованный, представитель древнего дворянского рода еще в декабре 1882 г. предоставил Александру III записку «О занятии Проливов». В записке говорилось о нестабильности в Оттоманской империи, вероятности ее полного распада и захвата Проливов англичанами. Нелидов предлагал в зависимости от обстановки три варианта занятия Проливов: 1) открытой силой во время русско-турецкой войны; 2) неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией или внешней опасности; 3) мирным путем с помощью союза с Портой.

И вот 19 февраля (3 марта) 1887 г. в Константинополе новый германский посол Радовиц на встрече с Нелидовым заявил, что интересы России сосредоточены на Востоке. Германия это всецело признает: она готова предоставить там России полную свободу действий при условии, что в случае «нападения Франции на Германию Россия останется нейтральною». «Это искреннее убеждение и основная политическая

---

[1] Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. С. 286—287.

теория канцлера». На следующий день Нелидов отправил отчет о беседе с Радовицем в Петербург.

Но в Зимнем дворце и у Певческого моста равно не понимали, почему Германия должна была что-то получить при занятии русскими Проливов. Поэтому Александр III решил ограничиться полумерами и в апреле дал наконец согласие на возобновление переговоров с Германией о замене истекавшего договора «трех императоров» двойственным русско-германским соглашением.

Переговоры начались в Берлине между Павлом Шуваловым и канцлером Бисмарком. 11 мая 1887 г. посол передал канцлеру русский проект договора двух держав. Первая статья гласила: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сохранит по отношению к ней благожелательный нейтралитет».

Вокруг этой статьи и развернулись наиболее жаркие споры. Заслушав русский проект, Бисмарк сделал несколько сравнительно второстепенных замечаний, а затем, по словам Шувалова, «канцлер обратился к своей любимой теме: он снова стал говорить о Константинополе, о Проливах и т.д. и т.п. Он повторил мне, что Германия была бы очень рада, если мы там обоснуемся и, как он выразился, получим в руки ключ от своего дома». Словом, Бисмарк, по своему обычаю, торговал чужим добром.

Он предложил Шувалову составить отдельную, особо секретную статью, содержащую согласие Германии на захват Проливов русскими. «Это соглашение, — заметил канцлер, — такого рода, что его следует спрятать под двойное дно». Он предложил Шувалову отредактировать к следующей встрече проект соответствующей статьи.

Полагая, что он сделал максимум возможного, чтобы соблазнить русское правительство и побудить его пойти на уступки, Бисмарк перешел к самому главному. Он взял портфель, извлек из него какую-то бумагу и прочел изумленному Шувалову текст австро-германского союзного договора. На этом встреча закончилась.

В конце концов стороны сошлись на тексте российско-германского договора: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции в случае, если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из высоких договаривающихся сторон».

Статья вторая касалась балканского вопроса: «Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном status quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой».

Статья третья воспроизводила статью договора 1881 года относительно закрытия Проливов.

К договору прилагался особый протокол, в котором Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император найдет нужным «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях «сохранения ключа к своей империи».

Договор вместе с протоколом был подписан Шуваловым и Бисмарком 18 июня 1887 г. Он получил название «договора перестраховки».

Вскоре в германскую политику вмешался субъективный фактор — 9 марта 1888 г. умер император Вильгельм I и на престол взошел его 57-летний сын, Фридрих Вильгельм (Фридрих III). Но он процарствовал лишь 3 месяца и 15 июня того же года скончался. Новым императором стал внук Вильгельма I и старший сын Фридриха III, 29-летний Вильгельм II.

Старый канцлер стал мешать новому императору. Бисмарка начали постепенно оттеснять от дел, и в марте 1890 г. он окончательно ушел в отставку после 28-летнего пребывания во главе правительства сначала Пруссии, а затем Германской империи. Одновременно ушел с поста статс-секретаря и его сын Герберт.

Бисмарк выступал против войны с Россией. Генерал Георг Каприви, назначенный новым рейхсканцлером, был настроен менее категорично и считал войну с Россией вполне возможной.

Вскоре после вступления на престол, в речи 6 августа 1888 г. Вильгельм II заявил: «Есть люди, у которых хватает совести утверждать, что мой отец собирался отдать обратно то, что он завоевал шпагой вместе с принцем Фридрихом Карлом. Все мы слишком хорошо его знали, чтобы молчать хоть одну минуту перед таким оскорблением его памяти. Он думал так, как и мы; из завоеваний великой эпохи ничто не может быть отдано обратно. Я верю, что вся наша армия и все мы держимся на это одного взгляда: скорее мы оставим на поле битвы 18 корпусов нашей армии и 42 млн жителей, чем отдадим хотя бы один камень из того, что завоевали мой отец и принц Фридрих Карл»[1].

Этой речью Вильгельм II поставил крест на попытках французских реваншистов дипломатическим путем вернуть себе Эльзас и Лотарингию.

Французские политики и военные прекрасно понимали, что конфликт с Германией один на один может кончиться лишь разгромом Франции, причем куда более страшным, чем в 1870—1871 гг. Англия обладала огромным флотом. В течение почти двух столетий ее Адмиралтейство руководствовалось «двойным стандартом мощи» — британский флот должен быть равен двумя следующим по мощи флотам. Но британская армия оставалась маленькой и не могла противостоять германской даже вместе с французскими войсками. Итальянцы, понятно, были не в счет. Надежда у реваншистов была только на Россию.

---

[1] Арен Ж. Вильгельм II. М. [б. г.]. С. 154.

В январе и марте 1890 г. во Франции были размещены новые русские займы на сумму в 650 млн франков. С мая того же года по указам своего правительства французская полиция начала сотрудничать с русской заграничной охранкой в борьбе с русскими нигилистами. В ходе нескольких провокаций были арестованы и депортированы в Россию ряд известных революционеров. Александр III, получив об этом извещение французских властей, с удовольствием воскликнул: «Наконец-то во Франции есть правительство!»

18 февраля 1891 г. в Париж прибыла инкогнито, под именем графини Линген, мать Вильгельма II, вдовствующая императрица Фредерика. Судя по всему, это была попытка кайзера уладить отношения с Францией. Однако на третий день после прибытия императрицы в столице Франции начались массовые антигерманские выступления «патриотов». В свою очередь, германская пресса начала антифранцузскую кампанию. Германская газета «Kolnische Zeitung» писала: «Мы не может допустить, чтобы французы оскорбляли августейшего монарха Германской империи и его благородную мать... Немецкий народ вправе требовать, чтобы французское правительство и народ дали ему достаточное удовлетворение...»

Дело шло к войне. В историю события февраля вошли как «военная тревога 1891 года». Однако вновь последовал грозный окрик из Петербурга, и «тревога» закончилась.

В марте 1891 г. президент Французской республики Карно был награжден высшим русским орденом — Андрея Первозванного. Ордена Александра Невского получили французский военный министр Фрейсине и министр иностранных дел Рибо.

25 июня 1891 г. на Кронштадтский рейд прибыла французская эскадра адмирала Жерве. Ради союза с Францией Александр III пошел на беспрецедентный шаг. При встрече эскадры он снял головной убор во время исполнения французского гимна. В самой же России и до, и после этого за исполнение Марсельезы отправляли за решетку.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «Прибытие французской эскадры в Кронштадт и блестящий прием, ей оказанный, делают, конечно, все более вероятным сближение между Францией и Россией. Две державы, связанные естественною дружбой, располагают такою грозной силой штыков, что Тройственный союз должен остановиться невольно в раздумье».

27 августа 1891 г. Россия и Франция подписали военную конвенцию, направленную против Германии. Соглашение это хранилось в столь глубоком секрете, что даже военный министр Ванновский не имел о нем точных сведений.

Статья первая этой конвенции гласила:

«Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Статья вторая устанавливала, что «в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлении этого известия, не ожидая никакого предварительного соглашения, мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам».

Далее определялось количество войск, которое будет двинуто Россией и Францией против Германии как сильнейшего члена враждебной группировки.

Во время переговоров о содержании конвенции французская сторона очень добивалась, чтобы Россия поменьше сил направляла на австрийский фронт. Для французов было крайне важно, чтобы возможно большее количество русских войск было брошено против Германии. Это вынудило бы германское командование отвлечь на восток больше сил с французского фронта. С утверждением военной конвенции франко-русский союз был оформлен.

Итак, к 1894 г. в Европе окончательно оформились два блока: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой. Англия оставалась пока вне двух блоков. Она продолжала строить свою политику на их противоречиях.

Глава 19

РОССИЯ НА ПУТИ К ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

Говоря о русско-французских военных конвенциях 1891—1893 гг., все отечественные историки отмечают лишь их антигерманскую направленность. Но Александр III и его сановники, заключая договора, имели в виду и Германию, и Англию. Не надо забывать вековое соперничество Англии и Франции на море, да и к началу 90-х годов XIX века у этих держав хватало конфликтов по всему свету.

И вот в 1894 г. представился случай испытать этот союз делом. В июле этого года японская армия оккупировала Корею, а затем напала на Китай. 5 августа 1894 г. японские крейсера (главным, «Нанива», командовал Того, будущий японский адмирал) без объявления войны в упор расстреляли британский грузовой пароход «Коушинг». Пароход был зафрахтован правительством Китая и перевозил китайских солдат. Кроме того, на борту находился германский инструктор, майор фон Геннекен. Несмотря на ураганный огонь японцев из всех орудий, транспорт тонул около часа. А после того как «Коушинг» скрылся под водой, японцы перенесли огонь из винтовок и малокалиберных пушек Гочкиса и Норденфельда на две китайские шлюпки и сотни барахтавшихся в воде людей. Обе китайские шлюпки были потоплены. Японцы спустили свои шлюпки, но подбирали только европейцев, китайцев же убивали.

По законам морского права японцы совершили сразу несколько преступлений — расстреляли пароход под нейтральным флагом без объявления войны, да и даже если бы война была объявлена после выхода «Коушинга» из порта (радио тогда не было), то все равно японцы не имели права по нему стрелять. Наконец, стрельба по тонущим людям даже в военное время считается тяжелым воинским преступлением.

И что же сделала «владычица морей»? Достаточно было громкого окрика из Лондона, и Япония выплатила бы Англии любую компенсацию и убралась бы из Кореи. Но, увы, англичане сделали вид, что ничего не произошло, а затем стребовали деньги за «Коушинг»... с Китая. Зато позже, в 1914—1918 и в 1939—1945 годах, британские морские суды будут чинить расправу над пленными германскими офицерами, стрелявшим по тонущим морякам или даже просто не оказавшим им помощи.

Далее японцы провели генеральную репетицию войны 1904—1905 гг. Они разбили китайский флот в Желтом море, а затем захватили Порт-Артур.

17 апреля 1895 г. китайская сторона была вынуждена подписать продиктованный японцами договор, вошедший в историю как Симоносекский. По этому договору Китай признал полную независимость Кореи от Китая (статья 1), «уступил» Японии Формозу, Пескадорские острова и южную часть Маньчжурии (Ляодунский полуостров) с прилегающими островами.

Еще раньше, 1 февраля 1895 г., в Петербурге было созвано особое совещание под председательством великого князя Алексея Алексеевича для обсуждения той позиции, которую следовало занять России. Полная победа Японии не вызывала сомнений, но требования ее были еще не известны — японские дипломаты держали их в секрете.

В ходе обсуждения ясно проступили две политические линии. Одна заключалась в том, чтобы компенсировать себя какими-либо территориальными присоединениями — незамерзающий порт для зимовки Тихоокеанской эскадры или отторжение части Северной Маньчжурии для более короткого пути Сибирской дороги к Владивостоку. Другая линия предусматривала отпор Японии под флагом защиты независимости Кореи и целостности Китая. Главная цель такого курса — не дать Японии укрепиться неподалеку от русских границ, не позволить ей овладеть западным побережьем Корейского пролива, закрыв выход России из Японского моря.

В марте 1895 г. Николай II назначил министром иностранных дел князя Лобанова-Ростовского. Новый министр запросил ведущие европейские страны о возможности совместной дипломатической акции, направленной на обуздание японских милитаристов. Англия воздержалась, зато Германия безоговорочно поддержала Россию. Вильгельм II, утверждая проект телеграммы в Петербург, подчеркнул, что готов сделать это и без Англии, отношения с которой у Германии к этому времени успели уже основательно испортиться.

11 (23) апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой. Она была составлена в оскорбительном тоне.

Одновременно Россия объявила мобилизацию войск Приамурского военного округа. Эскадры России, Германии и Франции, сосредоточенные вблизи Японии, имели в совокупности 38 кораблей водоизмещением 94,5 тыс. тонн против 31 японского корабля водоизмещением 57,3 тыс. тонн. В случае же начала войны три державы без труда могли утроить свои морские силы, перебросив корабли из других регионов. В японской армии, находившейся в Китае, вспыхнула эпидемия холеры. В Японии военная партия во главе с графом Ямагато трезво оценила ситуацию и уговорила императора принять предложения трех

европейских держав. 10 мая 1895 г. японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова.

Следует отметить, что Германия очень активно поддерживала все политические акции России на Дальнем Востоке. Кайзер Вильгельм II писал Николаю: «Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», «...что для России великой задачей будущего является дело цивилизованного азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником».

Поддерживая дальневосточную политику России, кайзер преследовал две цели. Во-первых, отвлечь внимание России от Европы и Черноморских проливов, что развязало бы руки Германии и Австро-Венгрии, а во-вторых, в союзе с Россией получить базы и сферы влияния в Китае.

В конце послания Николаю II кайзер скромно заметил: «Надеюсь, что, как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не "стеснит" тебя».

Итак, первая совместная акция трех ведущих европейских держав полностью достигла своих целей. В случае укрепления союза Германии, Франции и России Европа была бы застрахована от серьезных военных конфликтов. А какие возможности открылись бы перед Германией и Францией в развитии международной торговли, вложении капиталов в заморские территории да и в приобретении оных территорий. Россия же могла спокойно присоединить Маньчжурию.

Не будем забывать, что вместе три флота по своей огневой мощи соответствовали британскому флоту. А с учетом многочисленных баз корабли трех стран в ходе неограниченной крейсерской войны в океанах могли менее чем за полгода покончить с британской морской торговлей.

Что же касается сухопутных сил, то армии Германии и России при нейтралитете Франции или Германии и Франции при нейтралитете России могли вдребезги разнести все армии мира, вместе взятые.

Но, увы, увы... Британское золото и французские реваншисты помешали созданию великого союза. Тем не менее дивиденды от совместной акции 1895 года ее участники продолжали получать. Так, Германия в 1897 г. получила военно-морскую базу в бухте Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его графического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой»[1].

---

[1] Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994. С. 70.

В следующем, 1898 году Россия заняла Порт-Артур. Замечу, что на оба эти порта претендовала Англия. Но взаимоподдержка России и Германии заставила «владычицу морей» уменьшить свои аппетиты и ограничиться захватом китайского порта Вэйхайвэй[1].

Не осталась без куша и Франция. 7 марта 1898 г. она потребовала для себя «угольную станцию» (фактически военно-морскую базу!) в Южном Китае, концессию на железную дорогу от границы Вьетнама до города Юньнань-фу и некоторые другие преимущества. 9—10 апреля 1898 г. состоялся обмен нотами, который зафиксировал согласие китайского правительства на французские требования. При этом в качестве «угольной станции» Франции был уступлен на началах аренды порт Гуанчжоувань в провинции Гуанси.

По соглашению с Китаем, чтобы обеспечить связь по суше с Порт-Артуром, Россия построила КВЖД. Русские основали город Харбин как перевалочный центр дорожных и водных путей по реке Сунгари. Вскоре Харбин стал крупным торговым и культурным центром Желтороссии, как полушутливо-полусерьезно харбинцы называли Маньчжурию.

Восстание «боксеров» в 1900 г. заставило Николая II ввести регулярные войска в Желтороссию.

Строительство железных дорог в Маньчжурии, городов Харбин, Порт-Артур, Дальний и других требовало огромных затрат, о чем много писали наши историки[2].

Однако мало кому известно о либавской авантюре Николая II. В начале XIV века в Либаве был построен замок меченосцев. Но городок вокруг замка не развивался, и в середине XIX века там существовал небольшой коммерческий порт, товарооборот которого был во много раз меньше, чем в Петербурге, Ревеле, Риге.

Казалось, сама природа исключила создание там большой военно-морской базы — низменный песчаный берег, малые глубины, подвижные пески, отсутствие закрытой от ветров якорной стоянки. Не было условий там и для создания сухопутной крепости. Вне линии фортов предполагаемой крепости находились господствующие Гробинские и Капсиденские высоты. Тем не менее проект постройки порта и крепости был утвержден Александром III 30 августа 1892 г. Только постройка крепости должна была обойтись в 15,5 млн рублей.

Единственным преимуществом Либавы был незамерзающий порт. Но зато германская граница находилась всего лишь в тридцати верстах. Германский флот имел рядом несколько удобных якорных стоянок, а у русского флота к 1892 г. ближайшая крупная военно-морская база была за много сотен миль — в Кронштадте.

---

[1] Находится примерно в 150 км от Порт-Артура, сейчас называется Вэйхай.

[2] См. Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904—1945. Минск: Харвест, 2003. Падение Порт-Артура. М.: АСТ; Ермак, 2003.

С одной стороны, постройка порта и крепости была наглым вызовом Германии, поскольку использование Либавы стало бы целесообразным лишь в ходе наступательных действий на суше и на море. А с другой стороны, это была ловушка для русского флота, который легко мог быть блокирован даже слабейшим противником. Либавская военно-морская база не годилась для оборонительной войны ни с Германией, ни тем более с Англией.

Наиболее дальновидные военные и сановники предлагали вместо Либавы построить незамерзающий порт на севере, вблизи современного Мурманска. Активно поддерживали этот проект адмирал С.О. Макаров и министр финансов С.Ю. Витте. Кстати, в 1894 г. Витте лично ездил осматривать место для порта. Порт на севере (основной вариант места постройки — Екатерининская гавань) имел огромное стратегическое значение. В случае коалиционной войны с Францией против Германии связь с Францией могла обеспечиваться только через северные моря. В случае конфликта с Англией в Екатерининской гавани могли базироваться русские крейсера, оперирующие на британских коммуникациях в Атлантике.

Но зато строительство порта в Либаве было более всего удобно большой группе казнокрадов, сплотившихся вокруг тучной фигуры великого князя Алексея Александровича (по прозвищу «семь пудов августейшего мяса»). Естественно, что свою роль сыграли и французские финансисты и масоны.

Витте позже писал в своих мемуарах: «Когда я пришел к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково: он знал, что отец его относился ко мне особливо благосклонно, и, кроме того, когда он, еще будучи совсем молодым человеком, всегда ко мне благоволил, что и выказывал в комитете Сибирской железной дороги, в коем он был председателем.

Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: “А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его”.

Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император еще в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет.

В следующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницам) государь сказал мне, что он нашел доклад, и стал говорить со мною о том, что он считает необходимым привести в исполнение этот доклад, и прежде всего главную мысль доклада — о том, чтобы устроить наш морской опорный пункт на Мурмане, в Екатерининской гавани. Затем государь говорил о том, что не следует осуществлять проект грандиоз-

ных устройств в Либаве, так как Либава представляет собою порт, не могущий принести России никакой пользы вследствие того, что порт этот находится в таком положении, что в случае войны эскадра наша будет там блокирована. Вообще император высказался против этого проекта...

Император Николай II хотел немедленно объявить указом о том, что основной военный порт должен быть устроен на Мурмане, в Екатерининской гавани, причем Екатерининская гавань должна быть соединена железной дорогой с одной из ближайших станций прилежащих к Петербургу железных дорог...

Прошло месяца 2—3, и вдруг я прочел в "Правительственном вестнике" указ императора Николая II о том, что он считает нужным сделать главным нашим морским опорным пунктом Либаву, и осуществить все эти планы, которые на этот предмет существуют, и назвать этот порт портом императора Александра III во внимание к тому, что будто бы это есть завет императора Александра III.

Меня этот указ чрезвычайно удивил, так как мне было известно да и сам император мне говорил, что покойный император Александр III не только держался совсем другого мнения, но за несколько месяцев до своей смерти на моем всеподданнейшем докладе (который, вероятно, находится в личном архиве императора Николая II) высказал совершенно противоположное мнение.

Через несколько дней после появления этого указа ко мне явился Кази, человек, очень близкий к великому князю Константину Константиновичу, и говорил мне, что вот как великие князья, пользуясь молодостью императора, пользуясь тем, что император только что вступил на престол и, так сказать, еще не окреп, злоупотребляют своим влиянием. Кази рассказал мне, что после указа о Либавском порте император Николай II приехал к великому князю Константину Константиновичу и со слезами на глазах сетовал великому князю о том, что вот генерал-адмирал, великий князь Алексей заставил его подписать указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала»[1].

Николай уступил, и строительство Либавского порта продолжалось. Мало того, Николай II издал указ, которым Либавский порт был переименован в Порт императора Александра III.

Буквально в песок уходили миллионы рублей. Только на оборудование порта ушло свыше 45 млн рублей. Общие же расходы подсчитать невозможно, поскольку они шли по разным ведомствам и по десяткам статей. А между тем требовались огромные средства для освоения Дальнего Востока. Либаву строили, экономя на строительстве крепо-

---

[1] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 301—303.

сти в Порт-Артуре. Для сравнения приведу составы береговой артиллерии Порт-Артура (перед началом осады) и Либавы.

Береговая артиллерия Либавы и Порт-Артура

Калибр и тип орудий	Порт-Артур	Либава
280-мм пушки	нет	19
254-мм пушки	5	10
229-мм пушки	12	14
152-мм пушки Кане	20	30
280-мм мортиры	10	20
229-мм мортиры	32	30

Надо ли говорить, какую роль могли сыграть десятки миллионов рублей, потраченные на Либаву, если их своевременно переадресовали бы на Дальний Восток?

Порт-Артур был взят японцами, а 27 июня 1907 г. решением Совета государственной обороны упразднили Либавскую крепость.

25 апреля 1915 г. германские войска с ходу овладели Либавой. В том же году России пришлось начать строительство порта у Мурманска и железной дороги к нему.

Материальные потери, понесенные Россией в результате преступной либавской авантюры, превысили материальный ущерб, связанный с утратой Порт-Артура.

В 1928 г. Либаву посетил американский журналист, который с удивлением бродил по безлюдным кварталам пустых казенных зданий, по развалинам огромной крепости и осматривал огромный порт, вход в который затянуло песком. В своем репортаже о Либаве он провел аналогию с романом Г. Уэльса «Война миров».

Бедой Российской империи стало то, что ею управлял плохо разбиравшийся в международной политике и военном деле человек[1]. Последний царь не вел никакой политики — ни внешней, ни внутренней. Его единственной целью было сохранить самодержавную власть и в целости передать своему наследнику. Но и в достижении этой цели у Николая II не было никакой программы или стратегии. Его распоряжения были лишь реакцией на всевозможные вызовы времени.

В 1904 г. Россия по-прежнему готовилась к захвату Проливов, для чего был создан так называемый особый запас — огромные склады, где хранилось всё: от десятков тяжелых береговых орудий до разборной железной дороги, которую предполагалось установить на берегах Босфора.

---

[1] Тут следует оговориться: в знании фрунта, уставов, мундиров, орденов и других знаков отличий Николю II не было равных. Но взрыватели снарядов, дальномеры, новые взрывчатые вещества, доты, казематированные башенные установки и прочие мелочи мало интересовали императора.

Параллельно обустраивалась Желтороссия. Под нажимом дельцов-авантюристов («Безобразовской клики») Николай II переплюнул царя Ивана Грозного, создав суперопричнину. Нет, нет, я не шучу и даже не сгущаю красок. На территориях Китайской и Российской империй (Маньчжурия и Дальний Восток) 30 июля 1903 г. он создал наместничество на Дальнем Востоке и назначил наместником Е.И. Алексеева. Витте, Ламздорф и все остальные министры узнали об учреждении наместничества и назначении Алексеева исключительно из газет. Николай II даже не счел нужным посоветоваться со своими министрами. Единственное исключение представлял министр внутренних дел В.К. Плеве, который был сторонником наместничества.

Наместнику вверялись командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками, руководство дипломатическими сношениями по делам дальневосточных областей с соседними государствами, высшая власть по всем частям гражданского управления в крае, верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоявших в пользовании КВЖД, и ближайшая забота о пользе и нуждах русского населения в сопредельных с наместничеством зарубежных владениях.

Одновременно Николай II готовился к войне с Германией, одним из элементов чего стало строительство Либавской военно-морской базы и крепости. Понятно, что решение этих трех задач было непосильно для российской экономики и вооруженных сил.

В начале XX века Вильгельм II и его министры официально старались не замечать военных приготовлений России и держались подчеркнуто дружелюбно с Николаем II. Так, в 1902 г. император Николай II в очередной раз пригласил императора Вильгельма II на смотр Балтийского флота в Ревель. Покидая ревельский рейд на яхте «Гогенцоллерн», кузен Вилли телеграфировал кузену Ники: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Напыщенная риторика была свойственна последнему германскому императору, но в данном случае он четко выразил позицию своей страны. Германия активно поддерживала экспансию России в Маньчжурии, при этом стараясь сама урвать кусок побольше от китайского пирога.

С санкции правительства германские верфи с конца 90-х годов XIX века приступили к строительству боевых кораблей для России, подавляющее большинство которых затем отправлялось на Тихий океан.

Лучшие крейсеры Российского флота, «Аскольд» и «Богатырь», были построены в Германии. Они обошлись Морскому ведомству дешевле, чем хваленый «Варяг», построенный в Америке, но имели лучшие тактико-технические характеристики и более надежные машины.

13 февраля 1903 г. крейсер «Аскольд» бросил якорь в Порт-Артуре. «Аскольд» по праву стал самым лучшим крейсером Порт-Артурской эскадры. У «Варяга» постоянно барахлили котлы и машины, а про «Дашу» и «Палашу» (так называли моряки артурские броненосные

крейсера отечественной постройки, «Диану» и «Палладу») и говорить нечего.

Именно по образцу «Богатыря» с помощью германских специалистов в России была построена серия крейсеров — «Олег», «Кагул» и «Очаков». В отношении живучести германские корабли существенно превосходили английские. В Первую мировую войну это блестяще подтвердилось в Ютландском бою. Но еще раньше, в ноябре 1905 г., невероятную живучесть показал крейсер «Очаков». Недостроенный крейсер подвергся обстрелу броненосцев и канонерских лодок Черноморской эскадры из орудий калибра 305, 254, 203 и 152 мм. Стрельба велась почти в упор с дистанции 900—1100 м. Кроме того, по «Очакову» стреляли 11-дюймовые (280-мм) пушки береговых батарей. Позже только в корпусе насчитали 63 пробоины. «Очаков» горел два дня, но остался на плаву.

Самым быстроходным крейсером русского флота в 1902 г. стал «Новик». Он развивал невероятную для того времени скорость — 26 узлов. Понятно, что и этот крейсер был построен в Германии, на верфи Шихау. По несколько скорректированным чертежам «Новика» Невский металлический завод в Петербурге построил два крейсера — «Жемчуг» и «Изумруд». Стоимость каждого составила 3132 тыс. рублей («Новик» же обошелся в 2870 тыс. рублей).

Кроме того, в Германии для России были построены несколько десятков миноносцев и эсминцев, а также минный крейсер «Казарский». По его образцу, как и по образцам других миноносцев и эсминцев, было построено много отечественных «систер шипс».

Глава 20

АНГЛИЯ И ЯПОНИЯ ПРОТИВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Анализируя причины поражения России в войне с Японией в 1904—1905 гг., наши историки обычно выпускают из виду фактическое участие Англии в этой войне.

Большинство японских броненосцев и крейсеров было построено в Англии. В японском флоте была принята система британских орудий. В 1902 г. Англия и Япония заключили военный союз. В самом начале войны вопреки международному праву британские военные моряки провели из Италии в Японию два броненосных крейсера — «Ниссин» и «Касуга», купленных японским правительством у фирмы «Ансальдо». По пути их конвоировал британский крейсер «Кинг Альфред».

Уже после начала войны (29 февраля и 27 апреля 1904 г.) в Англии для японского флота были заложены два сверхмощных броненосца «Кашима» и «Катори», водоизмещением по 17 тыс. тонн. Оба корабля строились в ходе войны лихорадочными темпами и были спущены на воду 22 марта и 4 июля 1905 г.

Англия предоставляла Японии огромные займы, отправляла в японские порты сотни орудий, десятки тысяч тонн взрывчатых веществ, стали и других стратегических товаров.

Перед войной британское Адмиралтейство сосредоточило в Вэйхайвэйе большую эскадру. Любопытно, что эта эскадра покинула дальневосточные воды сразу же после Цусимского сражения.

Именно Англия не допустила действий русских крейсеров в Мировом океане, которые могли свести на нет военные и сырьевые поставки в Японию. Полное же описание враждебных России действий англичан займет несколько пухлых томов.

Формально к началу Русско-японской войны Россия находилась в военном союзе с Францией, основывавшемся на серии секретных договоров 1892—1893 гг. Говоря об этом союзе, наши и французские историки всячески выпячивают его антигерманскую направленность, хотя первоначально Александр III этот союз задумывал как противовес германской и британской экспансии. Другой вопрос, что в царствование Николая II французам удалось договориться с англичанами по ряду спорных вопросов в Африке и Азии и, пользуясь бездарностью

русского императора и его министров, выхолостить из союзных договоров их антибританскую направленность.

В ходе Русско-японской войны Франция предала своего союзника и вела себя равно нейтрально как по отношению к России, так и по отношению к Японии.

Единственным государством в мире, благосклонно относившимся к России в 1904—1905 гг., была Германия. В ходе войны Россия закупила в Германии военной техники на порядок больше, чем во всех остальных странах, вместе взятых.

При определенных условиях Германская империя могла поддержать Россию против Англии и Японии. Так, 22 октября 1904 г. в Северном море произошел так называемый Гулльский инцидент, в ходе которого корабли 2-й Тихоокеанской эскадры обстреляли ночью идущие без огней британские рыболовные суда, приняв их за японские миноносцы. Замечу, что и сейчас в подобных ситуациях корабли ВМС США имеют приказ открывать огонь и неоднократно это делали.

Тем не менее, вместо того чтобы решить этот абсолютно пустячный инцидент на уровне второстепенных дипломатов, британское правительство направило мощную эскадру на перехват русской эскадры адмирала Рожественского. А британская пресса называла русских моряков «пиратами» и «бешеными собаками» и призывала вернуть силой русскую эскадру в Либаву или потопить ее.

Реакция Германии последовала незамедлительно. 27 октября кайзер лично телеграфировал Николаю II, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углем русский военный флот. Кайзер предлагал совместно положить конец этим поползновениям, образовать «мощную комбинацию» против Англии и сообща принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора ей.

Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф усмотрел в этом только «попытку ослабить наши дружеские отношения с Францией», на что Николай II ему ответил: «Я сейчас за соглашение с Германией и с Францией. Надо избавить Европу от наглости Англии», — и 16 октября телеграфировал Вильгельму: «Германия, Россия и Франция должны объединиться. Не набросаешь ли ты проект такого договора? Как только мы его примем, Франция должна присоединиться к своей союзнице. Эта комбинация часто приходила мне в голову».

Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе».

К этому чувствительному посланию был приложен проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также

действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя, согласно условиям договора франко-русского союза».

Осуществление немецкого проекта означало либо создание антианглийского континентального блока под руководством Германии и России, либо разрыв франко-русского союза.

Примерно в это же время британский министр иностранных дел лорд Ленсдаун заявил: «Германия преисполнилась готовности угрожать Франции войной шестидесяти миллионов против сорока. Англия не может допустить уничтожения Франции или ее превращения в провинцию Германии и в ее раболепного союзника против Англии. В случае такого акта агрессии Англия в интересах самозащиты должна будет воевать, и война, если только она разразится, явится ужасной. Она приведет к тому, что мы должны будем создать огромную сухопутную армию, чтобы помочь Франции против ее врага».

В случае хотя бы дипломатического выступления Германии, России и Франции против Англии последней ничего не оставалось бы, как пойти на любые уступки. Вот тогда-то русские рейдеры могли бы спокойно ловить нейтральные суда, везшие груз в Японию, не только в Красном море, но и в Ла-Манше. Вопрос заключался бы только в том, сколько месяцев продержится Япония без европейских товаров, сырья и топлива.

Но, увы, немедленно забеспокоились французская дипломатия, а также агенты влияния Англии и Франции среди сановников Петербурга. Им удалось уговорить Николая II отказаться от союза с Германией. Этому способствовало и резкое изменение тона британского правительства в отношении эскадры Рожественского, благодаря чему дело свелось к выплате компенсации пострадавшим рыбакам.

В октябре 1904 г. — июле 1905 г. разразился так называемый Марокканский кризис, суть которого заключалась в борьбе Англии, Франции и Германии за сферы влияния в Северной Африке. Дело чуть было не дошло до войны между этими державами. Надо ли говорить, что в такой ситуации Европе и без договора между Россией и Германией было не до крейсерской войны в Тихом океане или иных морях. Но, увы, Ламздорф и компания предпочли стоять на задних лапках перед Британским львом.

Объем книги не позволяет привести полностью все германские поставки в 1904—1905 гг., поэтому я ограничусь лишь поставками сухопутной артиллерии и кораблей.

Франкофилы из Военного ведомства в конце XIX века приняли французскую доктрину молниеносной войны и «триединства» артиллерии — единого калибра (76 мм), единой пушки (полевой) и единого снаряда (шрапнели). Результатом этого стало принятие на вооружение 3-дюймовой (76-мм) полевой пушки обр. 1900 г., а затем — несколько модернизированной пушки обр. 1902 г. В боекомплект обеих пушек входила лишь шрапнель, достаточно эффективно поражавшая

сомкнутые колонны противника на открытой местности, но абсолютно бесполезная для поражения живой силы в окопах, глиняных фанзах, деревянных избах, за складками местности, в лесу и т.д.

Первые же сражения в Маньчжурии показали недостатки шрапнели и выявили необходимость принятия на вооружение орудий, способных вести навесной огонь фугасными и осколочно-фугасными снарядами. С этой целью в начале 1904 г. Круппу был сделан срочный заказ на 12-см (120-мм) полевую гаубицу. Первоначально было заказано две шестиорудийные батареи, а затем еще шесть батарей, кроме того, был заказан 15-процентный «запас». То есть всего заказали 8 × 6 + 7 = 55 гаубиц. Все они были поставлены Круппом в 1905 г.

120-мм гаубицами Круппа были перевооружены 1-й, 2-й, 3-й и 4-й мортирные дивизионы, из которых 1-й и 2-й дивизионы были отправлены в действующую армию, а 3-й и 4-й ввиду окончания войны остались в европейской России.

Следует отметить, что формально Германия соблюдала нейтралитет в войне и все поставки оружия были крайне засекречены. В некоторых поставках и мне, грешному, не удалось разобраться. Так, в Порт-Артур должно было прорваться несколько судов с так называемыми аргентинскими пушками Круппа. Из-за тесной блокады японским флотом Артура прорыв не состоялся, но каким-то путем эти пушки все же попали в Маньчжурию, и к 1907 г. 7,5-см пушки Круппа состояли на вооружении батарей русской пограничной конной стражи.

В 1904—1905 гг. в боевой состав русского и японского флотов впервые в истории были введены подводные лодки. В ходе войны они нанесли большой ущерб военному бюджету России и Японии. Так и не начавшаяся подводная война была с блеском выиграна фирмами Лэка, Холланда и Круппа, получившими огромные барыши и «на халяву» накопившими опыт строительства подводных лодок.

Наши морские историки с пеной у рта уже много десятилетий спорят, кто был создателем первой русской подводной лодки. Кандидатов десятки, от Никонова — создателя «потаенного суда» при Петре Великом, до инженера С.К. Джевецкого, продемонстрировавшего в гатчинском пруду императору Александру III подводную лодку с приводом наподобие велосипеда, то есть за счет мускульной силы матросов. Увы, на самом деле первой боеспособной лодкой русского флота стала «Форель», подаренная России фирмой Круппа.

Дело в том, что в марте 1904 г. начались переговоры с фирмой Круппа о постройке трех подводных лодок. В случае заключения заказа фирма Круппа обещала Морскому ведомству подарок стоимостью 100 тысяч рублей — малую подводную лодку. Эта лодка была заложена в феврале 1902 г. на верфи «Германия» по проекту инженера Р. Эквилея.

Длина наибольшей лодки составляла 12,5 м, ширина (без двух съемных наружных трубчатых аппаратов Уайтхеда) — 1,65 м, высота корпуса с рубкой — 2,4 м. Водоизмещение надводное 17 т, под-

водное 18 т. Лодка имела единый для подводного и надводного хода электродвигатель мощностью 60 л.с., работавший от аккумуляторов системы Фюльмена. Максимальная глубина погружения не превышала 30 м. Электромоторы использовались и для привода помпы водяного балласта, вентиляции воздуха и открытия крышек торпедных аппаратов.

7 июня 1904 г. лодку отправили по железной дороге из Киля в Россию, куда она прибыла через семь дней, прямо на Балтийский завод. В документах для конспирации ее называли «передвижной предохранительный буй».

25 июня 1904 г. лодка была испытана М.Н. Беклемишевым в Финском заливе. По его словам, управление лодкой было «весьма удобное и простое». После установки торпедных аппаратов скорость лодки заметно упала — с 6 до 4,3 узла, а дальность плавания составила 20 миль при 3,5-узловом ходе.

21 августа 1904 г. подводную лодку «не подлежащим оглашению приказом» по Морскому ведомству зачислили в списки флота миноносцем «Форель» и после задержки, вызванной неисправностью железнодорожной платформы (платформа была обычная, четырехосная), 25 августа отправили во Владивосток, куда она прибыла через месяц. Лодка была почти собрана, с аккумуляторами, так что на окончательную сборку и спуск на воду ушло всего два дня.

Со 2 октября «Форель» находилась «в состоянии готовности» на случай подхода японских кораблей. В ноябре лодку подняли на берег и поставили в сухое теплое помещение, а с 29 марта 1905 г. она была вновь готова к плаванию. Ее командир Т.А. Тилен так отзывался о своей лодке: «Считаю миноносец “Форель” одним из самых простых по устройству и вместе с тем одним из самых удачных типов подводной лодки».

Итак, «Форель» стала первой боеспособной подводной лодкой русского флота.

6 марта 1904 г. доверенный фирмы Круппа К.Л. Вахтер выступил с предложением о постройке на верфи «Германия» в Киле для «российского императорского правительства» трех подводных лодок со следующими сроками готовности: первой — через 9 месяцев, а двух последующих — через 11 месяцев после подписания контракта.

4 апреля 1904 г. технические условия подписали председатель Морского технического комитета вице-адмирал Ф.В. Дубасов и представитель фирмы Круппа К.Л. Вахтер. Через четыре дня состоялось всестороннее обсуждение, в ходе которого ГУКиС потребовал учесть в конструкции возможность разборки лодок для перевозки их по железной дороге на Дальний Восток.

10 апреля вышло разрешение на заказ фирме Круппа всех трех лодок с непременным условием постройки «в возможно кратчайший срок», после чего 24 мая начальник отдела сооружений ГУКиСа контр-адмирал А.Р. Родионов и К.Л. Вахтер подписали контракт.

Но немцы задержали строительство лодок, и испытания начались лишь в июне 1906 г. «Карп», «Карась» и «Камбала» были приведены в Либаву плавбазой «Хабаровск» только летом 1907 г.

22 апреля 1908 г. «Камбалу» и «Карася», а 26 апреля и «Карпа» отправили по железной дороге в Севастополь. 28 апреля они были зачислены в отряд подводного плавания Черноморского флота. В ночь на 23 мая 1909 г. в ходе учений «Камбала» была протаранена броненосцем «Ростислав». Лодка раскололась на две части и затонула. К концу 1909 г. на двух оставшихся лодках в дополнение к одному трубчатому торпедному аппарату было установлено два решетчатых торпедных аппарата системы Джевецкого. «Карп» и «Карась» были затоплены англичанами в апреле 1919 г. у входа в Севастопольскую бухту.

На базе подводной лодки «Карп» и с учетом испытаний русских лодок фирма Круппа построила первую германскую подводную лодку U-1.

С началом войны наместник императора на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев несколько раз поднимал вопрос о строительстве эсминцев за границей и доставке их в разобранном виде по Транссибирской магистрали во Владивосток. Там, в бухте Улисс, они должны были собираться и вводиться в строй. Бредовость этой идеи была очевидна с самого начала. Транссибирская магистраль не справлялась с перевозками сухопутных войск и боеприпасов, тут было явно не до эсминцев.

Тем не менее царское правительство 20 ноября 1904 г. выдало заказ фирме «Шихау» на постройку десяти эсминцев типа «Кит» с «непременным условием их сборки, испытаний и сдачи во Владивостоке». То есть построенные в Эльбинге эсминцы надо было разобрать и, «упаковав в контейнеры», доставить либо по железной дороге на станцию Вержболово, либо морем в Либаву или Петербург. Затем за счет Морского министерства эсминцы надо было как-то перебросить во Владивосток, где рабочие и инженеры фирмы «Шихау» должны были их собрать, спустить на воду и провести испытания.

Первый миноносец фирма обязывалась доставить в Россию через шесть месяцев после подписания контракта, а потом последовательно, через месяц и неделю, поставлять по миноносцу, закончив, таким образом, работы не позднее 6 мая 1906 г.

Сборка миноносцев должна была производиться в бухте Улисс, где работники фирмы «Шихау» сразу же после заключения контракта приступили к строительству складских помещений, мастерских и эллингов.

Стоимость каждого собранного и испытанного миноносца определялась в 750 тыс. рублей при условии достижения во время трехчасового пробега скорости не менее 27 узлов. В случае срыва контрактных сроков или недостижения оговоренных 27 узлов фирма подвергалась лишь штрафу. Даже при скорости ниже 25 узлов Морское министерство не отказывалось от миноносцев из опасения их перепродажи Японии.

Новые эсминцы как по главным размерениям, так и по конструкции корпуса практически не отличались от заказанных в 1898 г.

Чтобы переправить эсминцы в Россию «по возможности секретно, не возбуждая большого внимания», Ф. Шихау предложил доставить их в Петербург морем. 4 июня 1905 г. первый корабль, разобранный и упакованный в контейнеры, погрузили на теплоход «Эльбинг-2», и через четыре дня он был в Петербурге. На день раньше срока (10 июля) прибыл второй миноносец. Но отправить на Дальний Восток по железной дороге первый миноносец в конце сентября, как это планировалось, не удалось из-за большой загруженности Транссиба, и это сорвало график доставки остальных миноносцев.

По предварительным расчетам ГУКиС, получалось, что с учетом продолжительности пути и «всеми неудобствами работ по сборке» во Владивостоке первый эсминец войдет в строй «не ранее, чем через полгода, считая со дня отправки его из Петербурга». Об участии же остальных эсминцев в боевых действия не было и речи, поскольку «ни один из них не будет готов до окончания войны». И только тогда Морское ведомство отказалось от сборки всех эсминцев во Владивостоке. Лично я вполне допускаю, что наши адмиралы были не столь глупы и правильно оценивали ситуацию с самого начала. Но им надо было показать «прыть» в ходе войны, а заодно получить чаевые у фирмы.

Отправленные по железной дороге во Владивосток эсминцы «Капитан Юрасовский» и «Лейтенант Сергеев» прибыли на место лишь в ноябре 1905 г. Но из-за недокомплекта чертежей и недостаточной подготовки местных рабочих (мастера с завода Шихау ехать во Владивосток отказались) сборка прибывших кораблей затянулась до февраля 1906 г. Оба эсминца спустили на воду в 1907 г., а в строй они вошли лишь в 1908 г., то есть спустя три года после окончания войны.

Остальные восемь эсминцев были достроены в Германии. Спуск их на воду состоялся в 1905—1906 гг., а на испытаниях они показали скорость от 27,6 до 28,7 узла. В строй Балтийского флота эсминцы вступили в 1906 г.

Замечу, что постройка эсминцев в Германии для 1-й Тихоокеанской эскадры оказалась нелепой затеей не по вине фирмы «Шихау». Там все сделали вовремя и как надо, а за дурость наших адмиралов германские инженеры не в ответе. Вот если бы в Германии вместо эсминцев заказали бы достаточное количество 10,5-см и 15-см полевых гаубиц и пулеметов и быстро доставили бы их в Маньчжурию, то исход войны мог бы стать совсем иным.

Потеря «Варяга», «Корейца» и других кораблей в первые же дни войны всколыхнула патриотически настроенную часть русского общества и вызвала у многих людей желание материально помочь нашему флоту. В газетах появились сообщения о многочисленных денежных пожертвованиях на нужды флота, инициатором которых стал известный ученый-востоковед С.С. Абамелек-Лазарев.

Чтобы утвердить контроль над этим стихийным движением, правительство 6 февраля 1904 г. учредило Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. В состав комитета вошли 117 человек под председательством великого князя Александра Михайловича. Комитету разрешалось организовывать повсеместный сбор добровольных пожертвований и предоставлялось право «входить в соглашения с ведомствами относительно употребления приобретенных им судов для военных целей». К 1 февраля 1905 г. на счет Особого комитета поступило около 13 млн 275 тыс. рублей.

В связи со строгим нейтралитетом, объявленным всеми европейскими государствами и Америкой, «комитету пришлось отказаться от надежды приобрести что-либо готовое за границей и поневоле остановиться на необходимости приступить к сооружению судов по специальному заказу России».

Выбор пал на минные крейсера водоизмещением 500 тонн, обладавшие, как считалось, более высокими боевыми возможностями, чем входившие в состав флота 350-тонные миноносцы, в том числе и улучшенной мореходности.

Для постройки первых четырех минных крейсеров был использован разработанный германской фирмой «Вулкан» проект корабля, который в целях секретности назвали «паровой яхтой», водоизмещением 500 тонн. Вся техническая документация была без лишней огласки переправлена в Россию. В заключенном 13 марта 1904 г. контракте с судостроительным заводом «Ланге и сын» постройка четырех «паровых яхт» оценивалась в 2 976 440 рублей. Срок сдачи кораблей определялся: 1 января, 1 февраля, 1 марта и 1 апреля. Одновременно «крайне спешно и секретно» заводу «Вулкан» были заказаны котлы, механизмы, штевни и другое оборудование на сумму 2 012 200 рублей. Таким образом, эсминцы фактически собирались в Риге из частей, изготовленных в Германии.

Учитывая пожелания тех, кто сделал наибольшие вклады (помещик Орлов-Давыдов — 400 тысяч рублей, офицеры и солдаты воинских частей — 350 тыс. рублей, кочевые трухменцы Ставропольской губернии — 330 тыс. рублей, Казанское земство — 300 тыс. рублей), первые четыре минных крейсера получили названия «Украина», «Войсковой», «Турхменец» и «Казанец».

21 сентября 1904 г. была спущена на воду «Украина», а 12 ноября — «Войсковой». Спуск на воду последних эсминцев был задержан из-за хронических забастовок в Риге. Поэтому «Трухменец» спустили лишь 5 февраля 1905 г., а «Казанец» — 28 апреля 1905 г. Эти же забастовки не позволили включить «Украину» и «Войсковой» в состав 3-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирала Н.И. Небогатова.

Поступление новых добровольных пожертвований дало возможность Особому комитету 7 августа 1904 г. заказать заводу Ланге еще два миноносца, получивших имена «Стерегущий» и «Страшный», в честь погибших у Порт-Артура миноносцев. Первый корабль фирма обяза-

лась сдать 22 апреля 1905 г., то есть через восемь с половиной месяцев после подписания контракта, а второй — 22 мая. Но постройка миноносцев затянулась, и «Стерегущий» был спущен на воду 21 июня, а «Страшный» — 23 декабря 1905 г.

5 октября 1904 г. Особый комитет заказал Ланге еще два миноносца типа «Украина» — «Донской казак» и «Забайкалец». Средства на эти корабли (1 488 220 рублей) собирались в Донском и Забайкальском казачьих войсках. «Донской казак» был спущен на воду 25 февраля, а «Забайкалец» — 14 апреля 1906 г.

«Стерегущий», «Страшный» и «Донской казак» были зачислены в списки флота 21 марта 1905 г., а «Забайкалец» — 10 октября 1905 г. Испытания эсминцев проводились в мае — июле 1905 г. Дальность плавания их полным ходом достигла 625 миль, а экономическим — 1105 миль. После завершения испытаний «Стерегущий», «Страшный» и «Донской казак» вошли в строй летом 1906 г., а «Забайкалец» — весной 1907 г.

Продолжая программу ускоренной постройки минных крейсеров, Особый комитет 20 марта 1904 г. заключил контракт с правлением гельсингфорсского акционерного общества «Сандвикский корабельный док и механический завод» на постройку двух кораблей общей стоимостью 1440 тыс. рублей, со сроками сдачи 1 января и 1 февраля 1905 г.

24 марта 1904 г. Особый комитет подписал еще один контракт с правлением «Общества Путиловских заводов» на постройку двух минных крейсеров на сумму 1448 тыс. рублей.

Проектную документацию на заказанные минные крейсера, названные в целях секретности «паровыми яхтами водоизмещением 570 тонн», разрабатывали конструкторы фирмы «Шихау», а на заводе фирмы изготавливались котлы и механизмы для всех четырех кораблей.

Эти минные крейсера также получили названия в честь самых щедрых добровольных вкладчиков. Бухарский эмир Абдулахад пожертвовал один миллион рублей, а построенный в Гельсингфорсе (Хельсинки) корабль получил имя «Эмир Бухарский». Второй построенный в Финляндии корабль был назван «Финн» по просьбе сената Финляндии, собравшего 1 млн марок (333 297 руб.). Московская губерния собрала 996 167 рублей, и построенный в Петербурге миноносец назвали «Москвитянином». Четвертый корабль получил название «Доброволец» — в честь «прочих добровольных жертвователей». Все четыре минных крейсера были зачислены в списки флота 11 сентября 1904 г.

Уже в июне 1904 г., сразу по получению из Германии чертежей по корпусу, заводы приступили к разбивке плаза, заготовке деталей набора и обшивки. Церемония закладки кораблей прошла довольно скромно, закладные доски для них даже не предусматривались. 30 декабря 1904 г. в Гельсингфорсе был спущен на воду головной корабль — «Эмир Бухарский», а 22 марта 1905 г. — «Финн».

По типу «Украины» в Финляндии было построено четыре минных крейсера[1] типа «Охотник». Проект разрабатывался в Германии конструкторами завода «Вулкан». Котлы и механизмы для них также изготавливались на заводе «Вулкан».

Русское Морское министерство на собственные средства 11 сентября 1904 г. заказало фирме «Фридрих Крупп» два минных крейсера, «Всадник» и «Гайдамак», со сроком сдачи первого к 1 июля, а второго — к 1 августа 1905 г. В контракте было оговорено, что корабли будут сдаваться без минного вооружения и артиллерии, но со всеми подкреплениями для них. Стоимость каждого корабля определялась в 741 494 рубля, с обычной в таких случаях системой штрафов.

«Всадник» был спущен на воду 24 августа 1905 г., а «Гайдамак» — 1 ноября того же года. В строй они вошли лишь в 1906 г.

По образцу этих минных крейсеров на верфи «Германия» были построены элементы еще двух минных крейсеров — «Амурец» и «Уссуриец», а собрали их уже в России, на Гельсингфорсском заводе. Причем оплачивало их строительство не Морское министерство, а Особый комитет. В строй корабли ввели летом 1907 г.

Большое значение для нашего флота имела и закупка в Германии корабельных радиостанций и запчастей к ним. Как известно, радио впервые было изобретено А.С. Поповым. По распоряжению МТК летом 1900 г. в Кронштадте была организована радиомастерская, которая уже в 1901 г. стала сдавать первые станции «беспроводного телеграфа» для русского флота. Однако производственные возможности мастерской были ограничены (на ноябрь 1902 г. там работали 10 мастеровых и 3 ученика), а по качеству наши радиостанции существенно уступали германским. Всего до начала войны с Японией кронштадтская мастерская сдала тридцать корабельных радиостанций.

С началом войны Морское министерство объявило конкурс на заказ корабельных радиостанций. Основная борьба за перспективный заказ развернулась между английской фирмой «Маркони» и немецкой фирмой «Телефункен». При прочих примерно равных показателях условия немецкой фирмы оказались более выгодными, что и определило окончательный выбор. 22 мая 1904 г. Морским министерством был заключен контракт с акционерным обществом «Сименс и Гальске» на поставку 24 радиостанций фирмы «Телефункен» (длина волны — 360 м, дальность — 100 миль). 18 из них были затем установлены на корабли 2-й Тихоокеанской эскадры. До конца 1904 г. с «Сименс и Гальске» заключили еще пять контрактов на поставку в общей сложности 27 станций. В их числе было пять радиостанций, установленных на корабли отряда контр-адмирала Небогатова, отправленного в феврале 1905 для усиления эскадры вице-адмирала Рожественского и принявшего в ее составе участие в Цусимском сражении.

---

[1] 27 сентября 1907 г. все минные крейсера были переклассифицированы в эсминцы.

Дальность работы этих радиостанций не превышала ста миль. А для обеспечения дальней радиосвязи у фирмы «Телефункен» были закуплены две сверхмощные станции с дальностью связи от 750 до 1000 км.

Первая такая станция была введена в строй во Владивостоке в 1904 г. Ее мощность составляла 4,5 кВт, а устойчивая радиосвязь поддерживалась на дистанции до 1000 км. Вторая такая станция была установлена на вспомогательном крейсере[1] «Урал», погибшем 15 мая 1905 г. в Цусимском бою.

Замечу, что «Урал» до Русско-японской войны был пассажирским лайнером компании «Северогерманский Ллойд» и назывался «Мария Терезия», водоизмещение его составляло 10 500 тонн. В марте 1904 г. лайнер был куплен Морским министерством.

Кроме «Марии Терезии» весной 1904 г. Морское министерство закупило в Германии большие пассажирские пароходы «Аугуста Виктория», «Фюрст Бисмарк», «Колумбия» и «Лан». Все они были переоборудованы во вспомогательные крейсера и получили названия: «Кубань», «Дон», «Терек» и «Русь».

А еще до войны на верфи в Киле 27 января 1902 г. был спущен учебный корабль «Океан». 5 марта 1903 г. он был введен в строй Балтийского флота.

Однако эти шесть германских лайнеров, обращенные во вспомогательные крейсера, могли довести японскую экономику до кризиса. Вспомним, что в 1940—1943 гг. натворили германские вспомогательные крейсера «Комета», «Атлантис», «Тор», «Пингвин» и «Корморан». А ведь в 1904—1905 гг. не было радиолокаторов, самолетов, подводных лодок, что крайне мешало боевой деятельности германских рейдеров. А судовые радиостанции работали в пределах не более 100 миль.

Но, увы! У немцев в 1940—1943 гг. были грамотные адмиралы и храбрые офицеры, а у наших царила «разруха в головах», и результат деятельности вспомогательных крейсеров был ничтожен.

Так, например, у немцев на лайнере «Фюрст Бисмарк», согласно мобилизационному плану, должны были быть установлены восемь 150-мм, четыре 120-мм, два 88-мм и два 57-мм орудия. А наши «нельсоны» на тот же корабль («Дон») поставили два 120-мм, пять 75-мм и восемь 57-мм орудий. С германским вариантом артиллерии «Дон» мог в щепки разнести любой японский бронепалубный крейсер. Причем все пушки можно было легко замаскировать, как это делали немцы, и дать внезапно залп по подошедшему для досмотра японскому крейсеру. Так, кстати, рейдер «Корморан» в 1941 г. у берегов Австралии потопил новейший британский крейсер «Сидней».

Столь же слабо были вооружены и остальные русские вспомогательные крейсера. Мало того, на приобретенные весной 1904 г. германские

---

[1] Формально в русском флоте крейсера, переоборудованные из торговых судов, именовались крейсерами 2-го ранга.

лайнеры ставили пушки, закупленные «с бору по сосенке» — в Англии, Франции и США.

Якобы в арсенале Балтийского флота не было резервных орудий. А почему бы не снять 152-мм и 120-мм пушки Кане с находившихся в строю и строившихся кораблей Черноморского флота? Множество 152-мм пушек Кане состояло в береговой обороне Балтики и Черного моря. Европейской войны не предвиделось, и пушки ржавели без толку. Однако в этом случае командование Черноморским флотом, в отличие от иностранных фирм не заплатило бы огромных «комиссионных» нашим военным агентам и чинам Морского ведомства.

Иностранные пушки не были знакомы матросам, для них не имелось ни наставлений, ни таблиц стрельбы. В результате примитивные таблицы стрельбы были составлены на кораблях самими артиллерийскими офицерами.

Использовались русские вспомогательные крейсера из рук вон плохо из-за глупости и трусости наших политиков, адмиралов и капитанов кораблей. Так, вспомогательный крейсер «Ангара» наместник на Дальнем Востоке Алексеев использовал в качестве личной яхты, и крейсер бесславно погиб в Порт-Артуре. Вспомогательный крейсер «Лена» вышел в свое единственное крейсерство в Тихом океане, но под предлогом ремонта машин зашел в Сан-Франциско и интернировался.

Вспомогательные крейсера «Днепр» и «Рион» в июне 1904 г. попробовали было крейсировать в Красном море, но ретировались, испугавшись протестов англичан. Точно также летом 1904 г. закончили поход «Дон» и «Урал».

Крейсер «Урал» адмирал Рожественский зачем-то потащил с собой в Цусимский пролив, где он и был потоплен японцами.

«Терек» отделился от эскадры Рожественского и даже потопил два парохода с грузом для Японии.

16 июня «Терек» зашел для пополнения запасов угля и продовольствия в голландский порт Батавия (современная Индонезия). Однако погрузка угля затянулась, и через 24 часа «по требованию голландской администрации “Терек” был вынужден разоружиться». Так врал капитан. Но как подобную чушь могут повторять сейчас наши горе-историки? Ну, послал бы капитан 2-го ранга К.А. Панферов администрацию к известной матери, а пока голландцы переводили бы и соображали, чья именно мама имеется в виду, крейсер закончил бы погрузку и ушел. Неужели Голландия открыла бы огонь по «Тереку» и объявила бы России войну? Просто капитану очень захотелось отдохнуть в тропиках аккурат до самого конца войны.

Крейсер «Кубань» находился до 23 мая 1904 г. на путях сообщения противника, идущих к Иокогаме, но не обнаружил ни одного парохода и только на пути следования к Сайгону осмотрел два парохода, но за отсутствием военной контрабанды отпустил их. Далее крейсер «Кубань» зашел в порт Сайгон, получил там уголь и отправился на Балтику.

Крейсер «Рион», действовавший в южной части Желтого моря, задержал и осмотрел несколько пароходов. На двух из них (германском транспорте «Тетортос» и английском «Шилуриум») призовая партия обнаружила военную контрабанду. После того как с задержанных транспортов были сняты команды, они были затоплены вместе с грузами.

Крейсер «Днепр» в ста милях от Гонконга потопил английский пароход «Сент-Кильдти» с грузом военной контрабанды.

Таким образом, четыре русских вспомогательных крейсера, действуя на коммуникациях Японии в Тихом океане, в течение двух недель потопили пять пароходов с военной контрабандой, а несколько транспортов осмотрели и отпустили.

Я умышленно привел множество деталей германской помощи России, дабы показать ее объем и сознательное нарушение Вильгельмом II ряда статей международных соглашений и статуса нейтральной страны.

В свою очередь, Англия и США делали все возможное для поддержки Японии. В апреле 1904 г. еврейский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 миллионов долларов из высокого процента (6 % годовых); половина займа размещалась в Англии, половина — в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы таможен.

В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем — на 60 миллионов долларов, — тоже из 6 %. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 миллионов долларов и всего из 4,5 %, но опять-таки под конкретное обеспечение — на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем — снова 150 миллионов долларов из 4,5 %. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 миллионов иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии, достигших 1730 миллионов иен. Без английских и американских денег исход войны был бы иной.

25 мая 1905 г. в Большом царскосельском дворце отмечался день рождения царицы Александры Федоровны, которой исполнялось 33 года. В 2 часа дня ко дворцу прибыл американский посол Мейер и срочно испросил аудиенции у царя. Николай покинул торжество и отправился к послу, которого тайно ввели через боковой вход дворца. Мейер произнес целую речь о необходимости скорейшего заключения мира. Царь почти все время привычно молчал. Царь и его сановни-

ки прекрасно понимали, что альтернативой мирному договору может быть только победа революции в России. Вопрос был лишь в том, кому вести переговоры и какие условия японцев принимать. 29 июня главным уполномоченным по ведению мирных переговоров с Японией был назначен С.Ю. Витте.

29 июля в курортном городе Портсмуте на Атлантическом побережье США открылась мирная конференция. Но накануне начала переговоров произошло таинственное свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке. 7 июля Николай II послал Вильгельму приглашение прибыть в финские шхеры, тот с удовольствием согласился, и 10—11 июля состоялось свидание на рейде Бьёрке на яхте «Полярная Звезда». Там кузен Вилли уговорил кузена Ники подписать союзный договор. Как писал историк-эмигрант С.С. Ольденберг: «Бьёркский договор устанавливал взаимное обязательство для России и для Германии оказывать друг другу поддержку в случае нападения на них в Европе. Особой статьей указывалось, что Россия предпримет шаги для привлечения Франции к этому союзу. Договор должен был вступить в силу с момента ратификации мирного договора между Россией и Японией. Острие договора было явно направлено против Англии»[1].

На взгляд автора, реализация Бьёркского договора могла стать благом для обеих стран и предотвратить бессмысленную и бесцельную для России и Германии войну 1914—1918 гг. Ведь так называемые союзники — Россия, Англия и Франция — с самого начала Первой мировой войны не только не собирались отдавать России Черноморские проливы, но и планировали расчленение своего союзника с отторжением Польши, Финляндии, Прибалтики и других губерний.

Но, увы, Бьёркский договор не был реализован. А сама технология подписания договора и его денонсация показывали всю ничтожность последнего русского самодержца. Царь, подписав договор, вызвал сопровождавшего его в этой поездке морского министра Бирилева, закрыл ладонями текст и велел Бирилеву, не читая, поставить под ним свою подпись. Тот подписал. Таким способом царская подпись была контрассигнирована министром — в соответствии с требованием основных законов империи.

Вернувшись в Петербург, царь несколько дней, словно нашкодивший школьник, скрывал факт подписания договора от своих министров, но в конце концов пришлось признаться. Николаю прочитали нотацию, а Вильгельму сообщили, что Россия отказывается от договора.

23 августа был подписан Портсмутский мирный договор с Японией.

Россия лишалась Порт-Артура и всего Ляодунского полуострова. Половина Маньчжурии стала японской, равно как и половина острова

---

[1] Ольденберг С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. С. 291.

Сахалин (по 50-ю параллель). По возвращении в Петербург С.Ю. Витте был возведен Николаем II в графское достоинство. Новоиспеченный граф упал на колени и, плача, стал целовать руки царя. Но уже через несколько дней в питерских салонах Сергей Юльевич услышал ехидный смешок: «Прибыл граф Полусахалинский».

Большинство русских людей воспринимали исход войны и Портсмутский мир как оскорбление России. Их настроение хорошо выразил поэт С.М. Соловьев:

О, Русь! Забудь былую славу —
Орел двуглавый побежден,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Глава 21

ДИПЛОМАТИЯ ЯХТ

Итоги Русско-японской войны стали триумфом британской дипломатии. Ей удалось пинком японского сапога отбросить Россию на Дальнем Востоке и, поманив «морковкой», заставить идти в нужном Лондону направлении.

В 1905 г. профранцузское лобби буквально заставило царя просить огромные займы во Франции. За обещания займов платить пришлось немедленно — в январе 1906 г. на международной конференции в Альхесирасе, посвященной судьбе Марокко, Россия была вынуждена поддерживать Англию и Францию, чем испортила отношения с Германией.

В мае 1906 г. царь уволил министра иностранных дел графа Ламздорфа. Так ушел с дипломатической сцены политический деятель, который, опираясь на франко-русский союз, стремился балансировать между Германией и Англией и несколько настороженно относился к одностороннему сближению с последней.

На место Ламздорфа Николай II назначил А.П. Извольского — посла в Копенгагене, вращавшегося во враждебной Германии датской среде. Извольский с первых же дней вступления в должность стал подталкивать Россию к военному союзу с Англией.

Одновременно, в том же мае 1906 г., в Петербург прибыл новый английский посол, А. Никольсон, которому предстояло сыграть не последнюю роль в создании англо-русской Антанты. Вскоре после его прибытия начались англо-русские переговоры относительно сфер влияния в Персии, Афганистане, Тибете, а также обсуждался вопрос о Черноморских проливах.

Это лишь официальная хроника сближения Англии и России. Но была и неофициальная.

В 1906 г. во Франции оказалось подавляющее большинство августейшего семейства Романовых. Среди них был и внук императора Николая I, великий князь Михаил Николаевич с четырьмя сыновьями: Александром, Михаилом, Николаем и Сергеем.

Великий князь Александр Михайлович с супругой Ксенией (родной сестрой Николая II) и шестью детьми поселился в роскошной вилле «Эспуор» в городе Биарриц, на самом берегу Бискайского залива, недалеко от Байонны.

Весной 1907 г. в Биарриц приезжает «дядя Берти» — английский король Эдуард VII. Берти был женат на Александре Датской, дочери «общеевропейского тестя» — короля Кристиана IX, которая приходилась родной сестрой вдовствующей императрице Марии Федоровне. Александр Михайлович на редкость тепло отозвался о своем дальнем родственнике: «Ксения была племянницей его жены, королевы Александры, и наши отношения всегда отличались большой теплотой, даже тогда, когда Британия поддерживала Японию во время войны с Россией».

Великий князь и король стали приятелями, хотя «дядя Берти» был старше Сандро на 15 лет. Бридж, гольф, скачки были их любимыми увлечениями. Берти справедливо называли первым плейбоем королевства, а Сандро занимал аналогичное место в империи. Но их отношения не ограничивались выпивкой, спортом и женщинами. Начну с того, что обе титулованные особы были масонами высших градусов. Эдуард стал великим магистром английских масонов еще в 1874 г., будучи принцем Уэльским. Правда, он сложил с себя полномочия в 1902 г., после вступления на престол.

Что же касается Александра Михайловича, то он стал масоном еще в конце XIX века вместе со всеми своими братьями. Эдуарду было что сказать Александру Михайловичу как родственник родственнику и «брат» «брату» (по ложе). В итоге «братья» договорились.

Далее началась дипломатия яхт. 18 (31) августа 1907 г. на яхте, стоявшей в четырех верстах от полуострова Гангут, Николай II и британский посол Артур Никольсон подписали соглашение о разграничении сфер влияния двух стран в Персии, Афганистане и Тибете. Причем Россия пошла на гораздо большие уступки, чем «коварный Альбион».

28 мая (10 июня) 1908 г. в Ревель прибыла королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении внушительной британской эскадры. После салюта от борта яхты отвалил барказ, на котором находилась королевская чета — Эдуард VII и Александра Датская. На борту яхты «Полярная Звезда» их приветствовали Николай II и Александра Федоровна. Зная пристрастие русского императора к униформам и различным регалиям, Берти произвел Ники в чин адмирала британского флота. Царю преподнесли красивый мундир и морскую саблю образца 1827 г., чем несказанно порадовали нашего самодержца. В ходе королевского визита было на высшем уровне согласовано создание Антанты — союза, направленного против Германии.

А была ли у России альтернатива? Историк А.И. Уткин писал: «Пойти же на двустороннее сближение с Германией было для России в практическом смысле немыслимым, это означало превращение России в вассала Германии, означало ее фактический “уход” из Европы, обращение к Азии, где Британия и Япония постарались бы поставить предел расширению ее влияния. Именно Германия в этом случае решала бы вопрос, когда наступит час для выяснения отношений с Фран-

цией и Англией. Россия обязана была бы следовать за ней, являясь, по существу, младшим партнером в реализации германских планов»[1].

Абсурдность подобного утверждения очевидна. Автор противоречит сам себе. Как Англия могла поставить предел расширению России в «час для выяснения отношений» с Германией? Почему Россия должна была следовать за Германией и объявлять войну Франции и Англии? Вильгельма II вполне устраивал нейтралитет России. Германская армия покончила бы с французами прежде, чем русские части добрались бы до французской границы. А русский флот к 1914 г. был крайне мал, чтобы играть какую-то роль в борьбе с Гранд Флитом (Военно-морским флотом Англии).

Ситуация в 1914 года ничего не имела общего с 1941 годом. Кайзер не собирался покорять Россию. Мало того, «собрать до кучи» буйное панство было явно не в интересах Германии.

Вступление России в Антанту и ее война с Германией не имели ни военных, ни политических, ни экономических причин, а лишь только субъективные. Под субъективными причинами я понимаю психологическое давление со стороны Англии и Франции. Его вели дипломаты, разведчики, писатели, члены различных масонских лож и т.д.

Очень соблазнительно указать в виде «морковки» для России займы и инвестиции Франции, которые достигли огромной по тем временам суммы — 25 миллиардов франков. К 1914 г. доля иностранных инвестиций в экономике нашей страны составляла: Франция — 32,6 %, Англия — 22 %, Германия — 19,7 %, Бельгия — 14,3 %, США — 5,2 %, доля же Австро-Венгрии была совсем анекдотичной — 0,4 %.

Вроде бы все сходится, и Россия оказалась у стран Антанты на коротком финансовом поводке. Но зато доля Германии в импорте России составляла около 50 %, Франции — 4,6 % и Англии — 13,3 %.

Компании и капиталы враждебного государства в случае начала войны могут быть легко конфискованы. А как с импортом? Его не заменишь ничем.

Пока русские находились в мире с Германией, Вержболово[2] было широко раскрытым окном в мир. А при конфликте с Германией и Турцией у России для связи с внешним миром оставались лишь две узенькие форточки, и то где-то на задворках империи: Архангельск и Владивосток.

Так что экономических причин для войны с Германией просто не было. С этой точки зрения гораздо выгоднее было воевать вместе с кайзером. Что же касается разного рода второстепенных причин, как то: «война» торговых тарифов, всплеск русофобии в 1910—1914 гг. в Германии и т.д., то они были следствием тесного военного сближения России и Франции, а не наоборот.

---

[1] Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005.

[2] Вержболово — крупный железнодорожный узел на границе России и Германии.

Приобретать германскую и австрийскую части Речи Посполитой России было еще более невыгодно, чем Германии. Дело в том, что германизация поляков в Германской империи шла относительно успешно, а вот робкие попытки царской администрации в русификации Привисленского края закончились полным провалом.

Оттяпать у Австро-Венгрии Галицию — тоже удовольствие сомнительное. Да, действительно, там, по крайней мере с IX века, жили русские люди, не отличавшиеся по своему этническому составу, языку и культуре от жителей Киева, Смоленска и Новгорода. Но в XV веке они попали под власть поляков. За пять веков их язык, культура и менталитет сильно изменились.

К 1914 г. в Галиции имелись две партии — русские и украинцы. Я подчеркиваю — партии, а не народы. Их этнический состав был одинаков. Но русины хотели попасть в состав России, а украинцы ненавидели Россию и все русское. В 1914—1917 гг. австрийцы совместно с украинцами разгромили партию русских. Результатом всего этого стало бандитское движение на Западной Украине в 1944—1954 гг.

С точки зрения здравого смысла Российской империи было целесообразно присоединить Галицию только в одном случае — если бы там остались одни русины. Но поскольку сделать это в 1914—1918 гг. было весьма проблематично, то и Галиция была объективно не нужна Российской империи.

Тогда какой смысл нам было воевать с немцами и австрийцами?

Если мы будем руководствоваться критерием генерала Клаузевица «Война есть продолжение политики иными средствами», то увидим, что единственной целью, ради которой Россия могла пойти на войну, были Черноморские проливы — мечта русских царей, начиная с Алексея Михайловича.

Примерно с 1908 г. значительная часть военного руководства стала утверждать, что в одиночку Россия не в состоянии захватить Проливы и сделать это можно только в ходе коалиционной войны, то есть в союзе с Англией и Францией против Германии и ее союзников.

В частности, такие мысли прозвучали 8 февраля 1914 г. на Особом совещании под председательством министра иностранных дел С.Д. Сазонова с участием морского министра И.К. Григоровича, начальника Генерального штаба Я.Г. Жилинского, посла в Турции М.Н. Гирса и др. Исходя из возможности в недалеком будущем распада Османской империи, участники совещания должны были ответить на вопрос, могут ли быть захвачены Проливы силами одной России. Сазонов и Жилинский считали, что борьба за Константинополь «невозможна без общеевропейской войны».

С обоснованием этого тезиса выступил генерал-квартирмейстер Генерального штаба, генерал-лейтенант Данилов: «Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны, с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов». Правда, точка зрения, высказанная Даниловым, встретила

возражения. Начальник оперативного отдела морского Генерального штаба капитан 2-го ранга Немитц[1], последние годы специально занимавшийся проблемой Проливов, указал на то, что тезис Данилова о необходимости сосредоточения сил против главного противника был бы правилен, если бы на пути к Проливам и Константинополю Россия имела «того же главного противника, как и на Западном фронте, то есть германо-австрийские силы». Далее Немитц заявил: «Но в действительности положение представляется, по мнению морского Генерального штаба, в ином виде. На пути к Проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на Западном фронте, они [Англия и Франция. — *А.Ш.*] не дадут нам Проливов и Константинополя». По мнению Немитца, необходимо «одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и Проливы», ибо только в этом случае «Европа согласится» на разрешение вопроса о Проливах согласно требованиям России[2].

Однако предложение Немитца о формировании трех новых корпусов, специально предназначенных для Босфорской операции, не получило поддержки на совещании.

Тут следует заметить, что Сазонов, Жилинский и Данилов шулерски передергивали карты. Спору нет, после 1908 г. у России не было шансов захватить Проливы в мирное время, вне зависимости от внутриполитической ситуации в Турции и сил ее флота. Любая акция России в этом направлении встретила бы энергичное противостояние других великих держав. Но дальше шла явная ложь. Россия, направив все силы на войну с Германией, неизбежно понесла бы огромные людские и материальные жертвы. Предположить, что Англия и Франция наградили бы ее за это Проливами, мог только законченный идиот или жулик.

Еще в мирное время французские и английские банки давали огромные кредиты Турции на укрепление ее обороноспособности. В ходе войны Англия и Франция заключили секретное соглашение не отдавать Проливы России ни под каким видом. Мало того, в случае победы над Германией доблестные союзники планировали расчленение... России с отделением от нее Привисленского края, Прибалтики, а если повезет, то и Малороссии, и Кавказа. Таким образом, Российская империя была единственным в мире государством, которое воевало за собственный раздел.

---

[1] Немитц Александр Васильевич (1879—1967). В 1912 г. окончил Морскую академию. В августе — декабре 1917 г. — командующий Черноморским флотом. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми Морскими силами Советской республики и одновременно был управляющим делами Наркомата по морским делам. Позже — на преподавательской работе. Вице-адмирал советского флота.

[2] Цит. по: Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М.: Учпедгиз, 1960. С. 143.

Глава 22

«РАЗРУХА В ГОЛОВАХ»

Некий отставной бравый солдат сидел в трактире «У чаши» за «марьяжем» и, побивая трефового короля козырной бубновой семеркой, воскликнул: «Семь пулек, как в Сараеве!»

Действительно, сама по себе ситуация была анекдотична. Эрцгерцог Карл Фердинанд, племянник престарелого австрийского императора Франца Иосифа I, устроил провокационную поездку в город Сараево, где выступил с угрозами в адрес Сербии. Сербские террористы решили убить Фердинанда. Эрцгерцог и его жена были очень толсты, так что все «семь пулек» из револьвера гимназиста Гаврилы Принципа попали в цель.

Надо сказать, что родственников Франца Иосифа убивали постоянно. Его единственный сын Рудольф в 1889 г. застрелился со своей любовницей в охотничьем замке Майерлинг, а по другой версии, их застрелили.

Любимый брат Франца Иосифа Максимилиан решил стать... мексиканским императором. Однако новым подданным он пришелся не по вкусу, его поймали и расстреляли.

10 сентября 1898 г. итальянский анархист Луиджи Луккени проткнул напильником жену Франца Иосифа Елизавету Баварскую.

Тем не менее австрийскому императору и в голову не приходило из-за брата или жены объявлять войну Мексике или Италии.

И тут дело бы кончилось анекдотом, и мы бы никогда не узнали о дальнейших похождениях бравого солдата, если бы...

Австрийским генералам и группе банкиров захотелось после Боснии и Герцеговины присоединить к своей лоскутной империи еще и Сербию. Замечу, что от южной границы Сербии до Дарданелл всего 300 км, а до Эгейского моря — только 50 км.

Французы уже сорок с лишним лет мечтали о реванше за 1870 год и жаждали отторгнуть от Германии Эльзас и Лотарингию.

Англичане боялись за свои колонии, страдали от конкуренции мощной германской промышленности, а пуще всего опасались быстрого усиления германского военно-морского флота. Германские линкоры имели лучшую артиллерию, броню и живучесть, чем британские, а по числу дредноутов обе страны должны были сравняться к 1918—1920 гг.

Германия желала обуздать французских реваншистов и с вожделением поглядывала на огромные британские колонии, над которыми «никогда не заходило солнце».

Таким образом, в 1914 г. война отвечала насущным интересам всех великих европейских держав.

А как же Россия? Ведь еще в 1768 г., в начале русско-турецкой войны граф Григорий Орлов заявил: «Если война целей не содержит, так это вообще не война, а... драка. Тогда и кровь проливать не стоит».

Но дело в том, что у Николая II не было вообще никакой политики ни в экономике, ни во внутренних делах, ни в отношениях с другими государствами. В любом вопросе его поступки определялись не какой-то правильной или неправильной стратегией, а были лишь реакцией на текущие события и определялись влиянием тех или иных лиц, оказавшихся рядом с императором в нужный момент.

21 ноября 1914 г. император Николай II в беседе с французским послом Морисом Палеологом высказался о целях войны: «Я настаиваю, чтобы условия этого мира были выработаны нами тремя — Францией, Англией и Россией, только нами одними. Следовательно, не нужно конгрессов, не нужно посредничества. Мы продиктуем Германии и Австрии нашу волю... Главное — уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить — через некоторое время будет новая война... Вот как я представляю себе результаты, которых Россия вправе ожидать от войны и без достижения которых мой народ не понял бы необходимости понесенных им трудов. Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии. Мой генеральный штаб желает, чтобы это исправление достигло берегов Вислы... Познань и часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть своих естественных пределов — Карпат... Австро-Венгерский союз потерпел крах. Венгрии, лишенной Трансильвании, будет трудно удерживать хорватов. Чехия потребует по меньшей мере автономии — и Австрия, таким образом, сведется к старым наследственным владениям: к немецкому Тиролю и к Зальцбургской области... Франция возвратит Эльзас-Лотарингию и распространит свою власть, быть может, на рейнские провинции. Бельгия получит приращение в области Аахена. Франция и Англия поделят германские колонии. Шлезвиг, включая район Кильского канала, будет возвращен Дании. Воссоздав Ганновер между Пруссией и Голландией, мы бы укрепили будущий мир». В ответ французский посол Палеолог сказал: «Это конец Германской империи». Император Николай согласился: «Пруссия должна стать простым королевством»[1].

---

[1] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991. С. 28—29.

А вот мнение царя о решении «восточного вопроса»: «В Малой Азии я должен буду, естественно, заняться армянами; нельзя будет, конечно, оставить их под турецким игом. Должен ли я буду присоединить Армению? Я присоединю ее только по особой просьбе армян. Если нет — я устрою для них самостоятельное правительство. Наконец, я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через проливы».

Посол просит царя объясниться. Тот продолжает:

— Мысли мои еще далеко не установились. Ведь вопрос так важен... Существуют все же два вывода, к которым я всегда возвращаюсь. Первый, что турки должны быть изгнаны из Европы; второй, что Константинополь должен отныне стать нейтральным городом под международным управлением. Само собою разумеется, что магометане получили бы полную гарантию уважения к их святыням и могилам. Северная Фракия, до линии Энос — Мидия, была бы присоединена к Болгарии. Остальное, от этой линии до берега моря, исключая окрестности Константинополя, было бы отдано России.

— Итак, если я правильно понимаю вашу мысль, турки были бы заперты в Малой Азии, как во времена первых Османидов, со столицей в Ангоре или в Кони. Босфор, Мраморное море и Дарданеллы составили бы западную границу Турции.

— Именно так.

— Ваше величество не удивится, если я еще прерву его, чтобы напомнить, что Франция обладает в Сирии и в Палестине драгоценным наследием исторических воспоминаний, духовных и материальных интересов. Полагаю, что Ваше величество согласились бы на мероприятия, которые правительство Республики сочло бы необходимыми для охранения этого наследия.

— Да, конечно.

Затем, развернув карту Балканского полуострова, он в общих чертах излагает мне, каких территориальных изменений мы, по его соображениям, должны желать на Балканах:

— Сербия присоединила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании. Греция получила бы южную Албанию, кроме Валлоны, которая была бы предоставлена Италии. Болгария, если она будет разумна, получит от Сербии компенсацию в Македонии»[1].

Как видим, гениальные стратегические планы! Но у меня, грешного, они почему-то ассоциируются не с уровнем генерала Вейротера, не говоря уж о Бонапарте, а с уровнем гимназиста, тыкающего пальчиком в карту Европы, или телеграфиста Юлия Капитоныча Карандышева[2].

---

[1] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991. С. 129.

[2] Персонаж пьесы Островского «Бесприданница».

Война с немцами шла на польской территории, а царь не знал, что делать с поляками. У австрияков и немцев в этом вопросе тоже имелась путаница, но они высказывались достаточно четко. Так, австрийцы предложили создать государственное образование в составе Австро-Венгерской империи. Ему должны были присвоить название — Королевство Польское или Герцогство Краковское. Столицей должен был стать Краков. В состав образования должны были войти земли, принадлежавшие Австрии и России.

6 августа 1914 г. канцлер Бетман-Гольве́г сформулировал лозунг: «Освобождение угнетенных народов России, оттеснение русского деспотизма к Москве», а 11 августа органы печати получили указание направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств».

В свою очередь, главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в воззвании к полякам 1 августа 1914 г. заявил: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

Позже главнокомандующий пытался присоединить к привисленским губерниям часть захваченной русскими войсками Галиции. Забавно, что это вызвало гнев императрицы Александры Федоровны, которая с подачи Григория Ефимовича стала доказывать мужу, что великий князь Николай Николаевич хочет стать «польским царем».

В 1915 г. большая часть Царства Польского была занята войсками Германии и Австро-Венгрии. К началу 1916 г. в Берлине и Вене окончательно осознали невозможность военной победы и начали поиск политических комбинаций с целью заключения почетного мира или по крайней мере изменения военно-политической ситуации в свою пользу. В качестве одной из этих мер, причем второстепенной, было провозглашение 5 ноября 1916 г. самостоятельного Царства Польского. При этом был обойден главный вопрос, интересовавший польскую верхушку, — границы. В качестве органа управления оккупированными польскими территориям в декабре 1916 г. был создан Временный государственный совет.

В ответ российское Министерство иностранных дел 12 декабря 1916 г. вяло заявило, что Россия стремится к созданию «свободной Польши» из всех ее трех частей. Однако о границе ее тоже ничего не было сказано.

Крайне бестолково русские власти действовали и в отношении армян. В 1915 г. турки устроили геноцид армянского населения по всей Малой Азии. Это существенно осложнило ситуацию в регионе. При этом ни правительство России в лице министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ни кавказский наместник великий князь Николай Николаевич не имели четкой позиции по поводу дальнейшей судьбы захваченных у Турции территорий.

А между тем ситуация на Кавказском фронте была более чем благоприятна для русских. Русские войска существенно превосходили турок по вооружению, уровню боевой подготовки и по «духу войска», как любил говаривать дедушка Толстой. К линии фронта в 1916 г. подтянули железнодорожные ветки (до Эрзерума, Каракалиса и озера Ван). Взятый в апреле 1916 г. порт Трапезунд был оперативно восстановлен и реконструирован, и туда уже через несколько недель стали прибывать русские транспорты.

Русский флот под командованием А.В. Колчака загнал турецкие суда в Босфор. Отряд кораблей во главе с броненосцем «Ростислав», базировавшийся на Батум, а позже на Трапезунд, поддерживал огнем приморский фланг русской армии, а также высадил несколько десантов. А у турок ближайший порт Синоп находился в 380 км от линии фронта, да и то он был блокирован русским флотом. Турецкие гужевые дороги были крайне плохи.

Наконец, русские войска могли быть поддержаны сотнями тысяч армянских добровольцев. С осени 1914 г. вместе с русскими сражалась 1-я армянская дружина под командованием Андраника Сасунского (Озаняна). Андраник равно успешно действовал, командуя как партизанским отрядом, так и регулярными войсками.

Однако царские министры всеми силами препятствовали вооружению армянского народа. Особенно в этом усердствовал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, опасавшийся, что создание сильной армянской армии может помешать его дипломатическим интригам.

В июне 1916 г. было принято Положение об управлении турецкой Арменией. На этой территории создавалось военное генерал-губернаторство. Статья № 8 Положения гласила, что главная обязанность чинов военного генерал-губернаторства состоит в восстановлении и поддержке спокойствия и порядка, а также в наблюдении за правильным течением административной и гражданской жизни.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева от 29 августа 1916 г. генерал-губернатор областей Турции, занятых по праву войны, был подчинен непосредственно помощнику по военной части наместника его императорского величества на Кавказе и главному начальнику снабжений Кавказской армии, согласно Положению о полевом управлении войск.

На захваченных турецких территориях уездные и окружные начальники назначались только из военных.

Осенью 1916 г. в военном генерал-губернаторстве начались формирование судебных и административных органов государственного управления и организация российской администрации в районе Трапезунда. Район предполагалось разделит на участки, округа и области с соответствующими начальниками участков, округов и губернаторами и их управлениями. Параллельно создавались три судебные инстанции — участковый, окружной и областной суды (по аналогии с

российской судебной системой). Во всех инстанциях в число присяжных заседателей предполагалось допустить представителей местного населения[1].

Министерство земледелия приступило к разработке планов переселения в Армению русских крестьян. Еще в феврале 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин писал: «Успешное развитие наших военных операций на турецком фронте дает основание предполагать, что в ближайшем будущем окажется возможность исправления Кавказской границы и округления наших в Малой Азии и Армении. Эрзерумский и Ванский вилайеты вполне пригодны для широкого переселения... русских».

Аналогичные планы выдвигал командующий Кавказской армией генерал Юденич. В письме к Воронцову-Дашкову от 5 апреля 1915 г. он предлагал на освободившиеся после наступления русской армии земли турок и курдов селить не армян, а казаков с Кубани и Дона[2].

Что же касается армянского населения, то министр иностранных дел Сазонов утверждал, что государственным интересам России может соответствовать только соблюдение принципа «беспристрастного отношения ко всем разнородным элементам в крае», особенно потому, что на завоеванной Россией армянской территории армяне никогда не составляли большинства, а после массового уничтожения армян турками их численность не составляла и четверти всего населения[3]. Поэтому Сазонов считал, что армянам можно предоставить самостоятельность в образовании, религиозной жизни, право пользования языком, самоуправление.

Великий князь Николай Николаевич был согласен с Сазоновым, но подчеркивал, что при предоставлении всех вышеперечисленных прав необходимо обеспечить «первенство русского наречия во всех официальных случаях»[4].

Между тем армянская интеллигенция и духовенство настойчиво требовали предоставления немедленной автономии по крайней мере на захваченных в 1915—1916 гг. землях. Армянские националисты — дашнаки[5], не дожидаясь официального подтверждения русского правительства об учреждении автономии, начали создавать вооруженные отряды.

В ответ русские власти ужесточили полицейский режим в Кавказском наместничестве и временном армянском военном генерал-губернаторстве. После взятия Эрзерума был издан приказ о запреще-

---

[1] Армянский вестник. 1916 г. № 45. С. 10.

[2] Арутюнян А.О. Кавказский фронт (1914—1917 гг.). Ереван, 1971. С. 341.

[3] Раздел Азиатской Турции. М., 1924. С. 209.

[4] Там же. С. 212.

[5] Дашнаки — члены армянской националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»), созданной в 1890 г. в Тифлисе. Большинство членов партии — выходцы из буржуазии и интеллигенции. С мая 1918 г. по ноябрь 1920 г. «Дашнакцутюн» — правящая партия Армянской республики.

нии армянам селиться в Эрзеруме. На поздравительную телеграмму епископа Месропа наместник ответил, что «Россия должна крепко присоединить к себе Эрзерум»[1].

Подобная неразбериха царила в головах царских генералов и сановников и в отношении иных целей войны.

Что же касается планов внутреннего переустройства России после войны, то Николай II... не имел их вовсе. Попробуйте прочитать внимательно все его распоряжения, дневники, письма и т.п. и ничего не найдете. Впрочем, есть два исключения, но это писал не царь, а царица: 8 января 1916 г. Александра Федоровна писала царю о планах арестов и ссылок в Сибирь всех недовольных: «По окончании войны тебе надо будет произвести р а с п р а в у»[2]. Любопытно, что в данном случае речь шла не революционерах, а о сановниках и генералах.

Второй пассаж нашел в письме от 26 апреля 1916 г.: «Н.П. [кто такой, установить не удалось. — *А.Ш.*] сказал мне в разговоре о предложении (вероятно, какого-нибудь банкира, но, по-моему, оно преувосходно) сделать немного попозже внутренний заем на миллиард на постройку железных дорог, в которых мы сильно нуждаемся. Он будет покрыт почти сразу, так как банкиры и купцы, страшно разбогатевшие теперь, сразу же дадут крупные суммы — ведь они понимают выгоду.

Таким образом, найдется работа для наших з а п а с н ы х, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство, — надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать... Согласен ли ты с этим? Мы с тобой уже думали об этом, помнишь?»[3]

Итак, за победу в войне народ вместо «земли и воли» должен был получить добровольно-принудительные работы на строительстве железных дорог.

Возможно, кому-то покажется, что автор оглупляет всех подряд русских министров, сановников и генералов. Но, увы, их породила сама система самодержавия. С 1825 г. царям нужны были не думающие офицеры и чиновники, а лишь холопы, выполняющие высочайшие указания. Даже министры иностранных дел рассматривались Александром III и Николаем II как исполнители воли государя, и не более.

Тем не менее не бывает правил без исключений. В 1905—1914 гг. у нас были и толковые дипломаты, и генералы, понимавшие суть современной войны, те же генералы-артиллеристы Маниковский и Барсуков. Многие сановники предупреждали царя о том, что война с Германией приведет к катастрофе и царя, и всю империю.

---

[1] Басилая Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 110—114.

[2] Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005. С. 373.

[3] Там же. С. 471.

Так, еще в феврале 1914 г. видный государственный деятель, бывший министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново подал Николаю II обширный доклад. «Дурново писал, что чисто оборонительный франко-русский союз был полезен: "Франция союзом с Россией обеспечивалась от нападения Германии, эта последняя — испытанным миролюбием и дружбою России от стремлений к реваншу со стороны Франции, Россия необходимостью для Германии поддерживать с нею добрососедские отношения — от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканах".

Это равновесие было нарушено англо-русским сближением. Австрии было бы легко осуществить свои балканские планы во время японской войны и революции 1905 года, но тогда Россия "еще не связала своей судьбы с Англией" и Австро-Венгрия вынуждена была упустить момент. Наоборот, с англо-русского соглашения 1907 г. начались осложнения для России.

П.Н. Дурново указывал, что даже победа над Германией не дала бы России ничего ценного: "Познань? Восточная Пруссия? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управиться?.." Галиция? Это рассадник опасного "малоросского сепаратизма". А "заключение с Германией выгодного торгового договора вовсе не требует предварительного разгрома Германии". Наоборот, в случае такового разгрома "мы потеряли бы ценный рынок". К тому же Россия попала бы в "финансовую кабалу" к своим кредиторам-союзникам. Германии также война не нужна; она сама могла бы отторгнуть от России только малоценные для нее, густо населенные области: Польшу и Остзейский край. "Немецкая колонизационная война идет на убыль. Недалек тот день, когда Drang nach Osten отойдет в область исторических воспоминаний".

П.Н. Дурново далее предсказывает такой ход событий, если бы дело дошло до войны: Россия, Франция и Англия — с одной стороны, Германия, Австрия и Турция — с другой. Италия на стороне Германии не выступит, она даже может присоединиться к противогерманской коалиции, "если жребий склонится в ее пользу". Румыния также будет колебаться "пока не склонятся весы счастья". Сербия и Черногория будут против Австрии, Болгария — против Сербии. Участие других государств "явится случайностью", хотя Америка и Япония — враждебны Германии и на ее стороне, во всяком случае, не выступят.

"Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи — будем надеяться, частичные, — неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампа-

ния против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению"»[1].

Как реагировал на сей доклад император? Спрятал в стол, в самый дальний ящик.

---

[1] Ольденберг С. Царствование императора Николая II. Т. II. С. 131—132.

Глава 23

СИЛА И СЛАБОСТЬ РУССКОЙ АРМИИ

Ход боевых действий в 1914—1918 гг. и в 1939—1945 гг. подробно разобран в тысячах исследований историков и мемуарах военачальников, многие из которых легко доступны широкому читателю. Поэтому я не буду подробно описывать военные кампании, а лишь попытаюсь ответить на вопрос, почему произошли те или иные события.

Как рыба гниет с головы, так и все великие империи начинали разлагаться со столицы. Вспомним Рим IV века, Константинополь начала XV века. Нечто подобное происходило и в Петербурге в 1912—1914 гг. Понятно, что лучше современника об этом никто не скажет: «В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки. Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, не виданной еще роскоши столицы неподалеку от Петербурга, на необитаемом острове.

В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кровавым и возбуждающим процессам. Все было доступно — роскошь и женщины. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражен дворец»[1].

Это писал граф Алексей Николаевич Толстой. А теперь обратимся к воспоминаниям великого князя Александра Михайловича: «Все в Петербурге было прекрасно. Все говорило о столице российских императоров.

Золотой шпиль Адмиралтейства был виден издали на многие версты. Величественные окна великокняжеских дворцов горели пурпуром в огне заката. Удары конских копыт будили на широких улицах чуткое эхо. На набережной желтые и синие кирасиры на прогулке после завтрака обменивались взглядами со стройными женщинами под вуалями. Роскошные выезды с лакеями в декоративных ливреях стояли перед ювелирными магазинами, в витринах которых красовались

[1] Толстой А.Н. Хождение по мукам. М.: Известия, 1983. Т. I. С. 7.

розовые жемчуга и изумруды. Далеко за блестящей рекой с перекинутыми через воду мостами громоздились кирпичные трубы больших фабрик и заводов. А по вечерам девы-лебеди кружились на сцене Императорского балета под аккомпанемент лучшего оркестра в мире.

Первое десятилетие XX века, наполненное террором и убийствами, развинтило нервы русского общества. Все слои населения империи приветствовали наступление новой эры, которая носила на себе отпечаток нормального времени. Вожди революции, разбитые в 1905—1907 годах, укрылись под благословенную сень парижских кафе и мансард, где и пребывали в течение следующих десяти лет, наблюдая развитие событий в далекой России и философски повторяя поговорку: "Чтобы дальше прыгнуть, надо отступить".

А тем временем и друзья, и враги революции ушли с головой в деловые комбинации. Вчерашняя земледельческая Россия, привыкшая занимать деньги под залог своих имений в Дворянском банке, в приятном удивлении приветствовала появление могущественных частных банков. Выдающиеся дельцы Петербургской биржи учли все выгоды этих общественных настроений, и приказ покупать был отдан.

Тогда же был создан знаменитый русский "табачный трест" — одно из самых больших промышленных предприятий того времени. Железо, уголь, хлопок, медь, сталь были захвачены группой петербургских банкиров. Бывшие владельцы промышленных предприятий перебрались в столицу, чтобы пользоваться вновь приобретенными благами жизни и свободой. Хозяина предприятия, который знал каждого рабочего по имени, заменил дельный специалист, присланный из Петербурга. Патриархальная Русь, устоявшая перед атаками революционеров 1905 года, благодаря лояльности мелких предпринимателей отступила перед системой, заимствованной за границей и не подходившей к русскому укладу.

Это быстрое изменение форм собственности в стране, далеко опередившее ее промышленное развитие, положило на бирже начало спекулятивной горячке. Во время переписи населения Петербурга, устроенной весной 1913 года, около 40 тысяч жителей обоего пола были зарегистрированы в качестве биржевых маклеров.

Адвокаты, врачи, учителя, журналисты и инженеры были недовольны своими скучными профессиями. Казалось позором трудиться, чтобы зарабатывать копейки, когда открывалась полная возможность делать десятки тысяч рублей на марже купли-продажи двухсот акций "Никополь-Мариупольского металлургического общества".

Выдающиеся представители петербургского общества включали в число приглашенных видных биржевиков. Офицеры гвардии, не могшие отличить до сих пор акций от облигаций, стали с увлечением обсуждать неминуемое поднятие цен на сталь. Светские денди приводили в полное недоумение книгопродавцов, покупая у них книги, посвященные сокровенным тайнам экономической науки и толкованию смысла ежегодных балансов акционерных обществ. Светские львицы

начали с особым удовольствием представлять гостям на своих журфиксах "прославленных финансовых гениев из Одессы, заработавших столько-то миллионов на табаке". Отцы церкви подписывались на специальные финансовые издания, и обитые бархатом кареты архиепископов виднелись вблизи бирж.

Провинция присоединилась к спекулятивной горячке столицы, и к осени 1913 года Россия из страны праздных помещиков и недоедавших мужиков превратилась в страну, готовую к прыжку, минуя все экономические законы, в царство отечественного Уолл-стрита!

Будущее империи зависело от калибра новых загадочных пришельцев, которые занялись судьбой ее финансов. Каждый здравомыслящий финансист должен был сознавать, что, пока русский крестьянин будет коснеть в невежестве, а рабочий ютиться в лачугах, трудно ожидать солидных результатов в области развития русской экономической жизни. Но близорукие дельцы 1913 года были мало обеспокоены отдаленным будущим. Они были уверены, что сумеют реализовать за наличные все ими приобретенное до того, как грянет гром...»[1]

Замечу, что великий князь никогда не читал Алексея Толстого, а граф даже не знал о «Воспоминаниях» Александра Михайловича. Тем не менее они представили нам одну и ту же картину всеобщего разложения и затишья перед бурей.

Как сейчас стало модным утверждение: армия — это слепок общества. Надо ли говорить, что большая коррупция проникла и в русскую армию?

Коррупция резко снизила боеспособность русской армии и флота. Как уже говорилось, фирма Круппа в 1865—1878 гг. создала современную артиллерию, которая вместе с германской длительное время занимала первое место в мире.

Но с началом царствования Николая II начинается поворот к франкоязычной фирме Шнейдера. Пытаясь вернуть себе русский рынок, Крупп, Эрхардт и другие германские фирмы чуть ли не ежегодно предлагали свои новейшие орудия России. Доходило до того, что германские фирмы за свой счет отправляли свои орудия на испытания на Главный артиллерийский полигон на Ржевке, под Санкт-Петербургом. Но под натиском сверху ГАУ начало свертывать контакты с Круппом и отдавать предпочтение французским фирмам Шнейдера и Кане (позже фирма Кане вошла в состав фирмы Шнейдера). Получилась анекдотичная ситуация: пушки Круппа выиграли войну с Францией в 1870 году, а Россия решила отказаться от орудий Круппа в пользу проигравшей стороны.

В царствование Николая II русской артиллерией руководили генерал-фельдцейхмейстер, великий князь Михаил Николаевич и его сын, великий князь Сергей Михайлович. Оба ежегодно посещали

---

[1] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999. С. 235—238.

Францию, а Михаил вообще с 1903-го по 1909 год покидал Лазурный берег только для поездок в Париж. Таким образом, руководство нашей артиллерией велось с Лазурного берега.

Сергей Михайлович вступил в связь с бывшей любовницей Николая II, балериной Матильдой Кшесинской. За несколько лет нищая балерина стала одной из богатейших женщин России. Уже в 1895 г. Кшесинская покупает загородный двухэтажный дворец в Стрельне. Балерина капитально отремонтировала дворец и даже построила собственную электростанцию. «Многие мне завидовали, так как даже в императорском дворце не было электричества», — с гордостью отмечала Кшесинская. Весной 1906 г. Кшесинская покупает участок земли на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы и заказывает проект дворца архитектору Александру фон Гогену. К началу 1907 г. двухэтажный дворец закончен. Его длина — 50, а ширина — 33 метра.

В 1912 г. Кшесинская за 180 тысяч франков покупает виллу «Ялам» на Лазурном берегу, на юге Франции.

Откуда такие огромные средства у балерины? Одни ее драгоценности превышали жалованье в театре за... 200 лет! Подарки Николая, Сергея и Владимира Романовых? Увы, Романовы времен Александра III и Николая II были ужасно скупы, и стоимость их подарков не составляла и 5 % стоимости имущества матери-одиночки.

На самом деле Матильда жила за счет Военного ведомства, в основном, за счет артиллерийских поставок.

Великий князь Сергей Михайлович и Кшесинская совместно с руководством фирмы Шнейдера и правлением Путиловского завода организовали преступный синдикат. Замечу, что Путиловский завод, где преобладал французский капитал, был единственным в России частным артиллерийским заводом. Формально в России продолжали проводиться конкурсные испытания опытных образцов артиллерийских систем, на которые по-прежнему приглашались фирмы Круппа, Эрхардта, Виккерса, Шкоды и другие, а также русские казенный заводы Обуховский и Санкт-Петербургский орудийный. Но в подавляющем большинстве случаев победителем конкурса оказывалась фирма Шнейдера. Автор лично изучал в архивах Военного исторического музея отчеты о конкурсных испытаниях орудий. В угоду великому князю Сергею Михайловичу комиссия часто шла на подлог. К примеру, вес орудий Шнейдера подсчитывался без башмачных поясов и ряда других необходимых элементов, а орудий Круппа — в полном комплекте. В отчете писалось, что орудие Шнейдера легче и подлежит принятию на вооружение, но фактически в боевом и походном положении оно было тяжелее своего крупповского аналога.

Но это еще полбеды. Крупп, как мы уже знаем, очень быстро выполнял все русские заказы и активно налаживал производство на русских казенных заводах. Фирма же Шнейдера просрочивала заказы годами. Фирма Шнейдера фактически вмешивалась во внутренние дела

России, оговаривая в контрактах, что производство орудий Шнейдера у нас на столько-то лет разрешается лишь Путиловскому заводу. А великий князь Сергей спокойно подмахивал все требования французов. Что же касается самодержца всероссийского, то, занятый мундирами, пуговицами, значками и ленточками, к гаубицам он особого интереса не проявлял.

В итоге Путиловский завод с 1905-го по 1914 год набрал огромное количество заказов и с успехом их завалил, получив громадные суммы денег. С началом Первой мировой войны управление заводом волей-неволей пришлось взять государству. Зато огромному Пермскому орудийному заводу с 1905-го по 1913 год не было заказано ни одной пушки. Завод эпизодически выпускал то партию снарядов, то сотню болванок для артиллерийских стволов для других заводов и др. От голодной смерти рабочих Пермского завода спасали их подворья, благо, почти все рабочие жили в окрестных деревнях.

Но и на этом не кончились бедствия русской артиллерии. Французское правительство через фирму Шнейдера, Сергея, Матильду и ряд других агентов влияния в Санкт-Петербурге навязало российской артиллерии свою доктрину. По французской доктрине, будущая война должна быть маневренной и скоротечной. Для победы в такой войне достаточно иметь в артиллерии один калибр, один тип пушки и один тип снаряда. Конкретно это означало, что армия должна была иметь 76-мм дивизионные пушки, которые могли стрелять только одним снарядом — шрапнелью. Действительно, к концу XIX века во Франции и других странах были созданы эффективные образцы шрапнелей.

Забегая вперед, скажу, что русская 76-мм шрапнель была начинена 260 пулями. В качестве взрывателя использовалась 22-секундная дистанционная трубка двойного действия, то есть снаряд взрывался или при ударе, или через заданное время, максимум — через 22 секунды. 22 секундам полета шрапнели соответствовала дальность 5100 м. В 1912 г. была принята на вооружение 34-секундная трубка, позволяющая довести дальность до 8 км. Но и в последующие годы большинство шрапнелей по-прежнему снабжались 22-секундными трубками, которые были на вооружении и в годы Великой Отечественной войны. Глубина разлета пуль шрапнели при стрельбе на дистанции 2 км достигала 500 м, а ширина — до 65 м.

Шрапнельным огнем одна 8-орудийная русская батарея могла в считаные минуты полностью уничтожить пехотный батальон или даже полк кавалерии. Именно за это в 1914 г. немцы прозвали трехдюймовку «косою смерти». Но насколько эффективной шрапнель была по открытым живым целям, настолько же слабой она была при поражении целей, сколько-нибудь укрытых. Это сразу же выяснилось в ходе Русско-японской войны. Уже в ходе Русско-японской войны ГАУ было вынуждено заказать 3-дюймовые фугасные гранаты за рубежом и начать разработку отечественной мелинитовой гранаты, которая была принята на вооружение в 1907 г.

Французская доктрина одного калибра, одной пушки и одного снаряда была бы очень хороша в эпоху наполеоновских войн при стрельбе по сомкнутым колоннам пехоты и кавалерийским лавам. Стоить отметить, что сами французы, интенсивно развивая дивизионную артиллерию, не следовали теории трех единств. Они не забывали и о тяжелой артиллерии, огромные средства шли на перестройку крепостей.

Аферы фирмы Шнейдера в России не остались без внимания правления британского концерна Виккерса. В начале 1912 г. ряд дельцов (генерал-лейтенант В.М. Иванов, действительный статский советник П.И. Балинский) вошли в контакт с правлением британского концерна «Виккерс». Затем они предложили царскому правительству построить огромный частный пушечный завод с участием фирмы «Виккерс». Между тем казенные Орудийный завод в Петербурге и Мотовилихинский (Пермский) завод крайне нуждались в капитальных вложениях и заказах, а Обуховский завод полностью выполнял заказы Морского ведомства. Никакой особой нужды в строительстве нового пушечного завода попросту не было. Тем не менее дельцам удалось уговорить руководство Морского ведомства, ну а Николай II, не мудрствуя лукаво, подмахнул соответствующее высочайшее повеление.

Огромный завод решили построить в Царицыне. Согласно контракту, завод должен был к 1 сентября 1915 г. уже вести производство морских орудий калибра от 130 до 406 мм.

И вот в конце августа 1915 г. в Царицын приехала комиссия. Их взгляду предстали несколько недостроенных цехов, два-три десятка станков и т.д. В докладе комиссии говорились, что на сооружение орудийного завода израсходовано свыше 20 миллионов золотых рублей, «но не может быть и речи об использовании его для нужд фронта». Куда там до Иванова и К° какому-нибудь Корейко с его химической артелью и маленькой электростанцией в виноградной республике?

При советской власти Царицынский завод, переименованный в «Баррикады», пришлось строить почти с нулевого уровня, и лишь в начале 30-х годов он сдал первую 122-мм пушку, а к 1939 г. завод «Баррикады» приступил к изготовлению 406-мм пушек для линкора «Советский Союз».

В десятках справочников и монографий говорится о слабости русской тяжелой артиллерии по сравнению с германской. На самом деле к 1914 г. в России тяжелой артиллерии не было вообще.

Нет, я не шучу. В России тяжелая артиллерия с петровских времен делилась на крепостную и осадную. И вот за все царствование Николая I ни крепостная, ни осадная артиллерия не получила ни одного орудия нового типа (с откатом по оси ствола). К 1914 г. все тяжелые крепостные орудия были образцов 1877 г., 1867 г. и даже 1838 г. (гладкоствольные мортиры).

После Русско-японской войны наша осадная артиллерия представлялась столь устаревшей, что в 1911 г. царь велел ее вообще упразд-

нить, а материальную часть сдать в крепости. Зато великий князь Сергей Михайлович пообещал возродить тяжелую артиллерию к... 1921 г., а крепостную артиллерию перевооружить с систем образца 1877 г. и 1867 г. на современную к 1930 г.

То же, что наши историки называют тяжелой русской артиллерией, были 122-мм и 152-мм полевые гаубицы и 107-мм полевые пушки, то есть корпусная артиллерия.

Между тем появление в начале XX века фугасных снарядов, начиненных мелинитом и тротилом, вызвало резкое увеличение калибра осадных гаубиц и мортир. При стрельбе снарядом, начиненным порохом, оптимальным калибром нарезных орудий было 152—203 мм. Дальнейшее же увеличение калибра лишь незначительно увеличивало фугасное действие снаряда. Теперь же ситуация резко изменилась: тротил имел во много раз большее фугасное действие, чем порох.

В Австро-Венгрии в 1898 г. принимаются на вооружение 240-мм мортиры M.98, 240-мм пушка M.16, 305-мм мортиры M.11 и M.16, 380-мм гаубицы M.16 и, наконец, 420-мм гаубица L/15.

В Германии в 1912 г. принимаются на вооружение 305-мм гаубицы L/17, в 1909 г. — 420-мм гаубица L/16, в 1912 г. — 420-мм мортира I.R и т.д.

Тяжелая артиллерия создается и в других странах.

Мало того, к 1914 г. в Германии была создана и запущена в серийное производство целая система минометов. Германские минометы подобно классическим орудиям были снабжены противооткатными системами. Боевой вес 17-см миномета составлял 525 кг, а 25-см — 660 кг. В походном положении минометы весили 819 кг и 955 кг, соответственно, и легко перевозились парой лошадей. 17-см миномет стрелял 54-кг снарядом на дальность 768 м, а 25-см миномет — 97-кг снарядом на 563 м.

Но в русской армии к 1 августа 1914 г. не было ни одного миномета.

Забавно, что за неимением лучшего Военное министерство в апреле 1915 г. заказало пятьдесят 6-фунтовых медных мортирок Кегорна на деревянных станках и по 500 штук чугунных сферических гранат к ним. Заказ был выполнен Петроградским заводом Шкилина. (Барон Кегорн спроектировал свою мортиру в 1674 году!)

Забегая вперед, скажу, что в 1915—1916 гг. германские самолеты разбрасывали над расположением русских войск листовки с карикатурами, где деловитый кайзер мерил сантиметром калибр огромного, 800-килограммового фугасного снаряда, а Николай II в той же позе мерил член Григория Распутина. Спору нет, тевтонский юмор грубоват, но, увы, все было правдой — к августу 1914 г. наша тяжелая сухопутная артиллерия не имела снарядов весом более 41 кг, то есть наши снаряды были в 20 раз меньше, чем германские.

Таблица 1

Состояние артиллерии к августу 1914 г.

Тип орудий	Россия	Германия	Австро-Венгрия
Легкие полевые и горные пушки	6336	7092	2160
Корпусная артиллерия	752	1300	1072
Тяжелая артиллерия	Нет	996	338
Итого:	7088	9388	3570

Таблица составлена по данным Барсукова Е.З. Артиллерия русской армии. М.: Воениздат, 1948. Т. 1. С. 168—169. Крепостные орудия и минометы в нее не включены.

Самое любопытное, что к августу 1914 г. наша полевая артиллерия впервые за всю историю России была укомплектована по штату. И даже боекомплект полевой артиллерии превышал штатный — в наличии было 7 004 336 выстрелов против положенных 6 983 500.

Откуда же возникла проблема снарядного голода?

Ну, начну с того, что полевые командиры для поднятия собственного боевого духа любили устраивать фейерверки, именовавшиеся «барабанным», «ураганным» и прочим видом огня, которые в 1915 г. приказом начальника ГАУ генерала Маниковского были названы «преступной тратой снарядов» и запрещены. Те же командиры постоянно скрывали от высшего командования «загашники» в виде сотен артиллерийских выстрелов.

Кстати, вопли о «снарядном голоде» русская буржуазная пресса поднимала не зря. Если все без исключения пушки, пулеметы и винтовки изготавливались казенными заводами[1], то значительную часть заказов на изготовление снарядов с большим удовольствием принимали частные фирмы.

Обратимся к монографии начальника ГАУ в 1914—1917 гг. генерал-лейтенанта А.А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (Москва: Воениздат, 1937). На странице 144 приведены цены на боеприпасы в 1916 г.: 76-мм шрапнель стоила на казенном заводе 9 руб. 83 коп., а на частном — 15 руб. 32 коп., то есть переплата составляла 64 процента. 76-мм граната (в данном случае осколочно-фугасный снаряд) стоила 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп., соответственно; 122-мм граната — 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп.; 152-мм граната — 42 руб. и 70 руб. и т.д.

Говоря о «снарядном голоде», надо понимать, о снарядах каких калибров идет речь. Как уже говорилось, основным орудием нашей ар-

---

[1] Путиловский завод, как не справившийся с выполнением военных заказов, с началом войны был национализирован.

мии была 76-мм полевая пушка обр. 1902 г. Кстати, ее штатные снаряды (но не гильзы) подходили ко всем другим 76-мм русским пушкам — горным обр. 1909 г., коротким обр. 1913 г. и т.д. Так вот, 76-мм снарядов из-за паники, созданной «запасливыми» командирами и ушлыми коммерсантами, с 1914 г. по 1918 г. изготовили и закупили за границей не менее 50 миллионов! Их не могли расстрелять не только в Мировую и Гражданскую войны, но и во время конфликтов с Японией, в финскую, испанскую и Великую Отечественную войны[1]. Да и после 1945 г. 76-мм снарядов дореволюционных образцов на складах осталось немерено. Их расстреливали на учениях и полигонах даже в начале 1950-х годов.

Поскольку отечественных тяжелых орудий в России к 1914 г. не было, царские «военные агенты» стали рыскать по всему миру, закупая тяжелые орудия. Англичане и американцы имели хоть какую-то совесть и продали России 127-мм, 152-мм, 203-мм, 234-мм и 305-мм относительно современные пушки, гаубицы и мортиры. Зато французы и японцы продавали нам страшную рухлядь, изготовленную 30, а то и 40 лет назад. Кроме того, у нас на фронте использовались отечественные устарелые крепостные и морские орудия.

Боеприпасы всех этих отечественных и иностранных систем были не взаимозаменяемы. Понятно, что снабжать ими армию было архитрудно. Таким образом, термин «снарядный голод» был в значительной степени справедлив по отношению к тяжелым орудиям.

Об аферах наших промышленников можно написать несколько пухлых томов. Вот характерный пример. Как уже говорилось, наша армия к началу войны не имела орудий ближнего боя. Из патриотических побуждений наши предприниматели начали производство всевозможных халтурных минометов и бомбометов, представлявших опасность исключительно для собственной прислуги. Все это охотно покупалось тыловыми чинами Военного министерства, а на фронте их отказывались даже принимать. По данным того же Маниковского, к июлю 1916 г. на тыловых складах скопилось 2866 минометов, от которых отказались войска.

До начала мобилизации в августе 1914 г. русская армия насчитывала 1360 тысяч человек, французская — 766 тысяч, английская — 258 тысяч, германская — 801 тысячу, австрийская — 436 тысяч. К началу 1915 г. русская армия возросла до 6,6 млн человек, французская — до 3,78 млн, английская — до 1,5 млн, германская — до 4,2 млн и австрийская — до 4,2 млн солдат.

А теперь перейду к крайне болезненной для нашего общества теме — позиции крестьянства в войне. Дворянство веками жило за счет крестьян. Но не будем забывать, что до 1861 г. дворяне были защитниками своих крестьян и отечества в целом. Даже в мирное время,

---

[1] С конца 1920-х годов в СССР для старых и новых 76-мм пушек изготавливались только снаряды нового типа (образца 1928 г.).

если крестьян обижали чужой помещик, разбойники или инородцы, то помещик защищал их в суде, ходатайствовал за них перед губернатором и даже царем. А то собирал своих дворовых, вооружал их и лично расправлялся с обидчиками. В случае неурожая барин был обязан кормить своих крепостных.

А затем барин из защитника превратился в паразита на теле общества. Причем этим обществом были и сельская община, и страна в целом.

В самом деле, кем могли считать крестьяне богатую барыню, много лет безвыездно пребывавшую то в Париже, то на Лазурном берегу? А здесь лес, озера с рыбой, а главное, поля принадлежат ей и вся деревня должна за гроши горбатиться на нее. Сейчас либералы внушают нам, что русскому человеку безразлично, ради чего трудиться в поте лица. Ради страны, чтобы построить танки, самолеты, плотины гидроэлектростанций или ради нарядов, любовников и виллы в Ницце для какой-то шлюхи!

Спору нет, встречались и «культурные» помещики, изучавшие сельскохозяйственные науки и устраивавшие образцовые хозяйства с иностранной техникой, удобрениями, элитным племенным скотом и т.д. Но, увы, их было совсем немного.

Образованное общество возмущалось барами-паразитами. Появились теории, что-де интеллигенция в неоплатном долгу перед мужиком и т.д.

Мужик слушал, слушал и... мотал на ус. За восемь месяцев 1914 г. случаев хулиганства и грабежей среди крестьян было в несколько раз больше, чем, скажем, в 1900 г.

В 1914—1915 гг. буржуазная пресса пустила в оборот миф «о босоногом воине». Якобы наши генералы отправляют на фронт новобранцев без сапог, и страдальцы босые идут в атаку. На самом же деле всем мобилизованным на сборном пункте немедленно выдавались сапоги. Но далее был долгий путь к фронту по железной дороге. А там новенькие сапоги выменивались на водку и сало. В результате на фронт прибывали «босоногие воины», зато пол-России щеголяли в сапогах военного образца.

Решить эту проблему можно было элементарно, по законам военного времени. Отдать приказ патрулям расстреливать на месте всех скупщиков и владельцев краденых сапог. И всё. Далее на фронт бы добирались не опохмеленные, но обутые воины. Но чтобы делать так, в стране должен быть популярный режим. Подобное могло позволить себе, например, французское правительство, которое накануне объявления войны приказало вывезти из Парижа и расстрелять без суда всех известных полиции уголовников и проституток. Это Ленин в 1918 г. мог дать телеграмму в Нижний Новгород: «В городе тысячи проституток спаивают солдат и матросов. Немедленно вывезти и расстрелять».

А вот непопулярный Николай II не мог позволить себе подобное в России. Ах, воскликнет душка-монархист. Романовы были слишком

добры! Опять большая ложь. Командующий русской армией, великий князь Николай Николаевич проводил массовые расстрелы мирных жителей, особенно евреев, по обвинению в шпионаже. В подавляющем большинстве гибли невинные люди. Но это была прифронтовая полоса, да еще не совсем Россия — Польша, Малороссия, Литва. А вот применять в Центральной России суровые меры, как в 1905—1907 гг., Николай II боялся, хотя и очень хотел.

По той же причине царское правительство не смогло решить в годы войны и продовольственную проблему. До 1914 г. Россия была вторым после США экспортером зерна, а Германия — главным в мире импортером продовольствия. Но германский Михель до ноября 1918 г. исправно кормил армию и страну, зачастую отдавая до 90 % произведенной сельскохозяйственной продукции. А русский мужик не захотел. Еще в 1915 г. из-за инфляции рубля и сужения потока товаров из города начали прятать зерно «до лучших времен». Действительно, какой смысл отдавать зерно по строго фиксированным ценам за «деревянные»[1] рубли, на которые практически нечего было купить? Между тем, если зерно умело хранить, то оно может лежать несколько лет. Наконец, его можно пустить на самогон или на корм скоту и птице. А с другой стороны, без хлеба не могут существовать ни армия, ни промышленность, ни население крупных городов.

В итоге перебои с продовольствием и огромные «хвосты» в лавках Петрограда стали одной из важнейших причин Февральской революции.

Несколько слов стоит сказать и о человеческом факторе. Русский офицерский состав был в целом инертен и мало инициативен. Еще хуже дело обстояло с унтер-офицерами, большинство которых составляли выслужившиеся солдаты.

В 1914 г. в русской армии уже были автомобили и аэропланы, но на тысячу солдат неграмотные составляли более половины. А в Германии на тысячу солдат был 1 (один!) неграмотный! Для Франции эта цифра составляла 68, а для Австро-Венгрии — 220 солдат.

К началу века в России служба в армии, даже на офицерских должностях, была куда менее популярна, чем во Франции и Германии. Там, кстати, мужчины, отслужившие в армии, имели множество льгот. К примеру, во Франции человек, не служивший в армии, не имел права занимать государственные административные должности.

Одной из причин прохладного отношения к армии русского образованного общества были самодержавие и личность Николая II. С началом Русско-японской войны профессор Петербургских высших женских курсов предложил отслужить молебны о даровании победы. Курсистки же немедленно созвали сходку, на которой единогласно отказались от участия в молебне. Мало того, несколько курсисток послали поздравительную телеграмму... микадо.

---

[1] В годы Первой мировой войны рубль потерял свое золотое содержание.

Поздравительный адрес японскому императору направила и группа петербургских студентов-путейцев. В конце концов Министерство внутренних дел России категорически запретило служащим телеграфа принимать приветственные телеграммы в адрес японского правительства, а имена «подписантов» велело сообщать в местные жандармские управления.

В одной из витебских гимназий, когда учитель рассказал о нападении японцев, гимназисты встали с мест и закричали: «Да здравствует Япония!»

Правда, в августе 1914 г. таких явлений было немного. Так, 1 августа 1914 г. на улицы Киева вышли несколько сотен «украинствующих» с транспарантами: «Да здравствует Австрия!» Дело в том, что патриотическая пресса потрудилась на славу, создав даже в глазах либералов образ жестокого и коварного тевтона и бедных, беззащитных братушек — славян. Но уже через несколько месяцев войны о «братушках» все забыли. Тема Проливов была чужда 90 % населения России, да и царь и его министры из политических соображений не могли сделать захват Константинополя главной целью войны. В итоге русский народ попросту не знал, за что, собственно, он воюет. Старый догмат — «За веру, царя и отечество» — уже давно не работал. Вильгельм II не покушался на православную веру, с царем он был в родственных отношениях и до 1914 г. выпил с Ники не одну бочку водки и портвейна. Наконец, кайзер не покушался на «отечество», а какие-то земли ляхов — не в счет.

Глава 24

ПОЧЕМУ КРЕПОСТИ НЕ СПАСЛИ РОССИЮ?

Русские войска в начале XX века готовились к войне с... Наполеоном. На учениях скакали огромные лавы кавалерии, по 10—30 тысяч всадников, плотными колоннами маршировала пехота. Можно только удивляться умственным способностям генералов, прекрасно знавших зону поражения шрапнелью батареи полевой артиллерии, скорострельность пулеметов Максима и магазинных винтовок. Ведь элементарный расчет показывал, что все эти колонны будут попросту выкошены огнем противника.

Германские генералы тоже не были провидцами, и у них тоже хватало иллюзий относительно полевой войны. Но в германской полевой артиллерии было в несколько раз больше гаубиц, то есть орудий навесного огня, я уж не говорю о многих сотнях легких, средних и тяжелых минометов.

Полевая маневренная война в 1914 г. длилась несколько недель, а затем переросла в позиционную. Теперь решающую роль играли не полевые пушки, а гаубицы, мортиры, минометы и легкие траншейные (батальонные) пушки.

Французские стратеги с начала 80-х годов XIX века внушали нашим генералам, что все войны в Европе можно выиграть в течение нескольких недель, используя полевые войска и полевую артиллерию. А сами в обстановке глубокой секретности как от немцев, так и от русских создали мощную тяжелую артиллерию и построили несколько десятков первоклассных крепостей. Именно крепости и спасли Францию в 1914—1915 гг., разумеется вместе с сотнями тысяч русских солдат, павших на Восточном фронте за неведомые им Эльзас и Лотарингию.

Конечно, все было не так просто. Ряд пограничных французских и бельгийских крепостей пали в течение нескольких дней, не выдержав огня огромных германских мортир калибром до 42 см. Ошибочной была доктрина, по которой осажденная со всех сторон крепость могла держаться длительное время. Однако и павшие крепости сыграли свою роль, хотю ненадолго задержав немцев.

Вскоре французы изменили свою тактику. 5 декабря 1914 г. формально все их крепости были упразднены и заменены тремя укреплен-

ными районами — Бельфорским, Верденским и Дюнкерским. А крепости Бельфор, Нанси, Верден, Реймс, Суассон и другие стали узлами обороны укрепрайонов. Таким образом, почти весь Западный фронт стал сплошным французским укрепрайоном. Благодаря крепостям от швейцарской границы до Нанси немцам в течение всей войны удалось продвинуться лишь на несколько километров от своей границы. А в центре и на севере немцы нигде не углубились более чем на 150 километров в глубь французской территории.

А могло ли быть такое на Восточном фронте? Да. И для этого Николай I, Александр II и Александр III вложили миллиарды рублей в строительство трех линий крепостей на западных рубежах России.

В 1831 г. Николай I приказал построить три линии крепостей для защиты западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье.

25 февраля 1834 г. император Николай I приказал переименовать крепость Модлин в крепость Святого Георгия в память о сражении под Остроленко, а 14 марта того же года крепость была переименована в Новогеоргиевск.

В Брест-Литовске строительство мощной крепости началось 6 июля 1822 г., а 26 апреля 1842 г. крепость вступила в число действующих. Любопытно, что с 1905 г. в крепости Брест-Литовск размещался воздухоплавательный батальон. На его вооружении находился дирижабль французского производства «Клемен-Баярд» («Clement Bayard»), а с 1913 г. — дирижабль «Кондор»[1]. Кроме них, в батальоне было несколько аэростатов и аэропланов.

Кстати, в 1912 г. были даже отпущены деньги для строительства в западных крепостях подземных укрытий для аэропланов. Увы, их к августу 1914 г. так и не построили. А куда ушли деньги, можно только гадать.

Ко второй линии крепостей можно отнести крепость II класса Осовец, построенную в 1882—1887 гг. на границе между Гродненской и Ломжинской губерниями на реке Бобр, у пересечения ее с Брест-Гривской железной дорогой.

Одновременно с крепостью Осовец началось строительство крепости Ковно, расположенной на правом берегу реки Неман при впадении в нее реки Вилия.

Третья линия крепостей состояла из Динамюнде (с 1891 г. Усть-Двинск, в советское время вошла в черту города Риги), Динабурга (с 1891 г. — Двинск, с 1919 г. — Даугавпилс), Бобруйска и Киева.

К 20 декабря 1893 г. в крепостях первой и второй линий (Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ивангород, Варшава, Ковно, Осовец, Зегрж)

---

[1] Мягкий дирижабль «Кондор». Объем 9600 куб. м, два мотора по 132 кВт обеспечивали скорость 55 км/ч. Потолок — 3000 м. Максимальная продолжительность полета — 20 часов.

состояло пушек обр. 1867 г. и 1877 г.: 203-мм — 203, 152-мм — 1642, 122-мм — 477, 107-мм — 1027; мортир обр. 1867 г. и 1877 г.: 203-мм — 145, 152-мм — 371. А всего с орудиями малых калибров и гладкоствольными мортирами — 5068 штук.

Как видим, западные крепости России к 1894 г. обладали достаточно мощным артиллерийским вооружением. Хотя наши крепости строились и вооружались в обстановке строжайшей секретности, западные специалисты довольно высоко оценивали состояние инженерной обороны русской границы. Основываясь на данных немецких офицеров Генштаба, Фридрих Энгельс писал: «Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Новогеоргиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая по сочетанию своих стратегических возможностей является единственной в мире»[1].

По мнению автора, тут классику можно верить: во-первых, он хорошо разбирался в военном деле, а во-вторых, люто ненавидел царскую Россию, и обвинить его в приукрашивании трудно.

До появления нарезных орудий наибольший калибр пушек в русской осадной и крепостной артиллерии был 24 фунта[2], единорогов — 1 пуд, а мортир — 5 пудов. Такие ограничения были связаны совсем не с технологическими трудностями создания больших орудий. Их успешно преодолевали наши мастера. Вспомним хотя бы орудия Андрея Чохова. Во времена Петра I в русской осадной и крепостной артиллерии состояли 9-пудовые мортиры, а во времена Елизаветы Петровны было изготовлено несколько образцов 2-пудовых и 3-пудовых единорогов. Однако ко времени вступления на престол Екатерины II были определены предельные калибры, соответственно, для пушек — 24 фунта, единорогов — 1 пуд и мортир — 5 пудов. Выбирались они по критерию «эффективность — стоимость». Причем главным показателем эффективности было слабое фугасное действие бомб с черным порохом. С возрастанием калибра резко возрастали вес системы, а также время заряжания, сложность наводки и наката до места орудия и т.д. А фугасное действие снарядов с увеличением калибра возрастало незначительно.

То же самое происходило в первые 25—30 лет после введения нарезных орудий. Калибр крепостных пушек и мортир был ограничен 8 дюймами (203 мм).

Но вот во второй половине XIX века почти одновременно в ряде стран изобретаются мощные взрывчатые вещества, действие которых в несколько раз превышало действие черного пороха, используемого до этого в снарядах.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1955—1973. Т. 10. С. 335.

[2] Было и несколько исключений, как, например, введение на вооружение западных крепостей 3-пудовых береговых бомбовых пушек на береговых станках.

Если введение нарезных пушек и магазинных винтовок произвело революцию в тактике полевых войск, то применение мощных взрывчатых веществ (ВВ) в осадной артиллерии произвело еще большую революцию в фортификационном искусстве.

Первые стрельбы 6-дюймовыми и 11-дюймовыми снарядами, начиненными пироксилином, были проведены Морским и Военным ведомствами России в 1886—1888 гг. Результатом этих опытов стало решение ГАУ о принятии на вооружение 8-дюймовых и 9-дюймовых пироксилиновых снарядов.

Однако пироксилиновые снаряды были весьма капризны (сложны в хранении и т.д.), а также взрывоопасны. Поэтому в 1908 г. было отменено снаряжение пироксилином бронебойных снарядов, а в 1909 г. Особая комиссия из чинов КПВВ Охтинского завода взрывчатых веществ[1] признала его окончательно устаревшим и высказалась за полное переснаряжение пироксилиновых бомб тротилом. Замечу, что первые партии тротила Россия в августе 1906 г. закупила в Германии, у фирмы «Карбонат». Закупки продолжались и в 1907—1908 гг. Лишь в феврале 1909 г. Охтинский завод начал валовое производство тротила.

Артиллерийский комитет ГАУ санкционировал переснаряжение. Однако генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович отказался это делать, утверждая, что якобы только на изготовление тротила уйдет 2,5 млн руб. Замечу, что это сравнительно небольшая сумма для Военного ведомства. Драгоценности Матильды Кшесинской, купленные у нее в 1917 г. Кредитным банком по крайне низкой цене (в связи с революцией), стоили 2 млн рублей, дворец, построенный ею в 1907—1908 гг., стоил гораздо дороже.

В общем, денег на новые снаряды не нашлось, и в 1910 г. великий князь Сергей Михайлович решил, что «снаряды к устаревшим артиллерийским системам останутся в боекомплектах вплоть до снятия с вооружения самих орудий».

Великий князь Сергей и руководство Военного ведомства, не желая переснаряжать снаряды с пироксилина тротилом, потихоньку приказали возобновить производство... пироксилина, чтобы заменить в снарядах старый пироксилин на новый.

На всякий случай великий князь Сергей запретил использовать на учениях снаряды с пироксилином и мелинитом — как бы чего не вышло... Мало того, категорически было запрещено стрелять на учениях полным зарядом. Формально — чтобы уменьшить износ каналов орудия, а фактически — затем, чтобы скрыть огромные хищения в Военном ведомстве.

Великие и малые воры, как можно, выгадывали на производстве орудий, о чем речь пойдет ниже. Не менее большие суммы им приносило и производство снарядов — их продолжали делать из обыкно-

---

[1] С 1 января 1902 г. Охтинские заводы для выделки пороха и ВВ были разделены на два самостоятельных завода: пороховой и взрывчатых веществ.

венного чугуна вместо стали. До середины 1880-х годов с этим можно было как-то мириться. Чугун существенно дешевле стали, но в чугунном снаряде взрывчатого вещества помещалось в полтора-два раза меньше, чем в стальном аналоге. Пока снаряды снаряжались черным порохом, принципиального значения это не имело, а вот фугасное действие снарядов с новым ВВ значительно уменьшалось. И наконец, к концу XIX века улучшилась баллистика пушек, и снаряды их имели начальную скорость 600—850 м/с. Учебные стрельбы из них до Русско-японской войны велись практическими (то есть половинными) зарядами. Но вот при первых же боевых стрельбах на полных зарядах чугунные снаряды раскалывались сразу же при вылете, у дульного среза, а что еще хуже — в канале ствола.

Введение пироксилиновых, а затем тротиловых снарядов произвело подлинную революцию в фортификации. Ни земляные валы, ни каменные или кирпичные казематы не выдерживали действия крупнокалиберных снарядов с новыми мощными взрывчатыми веществами. Во всех странах мира начинают строить бетонные форты с броневыми артиллерийскими башнями — во Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии и т.д., но только не в России!

К началу августа 1914 г. в России имелась одна (!) башенная французская 150-мм установка. Ее купили для опытов на острове Березань, но установка не поспела к началу испытаний. Но раз «за все уплачено», то после некоторых раздумий Артиллерийский комитет решил установить ее в крепости Осовец на Скобелевой горе. Монтаж башни в бетонном массиве был закончен к концу 1913 г.

Отношение русских правителей к броневым башням сухопутных крепостей было хорошо проиллюстрировано несколько лет назад на телевидении при показе документального фильма о Николае II. Там наш самодержец в 1915 г. осматривает трофейные орудия во взятой австрийской крепости Перемышль. Он с совершенно тупым выражением лица проходит мимо броневых башен и не задает ни одного вопроса. А ведь он впервые видит эту технику! Представьте на секунду реакцию «бомбардира Петра Михайлова» или «маленького капрала в треуголке»... А слащавый голос за кадром зачитывает письмо нашего Верховного главнокомандующего жене: «В Перемышле я выкопал штыком красивый цветок и посылаю его тебе...» Какая прелесть!

Царь Николай II фактически ничего не делал для усиления западных русских крепостей. Раз в год императору подносили на подпись «всеподданнейшие отчеты Военного ведомства». О качестве этих отчетов царю автор знает не по мемуарам. Я сам в течение многих лет просматривал все без исключения отчеты по Военному ведомству времен Александра II, Александра III и Николая II, а также документацию, которая шла Сталину в 1920—1940-е годы. До 1917 г. наиболее подробными были всеподданнейшие отчеты Александру II. После 1917 г. в правительство шла самая подробная информация по военным вопросам, по объему в несколько раз превосходящая всеподданнейшие доклады.

Когда я, будучи еще студентом, первый раз взял в руки красивый дорогой том, листов на 300, «всеподданнейший отчет по Военному ведомству» для Николая II, то я чуть не заплакал. Там была одна туфта. Понять, в каком состоянии находилась армия, было фактически невозможно. Ясно лишь было, что все хорошо. К примеру, говорилось в отчете за 1909 год, что в сухопутных крепостях имеется около 11 тысяч орудий. Ну, вроде бы неплохо. А когда я через несколько лет обнаружил в Военно-историческом архиве отчеты военных округов, полигонов, Главного артиллерийского управления и т.п., специально написанные для подготовки всеподданнейшего отчета, я за голову взялся — точнейшая информация и в очень сжатом виде, где, сколько и в каком виде солдат, лошадей, пушек, пулеметов, патронов, снарядов и т.п. И выходило, что к 1909 г. из 11 тысяч крепостных орудий около 30 % — образца 1877 г., 45 % — образца 1867 г., 25 % гладкоствольных систем времен Николая I и ни одного современного орудия.

Царь, в лучшем случае, за 2—3 часа знакомился с содержанием 300—400-страничного отчета, а затем слушал от 15 до 30 минут военного министра, после чего подмахивал отчет.

До 1905 г. на состояние дел в крепостях высшее руководство просто закрывало глаза. Гром грянул с падением Порт-Артура. Начальство заинтересовалось крепостями, но вместо продуманной политики начались метания из стороны в сторону.

В феврале 1909 г. по докладу начальника Главного управления Генштаба Сухомлинова состоялось повеление об упразднении нескольких крепостей, в том числе и крепости Новогеоргиевск, считавшейся первоклассной, Батума, Очакова и Усть-Двинска, о скорейшем приведении в «надлежащий вид» Брест-Литовска, Кронштадта, Выборга, Владивостока и пр., так как, по мнению Сухомлинова, «сохранение крепостей в том состоянии», в каком они тогда находились, «было бы изменой».

Через год, в мае 1910 г., новый начальник Генштаба, генерал Гернгросс испросил другое повеление о крепостях, по которому крепости Новогеоргиевск, Батум, Усть-Двинск и Очаков не только не упразднялись, но должны были переустроиться, чтобы удовлетворять современным требованиям.

Кроме того, в разное время царь, не мудрствуя лукаво, подмахивал взаимоисключающие «высочайшие повеления». Вот, к примеру, 1 января 1910 г. Николай, еще не отошедший от встречи Нового года, подмахивает высочайшее повеление об упразднении крепости Ивангород.

26 ноября 1913 г. в Ялте был парад. Утром царь немного «тяпнул» в палатке с офицерами, а затем отправился завтракать, мешая водку с портвейном. Потом принял военного министра Сухомлинова и подмахнул «высочайшее одобрение на сохранение и частичное переустройство крепости Ивангород».

В 1910 г. сторонники сохранения крепостей составили план усиления военно-инженерной подготовки России. По плану на нужды

крепостей испрашивалось 458 млн рублей, в том числе на артиллерийскую часть 192 млн руб., с рассрочкой на два десятилетия, то есть осуществление необходимых мероприятий предполагалось завершить лишь через 20 лет — к 1930 г.! Хотя план был утвержден царем, но и он выполнялся далеко не полностью.

Справедливости ради надо сказать, что еще в мае 1906 г. Военное ведомство объявило конкурс на разработку тяжелых орудий для осадной и крепостной артиллерии и разослало тактико-технические требования, предъявляемые к этим артсистемам. Почти каждый год на конкурс на Волково поле фирмы «Виккерс», «Крупп», «Эрхард», шведский «Бофорс», австрийская «Шкода», а также русский Обуховский сталелитейный завод присылали образцы своих артсистем.

Но всегда побеждала только одна фирма. Нетрудно догадаться, что это была компания Шнейдера. Увы, объем и тема книги не позволяют показать, как принятие очередного изделия Шнейдера и выплата ему крупной суммы совпадали с очередным приобретением Матильды Кшесинской.

Производство тяжелых орудий для крепостной и осадной артиллерии целиком взяли на себя Шнейдер и его русскоязычные компаньоны на Путиловском заводе. И, пропустив все сроки, завод не сдал ни одного орудия ни к 1 августа 1914 г., ни к 1 июня 1915 г.

Видимо, у многих читателей возник резонный вопрос: если бы в крепостях возвели мощные бетонные укрепления, броневые башни, доставили туда новые мощные орудия и стальные мелинитовые снаряды, то смогли бы западные русские крепости изменить ход войны?

Нет, они бы все равно пали, продержавшись от 4 до 9 месяцев. Значит, не следовало раскошеливаться на сухопутные крепости? Нет, надо было! Даже продержавшись 4—9 месяцев, эти крепости отняли бы значительное число вражеских сил, особенно артиллерии, что могло существенно изменить ситуацию на фронте.

Но все крепости рано или поздно должны были пасть под ураганным вражеским огнем. Да в крепостях не хватило бы и боеприпасов. Ведь в Первую мировую войну в ходе наступательных операций снаряды подавались десятками эшелонов.

Был еще и моральный фактор — сражаться в окружении психологически гораздо сложнее, чем на фронте, где соседи справа и слева — свои дивизии, а в тылу сооружаются новые укрепления и есть свежие части. Интересный пример. В 20-х или 30-х годах XX века в СССР и других европейских странах попытались ввести в уставы пехоты рытье цилиндрических одноместных окопов. Затраты на такой окоп гораздо меньшие, да и снаряд малого калибра, попав в окоп, не поразит соседа. Но, увы, от одноместных окопов быстро отказались — солдату плохо и страшно сидеть одному в окопе. А «на миру и смерть красна».

Уже с начала 80-х годов XIX века многие русские генералы и офицеры поднимали вопрос о строительстве укрепрайонов на западной границе. В 1887 г. «возник старый, поднимавшийся еще в 1873 г. вопрос

о создании Варшавского укрепленного района, в который в качестве одного из опорных пунктов должна была войти Варшава; двумя другими опорными пунктами должны явиться расширенный к тому времени фортами Новогеоргиевск и вновь предложенная к постройке малая крепость Зегрж (взамен имевшегося в виду в 1873 г. Сероцка)»[1].

В 1892 г. военный министр, генерал Куропаткин предлагал создать в Привисленском крае большой укрепрайон, тыл которого простирался бы до Бреста.

По высочайше одобренному приказу на создание укрепрайона в 1902 г. было предусмотрено выделение 4,2 млн рублей. (Любопытно, куда пошли сии денежки.) Надо ли говорить, что строительство укрепрайонов так и не было начато до августа 1914 г.?

Следует заметить, что все возможности для строительства укрепрайонов на Западе имелись. В Привисленском крае были хорошо развита промышленность, очень велика плотность населения. При введении трудовой повинности, как было при Петре Великом и при Сталине, рабочей силы хватило бы с избытком. Причем официальная пропаганда могла расписать все ужасы войны и объяснить жителям, что боевые действия могут идти неделями в районах их проживания и в их же интересах построить укрепрайон, дабы супостат не дошел до их жилищ.

Самое же интересное, что орудий для крепостей и укрепрайонов в 1906—1914 гг. было немерено! Вот тут-то читатель и возмутится: мол, автор долго и нудно утверждал, что орудий для крепостей не было, а теперь говорит, что их было до... Все правильно. В сухопутных крепостях их не хватало, но были многие тысячи орудий в береговых крепостях, на кораблях и складах Морского ведомства. Причем орудий, которые там абсолютно были не нужны.

Не хочу быть голословным. К 1 июля 1914 г. в Кронштадте состояло абсолютно бесполезных для борьбы с кайзеровскими дредноутами, крейсерами и даже миноносцами: 11-дюймовых пушек обр. 1877 г. — 41, 11-дюймовых пушек обр. 1867 г. — 54, 9-дюймовых пушек обр. 1877 г. — 8, 9-дюймовых пушек обр. 1867 г. — 18, 6-дюймовых пушек в 190 пудов — 38, 3-дюймовых пушек обр. 1900 г. — 82, 11-дюймовых мортир обр. 1877 г. — 18, 9-дюймовых мортир обр. 1877 г. — 32.

Замечу, что германские адмиралы ни до 1914 г., ни в 1914—1916 гг. даже не планировали прорыва в Финский залив. А старые орудия из Кронштадта наши мудрые генералы начали вывозить лишь после начала войны.

Во Владивостоке имелись к декабрю 1907 г. пушек: 11-дюймовых обр. 1867 г. — 10, 10/45-дюймовых — 10, 9-дюймовых обр. 1867 г. — 15, 6/45-дюймовых — 40, 6-дюймовых в 190 пудов — 37, 6-дюймовых в 120 пудов — 96, 42-линейных обр. 1877 г. — 46; мортир: 11-дюймовых обр. 1877 г. — 8, 9-дюймовых обр. 1877 г. — 20, 9-дюймовых обр.

---

[1] Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. С. 190—191.

1867 г. — 16, 6-дюймовых крепостных — 20, 6-дюймовых полевых — 18. Вне штата: 8-дюймовых легких мортир — 8, 120-мм пушек Виккерса — 16.

Нападение Японии на Россию после 1907 г. (то есть после заключения союза с Англией) было исключено. Следовательно, особой нужды в этих орудиях во Владивостоке не было. Можно было оставить два десятка 10-дюймовых и 6/45-дюймовых пушек, а остальные вывезти на Запад. Кстати, это и было сделано, но только в 1915—1916 гг. Из Владивостока вывезли все подчистую, но только после того, как пали все западные русские крепости. В сталинские времена подобное сочли бы вредительством, я же объясняю это тотальным идиотизмом семейства Романовых и их генералов.

Наконец, в 1906—1914 гг. упразднили и разоружили несколько русских береговых крепостей — Либаву, Керчь, Батум, Очаков. В одной Либаве к декабрю 1907 г. было пушек: 11-дюймовых — 19, 10-дюймовых — 10, 9-дюймовых обр. 1867 г. — 14, 6/45-дюймовых — 30, 6-дюймовых в 190 пудов — 24, 6-дюймовых в 120 пудов — 34, 42-линейных обр. 1877 г. — 11; мортир: 11-дюймовых — 20, 9-дюймовых — 30, 8-дюймовых обр. 1867 г. — 24, 6-дюймовых крепостных — 22, 6-дюймовых полевых — 18.

Лень перечислять орудия Керчи, Батума и Очакова. Все снятые там орудия куда-то рассовали по тыловым складам и береговым крепостям, но до 1 августа 1914 г. ни одно из этих орудий не попало в западные крепости.

Еще раз замечу, что все эти корабельные и береговые орудия безнадежно устарели для борьбы с флотом, но они могли стать грозным оружием крепостей и укрепрайонов. Те же французы поставили несколько сотен крупнокалиберных береговых и корабельных орудий, изготовленных с 1874-го по 1904 год, в своих крепостях и укрепрайонах (часть из них была установлена на железнодорожных платформах). Результат налицо: к 1917 г., когда у нас немцы стояли на линии Рига — Двинск — Барановичи — Пинск, они нигде не углубились в глубь французской территории более чем на 150 км.

Во Франции сотни 150—374-мм корабельных и береговых орудий были установлены на железнодорожные установки, а у нас два 10/45-дюймовых орудия, забракованных еще в 1895 г., установили на железнодорожные платформы аж в 1917 г., тем и ограничились.

С начала войны Германия сосредоточила свои основные силы на Западном фронте и дала русскому командованию почти год на приведение в должный вид западных крепостей и строительство укрепрайонов. Однако опять все делалось в час по чайной ложке. Расплата наступила летом 1915 г.

Самая северная крепость Привисленского края — Ковно — сопротивлялась немцам всего 10 дней и была сдана 22 августа 1915 г. Крупнейший наш военный историк 30-х годов XX века А.М. Зайончковский причиной сдачи крепости назвал «преступное поведение комендан-

та генерала Григорьева»[1]. Сдача крепости сорвала маневр Виленской группы русских войск.

4—5 августа 1915 г. русские войска по приказу генерал Алексеева без боя оставили Варшаву. Затем настал черед Новогеоргиевска.

Крепость сопротивлялась 9 дней. Новогеоргиевск был обложен 45 батальонами ландвера (то есть резервистами старших возрастов). Для обстрела крепости немцы подтянули 84 тяжелых орудия, из них пятнадцать 305-мм и 420-мм мортир.

Новогеоргиевская крепость состояла из 33 фортов, которые защищали 64 батальона пехоты. После захвата двух фортов комендант, генерал Н.П. Бобырь приказал сдать крепость. Немцам досталось 80 тысяч пленных и свыше 1200 орудий. Для сравнения скажу, что в феврале 1943 г. в Сталинграде сдалось 90 тысяч немцев и гораздо меньшее число орудий. Но в отличие от Сталинграда наши историки предпочитают помалкивать о Новогеоргиевске.

Столь же позорно была сдана и крепость Ивангород.

Всем хорошо известна героическая оборона Брестской крепости в 1941 г. К тому времени крепость была полностью разоружена, а немцы использовали против нее авиацию и тяжелую артиллерию, калибра до 65 см. Однако совсем непонятно оставление Бреста в 1915 г.

К началу октября 1914 г. внешняя линия крепостной обороны состояла из 40 долговременных и полудолговременных укреплений (14 фортов, 5 оборонительных казарм, 21 промежуточный опорный пункт).

В городе Бресте расположились штабы армий Западного фронта. Крепость стала базой снабжения русских войск, действовавших на реке Висле. Уже к весне 1915 г. позиции крепости имели законченный вид, а к августу 1915 г. Брест-Литовская крепость была одной из наиболее подготовленных к обороне крепостей. Совет обороны, образованный комендантом крепости генерал-лейтенантом В.А. Лаймингом, признал, что «при бережном использовании запасов крепости (какие имелись всего на 6 месяцев обороны) она может продержаться 8 месяцев».

В августе 1915 г. Верховное командование русской армии приняло решение об эвакуации крепости Брест-Литовск. На это решение повлияли стремительное наступление кайзеровских войск, быстрое падение крепостей Ковно и Новогеоргиевск. 8 августа был отдан приказ об эвакуации крепости и взрыве отдельных ее укреплений.

13 августа 1915 г. кайзеровские войска вошли в город и крепость. В крепости разместился штаб главнокомандующего Восточным фронтом германской армии. Оккупация немецкими войсками Брест-Литовска продолжалась до конца 1918 г.

Отечественные историки не балуют читателей рассказами о трагической судьбе русских западных крепостей. Но вот как описывает

---

[1] Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1918. М.: Воениздат, 1931. С. 210.

действия в целом летней оборонительной операции в Польше доктор исторических наук И.И. Ростунов: «Русское командование успешно выполнило этот план. Оно сумело удачно осуществить весьма сложный стратегический отвод своих центральных армий на линию Осовец, Ломжа, Любартов, Ковель»[1].

Вот так! Удачно были сданы русские крепости, на которые русский народ в течение свыше 10 лет потратил многие миллионы золотых рублей. С большим успехом сдали противнику свыше 4000 орудий!

На общем безрадостном фоне считается успешной первая оборона крепости Осовец. Первое наступление на Осовец было начато частями 8-й германской армии уже в сентябре 1914 г. К 21 сентября 1914 г. им удалось оттеснить полевую оборону российских войск до линии, позволяющей вести артиллерийский обстрел крепости. Из Кёнигсберга было переведено 60 орудий калибра до 203 мм, но обстрел начался только 26 сентября 1914 г.

Через 2 дня была предпринята попытка штурма, но он был отбит шквальным огнем русской артиллерии. На следующий день русские войска провели две фланговые контратаки, так что немцам пришлось прекратить обстрел и быстро отступить вместе с артиллерией.

Следующая атака на крепость Осовец была предпринята германской армией только в начале 1915 г. 3 февраля завязался бой за первую линию выдвинутых позиций, однако русские части и в этих трудных условиях оборонялись в мелких окопах в течение 5 дней, после чего в ночь на 9 февраля были вынуждены отойти ко второй линии. В течение следующих двух дней, несмотря на ожесточенные атаки, им удалось удерживать оборону. Однако отступление позволило германской артиллерии, начиная с 13 февраля, вновь приступить к обстрелу фортов с применением осадных орудий калибра от 100 до 420 мм. В обстреле принимали участие и четыре осадные 305-мм мортиры «Шкода». Несмотря на жестокий урон в результате обстрела, который был наиболее интенсивным 14—16 февраля и 25 февраля — 5 марта 1915 г. и привел к многочисленным пожарам внутри крепости, русские укрепления выстояли.

В ходе боев отлично показала себя 150-мм башенная установка на Скобелевой горе. В нее попало 3 тяжелых снаряда: один — в бетонный блок и два — в бронекупол. Однако это не привело к выходу из строя установки. Достаточно эффективно действовали и дальнобойные 6/45-дюймовые установки Кане, поражающие цели, не доступные пушкам обр. 1877 г. Но 6/45-дюймовых пушек было слишком мало.

В конце концов германское командование отказалось от планов захвата Осовца и перешло к позиционной войне, которая продолжалась около трех месяцев.

В начале июля 1915 г. на Восточном фронте германские войска под командованием фельдмаршала фон Гинденбурга начали широкомас-

---

[1] История Первой мировой войны 1914—1918 / Под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 47.

штабное наступление. Его частью была и новая атака крепости Осовец. Против Осовца немцы сосредоточили 40 батальонов пехоты и 68 тяжелых осадных орудий, в числе которых было восемнадцать 305-мм и 420-мм мортир. Гарнизон крепости состоял из 27 батальонов.

13 июля германские части применили против защитников второй линии отравляющие газы. Застигнутые врасплох российские солдаты были вынуждены оставить позиции, но им удалось отбить последующие немецкие атаки на линию главных объектов крепости. Тем не менее русское командование решило оставить крепость. Это объяснялось тем, что немцам так и не удалось окружить Осовец со всех сторон. Отход был завершен 22 августа 1915 г., причем еще ранее саперы взорвали все важнейшие объекты, включая капониры, казармы, убежища, а также бронебашню на Скобелевой горе. 25 августа германская армия заняла крепость Осовец.

Падение Осовца открыло путь к крепости Гродно. Крепость была новой и довольно слабой, и русские войска без боя оставили ее. 2 сентября 1915 г. германские 10-я и 12-я армии соединились в крепости Гродно.

Итак, западные крепости России, которые в царствование Александра III считались сильнейшими в мире, были в 1915 г. позорно сданы противнику и практически не сыграли никакой роли в войне.

Со сменой режима наши штатные и нештатные историки спешат в пожарном порядке переписывать историю. Вновь в ходу затертые пропагандистские лозунги об «отечественной войне», о том, «как большевики за германские деньги лишили Россию победы над Германией» и т.д.

История западных крепостей служит хорошим опровержением подобного бреда. В 1915 г. о большевистской пропаганде в русских частях никто не слышал. Да и без всяких большевиков можно ли было победить без тяжелой артиллерии, без тротиловых снарядов (а то и вообще без них)? А главное, можно ли было победить с такими генералами и великим князем?

Глава 25

ПОИСКИ СЕПАРАТНОГО МИРА

В кампанию 1915 года германская армия овладела 15 % территории Российской империи, где находилось около 10 % ее заводов и фабрик. Все попытки эвакуации наиболее важных заводов с оставленных территорий практически провалились. Ценное оборудование перевозилось на открытых платформах, без брезента и портилось. На многочисленных остановках его разворовывали все кому не лень, от великого князя Сергея Михайловича до местных умельцев. Самым важным следствием этой эвакуации стала закупорка многих наших железных дорог.

Однако и германское правительство оказалось в сложном положении. На западе французы и англичане, собрав там тысячи тяжелых орудий, буквально вцепились в укрепрайоны, и любое наступление приводило к огромным потерям, а в лучшем случае — к продвижению на 5—10 км.

Русские же армии отступали в относительном порядке. В 1915 г. в отличие от 1941 г. у германских генералов не было ни танковых, ни механизированных дивизий, чтобы устроить котел, подобный Белостокскому или Киевскому. Медленно отступая, благо, было куда, русские войска могли драться еще не один год. Но, разумеется, при наличии твердого тыла.

Таким образом, у германского командования оказался один способ вывести Россию из войны — заключить сепаратный мир. Вопрос лишь был, с кем его заключать: с царем? Или разложить тыл, добиться свержения Николая II и договориться с новым правительством?

Первый зондаж в середине 1915 г. немцы и австрийцы начали через брата императрицы Александры Федоровны, Эрика, графа Эйленбурга, банкиров Фрида Вартбурга и Андерсена.

Так, в начале декабря министр царского двора граф Фредерикс получил письмо от своего берлинского друга, графа Эйленбурга с предложением «положить конец недоразумению между двумя государствами». Когда Фредерикс — почти родственник династии Романовых — начал читать это письмо, Николай испугался. Он прервал Фредерикса: «Читайте по-русски, я не понимаю по-немецки». Прослушав письмо, царь подчеркнул то место, где говорилось о «старой дружбе», и написал на полях: «Эта дружба умерла и похоронена». Царь отказался предста-

вить какую-либо форму ответа, так как таковой мог быть истолкован как начало диалога, а этого он хотел избежать в любом случае.

Вторая попытка найти каналы германо-русского примирения последовала через несколько дней. В Петроград из Германии прибыла княжна Васильчикова с просьбой германской стороны уговорить царя заключить мир. Великим герцогом Гессенским ей было поручено сообщить симпатизирующим русско-германскому сближению элементам русского общества, что император Вильгельм готов гарантировать России самые выгодные условия мирного урегулирования. Чтобы усилить притягательность германских предложений, сообщалось, что Англия якобы уже предлагала Германии сепаратный мир. Главная линия аргументации сводилась к тому, что примирение между Германией и Россией необходимо для спасения двух династий в наступающую эпоху невиданного социального брожения. Немцам и австрийцам пришлось ожидать недолго. Николай II и его министр иностранных дел Сазонов, которым были переданы два письма с указанным содержанием, не видели еще угрозы трону и не восприняли германской аргументации. Они полностью игнорировали письмо Васильчиковой. Более того, царь сослал Васильчикову в ее поместье, косвенно обвинив ее в измене.

Контакты царской семьи и русского правительства с немцами продолжались и в 1916 г. Причем Александра Федоровна состояла в переписке с братцем Эриком, кстати, полковником Генштаба, и передавала деньги своей гессенской родне.

Немцы пытались воздействовать на царя и с помощью Распутина. Любопытно, что во время вояжа эрцгерцога Фердинанда в Сараево Распутин оказался в Сибири, в родном селе Покровском. И за два дня до пальбы гимназиста Гаврилы в Сараево проститутка Хиония Гусева пырнула ножом в живот преподобного Григория Ефимовича. Это дало повод ряду наших историков пофантазировать насчет заговора британской разведки или масонов, кто во что горазд. Хотя чем черт не шутит...

Распутин долго болел, но выжил. Позже он хвалился, что послал царю около 20 телеграмм с просьбой не начинать войну. Опять же мудрые историки утверждают, что, мол, будь старец в Царском Селе, войны бы не было, а Григорий Ефимович обладал даром предвидения и т.д. Думаю, все было намного проще: с началом войны автоматически возрастает роль военных и особенного великого князя Николая Николаевича, а они терпеть не могли Распутина. В случае же поражения Николаю придется расстаться с престолом, а Гришке — с хлебным местом, а то и с головой. Это — арифметика, а Григорий Ефимович был вовсе не дурак.

Апологеты Николая II объясняют положение Распутина тем, что лучшие врачи не могли справиться с болезнью царевича и только старец Григорий мог ему помочь. Допустим, что так. Но тогда напрашивается вопрос — как мог Николай предложить России такого монарха в столь бурный и жестокий XX век?

Чуть ли не до последнего дня царствования через дневник Николая и его письма к Аликс прослеживается основная идея оставить самодержавную власть в целостности любимому «бэби — солнечному лучу». Не было ни тени сомнения: а захочет ли народ видеть инвалида на троне?

В 1915—1917 гг. в письмах и дневниках царь неоднократно жаловался на сильнейшие боли в сердце. Остановка сердца 50-летнего мужчины, проведшего бурную жизнь, вполне реальна. Что же имела Россия? Психически неуравновешенную царицу и тринадцатилетнего больного ребенка? Неужели Николай не понимал, что в случае его смерти у этой парочки нет ни единого шанса удержать власть в России? Видимо, у царя срабатывал синдром «скотского хутора»[1] — обязаны повиноваться, не посмеют поднять руку на хозяйское потомство.

Тайный (в полном смысле этого слова) советник, как воздух, был необходим Николаю. Тут Распутин пришелся более чем кстати.

Сейчас можно только гадать, как воспринимал Николай вещания старца. Возможно, он представлял его как мудрого представителя русского народа. Ведь верили же революционеры и интеллигенты, от князя Петра Кропоткина до графа Льва Толстого, что в русском мужике от природы заложены глубокий ум, здравый смысл, высокая нравственность и все добродетели скопом.

А может быть, Николай верил, что устами Распутина говорит Бог, подобно дамам, с благоговением набиравшимся святости от старца в бане.

В конечном итоге внешнюю и внутреннюю политику России стал определять треугольник: царица — Вырубова — Распутин. При слове «царица» у людей, малосведущих в истории, возникают ассоциации с Анной, Елизаветой и Екатериной II. На самом же деле в Своде основных государственных законов Российской империи говорится только об императоре. Права императрицы нигде не упоминаются, то есть по закону она не имеет никакой власти при живом супруге императоре. Лишь в случае, «когда наследство Престола, в порядке для его установленном, дойдет до лица женского», то та же верховная самодержавная власть будет принадлежать государыне императрице. Начиная с Павла I и до Александра III закон не расходился с делом — ни одна из цариц не участвовала в государственных делах.

К сожалению, в современной литературе бытуют обывательские разговоры мол, царь не мог не делиться с женой своими проблемами, а Александра была хорошей женой и старалась помочь мужу советами.

В годы Первой мировой войны во всех странах мира военачальник, осмелившийся обсуждать с женой планы боевых действий, подлежал военно-полевому суду по обвинению в разглашении военной тайны.

---

[1] Император Николай II сам себя записал в анкете всероссийской переписи 1898 г. — «хозяин земли русской». Он и взаправду считал Россию поместьем, с которого он и его родня должны были кормиться. Волей-неволей возникает ассоциация с фантастическим романом Джорджа Оруэлла «Скотский хутор».

Но повторю, что Николай II считал себя не монархом, служащим государству, а хозяином большого поместья. Так почему же владельцу «скотского хутора» не посоветоваться с хозяйкой?

Надо ли говорить, что ни Распутин, ни Вырубова, ни Александра ничего не смыслили в военном деле, экономике и внешней политике. Никто из этой троицы не сел штудировать солидные тома по военной стратегии и тактике, статистические отчеты о состоянии экономики, не брал уроков у генералов и министров.

Тем не менее только за полтора года (1915—1916 гг.) Александра письменно передала Николаю 150 рекомендаций, предупреждений и прямых указаний Распутина. В 1920-х годах переписка царской семьи была опубликована, и подлинность ее не вызывает сомнений у историков.

Александра требует от Николая: «Слушайся нашего Друга, верь Ему...» «Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы». «Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед богом, дабы бог наставил тебя на путь истинный...» «Не слушайся других, слушайся только нашего Друга». «Григорий просил этого не делать — все делается наперекор его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги» «Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение» «Наш друг за тебя, значит, все будет хорошо» «Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться» «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чем преуспеть, и мысли его не могут быть правильными».

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересует нашего Друга» (7 ноября 1915 г.).

«А теперь совершенно конфиденциально... Если в этот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться? Будет ли послана гвардия к югу от группы Келлера и для защиты направления на Одессу?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову...Интересно было бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» (4 февраля 1916 г.)

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю; к существу же дела — прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами» (6 ноября 1915 г.)

«А сейчас ОН считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать на западном участке фронта... Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови» (лето 1916 г.).

Николай спешит докладывать царице и Другу:

«Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятельскую линию и взять Ковель» (2 июля 1916 г.).

«Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего Брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю» (14 июля 1916 г.).

Думаю, примеров более чем достаточно. Теперь начнем с чисто формальной стороны. О чем думал царь, направляя жене сверхсекретную информацию? Ведь разведка немцев могла перехватить ее. Да и зачем испытывать терпение собственных сановников и генералов? Ведь ни для кого не было секретом, что родной брат царицы Эрни, с которым до войны она постоянно находилась в переписке, в войну стал одним из руководителей германского Генштаба.

А вообще что понимает в «греческом вопросе», в устройстве противогаза системы Алека и т.п. вся честная компания в составе Саны, Анны и Григория? А вот германскую разведку безумно интересовало, может ли защитить противогаз Алека от фосгена или иприта, удобно ли его ношение, какое время может провести в нем солдат.

А что касается планов продвижения русских войск после взятия Эрзерума, то за них много тысяч долларов отвалила бы любая разведка мира. Причем англичане и французы заплатили бы гораздо больше, чем немцы или турки. Благо, тут была замешана не столько военная стратегия, сколько послевоенная политика. Одно дело, если Кавказская армия пойдет в Месопотамию на соединение с англичанами, и совсем другое, если двинется к Черноморским проливам.

Давайте теперь представим малограмотного мужика из далекого сибирского села Покровское. Да на фига, простите за выражение, ему «планы относительно Румынии», как он мог составлять телеграмму сербскому королю? Он достиг положения у престола своими мистическими пророчествами, лечением наследника и царицы, возможно, своей мужской силой. Более высокого положения ему не достичь никакими советами по военному делу, внешней политике и экономике. Удачные или бездарные его советы в любом случае вызовут лишь озлобление генералов и сановников. Григорий Ефимович был достаточно умен, чтобы не понимать этого, и все-таки полез с советами. Почему? Ведь пара безграмотных советов серьезно подорвет его влияние на царскую чету. Но вопреки всему Распутин лезет буквально во все дырки и вопреки здравому смыслу дает дельные советы. Сейчас промонархистские историки любят превозносить отдельные факты, когда царь не послушал Распутина. Но им хорошо ответила сама царица в

1916 г.: «Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав».

Как такое могло случиться? Или нужно признать, что Распутин был каким-то сверхъестественным существом, через которого царю передавалась информация от какого-либо божества, инопланетян, дьявола и прочая. При исключении этого варианта автоматически следует второй — у Гришки были опытные кукловоды.

Такой вывод ужасает апологетов Николая II, и они всячески втирают очки неподготовленному читателю. Вот наш великий историк А.Н. Боханов утверждает: «В последние годы монархии размышления и предположения о том, кто же действительно стоял "за этим Гришкой", стали любимой шарадой в различных кругах общества. В наше время, когда очень многое уже прояснилось, можно со всей определенностью заключить, что Распутина никто не направлял и никакой заговор за ним не стоял».

Вот так! И ни больше, ни меньше. Ночи без сна проводил Гришка в думах о «греческом вопросе»; на «Вилле Родэ» слушал цыганок, а в мозгу сверлило — как же действует противогаз Алека?

Какие же кукловоды были у Распутина? Мог ли Григорий Ефимович добиться сепаратного мира в первые дни 1917 г.? Увы, эти тайны умерли вместе с ним. Кстати, Временное правительство дало возможность после отречения Николаю и Александре за два дня сжечь большое число документов. Каких? Ведь они оставили (или не успели сжечь) всю свою личную переписку, дневники царя почти за 40 лет, то есть то, что человек, попав в опасность, уничтожает в первую очередь. Значит, было что-то и поважнее!

Вникать в связи Распутина с германской разведкой было невыгодно и Временному правительству, и большевикам, хотя и по разным причинам.

Глава 26

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН ГЕРМАНСКИМ ШПИОНОМ?

Если нельзя заключить мир с царем, то можно заключить мир с новым правительством. А для этого нужно устроить в России революцию и привести к власти тех, кто выступает против войны с Германией. С августа 1914 г. против войны последовательно выступали две силы — большевики и сепаратисты всех мастей (от финских до грузинских). И тут немцам крайне повезло. В России сложилась уникальная ситуация, когда революционеры титульной нации и националисты, выступавшие за расчленение страны, были союзниками. Точнее, тактическими союзниками, поскольку идеология большевиков была диаметрально противоположна воззрениям националистов.

На мой взгляд, чтобы более объективно оценивать революцию в России, надо постоянно ее сравнивать с Великой французской революцией 1789 года[1].

Во Франции сепаратисты Вандеи, Корсики, Марселя и Тулона с самого начала оказались в лагере роялистов и интервентов. Французская республика едина и неделима — это был лозунг всех республиканцев: якобинцев, жирондистов, термидорианцев и т.д. Позже этот лозунг подхватили бонапартисты.

Большевики же еще до революции выдвинули тезис «Россия — тюрьма народов» и право наций на самоопределение.

Весьма колоритная личность Парвус (Гельфанд) — революционер, финансист и агент нескольких разведок[2] — 8 января 1915 г. заявил германскому послу в Константинополе фон Рагенхейму: «Русская де-

---

[1] Тут я не ставлю тире, поскольку время окончания Великой французской революции у разных историков колеблется между 1792 г. и 1815 г. На мой взгляд, революция плавно перешла в Консулат, а затем — в Империю.

[2] Израиль Лазаревич Гельфанд родился в 1867 г. в местечке Березно Минской губернии. В 19 лет уехал в Цюрих, где познакомился с Плехановым, Засулич и другими русскими марксистами. С 1891 г. — доктор философии. Близко знаком с Карлом Каутским, Кларой Цеткин, Розой Люксембург. В 1904 г. познакомился с Троцким и Лениным. В октябре 1905 г. прибыл в Петербург и вместе с Троцким вошел в Исполком Совета рабочих депутатов. Приговорен к ссылке в Туркестан, но бежал в Германию.

мократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется полного успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор пока Русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров»[1].

Попробуйте в этой цитате заменить Россию на СССР, а Германию — на США, и получится то, что сделали Ельцин и К° в 1991 г.

До войны германские власти крайне осторожно контактировали с сепаратистами Российской империи. Но в августе 1914 г. ситуация изменилась. Уже 3 августа заместитель государственного секретаря Циммерман телеграфировал инструкции германскому посольству в Константинополе: следует поднять против России Кавказ. 6 августа канцлер Бетман-Гольвег инструктировал посла в Стокгольме фон Рейхенау, чтобы тот обещал финнам создание «автономного буферного государства». Таким образом, в течение первой недели после объявления войны начался подрыв внутренних связей России на просторах от Баренцева до Черного моря. В первые же дни конфликта в Финляндии начали распространяться, согласно приказу Бетмана-Гольвега, брошюры с обозначением целей Германии в войне: «...освобождение и обеспечение безопасности для народов, порабощенных Россией; русский деспотизм должен быть отброшен к Москве».

Согласно инструкциям от 11 августа 1914 г., изданным министром иностранных дел Яговым, целями германской политики назывались следующие: «Очень важна реализация революции не только в Польше, но и на Украине:

1. Как средство ведения военных действий против России.

2. В случае благоприятного для нас завершения войны создание нескольких буферных государств между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией — с другой, желательно как средство ослабления давления русского колосса на Западную Европу и для отбрасывания России на восток настолько, насколько это возможно».

Немецкие консульства в Тегеране пытались наладить связи с мусульманскими экстремистами в Средней Азии, но занятие русскими войсками северной части Персии серьезно затруднило деятельность германской агентуры.

Германские подводные лодки высадили две группы грузинских националистов в районе между Поти и Батумом.

В феврале 1915 г. были организованы лагеря скаутов для занятий спортом молодых финнов, через Швецию приехавших в Германию. Учеба на курсах не прошла даром: при Маннергейме 165 выпускников

---

[1] Lincoln B.L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.-Y., 1986, p. 79.

стали офицерами, из них 25 — генералами, составив костяк финской армии, полиции, спецслужб и шюцкора.

В том же 1915 году немцы начали отделять пленных малороссов от представителей других национальностей Российской империи и отправлять в специальные лагеря, где те подвергались интенсивной психологической обработке со стороны германских разведчиков и галицийских националистов.

Увы, все эти меры не принесли ожидаемых результатов. На окраинах Российской империи было тихо. Все зависело от событий в Петрограде.

Империя, управляемая Николаем, Александрой и распутинской кликой, не могла долго существовать. Странно лишь то, что она дожила до февраля 1917 г. Февральский переворот, или революция, пусть каждый называет, как хочет, был неизбежен. Переворот закончился успехом и даже был проведен «малой кровью».

Хорошо известна английская пословица: «Поражение всегда сирота, зато у победы много отцов». Но тут, даже спустя почти 90 лет, победа оказалась без отцов, прочих родственников и даже повивальных бабок. Правда, при советской власти большевики пытались присвоить отцовство себе. Пролетариат «выступал в качестве гегемона и главной движущей силы Февральской буржуазно-демократической революции. Он возглавил общенародное движение против войны и царизма, повел за собой крестьянство, солдат и матросов... Вождем пролетариата была Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) во главе с В.И. Лениным»[1].

Короче, партия и Ленин возглавили, и баста. И кому какое дело, что все руководители партии, включая Ленина, Сталина, Зиновьева, Каменева и прочая, были в ссылке или эмиграции и о революции узнали из газет с многодневным опозданием.

Большевистские организации были крайне немногочисленны, но зато до предела насыщены агентами охранки. До революции работали на охранку член ЦК и редактор «Правды» М.Е. Черномазов (жалованье 200 рублей в месяц), член ЦК и руководитель фракции большевиков в IV Государственной думе Р.В. Малиновский (500 рублей). Члены районных комитетов и слушатели ленинской школы в Лонжюмо получали поменьше — 100, 75 и 50 рублей. В образовавшемся после Февральской революции Совете рабочих депутатов состояли более тридцати осведомителей охранки, причем один их них был председателем, три — его заместителями, два — редакторами «Известий Совета рабочих депутатов» и т.д.

И такой огромный полицейский аппарат вовремя не предупредил правительство о подготовке большевиками захвата власти? Так что мы

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 631.

можем с полной ответственностью лишить «отцовства» большевиков, меньшевиков и эсеров.

Государственные перевороты можно разделить на три типа по конечному отношению их участников к содеянному. Первый тип — неудачный переворот. Например, те же декабристы оказались в Петропавловке, дружно покаялись и честно во всем признались. О таких переворотах писать легче всего — вся деятельность заговорщиков на ладони у историка.

Второй тип — полностью удачный переворот, после которого все участники и примазавшиеся хвалятся своими подвигами, безмерно преувеличивая их. Тут историку приходится отделять подлинные события от вымышленных, но делать это сравнительно просто.

Третий тип — удачный переворот, после которого по каким-то причинам все участники стыдятся его и открещиваются от участия в нем. В какой-то мере примером оного может служить смерть Павла I от апоплексического удара 11 марта 1801 г. Но и тут есть большие возможности для историка. Пусть все участники переворота официально молчали или открыто лгали, но в кругу близких знакомых они бахвалились содеянным и потихоньку составляли записки и мемуары для потомков.

Февральская революция в России представляет уникальный переворот в истории человечества.

К перевороту приложили руку все сильные мира сего. Николай остался в полном одиночестве, если не считать нескольких старцев сановников и небольшого числа служак — армейских и полицейских офицеров. Участники переворота преследовали различные, порой взаимоисключающие друг друга цели. Проиграли все участники переворота. Причем проиграли — сказано слишком мягко. Значительная часть заговорщиков были убиты большевиками, а остальные вынуждены были эмигрировать. Борцы с царизмом, оказавшиеся в нищете в Париже, с тоской вспоминали свои имения, обеды у «Дадона», где они произносили тосты за русскую конституцию, нелегальные сходки, где им бурно аплодировали студенты и курсистки, вспоминали родных и друзей, погибших в застенках ВЧК. В такой ситуации вряд ли тянуло похваляться участием в заговорах, в планировании цареубийства.

Кстати, это было опасно для здоровья и жизни. В Париже возник культ «мученика Николая», и озверелые белые офицеры, не имевшие возможности отомстить красным, были рады отыграться на беззащитных эмигрантах. Впоследствии ими был до смерти забит Родзянко. Во Франции белый офицер стрелял в Милюкова, но его закрыл собой кадет Набоков.

В итоге большинство заговорщиков погибли или умерли, не оставив после себя воспоминаний или документов. Написанные же в эмиграции мемуары имели цель не рассказать потомкам, как было, а самооправдаться: я не знал, не делал, а если и делал, то совсем мало, хотел как лучше, и прочая, и прочая.

Поэтому надо честно сказать читателю, что современным историкам, и мне в том числе, известна лишь внешняя сторона событий конца 1916 г. — начала 1917 г., но закулисный механизм происшедшего до сих пор остается загадкой.

С начала войны главнокомандующим русской армии царь назначил великого князя Николая Николаевича,младшего, который к августу 1914 г. командовал гвардией и одновременно Санкт-Петербургским военным округом. Ставка Верховного командования первоначально располагалась в городе Барановичи. Великий князь был посредственным стратегом и администратором, но и он без помощи штабных офицеров понял, что вести войну, полагаясь на стремительно разваливающуюся систему управления империей, нельзя, и попытался решать наиболее важные вопросы самостоятельно.

Постепенно Ставка стала вторым после Петербурга полюсом власти, что вызвало недовольство царя и ярость Алисы. В Ставку попытался проникнуть Распутин. На его телеграмму Николай Николаевич ответил коротко и ясно: «Приезжай — повешу». Кстати, и царь побоялся везти с собой в Ставку Григория.

Под нажимом царицы и Распутина Николай II 20 августа 1915 г. объявил, что принимает на себя командование армией.

Царь в юные годы командовал гвардейским батальоном, другого опыта руководства войсками за последние 20 лет он не имел. Надо ли говорить, что присутствие в Ставке царя и больного наследника лишь создавало нервозную обстановку. А тем временем Александра Федоровна постепенно приняла на себя функции самодержца. В нарушение всех законов империи к ней начали являться с докладами министры, Алиса отдавала приказы военным и гражданским властям и т.д.

Таким образом, решение царя не только не привело к централизации власти в одних руках, а наоборот, создалось два полюса власти — в Ставке в Могилеве и в Царском Селе.

В начале 1916 г. появился и третий слабый центр власти или, скорее, оппозиции. Речь идет о Киеве, куда переехали младшая сестра царя, Ольга, и его мать, императрица Мария Федоровна. Туда же перенес штаб воздушного флота и великий князь Александр Михайлович.

К концу 1916 г. против царя, Алисы и Старца были все — промышленники, депутаты Госдумы, генералитет и даже вся царская родня, включая императрицу-мать.

Николай II не допускал своих родственников к власти, жестко контролировал их личную жизнь, одновременно не допуская ни малейшей критики в адрес Алисы и Григория. Почта всех великих князей и их родственников перлюстрировалась по приказу царя. Наконец, все время царствования Николая, как до рождения цесаревича Алексея, так и после, в России имел место династический кризис.

Первые четыре года после рождения наследника августейшая родня гадала, что происходит с цесаревичем Алексеем, но к 1908 г. его болезнь стала «секретом Полишинеля». Никто из родственников не

сомневался, что Алексею не придется царствовать. Тогда кто? Браки великих князей Михаила Александровича и Кирилла Владимировича формально лишали их права на престолонаследие. Но официально об этом объявлено не было. Их имена по-прежнему стоят на первых листах «Придворного календаря» и других официальных изданий. А народ да и значительная часть образованного общества не могли разобраться в тонкостях придворных взаимоотношений. Николай II всю жизнь как огня боялся публичных разговоров на тему престолонаследия и предпочитал положение неопределенности в данном вопросе. В результате чуть ли не десяток великих князей мысленно примеряли на себя шапку Мономаха.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Ф.Ф. Юсупова был убит Григорий Распутин. Каноническая версия убийства Гришки подробно описана в воспоминаниях Феликса Юсупова и растиражирована в десятках книг, пьес и кинофильмов. Согласно его версии, сошлись три хороших человека — великий князь Дмитрий Павлович, внук Александра II; князь Ф.Ф. Юсупов, первый богач России, женатый на племяннице Николая II Ирине, и В.М. Пуришкевич, лидер крайне правых в Государственной думе, и решили избавить Россию от Распутина. К делу были привлечены два безмолвных статиста — доктор Лазоверт и поручик Сухотин.

На самом деле убийство старца было лишь одним и вовсе не главным элементом «великокняжеского заговора». Основная часть операции — устранение императрицы — не была выполнена.

Утром 18 декабря 1916 г. в Ставке идет обсуждение весенней кампании 1917 года. Внезапно в зал входит дворцовый комендант Воейков и подает царю телеграмму от императрицы — убит Распутин. Николай молча встает и покидает совещание. Через час два поезда, царский и свитский, мчатся на север. Назавтра, в 6 часов утра на перроне вокзала в Царском Селе Николая ждала Александра с дочерьми.

Царь немедленно начинает перестановки в правительстве. Причем критерием годности считается не компетентность, а личная преданность монарху. Вместо А.Ф. Трепова был назначен новый премьер-министр, старец князь Н.Д. Голицын, сменены военный министр, министры юстиции, просвещения. Из членов Государственного совета исключены («переведены в разряд присутствующих») 16 человек, а взамен назначены 18 новых преданных людей. Заменен и председатель Госсовета И.Г. Щегловитов.

Из Петрограда началась массовая высылка... великих князей! Первыми под конвоем специально назначенных офицеров отправились в «места не столь отдаленные» убийца Распутина князь Юсупов — в свое имение Ракитное Курской губернии, а великий князь Дмитрий Павлович — на Персидский фронт. Из сосланных второй волны великих князей Николай Михайлович отправлен в его имение Грушевку (Херсонской губернии), Кирилл Владимирович командирован в Мурманск, Борис Владимирович — на Кавказ.

Если учесть, что великие князья Михаил Александрович (брат царя) и Николай Николаевич (бывший главнокомандующий) находились вне Петрограда, то великокняжеская группировка была обезглавлена.

Фактически Николай II в конце декабря 1916 г. произвел контрпереворот. Тем не менее царь остается в Петрограде и только 22 декабря отправляется в Ставку в Могилев. И как только в Ставке обходились два с половиной месяца без гениального главнокомандующего?

Но, помимо «великокняжеской», существовала и «генеральская» оппозиционная группировка. Во Франции во времена Директории острили, что все военные заговоры начинаются с разговоров о любви к отечеству. Генеральская оппозиция формировалась постепенно. Особенность таких аморфных организаций — легкость вовлечения участников и трудность для историка, пытающегося выявить масштабы и роль организации. Официально декламируемой целью военной оппозиции было доведение войны до победного конца, что, собственно, и соответствовало их воинскому долгу. Традиционно самое уязвимое место любого заговора — вербовка новых членов. Но тут ситуация благоприятствовала заговорщикам. От невинных разговоров о любви к отечеству легко перейти к безобразиям в снабжении армии и к личности Распутина, еще шаг — и возникают вопросы «что делать» и «с чего начать».

Цели великокняжеской и генеральской группировок, в общем, совпадали — устранение с престола Николая, победоносное завершение войны, обеспечение России подобающего места в послевоенном мире. Причем генеральская группировка была согласна и на нового монарха из дома Романовых, и, с некоторыми оговорками, на республиканское правительство.

Генералитет и офицерство не могли не видеть безобразие, творившегося на фронте и в тылу. Необходимым условием войны является компетентное и централизованное руководство страной.

В 1914—1915 гг. недовольные высказывались шепотом, а в 1916 г. — во весь голос. Вот, к примеру, официальное письмо от 26 августа 1916 г. начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского генерал-инспектору артиллерии при Верховном главнокомандующем (в Ставке) Е.З. Барсукову: «...ведь прав Родзянко — г о л о в ы-то ведь у нас действительно нет. Ну разве мыслимо было само подобное письмо, если бы существовала хотя тень настоящей власти? Ведь вся Россия исстрадалась от того сумбура, какой идет сейчас у нас в тылу... Ведь только “видимость правительства” заседает у нас в Мариинском дворце, и всем ясно, что, как там ни называйте и какими полномочиями ни снабжайте г-на Штюрмера, все же из него никак не получить того “диктатора”, в котором так нуждается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо с м е р т е л ь н а я. И неужели там у вас, в Ставке, этого не понимают?..»

Генерал М.В. Алексеев (фактический главнокомандующий армией) как-то обратился к царю с требованием назначить диктатора, то есть

лицо, ответственное за снабжение армии и облеченное чрезвычайными полномочиями. Николай же категорически был против любых людей, облеченных властью и доверием народа. Он смертельно боялся каждого, кто мог посягнуть хоть на крупинку самодержавной власти.

Генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко открыто говорил в Ставке о царе: «Разве он понимает что-нибудь из происходящего в стране? Разве он верит хоть одному мрачному слову Михаила Васильевича (Алексеева)? Разве он не боится поэтому его ежедневных докладов, как урод боится зеркала? Мы указываем ему на полный развал армии и страны в тылу ежедневными фактами, не делая особых подчеркиваний, доказываем правоту своей позиции, а он в это время думает о том, что слышал за пять минут во дворе, и, вероятно, посылает нас ко всем чертям...»

Но если царь не хочет изменений, то их можно произвести и без него. С этим соглашалось большинство генералов. Но как заставить отречься Николая? Ведь отречение императора не предусмотрено законами Российской империи. Начинаются разговоры о различных вариантах военного переворота.

За два месяца до Февральской революции генерал-лейтенант А.М. Крымов в частном отчете депутатам Думы о положении на фронте заявил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и это на фронте чувствуют... Время терять нельзя...»

Одним из самых оригинальных способов было нападение на автомобиль императора с воздуха. Причем было два варианта: сбросить бомбу на автомобиль и спикировать методом «камикадзе». Авиационный вариант граничил с авантюрой, но к его пресечению царь начал готовиться еще в первые месяцы 1915 г. — ПВО Царского Села стала сильнейшей в России. Именно туда, а не на фронт оправляли первые автомобильные батареи 76-мм зенитных пушек Лендера и 40-мм зенитных автоматов Виккерса. Начальником сил ПВО («воздушной охраны») был назначен протеже Распутина — полковник Мальцев. Конечно, эти батареи не смогли бы прикрыть наши войска на огромном фронте от Либавы до Дуная, но зато их боевое применение имело огромное значение как для конструкторов зенитных орудий, так и для разработки наставлений по зенитной стрельбе. Царское Село же было удалено на расстояние около 600 км от линии фронта. Ни в 1915 г., ни в 1916 г. у немцев не было самолетов, способных нанести удар даже по целям, удаленным на 300 км. Я уж не говорю, что кайзеру не было никакого резона бомбить царицу с Вырубовой и Распутиным.

Что же это? Очередной просчет генералов? Нет. Задранные в небо стволы «Лендеров» и «Виккерсов» всегда были готовы к встрече... своих самолетов.

Более реальным, чем авиационный, был железнодорожный вариант. Группа офицеров под командованием генерала Крымова поднимает по тревоге несколько подразделений и на переходе между Царским

Селом и Петроградом захватывает царский поезд, вынуждает царя согласиться на отречение от престола.

Захват поезда намечался несколько раз, но все время переносился. Последний раз операция была перенесена на 1 марта 1917 г. Почему же срывалась операция? Причины были технического и морального характера. Конвой мог оказать сопротивление, а Николай II наверняка отказался бы подписать отречение подобру-поздорову. Вероятность 99 %, что захват поезда кончится так же, как и визит гвардейских офицеров в спальню Павла I.

Тормозом к реализации переворота послужило чистоплюйство наших генералов и офицеров. Все всё понимали, все возмущались, «под пламенные тирады мы пили вино, как воду», а вот перчаток пачкать никто не захотел. Вот все скопом и угодили под колесо истории. Над военными заговорщиками с середины 1916 г. начали смеяться обыватели обеих столиц. Вот характерная юмореска из газеты «Русская воля»:

Москва. Ну-с...
Петроград. Трус... А вы-с?..
Москва. Увы-с...

Однако было бы натяжкой говорить, что генеральский заговор свелся лишь к болтовне. И не будем зря обвинять генералов в трусости. Они сделали намного больше, чем положено для высшей меры по законам военного времени. Они, повторяю, лишь не хотели пачкать перчатки.

Так, например, из Петрограда потихоньку были отправлены на фронт все гвардейские части. Точнее, не части, а их личный состав, а взамен были присланы запасные нижние чины и офицеры военного времени, в основном вчерашние студенты и гимназисты. В батальоны новобранцев были вкраплены так называемые команды выздоравливающих. Выздоравливающие рассказывали новобранцам об ураганном огне германской артиллерии, о газовых атаках, об огромных потерях. Ни те, ни другие ни под каким видом не хотели попасть на фронт.

Николай II о чем о чем, а о своей безопасности никогда не забывал, и приказал начальнику штаба, генералу В.Н. Гурко поочередно отправлять кадровые гвардейские полки с фронта в Царское Село «на отдых». Однако это высочайшее повеление срывалось по мелочам. То командиры частей попросят, чтобы их не лишали чести громить германцев, то отправят полк, а по дороге посадят в карантин — «не дай бог, в Царском какую эпидемию устроят».

В январе 1917 г. царь потребовал у Гурко срочно прислать в Царское гвардейскую кавалерийскую дивизию, а Гурко под предлогом отсутствия места для размещения кавалерии прислал в Царское Село батальон Гвардейского экипажа. Батальон был морально неустойчив, а командиром его был назначен великий князь Кирилл Владимирович.

К началу февраля 1917 г. генералы были готовы если не начать переворот, то, во всяком случае, присоединиться к нему.

Одна из великих тайн русской истории — роль масонов в Февральской революции. В первые 40 лет советской власти на эту тему было наложен жесточайший запрет.

Советский классик, академик М.К. Касвинов[1] писал: «...Ленин ничего о масонстве не говорил. Черносотенная надуманность россказней о "всемирном масонском заговоре" столь очевидна, что великий вождь рабочего класса не считал нужным вдаваться в какой-либо их "разбор" или "анализ", оспаривать или опровергать их в каких-либо дискуссиях. Ленин, всю жизнь боровшийся против всех и всяческих козней врагов трудового народа, обличавший малейшие ухищрения буржуазии в ее политике обмана и эксплуатации трудящихся масс, не только ни разу не остановил своего внимания на масонстве — он не счел его даже достойным упоминания. В 55 томах произведений В.И. Ленина, охватывающих треть века ожесточенной борьбы за дело рабочего класса, самое слово "масонство" ни разу не употреблено».

Все просто. Нет масонов у Ленина, значит, их в природе не было. От себя добавлю, что и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» о масонах нет ни слова.

Но вот грянула «перестройка». В открытой продаже появились отечественные и эмигрантские книги, где говорится об участии масонов в Февральской революции. Отрицать очевидные факты новым правителям стало очень тяжело. Тогда была выдвинута новая доктрина: да, что-то было, а что — не важно. А кто пытается в этом разобраться, тот красно-коричневый, антисемит и вообще «бяка».

Но мы все-таки будем «бяками» и попробуем хотя бы немного разобраться в масонском заговоре, используя свидетельства участников и очевидцев. Начнем с ... Ленина. Да ведь он же ни разу не употреблял слова «масоны»! Ну и что. Так ведь и сами масоны своих соратников (подельщиков) масонами не называли, а выражались всегда как-нибудь иносказательно. Так вот что писал вождь: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, "разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций; "актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия»[2].

В конце XIX века в Париже пользовался успехом профессор, юрист Максим Максимович Ковалевский. Между 1898—1902 гг. он вступает во французскую масонскую ложу «Великий Восток». При содействии Ковалевского к 1906 г. пятнадцать русских вошли в ложу «Великий Восток». Среди них были В.А. Маклаков, В.И. Немирович-Данченко, А.В. Амфитеатров, В.О. Ключевский, изобретатель П.Н. Яблочков, князь С.Д. Урусов, дипломат И. Лорис-Меликов (племянник мини-

---

[1] Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1979.

[2] Ленин В.Т. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 11—12.

стра Александра III), граф Орлов-Давыдов, присяжный поверенный М.С. Маргулиес.

В 1906 г. Ковалевский прибывает в Россию к открытию I Государственной думы, куда он выбирается без особых осложнений. Через два года в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах, от Варшавы до Иркутска, было открыто не менее восемнадцати лож.

Масонские ложи в России в XX веке имели четкую политическую ориентацию. Их целью было свержение самодержавия. Масонская ложа была организацией вне- и надпартийной. Там могли встречаться руководители различных организаций и групп, причем не как представители своих движений, а как члены ложи, требующей от них братских отношений друг к другу.

К 1909 г. в масонские ложи входили многие сотни членов. Однако многих «братьев» руководство лож считало не пригодными для дальнейшей деятельности. Кроме того, возникли подозрения, что видный масон, князь Давид Осипович Бебутов информирует о ложах Департамент полиции. Поэтому руководство масонов прибегло к своей классической тактике. В 1909—1910 гг. все масонские ложи в России были распущены. Большинству членов объяснили роспуск тем, что охранке стало известно о существовании лож, неизбежны репрессии, потому необходима самоликвидация.

На деле этот роспуск был фиктивным и являлся прикрытием для реорганизации масонских лож. После «чистки» действительными членами остались только люди вполне надежные и близкие по своим взглядам. Реформированные ложи приняли более замкнутый, конспиративный характер.

В 1912 г. в строжайшей тайне был сформирован «Верховный Совет Народов России». Уже через год секретарями Верховного совета стали А.Ф. Керенский, М.Н. Терещенко и Н.В. Некрасов. Замечу в скобках, в 1917 г. во Временном правительстве: Терещин с марта по апрель — министр финансов, а в мае—октябре — министр иностранных дел; Некрасов был вначале министром путей сообщения, а затем министром финансов и заместителем председателя Совета министров; Керенский — с марта министр юстиции, с мая — военный и морской министр, а с июня — по совместительству и глава правительства. Как видим, со дня сформирования Временного правительства и до 25 октября 1917 г. эта «святая троица» находилась на ключевых постах. Уходили и приходили во Временное правительство октябристы, кадеты, трудовики, разные там эсеры, а масоны оставались.

По данным масона Нины Берберовой[1], в первый состав Временного правительства (март-апрель 1917 г.) вошли десять «братьев» и один «профан». «Профанами» масоны называли близких к ним людей,

---

[1] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

которые, однако, формально не входили в ложи. Таким «профаном» в первом составе Временного правительства оказался кадет П.Н. Милюков, назначенный министром иностранных дел.

Берберова пишет, что состав будущего правительства был представлен «Верховному Совету Народов России» уже в 1915 г. Берберова без лишней скромности приводит статистику: «Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, "третьей коалиции" (так называемой Директории), в сентябре-октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташова, — те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были "в бегах"».

Масонам удалось вжиться и в среду военных. Но здесь они соблюдали особую конспирацию, и называть конкретные имена следует с большой долей сомнения. Так, среди масонов называют имена генералов Крымова, Маниковского, Поливанова. Некоторые авторы (та же Берберова) называют Алексеева и Родзянко. Интересно, что двоюродный брат генерала Рузского, профессор Дмитрий Павлович Рузский был видным масоном.

Членами масонской ложи были даже два великих князя — Николай Михайлович и Александр Михайлович (внуки Николая I).

Активно поддерживали масонов дипломаты и разведчики Англии и Франции. Союзники явно путают Францию 1784—1793 гг. с Россией 1917 г. Там была революция, а затем революционная армия разгромила при Вальми немцев.

1917 год начался спокойно. На фронтах бои шли в целом с переменным успехом. Военная промышленность достигла пика своей производительности. Число забастовок и бастовавших хоть и росло, но, к примеру, в Англии аналогичные темпы роста были еще выше. В далекой Женеве у Ленина проскальзывали и пессимистические нотки, мол, наше поколение может и не увидеть пролетарской революции.

Часто Февральскую революцию сравнивают с революцией 1905 года. Увы, это очень некорректное сравнение. В 1905—1907 гг. бурлила вся страна. Часто революционерам удавалось на несколько дней, а то и недель захватывать города и создавать там органы власти. Вспомним Новороссийскую республику. На сторону восставших переходили целые полки, броненосцы, крейсера или даже эскадры кораблей (ноябрь 1905 г. в Севастополе), восставали крепости (Свеаборг, Кронштадт). Целые губернии были иллюминированы горящими барскими усадьбами. Ничего подобного в России не было до отречения Николая II. Январь и первые 23 дня февраля 1917 г. одна шестая часть земли, именуемая Российской империей, прожила так же, как и январь и февраль 1916 г. Напряженная ситуация были только в одной точке — Петрограде.

Однако спокойствие было призрачным. Масонами было сформировано правительство во главе с князем Львовым. Именно это теневое правительство станет Временным правительством.

23 февраля (8 марта по новому стилю) можно считать первым днем Февральской революции. На улицы вышли десятки тысяч человек: рабочих, студентов, чиновников. В толпе было много женщин и подростков. Народ пел Марсельезу, слышались крики: «Хлеба и мира», «Долой войну» и т.д. На Невском проспекте произошел ряд стычек с полицией.

Почти 90 лет историки спорят, были ли демонстрации стихийными. Большевики всегда утверждали, что демонстрации организовывали они. Доказательств никаких, кроме, разумеется, самого железного: «Партия — авангард рабочего класса». И куда же классу переть без «авангарда»?

Ну а если серьезно? Демонстрации 23 февраля уж слишком многочисленны, чтобы быть стихийными. Итак, если не большевики, то кто?

К январю 1917 г. масонская группировка стала сомневаться в способности военных произвести государственный переворот. Поэтому было решено найти «детонатор» для акции военных. Таким детонатором могли быть «стихийные народные выступления», расстрел их полицией и т.п.

Войска отказались стрелять в народ. Власть в Петрограде перешла к Временному правительству. В 5 часов утра 28 февраля Николай II покидает Ставку в Могилеве и отправляется в Петроград. И тут срабатывает «железнодорожный вариант» — царский поезд задерживают в Пскове, а сам Николай II становится пленником командующего Северным фронтом генерала Рузского. Тем временем главнокомандующий Алексеев из Ставки по телеграфу опрашивает командующих фронтов и флотов. Все командующие единодушно высказываются за отречение императора. Теперь Николаю II ничего не оставалось делать, как отречься.

Временное правительство немедленно уведомило союзные правительства о том, что свободная Россия будет выполнять все внешнеполитические обязательства, принятые царем.

Временное правительство провозгласило лозунг: «Война до победного конца!» И вот сейчас модные историки, захлебываясь от восторга, описывают мощь русской армии. В 1917 г. она-де собиралась перейти в решающее наступление на немцев и разгромить их с помощью лучших в мире бомбардировщиков «Илья Муромец», танков конструкции Лебеденко и автоматов Федорова. Однако злодеи большевики украли у России победу.

Увы, как ни прискорбно говорить, но «Илья Муромец» к 1917 г. безнадежно устарел по сравнению с тяжелыми бомбардировщиками Антанты и Германии. Если к началу войну русская военная авиация численно немного превосходила германскую (263 машины против 232), то

в 1916 г. соотношение кардинально изменилось — 360 машин против 1604 у немцев.

Русский истребитель С-16 имел полетный вес 676 кг, мотор «Гном» мощностью 80 л. с., максимальную скорость 120 км/ч, вооружение — один пулемет.

Германский истребитель «Юнкерс» J-2, созданный в 1916 г., имел полетный вес 1160 кг, максимальную скорость 205 км/ч, один пулемет. В следующем, 1917 году был создан J-3, развивавший скорость 240 км/ч.

С-16 набирал высоту 3 км за 40 минут, а германский истребитель «Фоккер» D-8 — 4 км за 11 минут.

Хваленый бомбардировщик «Илья Муромец» последнего выпуска (1916 г.) имел взлетный вес 5500 кг, бомбовую нагрузку до 500 кг. Четыре мотора «Бедмор» мощностью по 160 л.с. каждый, позволяли ему развивать максимальную скорость 137 км/ч. (У более ранних моделей скорость была от 80 до 120 км/ч.) Дальность полета составляла 540 км. Германский бомбардировщик «Linke-Hofmann» R1 имел взлетный вес 12 300 кг, бомбовую нагрузку 8 тонн, четыре мотора «Даймлер», по 260 л.с., максимальную скорость 132 км/ч.

Единственный опытный образец танка Н.Н. Лебеденко был испытан в районе Дмитрова и сразу же завяз в грязи. Вытащить его оттуда не было никакой возможности. На том же месте его и разобрали в 1923 г. Любопытно, что на наш танк был поставлен двигатель мощностью 200 л. с. со сбитого «Цеппелина». О таких мощных двигателях наша промышленность в 1915—1920 гг. не могла и мечтать.

Ну а хваленая автоматическая винтовка Федотова не могла получить широкого распространения в русской армии уже потому, что она была рассчитана на 6,5-мм японский патрон. В 1923 г. эту винтовку (автомат) запустили в малую серию, но в следующем году производство прекратили. «Испытание автоматов в войсках показало, что это оружие слишком нежно для боевой службы и в случаях запыления и загрязнения автоматы отказывают в действии»[1].

В странах Антанты и в Германии были запущены в массовое производство ручные и крупнокалиберные (12,7—13,1-мм) пулеметы, а в Германии даже приняли на вооружение двухствольный авиационный пулемет системы Гаста, опередивший отечественное оружие на 40 (!) лет. В царской России не производилось ни крупнокалиберных, ни ручных пулеметов. Да что пулеметы! Даже пистолетов у нас не выпускали, а только один револьвер — наган. В 1900—1914 гг. русские офицеры за свой счет покупали маузеры, люггеры, браунинги и другие пистолеты германского, бельгийского и американского производства.

Германия в 1918 и 1945 годах и СССР в 1991 г. оставили огромный задел в разработках новейших систем вооружений, которого хватило

---

[1] Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 159.

как минимум на двадцать лет. Царская Россия не оставила СССР ни одного перспективного образца вооружения. Все без исключения — моторы, танки, пушки, пулеметы, самолеты, корабли, подводные лодки — пришлось создавать заново.

На западе в 1917—1918 гг., чтобы прорвать германскую оборону на 5—10 км на участке шириной 5—15 км, союзники сосредотачивали несколько тысяч орудий, включая тяжелые железнодорожные установки, а также сотни танков.

Нетрудно догадаться, что если бы в 1917 г. не было революции и весь народ слепо бы верил в царя-батюшку, то без тяжелой артиллерии и танков прорвать германские позиции даже на незначительную глубину можно было, лишь завалив их горами трупов.

Те же либеральные историки, которые льют слезы об украденной в 1917 г. победе, не моргнув глазом, утверждают, что в 1944—1945 гг. Красная Армия победила вермахт числом, большой кровью и т.д. Между тем плотность огня германских войск в обороне в 1918 г. и в 1944 г. отличалась ненамного. А насколько германский солдат стоек в обороне, показали бои 1917—1918 гг. на западе и 1944—1945 гг. на востоке.

Но в 1944—1945 гг. позиции наших войск прикрывали тысячи самолетов, тяжелые пушки стояли в несколько рядов на участках прорыва, небо закрывалось огненными стрелами знаменитых «катюш», перед наступающей пехотой шли толстобронные ИСы и КВ... И все равно в наших наступательных операциях 1944—1945 гг. потери Красной Армии исчислялись сотнями тысяч.

Как же наша армия без штурмовиков, танков, «катюш» и тяжелой артиллерии могла от Риги и Барановичей дойти до Берлина в 1917—1918 гг.?

Самое же главное, что армия не хотела воевать. В 1792 г. под Вальми французы дрались с немцами за участок земли и прочее имущество, отнятое у помещика и епископа. Герцог Брауншвейгский вел с собой дворян-роялистов, желавших задушить революцию. А летом 1917 г. русские мужики и рабочие в зеленых гимнастерках нутром чувствовали, что если они победят немцев, то завтра «на коне» будут «поручики Голицыны и корнеты Оболенские», которые не дадут грабить барские и монастырские усадьбы и национализировать фабрики.

Уже 1 марта (по старому стилю) 1917 г. в Кронштадте начались дикие расправы над офицерами, а в ночь со 2 на 3 марта это повторилось на кораблях, стоявших в военно-морской базе Гельсингфорс (Хельсинки). 4 марта в Гельсингфорсе матросы убили командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина.

Обратим внимание: за что матросы убивали офицеров и адмиралов? За то, что они пытались защитить царский режим? Нет. Только из-за десятилетиями накопившейся ненависти к «золотопогонникам». Это была уже не революция, а самая настоящая гражданская война.

Другой вопрос, что расправы над офицерами распространялись по России медленно. Так, на Черном море убийства офицеров начались

лишь осенью 1917 г., зато по массовости и жестокости они намного превысили деяния братвы в Кронштадте и Гельсингфорсе.

Однако небоеспособным Черноморский флот стал уже в конце лета 1917 г. Характерный пример — на эсминце «Жаркий» в начале июня команда отказалась выполнять приказы командира Г.М. Веселого. А комиссия ЦИК предложила миноносцу «Жаркий» «прекратить кампанию», то есть встать на прикол в Севастополе и более не участвовать в боевых действиях. 7 июля команда крейсера «Память Меркурия» отказалась выполнять приказ командования, а 29 июля то же произошло на эсминце «Поспешный». Да и на кораблях, участвовавших в боевых действиях, дисциплина стала понятием относительным.

27 июля миноносец «Гневный» возвратился в Севастополь с захваченной турецкой лайбой, груженной маслинами, орехами и табаком. Команда отказалась сдать груз в распоряжение Севастопольского Совета и сама распродала его прямо на площади Нахимова. Такого отродясь не бывало в Российском флоте. Даже греческие корсары в 1788—1791 гг. отдавали половину добычи адмиралу Ушакову.

А балтийские братишки обсуждали вопрос, надо ли идти на помощь защитникам Моонзундского архипелага. При голосовании мнения кардинально разделились — на одних кораблях единогласно «за», на других — единогласно «против». Причем на решения команд влияли не активность большевиков или эсеров, а величина осадки их корабля. Мог он пройти Ирбенский пролив — команда голосовала «против», не мог — ура, вперед, разобьем немцев!

Летом 1917 г. лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести порядок? Тоже нельзя, нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход — пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, боронить и т.д., когда не известно, кому достанется урожай осенью?

В марте — июне 1917 г. только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 г. в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии — 30 и т.д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте — октябре 1917 г. в России вроде бы гражданской войны и не было.

Главное же, что с марта 1917 г. по всей Российской империи подняли головы сепаратисты. К октябрю 1917 г. под ружье были поставлены не-

сколько сот тысяч «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Замечу, что сепаратистские тенденции проявляли не только «инородцы», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» в Сибири и т.п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем — и напрямую об отделении от Центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу претендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 г. решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т.п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной--летом 1918 г. неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос — сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный — нет! А кто бы победил? И думать над этим не хочу, а интересующихся отсылаю к авторам многочисленных фэнтези, которые рассказывают нам, что было бы, если бы Гитлер захватил Англию, взял Москву и прочая, и прочая...

Летом 1917 г. русская контрразведка объявила Ленина и еще ряд видных большевиков германскими шпионами. Контрразведчики предъявили прапорщика Д.С. Ермоленко, бежавшего из германского плена, который заявил, что он послан в Россию сотрудниками германского Генерального штаба Шидицким и Люберсом для антивоенной агитации и что названные офицеры сообщили ему: такое же поручение дано Ленину и другим большевикам. Информацию об этом Временное правительство передало в газеты, одновременно распорядившись об аресте Ленина и других большевистских лидеров.

До сих пор историкам не удалось ничего узнать о генштабистах Шидицком и Люберсе. Судя по всему, имела место топорно сделанная провокация русской контрразведки.

Позже историки обнародуют документы о передаче немцами большевикам крупных сумм по двум каналам — через Парвуса и через швейцарского социалиста Карла Моора. На мой взгляд, многие обнародованные факты в чем-то убедительны. Но следует ли из факта передачи денег большевикам то, что Ленин был германским шпионом?

Ну, начну с чисто эмоциональной стороны. Такое обвинение само по себе — пощечина русскому народу. Что это за народ? Дали немцы деньги на нужды революционеров, и весь народ, как стадо баранов, пошел за ними. Так, союзники давали огромные займы Керенскому. И что? Начиная с ноября 1918 г. Ленину некому было давать денег, а союзники отваливали огромные займы Колчаку, Деникину, Юденичу и Врангелю, а также многие сотни тысяч винтовок, пулеметов, орудий, самолетов и танков. А дело кончилось тем, что оные танки прошли по брусчатке Красной площади, но не со значками из триколора, а с красными звездами.

Возникновение на первый взгляд противоестественных союзов в политике — не исключение, а правило. Так, например, сейчас янки выкладывают миллиарды долларов, чтобы свергнуть «недемократический режим» Лукашенко, и одновременно тратят огромные суммы на поддержку «демократической» монархии в Саудовской Аравии, где законодательство не менялось с XIV века.

Общеизвестно, что Екатерина II, будучи цесаревной, не стеснялась брать большие суммы прусского и британского послов. И в отличие от Ленина расписки императрицы сохранились. Тем не менее этим никто до сих пор не попрекает Екатерину Великую. Кто-то из западных историков сказал: «На троне не может быть шпионажа и измены».

Ну а что касается Владимира Ленина, то он был человеком практичным и на сравнительно небольшие деньги устроил не одну, а две революции — в России и в Германии.

Глава 27

БРЕСТСКИЙ МИР И ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Великая Октябрьская революция породила мифов больше, чем любое другое событие XX века. Причем до сих пор в эти мифы свято верят как ортодоксальные коммунисты, так и воинствующие антикоммунисты.

Начнем с того, что Великая Октябрьская революция не была ни октябрьской, ни великой, ни революцией. Для доказательства первого достаточно заглянуть в календарь, а для доказательства второго и третьего утверждений — в труды Ленина и других большевиков за 1917—1920 гг. Первые месяцы и даже годы в разговорах между собой и даже в открытых статьях они называли события 7 ноября (25 октября по старому стилю) исключительно октябрьским переворотом. Великая революция — это уже эпитеты партийных пропагандистов в последующие годы.

Не было залпа крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу, не было и самого штурма Зимнего. Возьмем пухлый том энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (Москва, 1972 г.). Там в большой статье «Зимний» не указывается число жертв при «штурме Зимнего». Прямо как и нынешние властители, объявившие, что после взятия Дома Советов 4 октября 1993 г. в здании не было обнаружено ни одного трупа. Налицо одинаковая ложь, только с различными целями — в 1917 г. стеснялись, что убитых было несколько человек, а по некоторым данным, вообще никто не убит, а в 1993 г. — наоборот. В октябре 1917 г. по Зимнему был сделан один холостой выстрел «Авроры» и 2 (<u>два!</u>) боевых выстрела из орудий Петропавловской крепости, зато в октябре 1993 г. по Белому дому было выпущено несколько тысяч снарядов калибра от 30 до 125 мм включительно.

Зимний практически никто не защищал. Около двух тысяч юнкеров и рота женского батальона были вызваны к Зимнему обманом: одних позвали нести караульную службу, других — грузить дрова. Увидев, что дело пахнет не дровами, а керосином, почти все юнкера и дамы мирно разошлись, революционные солдаты и матросы им не препятствовали. Далее солдаты и матросы, для приличия немного постреляв, в основном, в потолки, заняли дворец и арестовали министров Временного правительства.

То же, что нам многократно показывало советское, а сейчас «общественное» телевидение, является не документальными показами взятия Зимнего, а кадрами художественного фильма «Октябрь», снятого много лет спустя.

Чтобы сохранить объективность, скажу, что в октябре 1917 г. воинство с обеих сторон было опереточным. С одной — мальчишки, вчерашние гимназисты, да барышни, а с другой — солдаты резервных гвардейских полков (Павловского и Кексгольмского), которые до смерти боялись попасть на настоящий фронт и со страху примкнули к революции еще в феврале 1917 г. Естественно, что первым их требованием к Временному правительству было «не посылать ни одного солдата из резервных петроградских полков на фронт». Окажись у Временного правительства хотя бы один боевой пехотный батальон и пара гаубичных батарей — с большевиками было бы покончено в 24 часа.

А может, Временное правительство не хотело кровопролития? Надо отдать должное А.Ф. Керенскому, который был хорошо осведомлен о намерениях большевиков и 24—25 октября (6—7 ноября) буквально метался по Петрограду в поисках поддержки. Но, увы, «Совет казачьих войск решительно выступил за невмешательство казаков в борьбу Временного правительства с большевиками... штаб Петроградского военного округа с совершенным бездумием, не проявляя никакой деятельности, следит за происходящими событиями»[1]. Таким образом, и казаки, и офицерство просто послали Александра Федоровича на известное число букв.

С горя премьер кидается к коллегам социалистам, как-никак к октябрю 1917 г. Временное правительство было «однородным социалистическим». «Я решил привлечь партийные военные организации партии социал-революционеров», но «партийная боевая сила не только не появилась в штабе, но и в городе-то не проявила никакой деятельности»[2]. Действительно интеллигенты-социалисты (меньшевики и правые эсеры) между февралем и маем организовывавшие многочисленные боевые дружины, которые с большим удовольствием маршировали по Невскому с красными бантами на груди и трехлинейками на плече. Но вот в ночь с 6 на 7 ноября все эти грозные боевики похрапывали на перинах, когда большевики разгоняли их социалистических министров.

Боюсь, что уже читатель-патриот побагровел — автор ёрничает, издевается над русской историей! Успокойтесь, у них за бугром все было гораздо хуже, чем у нас. Вот, к примеру, 14 июля 1789 г. в Бастилии гарнизон состоял из 95 инвалидов и 30 швейцарцев, пушки были сняты со стен, а амбразуры заколочены. В крепости томились семеро заключенных (четверо сидели за подлоги, двое сумасшедших и один развратник-садист). На требование сдать крепость комендант де Лонэ предложил вожакам восстания отобедать с ним и мирно решить все

---

[1] Керенский А.Ф. Гатчина.1922.

[2] Там же.

проблемы. Подъемный мост был опущен. Толпа ворвалась в Бастилию. Комендант, четверо офицеров и трое инвалидов были зверски убиты. Революционеры, насадив головы убитых на пики, гордо двинулись по Парижу.

Таким образом, если штурм Зимнего был веселой опереттой, то взятие Бастилии представляло довольно отвратительное зрелище. Но вот парадокс — французы уже 218 лет ежегодно с большой помпой отмечают взятие Бастилии, 14 июля — это главный государственный праздник Франции. Впрочем, этот парадокс легко объясним. Штурм Зимнего и Бастилии — сами по себе явления незначительные, но они стали вехами великих процессов, которые потрясли весь мир. Действительно, с 1789-го и с 1917 года история всего человечества лет на семьдесят определялась, в основном, тем, что происходило во Франции или России.

Одним из важнейших лозунгов большевиков был: «Мир народам!» В ночь на 20 ноября 1917 г. случилось то, чего так боялись союзники. Советское правительство послало Верховному главнокомандующему генералу Духонину радиотелеграмму с приказом предложить германскому командованию перемирие. Поздно вечером 21 ноября союзные посольства в Петрограде получили от наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого ноту с предложением заключить перемирие с Германией и начать переговоры о мире. Бьюкенен советовал оставить ее без ответа. В Палате общин он рекомендовал заявить, что правительство будет обсуждать условия мира с законно образованным русским правительством, но не с теми, кто нарушает обязательства, взятые 5 сентября 1914 г.

В 4 ч. 30 мин. утра 9 (22) ноября советское правительство, сместив главкома Духонина, обратилось с воззванием к солдатам о необходимости немедленного фактического прекращения войны и предложило начать братание и переговоры о прекращении огня на отдельных участках фронта самим солдатским комитетам.

Советское правительство дважды — 8 (21) и 15 (28) ноября — обращалось к союзникам — Англии, Франции и США — с предложением совместно приступить к переговорам о мире с Германией. Однако союзники решительно отказались пойти на прекращение войны, равно как и иметь дело с советским правительством. Тогда Совнарком 13 (26) ноября 1917 г. был вынужден обратиться с предложением о мире к правительству Германии.

Эти действия советского правительства привели к двум видам первоначального прекращения военных действий между Россией и Германией: самодеятельным, местным, локальным соглашениям, заключенным о перемирии с противником армейскими организациями на фронтах, и к переговорам о перемирии, начатым армейскими организациями под контролем и руководством центрального советского правительства.

21 ноября (4 декабря) 1917 г. на железнодорожной станции Сола линии Молодечно — Вильно был подписан «Договор о перемирии

между армиями русского Западного фронта и германскими армиями, действующими против означенного фронта» на срок с 23 ноября (6 декабря) до 4 (17) декабря 1917 г. или до общего перемирия, если оно последует раньше. Уполномоченными от Западного фронта были пять рядовых солдат, унтер-офицер Берсон и два врача. Уполномоченным Главного германского командования был генерал-майор Генштаба фон Зауберцвейг. Договор действовал на линии фронта от местечка Видзы (Латвия) до реки Припяти (Волынь).

17 (26) ноября 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры о «всеобъемлющем перемирии». Первый состав советской делегации возглавили А.А. Иоффе (председатель делегации, член ВЦИК), Л.Б. Каменев (член делегации, член ВЦИК), Г.Я. Сокольников (член ВЦИК, член Коллегии Наркомфина). Немцев представлял генерал-майор Макс Гофман. На переговорах присутствовали представители Австрии, Болгарии и Турции.

2 (15) декабря был подписан «Договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой стороны» (первый Брест-Литовский договор). Срок действия договора: с 4 (17) декабря 1917 г. до 1 (14) января 1918 г., как минимум на 28 дней. После этого срока договор продлевался автоматически. Начиная с 21-го дня действия договора, стороны могли отказаться от него, известив друг друга за 7 дней.

9 (22) декабря начались мирные переговоры. Советская делегация выдвинула в качестве их основы принцип демократического мира без аннексий и контрибуций. 12 (25) декабря Рихард фон Кюльман от имени германо-австрийского блока заявил о присоединении к основным положениям советской декларации о мире без аннексий и контрибуций при условии присоединения правительств стран Антанты к советской формуле.

Советское правительство снова пригласило страны Антанты участвовать в переговорах. 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) Кюльман заявил, что, так как Антанта не присоединилась к переговорам, германский блок считает себя свободным от советской формулы мира. 5 (18) января германская делегация потребовала отторжения от России территории свыше 150 тысяч кв. км, в том числе Польши, Литвы, части Эстонии и Латвии, а также значительных пространств, населенных украинцами и белорусами. По предложению советского правительства переговоры были временно прерваны.

Судя по всему, большевики понадеялись на подъем рабочего движения в Германии. И действительно, в конце января 1918 г. Германию потрясла всеобщая политическая забастовка, в которой участвовали более полутора миллиона рабочих (из них свыше 500 тысяч в Берлине). Важнейшей причиной забастовки был срыв германским правительством мирных переговоров с Советской Россией в Брест-Литовске. Забастовка охватила 39 городов Германии. На заводских собраниях в Берлине были избраны представители в Рабочий совет в количестве

414 человек. Рабочий совет единогласно потребовал: мир без аннексий и контрибуций; улучшение продовольственного снабжения; отмена осадного положения и введение демократических свобод; освобождение лиц, осужденных или арестованных за политическую деятельность и др. Однако властям с помощью правых социал-демократов удалось подавить забастовку.

Между тем еще 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) в Брест-Литовск прибыла делегация Украинской Центральной рады. Центральная рада была образована в апреле 1917 г. в ходе съезда в Киеве 900 националистов[1]. Ее никто не избирал, и она не пользовалась особой поддержкой населения.

К 15 (28) января 1918 г. Красная Армия подошла к Киеву со стороны Дарницы, а в самом городе восстал завод «Арсенал». При приближении большевиков Глава Генерального секретариата (Совета министров) Центральной рады В.К. Винниченко и члены его кабинета струсили, подали в отставку и вместе с президентом Центральной рады М.С. Грушевским бежали из Киева. Власть захватили два студента — Голубович, который сделался главой «правительства», и Ковенко, ставший комендантом Киева. Они в течение почти двух недель довольно активно защищали Киев, но когда убедились в бессмысленности дальнейшего сопротивления, сели в автомобили и укатили в Житомир.

Германия находилась в тисках Антанты, и ей срочно требовалось продовольствие, которое можно было найти на Украине. Германское правительство не могло допустить перехода Украины под власть большевиков. Поэтому 27 января (9 февраля) 1918 г. Германия и Австро-Венгрия подписали с правительством Центральной рады мирный договор. От имени Рады подпись поставил какой-то студент Севрук.

Согласно этому договору, Центральная рада обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 г. 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого веса рогатого скота, 400 млн штук яиц, сотни тысяч пудов сала, масла, сахара и других продуктов.

17 (30) января 1918 г. советско-германские переговоры в Бресте возобновились. При отъезде в Брест главы советской делегации Троцкого между ним и Лениным было условлено: затягивать переговоры до предъявления Германией ультиматума, а затем немедленно подписать мир. Обстановка на переговорах накалялась. Германия отказалась допустить к переговорам делегацию Советской Украины.

27—28 января (9—10 февраля) германская сторона вела переговоры в ультимативном тоне, однако официального ультиматума не предъявила. Затягивать переговоры в соответствии с решением ЦК партии (от 11 (24) января 1918 г.) еще была возможность, но Троцкий 28 января выступил с авантюристической декларацией о том, что Советская Россия войну прекращает, армию демобилизует, а мира не подписы-

---

[1] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Россия и Украина. Когда заговорят пушки...» (М.: АСТ; Хранитель, 2007).

вает. Кюльман заявил, что «неподписание Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия». Советская делегация покинула Брест-Литовск.

18 февраля в 12 часов дня австро-германские войска начали наступление по всему фронту. Вечером того же дня на заседании ЦК партии после острой борьбы с «левыми коммунистами» большинство (7 — за, 5 — против, 1 — воздержался) высказались за подписание мира. Утром 19 февраля председатель Совнаркома Ленин направил германскому правительству телеграмму с согласием советского правительства подписать германские условия. Однако немецкие войска продолжали наступление. 21 февраля Совнарком РСФСР принял декрет — «Социалистическое отечество в опасности!»

23 февраля от германского правительства был получен ответ, содержавший еще более тяжелые условия. На принятие ультиматума давалось 48 часов. В тот же день состоялось заседание ЦК РСДРП(б). За немедленное подписание германских условий мира голосовали 7 членов ЦК, против — 4 и четверо воздержались. ЦК единодушно принял решение о немедленной подготовке к защите социалистического отечества. В тот же день Ленин выступил на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, на большевистской фракции, а затем на заседании ВЦИК. В ожесточенной борьбе против левых эсеров (23 февраля на заседании ВЦИК они голосовали против заключения Брестского мира), меньшевиков, правых эсеров и «левых коммунистов» он добился одобрения ВЦИК решения ЦК партии.

В ночь на 24 февраля ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли германские условия и немедленно сообщили об этом германскому правительству. 3 марта 1918 г. советская делегация подписала Брестский договор.

Согласно условиям Брестского мира, Россия должна была провести полную демобилизацию армии (бывшей царской армии, а также Красной Армии) и полное разминирование своей части Черного и Балтийского морей.

Россия уступала Германии области, лежащие западнее линии Брест-Литовск — Каменец — Литовск — Пружаны — Зельва — Мосты — Орел — Докудова — Дзевенишки — западнее Слободки — Гервяты — Михалишки — восточнее Свенцяны — Маленгяны — Дрисвяты — Друя и далее по течении Западной Двины до Огер, и, оставляя Ригу к западу, линия границы выходила к Рижскому заливу, проходя по нему в северном направлении между материком и Моозундским архипелагом и к выходу из Финского залива, остававшегося целиком к востоку от разграничительной линии.

Россия возвращала Турции округа Ардаган, Карс и Батум, отзывала свои войска из всех частей Восточной Анатолии.

Россия обязалась немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать ее мирный договор с Германией и ее союзниками.

Россия отзывала свои войска с территории Украины.

То же касалось территории Эстляндии, Лифляндии, граница России с которыми должна идти по реке Нарве и Чудскому и Псковскому озерам, куда вводились германские полицейские части.

Финляндия и Аландские острова также очищались от русских войск. Аланды должны были быть демилитаризованы при первой возможности.

Таким образом, Советская Россия теряла Прибалтику, Белоруссию и Украину. Причем во всех случаях границы новых территориальных преобразований были не ясны ни немцам, ни русским.

Пока шли переговоры в Брест-Литовске, германские войска двинулись к Киеву, а австрийские — к Одессе. Мониторы и канонерские лодки австрийской Дунайской флотилии пришли в Одессу и попытались подняться вверх по Днепру, но не сумели пройти пороги.

16 февраля (1 марта) первый батальон саксонской пехоты появился на киевском вокзале. Давняя мечта австрийских и германских политиков осуществилась:

Од Кыева до Берлина
Простяглася Украина.

В Киеве обосновалась главная квартира германского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном. Вслед за саксонской пехотой в Киеве объявилось и правительство Голубинского.

Но, увы, немцы быстро убедились, что Рада ничего не представляет. По данным германского штаба, войска Украинской Народной Республики насчитывали лишь «две тысячи бывших солдат и офицеров, безработных и авантюристов». Как писал А. Царинный: «...все в Малороссии прекрасно знали, что украинское войско — это действительно миф, сочиненный для удовольствия “щирых” украинских шовинистов, так как нельзя же серьезно называть войском появившиеся впереди немцев кучки глупых людей в шапках со свесившимися на спину красными шлыками, в театральных костюмах, в каких щеголяли в исторических пьесах из жизни старой Малороссии корифеи малорусской сцены Кропивницкий или Тобилевич-Садовский, и в широких поясах, из-за которых торчали чуть ли не аршинные кривые кинжалы. Появление украинских гайдамаков — это была шутовская интермедия в тяжкой кровавой драме мировой войны и “русской” революции, но никоим образом не один из ее важных актов»[1].

Красная Армия на Украине была куда более боеспособной, но все равно не могла противостоять германо-австрийским частям. Мало того, Советская Россия по рукам и ногам была связана Брестским миром и не могла открыто вести боевые действия на Украине. Поэто-

---

[1] Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998. С. 196—197.

му местные левые с согласия Москвы создали ряд полунезависимых республик: Донецко-Криворожскую Советскую республику (ДКСР), Одесскую Советскую республику, Таврическую Советскую республику и Донскую Советскую республику.

К лету 1918 г. германо-австрийские интервенты оккупировали Украину, Крым, Донскую область, часть Таманского полуострова, часть Воронежской и Курской губерний. На востоке оккупационная зона ограничивалась линией Батайск — Дон — Северный Донец — Дёгтево — Осиновка — Новобелая — Валуйки — Грушевка — Белгород — Суджа — Рыльск. В «сферу влияния» Австро-Венгрии (по соглашению от 29 марта 1918 г. между Берлином и Веной) входили часть Волынской, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии. (Управление и эксплуатация угольных и горнорудных районов здесь были совместными.) Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону занимали смешанные части (германское командование в Николаеве и Ростове-на-Дону, австро-венгерское — в Мариуполе). Остальные губернии Украины, Крыма, а также Таганрог оккупировали германские войска. Железнодорожный и водный транспорт на всей оккупированной территории ставился под контроль германского командования.

Вскоре германские оккупационные власти решили заменить Центральную раду более эффективным «туземным» правительством. Генерал-фельдмаршал Эйхгорн решил дать Украине... гетмана. Кстати, это слово было вполне понятно и немцам, поскольку происходило от германского слова «гауптман» (hauptmann) — начальник. На должность гауптмана Эйхгорн предложил генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского. Тот происходил по прямой линии от Василия Ильича Скоропадского, родного брата бездетного гетмана Левобережья Ивана Ильича Скоропадского (1708—1722). Павел Петрович владел богатейшими имениями в Полтавской и Черниговской губерниях. Кроме всего прочего, он был еще и масоном высокого градуса и ранее пребывал в тех же ложах, что и Грушевский, и Петлюра.

Избрание гауптмана, пардон, гетмана состоялось 29 апреля 1918 г. в цирке Крутикова на Николаевской улице в Киеве. Режиссером представления был тот же Эйхгорн. В цирке были собраны «хлеборобы-собственники». Несколько «хлеборобов» выступили с речами, требуя спасти Украину от хаоса, а сделать это может только гаупт... то есть гетман. И тут в одной из лож цирка появился одетый казаком Скоропадский. «Хлеборобы» дружно «прокричали его гетманом».

А Центральная рада была без единого выстрела разогнана германским караулом. Ни один человек на всей Украине не встал на ее защиту. Началась эпоха новой гетманщины, или, как шутили киевляне, «гетманшафт». Сам гетман поселился в доме киевского генерал-губернатора. Любопытная деталь: под кабинетом гетмана на втором этаже находилось помещение германского караула. Так что Павел Петрович Скоропадский сидел на германских штыках не только в переносном, но и в прямом смысле.

Скоропадский немедленно «сменил вывеску на лавочке». Ему както неудобно было быть гетманом «Украинской Народной Республики», и название это было заменено на «Украинскую державу». Срочно была набрана сердючная дивизия для охраны особы гетмана, дивизия генерала Патнева (в Харькове), 1-я пехотная дивизия, сформированная австрийцами из военнопленных во Владимире Волынском, а также несколько «охранных» и пограничных сотен. Кроме того, гетман начал формировать и отряды из белых офицеров.

Оккупационные германо-австрийские войска приняли решительные меры для наведения порядка на Украине. Немедленно были возвращены помещикам захваченные крестьянами земли, скот и инвентарь. Карательные отряды проводили массовые расстрелы. Однако эти меры не успокоили население, а лишь только озлобили его. Именно при гетмане резко возросла активность банд, по сравнению со временами Центральной рады.

Банда или ,лучше сказать, армия батьки Махно действовала на огромном пространстве современной Украины — от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Большую известность получили банды Зеленого, Струка, Соколовского и Тютюнина, атаманши Маруси и др.

На юге России немцы не ограничились украинскими областями, а решили оккупировать Крым. 18 апреля германские войска, не встречая сопротивления, заняли Перекоп и вторглись в Крым. Через два дня правительство Советской республики Таврида бежало из Симферополя. Одновременно по всему Крыму началось восстание татар. Часть членов правительства Тавриды во главе с А.И. Слуцким были захвачены татарами в районе Алупки и расстреляны.

Севастопольская крепость к 1918 г. была второй по мощи в России. Даже без флота она могла несколько месяцев противостоять германским войскам. А при наличии флота, господствовавшего на Черном море, взятие Севастополя немцами исключилось полностью. Но на дворе был не 1916-й, а 1918 год. Революционные «братишки» с большим удовольствием грабили и резали буржуев, но драться с немцами принципиально не хотели. Главный вопрос у одних состоял в том, куда и как драпать, а у других — как договориться с немцами.

Большевики хотели увести корабли в Новороссийск и по такому случаю выпустили из тюрьмы контр-адмирала Саблина и немедленно назначили его командующим Черноморским флотом.

Немецкие войска вплотную подошли к Севастополю, и Саблин повел часть кораблей в Новороссийск. Среди них были линкоры-дредноуты «Воля», «Свободная Россия», эсминцы «Керчь», «Калиакрия», «Пронзительный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Живой», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Гаджибей», «Жаркий», «Строгий», «Сметливый» и «Стремительный», вспомогательный крейсер «Троян», 65 моторных катеров, 8 транспортов и 11 буксиров.

С высот Северной стороны германские полевые пушки открыли по ним огонь. «Воля», «Свободная Россия» и шедшие впереди эсминцы прорвались в открытое море. Эсминец «Гневный» был подбит артиллерийским огнем противника и выбросился на берег в районе Ушаковой балки, эсминец «Заветный» был затоплен своей командой в порту. Подводные лодки и малые корабли возвратились в Южную бухту. В Севастополе остались шесть броненосцев, два крейсера и ряд других кораблей, многие их которых не были укомплектованы личным составом.

Русские корабли ушли вовремя. В ночь на 1 мая перед Севастополем заняли позицию линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Гамидие». В 1916 г. оба они стали бы легкой добычей одного русского дредноута, но сейчас, когда на русской эскадре почти не осталось офицеров, а «братишки» привели суда в небоеспособное состояние, исход боя был непредсказуем. 1 мая в 15 часов германские войска церемониальным маршем вступили в Севастополь.

2 мая «Гебен» и «Гамидие» вошли в Севастополь. 3—4 мая немцы подняли германские флаги на русских кораблях, оставшихся в Севастополе. Немцы назначили капитана 1-го ранга Остроградского «морским представителем Украинской державы». Но никакой власти ни Остроградский, ни сама «держава» в Севастополе не имели. Всем распоряжался германский адмирал Гопман. Казенное, равно как и частное, имущество в Севастополе бессовестно разграблялось немцами.

13 мая на крейсере «Прут» (бывший «Меджидие») был торжественно поднят турецкий флаг. Затем крейсер «Гамидие» взял «Прут» на буксир и отвел его в Стамбул.

1 июня последний отряд кораблей прибыл в Новороссийск. Тут перед русскими моряками возник вопрос — что делать дальше?

24 мая, еще до ухода кораблей в Новороссийск, начальник Морского генерального штаба Е.А. Беренс представил председателю Совнаркома доклад, где говорилось: «Германия желает во что бы то ни стало завладеть нашим флотом. Дальнейшие с нашей стороны попытки разрешить вопрос переговорами при вышеизложенных условиях дают только Германии возможность выиграть время и явно ни к чему не приведут. Наши суда в Новороссийске попадут в руки даже не Украины, а Германии и Турции и создадут этим в будущем господство их на Черном море... Все эти условия показывают, что уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они, несомненно, и наверное, полностью или в части попадут в руки Германии и Турции».

На докладе Морского генерального штаба В.И. Ленин написал: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

На имя командующего и главного комиссара Черноморского флота 28 мая была направлена секретная директива за подписью Ленина с приказанием «утопить все суда Черноморского флота и коммерческие парохода, находящиеся в Новороссийске».

Таким образом, болтовня нынешних СМИ о том, что Ленин-де по злому умыслу решил утопить флот, не имеет никаких оснований. Ленин просто доверился специалистам, причем не большевикам, а офицерам царского флота. Между тем 3 июня перед Новороссийском заняла позицию подводная лодка UC-23. А 52-й германский корпус начал продвижение с целью занятия Новороссийска.

Однако вопрос о судьбе флота решила не ленинская телеграмма, а матросский референдум, проведенный 16 июля в Новороссийске. Референдум дал 939 голосов за возвращение в Севастополь, 640 — за затопление флота в Новороссийске, и около 1000 воздержались от голосования. По дредноутам распределение голосов было таково: на «Воле» за возвращение — 360, за потопление — 140; на «Свободной России» за возвращение — 350, за потопление — 340. В результате 17 июля вечером линкор «Воля», эсминцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий» и «Жуткий» и транспорт «Троян» ушли из Новороссийска в Севастополь. Остальные корабли 18 июня были затоплены на внешнем рейде Новороссийска.

Дредноут «Свободная Россия» был потоплен четырьмя торпедами с эсминца «Керчь». Вместе с ним у Новороссийска были затоплены эсминцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный». Эсминец «Керчь» ушел в Туапсе, где был затоплен своей командой.

19 июня «Воля» и сопровождавшие его корабли пришли в Севастополь. По требованию немцев эти корабли были поставлены в Стрелецкой бухте Севастополя. Экипажи свезены на берег. Корабли были частично разоружены — сняты замки и ударники с орудий, выпущен воздух из торпед и т.п.

10 мая в Симферополе был созван курултай[1], на котором в качестве почетного гостя присутствовал германский генерал Кош. Германское правительство и военное командование не знали, как управлять Крымом.

Немцы начали массовый вывоз продовольствия из Крыма. В мае 1918 г. газета «Прибой» писала: «Немцы забрали все продовольственные товары, принадлежащие городу. Так, конфискованы хлебные амбары, забран месячный запас сахара, около 900 пудов час, свыше 500 000 банок консервов». После публикации этой статьи власти закрыли газету, а жителям города определили ежедневный паек в полфунта (200 г) хлеба на взрослого и четверть фунта (100 г) на ребенка.

Немцы подвергли разграблению склады Черноморского флота и Севастопольской крепости. 7 июля в севастопольский док встал линейный крейсер «Гебен». Как уже говорилось, у турок не было дока,

[1] 26 ноября 1917 г. татары собрали курултай, который объявил себя учредительным собранием Крыма и даже сформировал Национальное правительство, более известное под именем Директории (не путать с украинской Директорией).

способного принять столь крупный корабль, и «Гебен» почти пять лет не был в доке.

К началу июля 1918 г. германские флаги были подняты над несколькими кораблями Черноморского флота. В первую очередь немцы захватили плавмастерскую «Кронштадт», водоизмещением 16 400 т. Фактически это был плавучий завод. Впоследствии Врангель продаст его французам, и он длительное время под названием «Вулкан» будет входить в состав французского флота.

Крейсер «Память Меркурия» немцы обратили в плавказарму. В боевой состав немцы ввели эсминец R-10 (бывший «Зоркий») и подводную лодку US-4 (бывшая «Гагара»), а также десять малых судов. Эти суда были укомплектованы германо-турецкими экипажами. В конце лета немцы ввели в строй эсминцы «Счастливый» и «Капитан Сакен».

Между тем Первая мировая война шла к концу. 30 октября 1918 г. в городе Мудрос на острове Лемнос состоялось подписание перемирия между Турцией и странами Антанты. По условиям перемирия Турция обязалась открыть для союзников Черноморские проливы, демобилизовать армию и допустить оккупационные союзные войска на часть турецкой территории, включая зону Проливов. Теперь у германских войск, находившихся в Турции, была одна возможность избежать плена — бежать в Севастополь и Одессу.

31 октября германские войска, дислоцированные в фортах Дарданелл, на плавмастерской «Флейс» (бывшая «Кронштадт»), отправились в Одессу. Германский адмирал Ребейр-Пашвиц, командовавший Средиземноморской эскадрой, попытался увести «Гебен» в Севастополь, но англичане пригрозили Турции серьезными репрессиями, и те не выпустили «Гебен» в Босфор. В Севастополь удалось провести только германские подводные лодки.

Однако Черному морю не суждено было стать театром военных действий между германским и союзным флотами. В Германии началась революция, и немцы в середине ноября стали собирать чемоданы. Очевидец ухода , князь В.А. Оболенский писал, что немцы утратили свою хваленую дисциплину и, вступив весной в Крым церемониальным маршем, уходили осенью, «лузгая семечки».

К февралю 1918 г. немецкие войска оккупировали всю территорию Прибалтики, которую немцы рассматривали как свою колонию.

По инициативе германских оккупационных властей 8 марта 1918 г. в Митаве был собран Курляндский ландтаг из 80 делегатов, большинство которых составляли германские дворяне и богатые бюргеры. Ландтаг принял решение о провозглашении под скипетром германского императора и прусского короля Курляндского герцогства.

15 марта Вильгельм II подписал акт о признании Курляндского герцогства самостоятельным государством. 12 апреля в Риге, на объединенном ландесрате Лифляндии, Эстляндии, города Рига и острова Эзель (так называемый совет прибалтийских земель; 58 делегатов, как и в ландтаге, представляли те же социальные слои) было объявлено о

создании Балтийского герцогства (в его состав вошло и Курляндское герцогство), об отделении Эстонии и Латвии от России, установлении персональной унии Балтийского герцогства с Пруссией.

Правителем Балтийского герцогства стал Генрих Гогенцоллерн, брат Вильгельма II. Решение ландесрата вызвало противодействие населения и правительства РСФСР. Полномочный представитель РСФСР в Германии в ноте от 26 мая заявил о непризнании советским правительством решения маленькой группы лиц за волеизъявление всего народа.

На территории Балтийского герцогства были запрещены все партии, профсоюзы и общественные организации, закрыты газеты и журналы. Единственным государственным языком для делопроизводства и обучения в школах стал немецкий. Дерптский университет в Эстонии был объявлен немецким. Немцы вывозили из Прибалтики все хоть сколько-нибудь ценное, вплоть до древесины и чернозема.

Кюльман на совещании в Берлине 4 июня 1918 г. потребовал установления контроля над Кавказом безотносительно к позиции России. Кайзер подчеркнул, что «Грузия должна быть включена в рейх в той или иной форме». Одним из аргументов немцев было проживание на территории Грузии 60 тысяч немецких колонистов. Кстати, среди них была и моя прабабушка, Генриетта фон Бастиан. В годы Великой Отечественной войны она, как и другие немцы, была выслана из Грузии.

27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводились юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

15 мая в порт Поти прибыли германские транспорты, с которых высадился десант. К началу лета отряд немцев был введен даже в Тифлис.

4 июня 1918 г. в Батуме Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции, кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей, отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении — Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Поти подписали шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Поти и железная дорога поступали под контроль германского командования.

10 июня германские войска вошли в Тифлис, к 15 июня там их было уже около 5 тысяч. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Поти дислоцировались войска с артиллерией (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск было (включая во-

енноплeнных и мобилизованных немецких колонистов) около 30 тысяч человек. Командовал ими генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы.

По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию Чиатурские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поти — на 60 лет, железную дорогу Шорапан — Чиатура — Сачхере — на 40 лет.

С мая по сентябрь 1918 г. германские интервенты вывезли из Грузии на 30 млн марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

15 июля 1918 г. чиновник из Тифлисского уезда доносил: «В Белоключенском районе немцы, жители села Асуреты, в количестве 25 человек с 15 германскими солдатами и одним германским лейтенантом, разоружили ряд селений в Белоключенском районе, причем во время разоружения применяли к крестьянам самые репрессивные меры: избивали женщин, мужчин розгами до крови, убивали крестьянских собак, врывались в дома и проводили обыски... Германцы совершенно не считаются с администрацией и заявляют, что они сами хорошо наведут порядок у нас...»

Еще пример: в августе 1918 г. немецкий отряд потребовал от жителей села Сарван уплатить 150 тысяч рублей в пользу немецких колонистов, грозя иначе поджечь село. Местные жители в ужасе бежали. Надо полагать, что колонисты неплохо поживились их имуществом. Зато в сентябре 1918 г. министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели был награжден немецким орденом.

27 августа 1918 г. в Берлине посол РСФСР в Германии Адольф Иоффе и статс-секретарь Пауль фон Гинце подписали добавочный договор к Брест-Литовскому миру. Согласно его условиям, демаркационная комиссия должна детально определить и немедленно установить восточную границу Эстляндии и Лифляндии и сразу же очистить занятую на восток от этой границы территорию от германских войск.

Германия должна очистить оккупированную территорию к востоку от реки Березины по мере того, как Россия будет уплачивать взносы, указанные в статье 2 русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 г.

Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организмов.

Россия предпримет немедленные действия, чтобы удалить из своих северорусских областей боевые силы Антанты.

Германия гарантирует, что Финляндия в это время не нападет на русскую территорию, в особенности на Петроград.

Для облегчения русских торговых сношений через Эстляндию, Лифляндию, Курляндию и Литву с Балтикой устанавливались:

1. Свободный транзитный провоз товаров через них в обе стороны.

2. Низкие железнодорожные и фрахтовые тарифы.

3. Свободное судоходство по Западной Двине (Даугаве), за исключением ряда жандармских правил и постановлений.

4. России должны быть предоставлены в портах Ревеля, Риги и Виндавы (Таллина, Риги и Вентспилса) отдельные свободные гавани (причальные стенки) и складские помещения.

Добавочный Берлинский договор был не менее грабительским по отношению к России, чем Брестский. Кайзер Вильгельм в запальчивости заявил: «Мир с Россией может поддерживаться лишь страхом перед нами. Славяне всегда будут ненавидеть нас и всегда будут оставаться нашими врагами! Они уважают только тех, кто наносит им удары! Вспомните Японию! Так же будет и с нами! Антанта, при глупости моей дипломатии, может делать все, что ей заблагорассудится с Россией — она втащила ее в войну; но наше преобладание в зоне германских интересов необходимо для того, чтобы отрезать Россию подальше от наших восточных границ раз и навсегда».

Как видим, и Брестский мир, и Добавочный договор, которые были подписаны Россией, фактически не имевшей армии, под угрозой германского вторжения, были нам намного выгодней, чем позорная капитуляция Горбачева и Ельцина перед прибалтийскими националистами в 1991 г.

Между тем немцы в узком анклаве между линией прекращения огня и административной границей с Эстляндией в сентябре 1918 г. начали формирование русского Особого Псковского добровольческого корпуса (Псков входил в этот анклав). Были сформированы Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек, две батареи, а также отряды внешней и внутренней охраны.

Ленин шел на огромные уступки Германии не только из-за слабости Красной Армии по сравнению с германскими войсками. Он неоднократно говорил, что Брестский мир не продержится и нескольких месяцев и что революция в Германии неизбежна.

3 ноября 1918 г. восстали военные моряки в главной германской военно-морской базе — Киле. Военный губернатор Киля попытался подавить восстание германских военных моряков силой, но было уже поздно. Генералу Гофману можно было вспомнить предостережение контр-адмирала Альтфатера[1], по поводу пророчеств которого он так весело смеялся в Брест-Литовске. 4 ноября к 3 тысячам восставших матросов присоединились 20 тысяч солдат гарнизона Киля и многие

---

[1] Альтфатер Василий Михайлович (1883—1919) — контр-адмирал, с февраля 1918 г. помощник начальника Морского Генерального штаба, участвовал в переговорах в Бресте. С октября 1918 г. — командующий Морскими силами РСФСР. Умер 20 апреля 1919 г. от инфаркта.

тысячи моряков. Через два дня восстание охватило Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен. Ленин 6 ноября: «Германия охвачена пламенем, и Австрия выходит из-под контроля!» Лидер германских социалистов Фридрих Эберт предложил, чтобы кайзер, находящийся в Спа, «отрекся сегодня или в крайнем случае завтра».

В рейхстаге большинство депутатов-социалистов потребовали отречения императора. Не получив поддержки большинства, они вышли из рейхстага и призвали трудящихся страны ко всеобщей стачке. В Баварии была провозглашена советская республика. Кёльн захвачен революционными матросами. Когда кайзер спросил генерала Гренера, согласится ли армия подавить выступление революционных сил, тот ответил отрицательно. Утром 9 ноября пришла телеграмма из Берлина. Пост канцлера взял в свои руки лидер социалистов Фридрих Эберт. Социалист Шейдеман провозгласил социалистическую республику, а Карл Либкнехт провозгласил германскую советскую республику.

За три дня до начала германской революции дипломатические отношения Германии с Россией были приостановлены. Германское правительство предложило Москве отозвать своих дипломатических представителей, поскольку оно боялось большевистской пропаганды. Посол Иоффе покинул Берлин 6 ноября 1918 г., как раз в тот день, когда сообщения о восстании кильских моряков докатились до германской столицы. Германские газеты писали о необходимости борьбы с «социализмус азиатикус». Советское правительство 11 ноября 1918 г. обратилось к пролетарскому Берлину: «Шейдеманы вместе с эрцбергерами продадут вас капитализму. Во время перемирия они найдут общий язык с британскими и французскими капиталистами, которые заставят вас сложить оружие. Вы должны использовать это оружие для того, чтобы создать правительство во главе с Либкнехтом». На второй день после начала ноябрьской германской революции Советская Россия послала в Германию пятьдесят вагонов с зерном и другим продовольствием, и это во время голода в самой России.

Советское правительство просило Берлин продать ей германские суда, стоящие на рейде Таллина. Находясь в критической ситуации, немцы не решались на это. Из Министерства иностранных дел высокопоставленный чиновник Хаазе писал в Москву: «Учтите все же нашу тяжелую ситуацию. Мы не можем поднять вооруженные силы на активные действия. Вопросы о минах и судах на Балтике сейчас решены быть не могут».

К ноябрю 1918 г. положение германской армии существенно ухудшилось, она отступила на несколько десятков километров. Во Францию прибывали свежие американские дивизии. Однако янки не имели боевого опыта и привыкли драться, в основном, с мексиканцами и индейцами. Германская армия до последних дней войны сражалась только на иностранной территории.

К этому времени германская промышленность освоила серийное производство собственных танков, противотанковых ружей и пушек, а

также 13-мм пулеметов. Таким образом, танки перестали быть важным козырем союзников. В строй вводились все новые и новые образцы самолетов и подводных лодок.

Тем не менее Германия капитулировала. В чем-то на новое германское правительство повлияли капитуляции союзников: Турции, Болгарии и Австро-Венгрии. Но главной причиной стала революция.

7 ноября 1918 г. германская делегация во главе с лидером Партии центра Эрцбергером пересекла линию Западного фронта. В Компьенском лесу 9 ноября немецких представителей привели в штабной вагон генералиссимуса Фоша. Эрцбергер пытался сыграть на опасности завладения большевизмом всей Центральной Европы, на что Фош ответил: «Вы страдаете болезнью потерпевшего поражение. Я не боюсь этого. Западная Европа найдет средства защитить себя от опасности». Вечером 10 ноября Берлин принял условия западных союзников. Германия обязалась освободить немедленно Бельгию, Францию, Люксембург и Эльзас с Лотарингией. Германская армия обязалась сдать 5 тысяч тяжелых орудий, 25 тысяч пулеметов, 1700 самолетов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовиков.

Глава 28

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР

Страны Антанты устроили мирную конференцию в Версале. Место было выбрано по настоянию французского премьера Клемансо, обожавшего театральные эффекты.

Конференция открылась 18 января 1919 г. в том же зеркальном зале Версаля, где 48 лет тому назад было провозглашено создание Германской империи. В длинной речи при открытии собрания президент Пуанкаре потребовал санкций против виновников войны и гарантий против новой агрессии. Напомнив, что в этом зале в свое время была провозглашена Германская империя, захватившая при этом две французские провинции, Пуанкаре говорил: «По вине своих основателей она была порочна в самом своей происхождении. Она хранила в себе зародыш смерти. Рожденная в несправедливости, она закончила свое существование в бесчестии».

Атака была направлена прямо в лоб: Франция в лице Пуанкаре сразу выдвинула программу расчленения Германии. Но другие делегаты больших стран не поддержали французской позиции, у них имелись свои планы.

Для начала конференция по просьбе президента США Вильсона решила вопрос о создании Лиги Наций, которая, по словам Вильсона, должна была стать интегральной часть всего мирного договора. Затем начались длительные споры, кому достанутся заморские владения Германии.

Франция не отказывалась от своей доли германских колоний, попрежнему настойчиво требовала передела европейских границ.

Германия должна была вернуть Франции две французские области — Эльзас и восточную часть Лотарингии, отторгнутые у Франции после франко-прусской войны 1871 года. Кроме того, Париж настаивал на передаче под французский контроль богатой полезными ископаемыми Саарской области, несмотря на то что этнически большинство населения Саара состояло из немцев. Из-за сопротивления делегации США, поддержанной британскими представителями, французские требования были отклонены и Саарская область передана под контроль Лиги Наций на 15 лет с условием проведения в ней в будущем

плебисцита с целью окончательного решения вопроса о ее государственной принадлежности.

Весьма острая полемика в Версале развернулась и вокруг Рейнской зоны. Этот процветающий, промышленно развитый район между Рейном и границами Франции и Бельгии был экономически тесно связан с центром немецкой военной промышленности в Руре. Франция требовала отделения Рейнской области от Германии и установления там франкофильского правительства. США и Великобритания не поддержали этого варианта. В итоге было принято компромиссное решение. Левый берег Рейна и пятидесятикилометровая зона вдоль правого его берега объявлялись демилитаризованной зоной, и там союзники (в основном, силами французских оккупационных войск) вводили режим временной оккупации сроком на 15 лет. Оккупация Рейнской области вызывала негативную реакцию в Германии и стала питательной средой для антифранцузских, реваншистских да еще и расистских настроений в германском обществе, так как во французский оккупационный контингент были включены негры из африканских колоний Франции.

Кроме того, Бельгия получила от Германии округи Эйпен и Мальмеди, а так же так называемые нейтральную и прусскую части территории Морене, населенные валлонами. Плебисцит 1920 г. окончательно узаконил это решение.

Дания получила от Германии северную часть Шлезвига со смешанным датско-немецким населением после проведения предусмотренного Версальским договором референдума в 1920 г.

Кроме того, Германия лишилась части Восточной Пруссии и провинции Позен, из которых был сформирован так называемый Польский (Данцигский) коридор, который обеспечивал новому государству выход к морю. Германская Восточная Пруссия, таким образом, была «разрезана» территорией Польши. В результате приобретения коридора под польской юрисдикцией оказались районы, в которых проживали более двух миллионов немцев. Новая Польша оказалась многоэтничным образованием, в котором, помимо поляков проживали весьма крупные общины украинцев, белорусов и немцев, не лояльные к Польскому государству.

Британский премьер Ллойд Джордж открыто заявил Франции о Польше: «Вы создаете новую Эльзас-Лотарингию, то есть причину новой мировой войны... Вы можете лишить Германию ее колоний, довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям»[1].

Из-под юрисдикции Германии были изъяты и переданы под контроль Лиги наций крупные восточнопрусские порты на Балтике —

---

[1] David Lloyd Georg. The Truth about the Peace Treaties. V. I. P. 405.

Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда). Таким образом, территория Германии уменьшилась на одну восьмую, население — без малого на одну десятую часть, значительно сократились запасы полезных ископаемых, которыми располагала Германия. Количество выращиваемого в стране хлеба и картофеля уменьшилось на 18—20 %, поголовье скота — на 11 %.

Германия была обязана передать Антанте почти весь военный и торговый морской флот, 800 паровозов, 232 тысячи вагонов. Германские реки и порты были объявлены открытыми для судов стран Антанты.

Особо тяжелыми и оскорбительными для Германии были ограничения ее военной мощи. Согласно Версальскому договору, всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тысяч человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тысяч человек. Генеральный штаб распускался. Срок найма унтер-офицеров и солдат определялся в 12 лет, а для вновь назначаемых офицеров — 25 лет. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных.

Военный флот был сведен к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 контрминоносцам (эсминцам) и 12 миноносцам. Иметь подводный флот Германии запрещалось. Остальные германские военные суда подлежали передаче союзникам или разрушению. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию и какие бы то ни было дирижабли. Германии было запрещено иметь все виды современного вооружения: тяжелую и зенитную артиллерию, танки и химическое оружие.

Однако Германия освобождалась от оккупации. Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Теперь германская армия могла выполнять лишь полицейские и представительские функции.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1 600 тонн, половину судов свыше 1 тысячи тонн, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые , по 200 тысяч тонн в год. В течение 10 лет Германия обязывалась поставлять Франции до 140 млн тонн угля, Бельгии — 80 млн, Италии — 77 млн. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов и одну четвертую часть из будущей выработки до 1925 г.

В Версаль не был приглашен ни один пр̀едставитель как Советской России, так и белых армий Колчака и Деникина. Тем не менее в Версале были признаны образовавшиеся на территории бывшей Российской империи государства Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. С самого начала руководители стран Антанты рассматривали эти страны в качестве «санитарного кордона» против Советской России. Недаром в Западной Европе, а позже и в СССР новоявленные «уродливые детища Версальского пакта» стали называть «лимитрофами», по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи[1].

В «Малой советской энциклопедии», изданной в Москве в 1929 г., говорится, что независимость государств-лимитрофов весьма относительная и они полностью зависят от Англии и Франции.

Версальский договор вызвал в СССР резко негативную реакцию как среди руководства большевиков, так и среди подавляющего большинства населения. В целом отрицательно к нему относился и офицерский корпус белых армий.

Ленин пророчески писал, что Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран»[2].

Две самые сильные в военном отношении страны в мире Антанта обобрала и унизила. Возмездие было неизбежно!

Уже после подписания Версальского договора поляки напали на Германию и Россию и силой захватили многие исконно германские и русские территории.

Зимой 1933 г. во Франции, на Лазурном берегу тихо угасал забытый всеми старик. Он жил лишь тем, чтобы успеть закончить мемуары. В заключении он написал: «Мне было ясно тогда, неспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессрабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картогра-

---

[1] Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий).

[2] Ленин В.И. Сочинения. Т. XXIV. С. 545.

фам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»[1].

Внук императора Николая I, великий князь Александр Михайлович скончался 26 февраля 1933 г. Большевики отняли у него все — огромное состояние, дворцы, поместья, коллекцию античных древностей. Два его родных брата были расстреляны. Однако здравый смысл и аналитическое мышление князя оказались выше личных интересов и эмоций.

---

[1] Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 408.

Глава 29

ПОЛИТИКА И ОРУЖИЕ

21 августа 1919 г. страны Антанты потребовали от Германии воздерживаться от посылки кораблей в Советские порты, запретить банкам осуществлять операции с Россией, прекратить с ней почтовую, телеграфную и радиотелеграфную связь. Советское правительство передало по радио 20 октября 1919 г. адресованную германскому правительству ноту, в которой оно решительно предупреждало Берлин о серьезных последствиях для Германии, в случае ее присоединения к блокаде. В заключение в ноте указывалось, что советское правительство будет считать присоединение к блокаде сознательно враждебными действиями и оставляет за собой право принять соответствующие мероприятия, которые оно найдет нужными. Германское правительство не могло не считаться с этим предупреждением. Оно пыталось лавировать, выбирая для себя наиболее выгодные обстоятельства.

11 декабря 1922 г. заключительное заседание конференции премьер-министров союзных стран в Лондоне признало «неудовлетворительным» план «урегулирования» репараций, предложенный германским премьером Куно. 26 декабря репарационная комиссия вновь констатировала умышленное невыполнение Германией своих обязательств по репарациям. Речь шла о срыве поставок Германии угля и леса Франции в 1922 г. 10 января 1923 г. Франция, воспользовавшись очередным срывом поставок угля и леса, что установила репарационная комиссия, 9 января 1923 г. решила идти по пути сепаратных действий. Французское правительство заявило, что посылает в Рур контрольную комиссию для обеспечения регулярного поступления репарационных платежей. Комиссию должны были сопровождать войска для охраны гарантии выполнения ее задач. К решению Франции присоединилась Бельгия.

На следующий день, 11 января, французские и бельгийские войска вступили в Рур. Это было начало оккупации Рура. Советский Союз был единственным государством, решительно выступившим в связи с оккупацией Рура в защиту Германии, позиция советского правительства была изложена в Обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к народам всего мира, принятом 13 января 1923 г. «В этот критический момент, — говорилось в документе, — рабоче-крестьянская Россия не может молчать. Верная своей всег-

дашней борьбе против империализма, своей всегдашней защите права народов на самоопределение и своим призывам к разоружению, она и на этот раз поднимает свой голос негодования и протеста против совершенного правительством Франции преступления». В конце концов французские войска были выведены из Рура. Не последнюю роль в этом сыграла и позиция советского правительства.

В конце 1920 г. германская и советская стороны потихоньку начали контакты и в военной области. В советское время сведения о военном сотрудничестве между Германией и СССР в 1920—1941 гг. публиковались крайне фрагментарно и очень неохотно. Поэтому 99,99 % нашего населения о них попросту не знало. Лично я входил в 0,01 %, но не из-за своей прозорливости, а потому что с детства любил листать старые альбомы с семейными фото, где мой дедушка Василий Дмитриевич был запечатлен в Эссене, Берлине, Дюссельдорфе и других городах как до прихода Гитлера к власти, так и после. Служил он при нашем полпредстве «приемщиком». Ну а что он там принимал, я догадывался уже лет в двенадцать.

С 1990 г. в России поднялся «девятый вал» скандальных «разоблачений», написанных дилетантами, ставившими своей целью не анализ сотрудничества двух ведущих военных держав, а охаивание истории нашей страны. Суть подобных пасквилей заключается в примитивном тезисе: вот какой плохой Сталин да и все русские вообще, которые пошли на контакт с врагом рода человеческого — немецкими фашистами. Вот, к примеру, пассаж из книги Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуева «Фашистский меч ковался в СССР» (М.: Советская Россия, 1992. С. 23): «Вполне резонно может возникнуть возражение, что-де шел двусторонний процесс, что Красная Армия училась у более подготовленного учителя. Но ведь, с одной стороны, закулисные сделки за спиной мировой общественности носят печать безнравственности. А с другой — судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канут в Лету. (Здесь лежит ключ к разгадке репрессий в отношении многих деятелей РККА.) В то же время знания и опыт, приобретенные германскими специалистами, не пропали и в полной мере нашли применение в противоборстве с Красной Армией».

Фраза о «закулисных сделках за спиной мировой общественности» — типичный шулерский прием. Почему с 1853-го по 1914 год русским царям было позволено совершать «закулисные сделки» с Германией за чьей-то спиной, а вот с 1922 года Сталину уже нельзя? Ситуация изменилась? Так почему с 1922 по 1941 год «закулисные сделки» с Германией в виде покупки и продажи оружия и военных технологий совершали в широких масштабах США, Швеция, Голландия, Испания (до Франко и после), Швейцария, Италия, Турция, Китай, Япония, страны Южной Америки, прибалтийские государства и др.? Почему им можно, а нам нет?

Да просто там нет Дьковых и Бушуевых. Некому в США стенать и каяться по поводу совместных с Германией работ в области химического оружия в 1920—1930-х годах. Некому в Швеции ругать своих премьеров 1920—1940-х годов, которые позволили германским фирмам проектировать и изготавливать в Швеции запрещенные Версальским договором артсистемы, подводные лодки и другое вооружение. Почему там массовая печать не пестрит статьями о том, что-де в 1939—1945 гг. не менее трети германской военной техники было сделано из шведского железа?

Следует ли из сказанного, что в западных странах факты сотрудничества с Германией в предвоенный период держатся в секрете? Да нет, конечно! Подробные сведения об этом периодически печатаются в специальных военно-исторических открытых изданиях, но, за редким исключением, не выплескиваются в виде сенсации в массовую печать и на телевидение.

Само по себе название «Фашистский меч ковался в СССР» является наглой провокацией. Из этой фразы логически следует, что Германия свое оружие создавала в СССР и если бы Сталин не разрешил это сделать, то не было бы Второй мировой войны. Таким образом, получается, что в гибели более чем пятидесяти миллионов человек виноват СССР.

16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло, недалеко от Генуи, рейхсминистр Вальтер Ратенау и народный комиссар иностранных дел Георгий Чичерин подписали советско-германский договор. Суть договора состояла во взаимном отказе от всех претензий, связанных с Первой мировой войной. Согласно 3-й статье: «Дипломатические и консульские отношения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются». В хозяйственном и торговом отношениях между двумя государствами должен был действовать принцип наибольшего благоприятствования.

В 5-й статье говорилось, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран. В случае принципиального урегулирования этого вопроса на международном базисе они вступят между собою в предварительный обмен мнениями. Германское правительство объявляет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь».

Именно 5-я статья и послужила правовой основой военно-технического сотрудничества обеих стран. Замечу, что Рапалловский договор оказался достаточно долговечным. Формально ему оставался в силе до 22 июня 1941 г.

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор «О дружбе и нейтралитете». В статье 2 договора сказано, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, несмотря на ее миролюбивый образ действий, третьей державы другая сторона

должна будет соблюдать нейтралитет. Кроме того, статьей 3 договора устанавливалось взаимное обязательство сторон не примыкать к коалиции, образованной третьими державами с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон.

Еще до подписания договора в Рапалло немцы тайно создали в начале 1921 г. «Особую группу Р» («Sondergruppe R», где R означает Russland, т.е. Россия). Возглавлял группу майор Фишер. Единственной задачей «Зондергруппы Р» была организация связей с Советской Россией в военно-промышленной сфере. Летом 1921 г. члены «группы Р» посетили Москву, а в сентябре 1921 г. советская делегация во главе с членом ЦК РКП(б) К. Радеком и руководителем Наркомата внешней торговли Л.Б. Красиным с ответным визитом вылетела в Берлин. В результате этих встреч в начале 1922 г. между РСФСР и Германией был подписан договор, где говорилось, что «руководство Красной Армии гарантирует германскому Генеральному штабу возможность перевода в РСФСР трех германских заводов по выбору германского Генерального штаба». И далее: «Армия РСФСР будет иметь возможность полностью использовать продукцию вышеупомянутых заводов».

Одной из основных сфер сотрудничества между РСФСР и Германией стала авиация. С 1922-го по 1925 год в Германии Советская Россия приобрела около пятисот самолетов фирмы «Фоккер».

Доставка «фоккеров» в СССР происходила в атмосфере строжайшей конспирации. Процитирую донесение М.В. Фрунзе от советского агента в Берлине Якова Флиманса от 17 апреля 1925 г.: «150 фоккеров готовы к отплытию. Они находятся на пароходе в Голландии и заадресованы в Рио-де-Жанейро. Их переадресуют в Ленинград. Необходимо только, чтобы Вы срочно (лучше телеграфно) сообщили адрес какой-нибудь частной экспедиционной фирмы в Ленинграде, так как неудобно адресовывать груз на какое-нибудь государственное учреждение».

В 1921 г. советские представители вступили в переговоры с фирмой «Юнкерс» на предмет поставок в Россию самолетов и передовых технологий. Фирма «Юнкерс» первой в мире наладила серийное производство металлических самолетов из дюралюминия. Обшивка крыльев и фюзеляжа делалась из тонких гофрированных дюралюминиевых листов, а внутренняя конструкция состояла из сваренных между собой стальных труб. Советских представителей не смутило, что фирма запросила за металлические самолеты в полтора-два раза больше, чем другие фирмы за деревянные аналоги.

Всего в СССР было 49 импортных экземпляров «Юнкерсов». А в Советском Союзе, в Центральном парке-складе «Добролета», где ремонтировались германские машины, из советского кольчугалюминия было построено пять новых экземпляров F-13. Два F-13 установили на поплавковые шасси наподобие Ju 20. Одна из этих машин в 1923 г. осуществляла платные полеты на Москве-реке, у Сельскохозяйственной выставки.

Следует заметить, что самолеты типа «Юнкерс» F-13 экспортировались в 33 страны мира, в том числе в США, Колумбию, Италию и др.

Весной 1922 г. между советским правительством и фирмой «Юнкерс» был заключен предварительный договор о передаче фирме в аренду завода в Филях для производства своих машин. Помимо этого, фирма «Юнкерс» обязалась содействовать СССР в организации добычи алюминия и производства дюралюминиевых сплавов на территории страны, чтобы создать основу для выпуска собственных металлических самолетов. Еще фирме «Юнкерс» предлагалось наладить в СССР производство авиамоторов.

Германское военное руководство во главе с фон Сектом в 1922 г. подписало с фирмой «Юнкерс» секретное соглашение о выдаче ей безвозмездной ссуды в качестве страховки от технического риска, связанного с организацией производства самолетов в СССР. Соглашение это было строго законспирировано, многие ключевые слова в тексте были зашифрованы. Так, Военное министерство Германии называлось «Особой группой», российское правительство обозначалось как P.P., а фирма «Юнкерс» — NN, город Дессау, где находились заводы «Юнкерс», назывался в тексте соглашения Лейпциг, а слово «самолет» заменено словом «ящик».

Получив финансовые гарантии своего военного правительства, фирма дала согласие на дополнительные условия Советского Союза. Первую часть ссуды в 40 млн марок фирма «Юнкерс» получила сразу же после подписания договора с советским правительством, а уже через месяц ей было выделено еще 100 млн марок на развитие самолетостроения в СССР. И в последующие два года фирма продолжала получать крупные дотации.

В 1924 г. фирма «Юнкерс» предложила СССР новый трехмоторный бомбардировщик. Он был создан на базе нового пассажирского металлического самолета-моноплана «Юнкерс» G-23. В его закрытой кабине размещались 8 человек с багажом. Запас топлива обеспечивал G-23 дальность полета свыше тысячи километров при крейсерской скорости 140 км/час. Чтобы обойти запрет на создание многомоторных самолетов в Германии, фирма «Юнкерс» начала собирать их на дочерних фирмах в Швеции.

Советская авиация тогда еще не имела средних бомбардировщиков, и предложение фирмы «Юнкерс» было принято, а бомбардировщик получил обозначение — ЮГ-1. Помимо СССР, этот бомбардировщик под названием K-30 приобрели ВВС Швеции и Турции.

22 апреля 1927 г. фирма «Дорнье» и советское акционерное общество «Металлоимпорт» (подставная контора для закупки немецких металлических самолетов для ВВС РККА) заключили двусторонний договор на покупку двадцати летающих лодок «Валь» и комплекта запчастей на десять таких самолетов. По просьбе советской стороны вместо моторов «Лоррен-Дитрих» были установлены немецкие моторы BMW VI как более мощные, надежные и экономичные. Фирма обязалась с

октября 1927 г. по май 1928 г. поставить в СССР все заказанные машины и запчасти. Стоимость заказа составила 875 150 долларов.

Так как Версальским договором в Германии запрещалось изготавливать самолеты класса «Валь», заказанные машины построили в Италии, на заводе Клаудиса Дорнье, в Марина-ди-Пиза. Оттуда их морем переправили в один из черноморских портов. Самолеты были построены без двигателей, которые потом отдельно купили у фирмы «BMW». В приемке и сборке самолетов участвовал Р.Л. Бартини, служивший в то время инженером на одной из черноморских эскадрилий.

Из прибывших летающих лодок в СССР было сформировано две эскадрильи (60-я и 63-я), базировавшиеся в бухте Голландия в Севастополе. Две машины были переведены в морскую авиацию Балтийского флота, в состав 66-го авиаотряда, базировавшегося в Гребном порту в Ленинграде.

В начале 1930-х годов советские заказы спасли фирму «Хенкель» от банкротства. В начале 1930 г. к Хейнкелю прибыл сам заместитель командующего ВВС СССР Алкснис с предложением изготовить летающую лодку корабельного базирования и катапульту к ней. Хейнкель согласился, позже он писал: «Я еще ни от одного человека не слышал, чтобы русские нарушали договор или оказались неплатежеспособными».

Как уже говорилось, по условиям Версальского договора Германия не могла иметь военной авиации и, соответственно, готовить военных летчиков. Делали это немцы тайно в спортивных авиашколах, частных авиаклубах и в центре подготовки пилотов гражданской авиации. Однако подготовить таким образом полноценные кадры для ВВС было невозможно. Это и привело руководство рейхсвера к идее создания секретных авиашкол за рубежом, где германские летчики смогли бы осваивать авиационное оружие и тактику боя в условиях, приближенных к реальным. СССР был идеальным местом для такой школы как из-за обширности своей территории, так и из-за закрытости ее для журналистов и разведчиков стран Антанты.

15 апреля 1925 г. в Москве было подписано сверхсекретное соглашение о создании совместной авиашколы в городе Липецке. Любопытно, что даже в самом тексте соглашения названия сторон были засекречены: Управление Военно-воздушных сил РККА именовалось «Р. Л.», а «зондергруппа R» — «С.Г. М.».

В июне 1925 г. из германского порта Штеттин в Ленинград отправился пароход «Гуго Стиннес-IV» с пятьюдесятью упакованными в ящики истребителями «Фоккер» D XIII для Липецкой авиашколы. Доставка оборудования была сверхзасекречена даже по советским меркам. Техника и оборудование перевозились, как коммерческие грузы, через специально созданное акционерное общество «Метахим». Немецкие летчики прибывали в СССР под видом туристов или представителей частных фирмы, одеты они были, естественно, в гражданскую одежду или советскую форму без знаков различия. Немецкое авиационное

подразделение в советских документах обозначалось как «4-й авиационный отряд 38-й авиаэскадрильи ВВС РККА», а немецкий персонал был зашифрован под словом «друзья». В немецких документах авиашкола в Липецке зашифровывалась как «научно-испытательная авиационная станция» или просто «станция».

Курс обучения летчиков-истребителей был рассчитан на четыре недели интенсивных полетов. Численность учебной группы составляла шесть-семь человек. В 1927—1928 гг. подготовили 20 пилотов. Затем учебные группы увеличили, и с 17 апреля по 5 октября 1931 г. сделали два выпуска — 21 летчика. Всего с 1925-го по 1933 год подготовили 120 немецких летчиков-истребителей. Тридцать из них являлись участниками Первой мировой войны, двадцать — бывшими гражданскими пилотами. Контингент поздних выпусков значительно «помолодел», асы войны уступили место юношам 1906—1912 гг. рождения.

В Липецке обучались будущие асы фашистской Германии: Блюмензаат, Гейец, Макрацки, Фосо, Теецмани, Блюме, Рессинг и другие. По мнению немцев, уровень подготовки пилотов, выпущенных в 1929 г., оценивался как «хороший», в 1931 г. — «очень хороший».

Осенью 1933 г. Липецкая школа была закрыта. Ряд наших авторов, не мудрствуя лукаво, связывают это с приходом к власти Гитлера. Однако связь между этими событиями лишь косвенная. Дело в том, что к 1933 г. контроль западных держав за соблюдением статей Версальского договора в Германии ослаб, а военная и политическая мощь страны возросла.

Выпуск Липецкой школы в 1933 г. составил всего 15 человек. 18 августа аэродром в Липецке был возвращен ВВС РККА, а через несколько дней в Москву, а оттуда в Германию вылетели базировавшиеся в Липецке самолеты «Юнкерс» W 33, K 47 и A 48 с немецкими летчиками и наиболее ценным оборудованием на борту. Последние представители рейхсвера покинули Липецк 14 сентября 1933 г.

Нашим ВВС немцы оставили 15 истребителей «Фоккер» D XIII, несколько автомобилей и другое имущество. На месте бывшей Липецкой авиашколы была создана Высшая военно-техническая школа ВВС РККА, затем преобразованная в летный центр по испытаниям боевых самолетов.

Работа Липецкой авиашколы внесла значительный вклад в развитие ВВС обеих стран. Однако не следует переоценивать роль школы. Не будь ее, немцы нашли бы место и способ подготовки своих летчиков, пусть даже с несколько большими материальными затратами. Так, только в 1932 г. в секретных военных авиашколах в Брауншвейге и Рехлине были подготовлены не менее двух тысяч пилотов.

Весьма деликатный вопрос — сотрудничество СССР и Германии в области отравляющих веществ. Отсутствие современной технической базы, технологии производства отравляющих веществ и соответствующих специалистов (за годы Первой мировой войны Россия произвела всего 3650 т отравляющих веществ, а Германия — 68 100 т) вынудило руководство Наркомата обороны обратиться за помощью к Германии.

В 1923 г., заключив секретный контракт с управлением вооружений рейхсвера, известный немецкий химик Хуго Штольценберг стал создавать военно-химическое производство. В том же году в Берлине и Москве военным министерством Германии основывается так называемое Общество содействия промышленным предприятиям (ГЕФУ), предназначенное для скрытого финансирования и координации немецкой военно-промышленной активности в СССР. В качестве прямого партнера этой организации создается советское оборонное предприятие «МЕТАХИМ». Его задачей являлось совместное производство химических удобрений и отравляющих веществ — фосгена и пирита.

На деньги рейхсвера (24 млн марок) Штольценберг запустил в Германии две химические фабрики, на которых в области создания отравляющих веществ работали лучшие специалисты. Однако мало кому было известно, что половина выделенной суммы была предназначена для строительства еще одного химического объекта в небольшом поселке Иващенково (ныне город Чапаевск Самарской области). Завод мощностью до 4 тонн иприта в день должен был быть построен в 1926 г., а его проектная стоимость превышала 30 млн рублей. Функции «ГЕФУ» по части химии взяло на себя акционерное общество «Берсоль», управляемое Х. Штольценбергом. Это название получил и завод в Иващенкове.

Труды немцев в «Берсоле» не пропали даром: на вооружение РККА в конце 1920-х годов были приняты 76-мм, 107-мм и 152-мм снаряды, начиненные ипритом и другими отравляющими веществами. В отчете ВОХИМ за 1927 г. указывалось, что «вводятся на вооружение... 16- и 32-кг аэрохимические бомбы, приборы для распыления ОВ с самолетов... и, таким образом, в ближайшее время техника химических средств РККА в основных направлениях приблизится к уровню западноевропейских армий».

Летом 1925 г. Германией вместе с другими странами был подписан Женевский протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. 2 декабря 1927 г. к протоколу присоединился и Советский Союз, 5 апреля 1928 г. грамота о его ратификации ЦИК была передана послом В. Довгалевским на хранение правительству Французской республики[1].

Но ни Германия, ни СССР не собирались прекращать гонку химических вооружений. Однако автор не склонен гневно обличать правительства этих стран хотя бы по двум причинам. Во-первых, все ведущие в военном отношении страны, как то: Англия, Франция, США и др., продолжали гонку химических вооружений. А во-вторых, Женевский протокол запрещал применение ОВ, а его производство, хранение и научные исследования в области ОВ и химической защиты запрету не

---

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 5. М., 1930. С. 3—5.

подлежали. Так что формально ни Россия, ни Германия не нарушали Женевского протокола. Германия лишь нарушала статьи Версальского договора, но правомочность этого договора оспаривали оба государства.

В 1926 г. СССР и Германия договорились о создании на территории России секретного полигона для испытаний химического оружия. Поначалу некоторые опыты шли на химическом полигоне под Оренбургом, а с 1928 г. — у деревни Шиханы, расположенной в 130 км севернее Саратова, рядом с Вольском.

На немецком языке в связи с трудностью произношения поселок стал называться Чиханами, а испытательный объект — «Томка»[1].

Химическое управление РККА намеревалось испытывать на полигоне новые средства и методы применения ОВ артиллерией, авиацией, газометами, а также новые способы и средства дегазации зараженной техники и местности. Аналогичные цели преследовала и немецкая сторона.

Любопытен текст советско-германского договора по объекту «Томка». Несмотря на то что сам договор имел гриф «совершенно секретно», стороны в нем обозначались буквами «М» и «В». Русское акционерное общество по борьбе с вредителями и применением искусственных удобрений именовалось «М», а германское акционерное общество по использованию сырья — «В».

Согласно договору: «Подготовительные работы хозяйственного и технического характера 1929 г. производятся подготовительным персоналом, направляемым обеими сторонами. Подготовительный персонал должен прибыть в Томку до 5 мая 1929 г.».

Летом 1933 г. германский персонал покинул «Томку». После отъезда «гостей» интенсивность работ на полигоне Шиханы несколько снизилась, однако за его функционированием по-прежнему следило командование РККА и выделяло определенные средства на его развитие, исходя из возможностей наркомата.

2 октября 1926 г. в Москве начальник разведуправления штаба РККА Берзин и генерал фон дер Лит-Томзен, представлявший рейхсвер, подписали совершенно секретное соглашение об организации совместной танковой школы в Казани[2]. В целях конспирации советская сторона в соглашении именовалась КА, а германская — ВИКО.

Советско-германская танковая школа в секретных документах именовалась «Кама», а для советского населения объявили, что в этом районе летом 1928 г. были организованы Технические курсы ОСОАВИАХИМа. «Крыша» была очень удобной, в те годы в школах ОСОАВИАХИМа действительно молодежь училась ездить на танках, автомобилях, мотоциклах, бегать по полю в противогазах и т.д. Так что у непосвященного человека, случайно увидевшего «прикладные заня-

---

[1] В некоторых докумен «Томко».

[2] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 295.

тия», вряд ли возникли бы какие-то сомнения в том, что сей объект принадлежит ОСОАВИАХИМу.

Начальником школы стал полковник рейхсвера Раббе. Согласно донесению Берзина Ворошилову, к началу января 1929 г. на курсах имелось: 1 опытный танк в разобранном виде; 6 легковых автомашин; 3 грузовые автомашины; 3 трактора разных систем; 2 мотоцикла. В начале весны ожидалось прибытие: 5 легких танков, из них 3 с броней; 2 средних танков; 2 легковых автомашин («Хорьх» и «Ситроен»); 2 грузовых автомашин; 3 тракторов.

Какие же танки имелись на «Каме»? В 1928—1932 гг. германские фирмы «Крупп», «Даймлер-Бенц» и «Рейнметалл» построили три типа средних и три типа легких танков. Собирались эти танки, в основном, в Швеции, в филиалах германских фирм. В целях конспирации средние танки именовались «Groß-Traktor», то есть тяжелый трактор, а легкие танки — «Leichttraktor», то есть легкий трактор.

«Легкий трактор», изготовленный фирмой «Рейнметалл» в 1928 г., весил около 9 тонн и имел мотор в 100 л.с. Вооружение его состояло из одной 37/45-мм пушки «Рейнметалл» и пулемета. Толщина брони — до 13 мм. Скорость хода по шоссе — до 35 км/час.

«Тяжелый трактор» фирм Круппа и «Рейнметалл» весил 19,5 тонн и был оснащен мотором в 250 л.с. Вооружение его состояло из двух пушек калибра 75 мм и 37 мм. Скорость хода по шоссе достигала 30 км/час. Броня была противопульная, толщиной до 13 мм.

Замечу, что эти и другие опытные танки 1928—1932 гг. обладали рядом конструктивных недостатков и так и остались опытными образцами.

Серийные германские танки T-I, T-II, T-III и T-IV ни внешне, ни в конструктивном отношении ничего не имели общего с опытными танками 1928—1932 гг. Другой вопрос, что командование вермахта в целях дезинформации с 1936-го по 1940 год периодически показывало опытные танки, выдавая их за серийные, состоявшие на вооружении.

Есть данные, что советская сторона передала немцам на «Каму» две танкетки «Карден-Лойд» Mk.VI, закупленные в Англии для нужд РККА. Однако утверждение, что немцы создали свой серийный танк T-I на базе этих танкеток, представляет вымысел безграмотных журналистов.

К лету 1933 г. работа курсов по разным причинам перестала устраивать обе стороны. 30 июня 1933 г. начальник школы Гехер, сменивший Раббе, был вызван в германское посольство в Москве, где получил инструкцию, что курсы ТЕКО (так к этому времени стали называть «Каму») ликвидируются в течение трех месяцев.

У либеральных историков стало модой гиперболизировать значение танковой школы в Казани. Мол, там учился сам Гудериан. На самом деле для обеих стран это была буквально капля в море. СССР в начале 1930-х годов уже выпускал танки тысячами, и они, как минимум, не уступали по своим характеристикам германским «легким и тяжелым тракторам», использовавшимся в «Каме».

До начала Второй мировой войны участие Германии в строительстве Красного флота было крайне незначительным. Во-первых, в 1920-х и начале 1930-х годов советское руководство отдавало приоритет не строительству новых, а достройке и модернизации старых кораблей — линкоров типа «Севастополь», крейсеров типа «Светлана» и эсминцев типа «Новик». К концу 1920-х годов они уже морально устарели и были существенно слабее входивших в строй новых кораблей в Европе, США и Японии. Единственным их преимуществом была высокая степень готовности. Главным же зарубежным поставщиком корабельного оружия и механизмов для Красного флота с середины 1920-х годов до 1939 года была Италия, не связанная унизительными статьями Версальского мира.

До 1939 г. немцы не строили для СССР кораблей, ограничиваясь поставками различного рода оборудования. Вот, к примеру, план закупок оборудования в Германии на 1935 год в счет кредита на 200 млн марок. Среди оборудования фигурирует «телемеханическая система катера». Надо полагать, она предназначалась для катеров типа Г-5 «волнового управления» (то есть управления по радио). Далее шли 90 штук стереодальномеров с 4-метровой базой для батарей береговой обороны, 25 дальномеров с 3-метровой базой, 2 ночных дальномера с 2-метровой базой, турбины фирмы «Дешимаг» мощностью в 45 000 л.с., прицелы для высотного торпедометания, 9-метровые перископы для подводных лодок и т.д.

Наибольшую роль германские поставки до 1 сентября 1939 г. сыграли в строительстве советских подводных лодок. В 1922 г. СССР закупил несколько дизелей MAN6 45/42 у фирмы «Ман» (г. Аусбург) для первых советских тепловозов Э^{эл}2. Дизель развивал мощность 1200 л.с. при 450 об./мин. в течение часа, а в течение длительного времени его мощность составляла 1100 л.с. Дизели хорошо себя проявили в эксплуатации, и новую партию таких дизелей закупили для тепловозов Э^{мх}3. При этом часть дизелей была втайне от немцев поставлена на первые советские подводные лодки типа «Декабрист» I серии.

Кроме того, на «Декабристах» были использованы фрикционные муфты германской фирмы «Бамар», которые соединяли дизель и электродвигатель. Замечу, что на лодках I серии были использованы не только германские агрегаты, но и механизмы французской фирмы «Рато» и швейцарской фирмы «Броун-Бовери». Причем, всем фирмам наши заказчики твердили, что-де это нужно для объектов народного хозяйства, на что следовал вопрос: на сколько метров погружаются эти ваши «народнохозяйственные объекты»?

Рабочие чертежи подводной лодки Е-2, разработанные фирмой «Дешимаг», были использованы при строительстве советских подводных лодок типа «Сталинец» (IX серии).

После начала Второй мировой войны объем военно-морского сотрудничества резко возрос. Причем это было лишь косвенно связано с заключением пакта. Дело в том, что вопреки мнению «либеральных

историков», ни Гитлер, ни Сталин не рвались немедленно начинать мировую войну. Об этом достаточно убедительно говорят их судостроительные программы. Обе страны в 1938—1939 гг. начали строительство «большого флота», основу которого должны были составлять линкоры и крейсера. В строй они должны были войти в 1942—1946 гг.

Так, согласно пятилетнему плану на 1938—1942 гг., в СССР должны были быть заложены шесть линкоров проекта 23 (фактически до 22 июня 1941 г. было заложено три), четыре тяжелых крейсера проекта 69 (фактически заложено два) и 21 легкий крейсер (фактически было заложено 6 крейсеров проектов 26 и 26 бис и 7 крейсеров проекта 68). При этом все эти корабли, за исключением крейсеров проектов 26 и 26 бис, должны были вводиться в строй с 1943 г. Таким образом, программа строительства большого флота была рассчитана на начало войны не ранее 1943 г. Кстати, и сухопутные силы РККА находились к 22 июня 1941 г. в процессе перевооружения, которое должно было закончиться не ранее середины 1942 г.

Аналогичная картина сложилась и в германском флоте. К 1 сентября 1939 г. немцы имели в строю два линкора, а точнее, линейных крейсера, «Шарихорст» и «Гнейзнау». Два линкора, «Бисмарк» и «Тирпиц», и авианосец «Граф Цеппелин», имевшие 80-процентную готовность, достраивались на плаву. Кроме того, на плаву достраивались тяжелые крейсеры «Принц Ойген»[1] (спущен на воду 22 августа 1938 г.), «Зейдлиц» (спущен на воду 19 января 1939 г.) и «Лютцов» (спущен на воду 1 июля 1939 г.). По плану все эти достраивающиеся на плаву корабли должны были войти в строй в 1940—1941 гг., кроме «Зейдлица» и «Лютцова», которые предполагалось ввести в строй в 1942 г.

14 апреля 1939 г. на верфи «Блом и Восс» в Гамбурге и «Дешимаг» в Бремене были заложены два линкора нового проекта под литерными обозначениями «H» и «J». Как правило, немцы присваивали названия кораблям при спуске их на воду, а до этого корабли строились под литерными обозначениями. Шла подготовка к закладке еще четырех таких линкоров: «K», «L», «M» и «N». Стандартное водоизмещение этих кораблей должно было составлять 56 440 т, а полное — 62 600 т. Орудиями главного калибра должны были стать восемь 40-см пушек SKC/34 системы Круппа в четырех башнях. К 1 сентября 1939 г. 40-см (406-мм) пушки прошли полигонные испытания и были запущены в серийное производство. Всего, по разным данным, немцы изготовили от 12 до 19 таких орудий.

В начале 1939 г. были отпущены средства на постройку трех линейных крейсеров водоизмещением 31 650/35 400 т (стандартное/полное), вооруженных шестью 38-см пушками SKC/34 в трех башнях Drh LC/34 (тех же, что и на «Бисмарке»). На 1 сентября 1939 г. были подготовлены к закладке три линейных крейсера: «O», «P» и «Q».

---

[1] «Принц Евгений».

Однако начало войны сорвало все планы по строительству большого флота в Германии. Гитлер не только в сентябре 1939 г., но и летом 1940 г. всерьез рассчитывал на быстрое окончание войны и подписание мира с Англией. Поэтому о достройке только что заложенных и подготовленных к закладке кораблей не могло быть и речи. Уже 15 июля 1939 г. строительство корабля «H», а 1 сентября и корабля «J» прекратилось. В 1940 г. заделы, на которые немцы уже успели израсходовать несколько тысяч тонн металла, были разобраны.

Возник резонный вопрос: а что делать с кораблями, достраивавшимися на плаву, с уже изготовленными 40-см, 38-см и 20,3-см пушками и башнями для кораблей, постройка которых была прекращена? Так почему бы все это не сбыть восточному соседу, а взамен не получить бы столь необходимые сырье и продовольствие?

В результате Германия продала СССР недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов». Закупочная стоимость крейсера составляла 116 млн рублей по курсу того времени (10 655 млн рейхсмарок).

31 мая 1940 г. германские буксиры привели корпус крейсера в Ленинград. Достройка корабля велась на Балтийском заводе (№ 189). Техническое руководство достройкой осуществлял «штаб особого назначения», как именовали в немецких документах группу германских специалистов, насчитывавшую около ста человек. Возглавлял «штаб» военно-морской атташе Германии в СССР фон Баумбах. В советских же документах этот «штаб» назывался «Бюро Л».

Для реализации советской программы большого флота немцы поставляли нам технологическую документацию, а в ряде случаев и опытные образцы морских орудий калибра 406, 381, 203, 150, 105 и 37 мм.

В 1929 г. фирма «Рейнметалл» для контактов с СССР создала подставную контору в стиле «Рога и копыта» — общество с ограниченной ответственностью «Бюро для технических работ и изучений» (БЮТАСТ).

Согласно постановлению Совнаркома от 6 августа 1930 г., начальник Государственного Орудийно-пулеметного объединения Будняк и глава БЮТАСТа Гуго Фройденштейн подписали в Берлине секретный договор. Согласно ему, фирма БЮТАСТ должна была помочь СССР организовать валовое производство шести артиллерийских систем: 7,62-см зенитной пушки; 15,2-см мортиры; 3,7-см противотанковой пушки; 2-см и 3,7-см зенитных автоматов и 15,2-см гаубицы. Все орудия были, естественно, конструкции фирмы «Рейнметалл». Таким образом, немцы предоставили СССР лучшие опытные образцы своих артиллерийских систем. Кстати, все эти артсистемы, кроме 7,62-см зенитной пушки (немцы перешли вскоре на калибр 88 мм для зенитных орудий), были запущены в Германии в массовое производство в середине 1930-х годов и успешно действовали на всех фронтах Второй мировой войны.

На базе германских орудий были созданы 37-мм и 45-мм танковые пушки, 76-мм и 85-мм зенитные пушки. По вине бюрократов завода № 8 (им. Калинина) было сорвано производство 20-мм и 37-мм

зенитных автоматов «Рейнметалла». У нас их выпускали под названиями 2К и 4К.

Подводя итог, замечу, что советско-германское военное сотрудничество в 1921—1941 гг. было достаточно эффективно и выгодно обоим государствам. Однако представлять дело так, что Россия или Германия не смогли бы создать свой военный потенциал без партнера, просто нелепо. В это время и СССР, и Германия имели десятки других партнеров в области военного сотрудничества. А участие германского и советского оружия в войнах в Китае и Испании дало на порядок больше пользы, чем все испытания в Липецке, Казани и иных местах.

В целом роль военного сотрудничества СССР в 1921—1941 г. была существенно ниже, чем в царской России в 1855—1914 гг.

Глава 30

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ 30-Х ГОДОВ

В свое время Ленин сказал: «История — не тротуар Невского проспекта». Это в первую очередь относится и к 30-м годам XX века. Все ведущие страны мира постоянно маневрировали и меняли свои политические позиции. И вот теперь русофобствующие историки из притянутых за уши отдельных фактов создают миф о том, что Сталин и Гитлер, создав тоталитарные государства, всячески помогали друг другу, а затем вместе взяли да и развязали Вторую мировую войну.

Вот, мол, СССР сотрудничал с Германией в военной области. Советская пресса и компартия Германии в начале 1930-х годов ополчились на бедных социал-демократов, именуя их социал-фашистами, и так далее... к пакту Молотова — Риббентропа.

Да, вроде бы имели место отдельные факты, но, так их тасуя, можно доказать что угодно. Например, то, что Гитлеру покровительствовал британский королевский дом.

Кто сейчас в Англии помнит о короле Эдуарде VIII? А если кто-то и вспомнит, то о сексуальном скандале, приведшем к его отречению. Будущий король в бытность принцем Уэльским осенью 1914 г. пошел на службу в армию. Однако он с детства был настроен прогермански. «Каждая капля моей крови — немецкая», — с гордостью говорил Дэвид. И это утверждение соответствовало истине, хотя по понятным причинам не афишировалось в 30-е годы XX века. Ведь с XVII века в Британии царствовала Ганноверская династия, родоначальником которой стал Фридрих V, курфюрст Пфальцский (1596—1632). Его потомки царствуют и поныне, хотя в начале XX века династия для приличия была переименована в Виндзорскую — по месту расположения главного королевского дворца.

Принц Уэльский Эдвард и его родной брат герцог Кентский поддерживали тесные связи со своими гессенскими родственниками, Филиппом и Вольфгангом. Активными сторонниками Гитлера были и гессенские принцы Вольфганг и Филипп. Тот же Филипп Гессенский в нацистской партии числился под номером 53, то есть принадлежал к руководству страны. Филипп часто использовался Гитлером для выполнения щекотливых дипломатических поручений. Даже жена Филиппа (дочь короля Италии Умберто) вела переговоры с Муссолини.

Кузены Эдуарда, Филипп Гессенский и Карл Сакс-Кобургский, зачастили в Букингемский дворец, где они передавали конфиденциальные послания Гитлера принцу Уэльскому Эдуарду, а затем и королю Эдуарду VIII.

В марте 1936 г. Гитлер ввел войска в Рейнскую область, которая по Версальскому договору считалась демилитаризованной зоной. Тогда Германия не была готова к войне и с тревогой ждала реакции Англии и Франции. Но из Лондона прибывает Карл Сакс-Кобургский и сообщает фюреру о положительной реакции Эдуарда VIII. Мало того, Эдуард решил как можно скорее вступить в переговоры с Гитлером. Чтобы нейтрализовать несогласных министров, он был готов ввести «конституционные ограничения», имевшие целью уменьшить власть министров. «Кто король здесь, в Англии, премьер Болдуин или я? — говорил он герцогу Кобургскому. — Я хочу разговаривать с Гитлером. Я это сделаю здесь или в Германии. Пожалуйста, передайте ему это».

Однако правящие круги Британии во главе с министром Болдуином в декабре 1936 г. добились отречения Эдуарда VIII. Свергнутому королю был дан титул герцога Виндзорского. Ему было запрещено именоваться «величеством», он стал «королевским высочеством».

Опечаленное Высочество отправилось к ... фюреру. О чем они говорили, мы никогда не узнаем. Правда, английские историки пытаются успокоить обывателей, рассказывая о том, что Гитлер на беседу с королем взял переводчика. Король попросил переводчика уйти, так как немецкий язык являлся для него родным, но фюрер отказался, и разговор не клеился.

В начале войны Эдуард находился в Англии. Британская разведка имела информацию о том, что герцог выдавал секреты, касавшиеся дислокации союзных войск и французских укрепрайонов. Немецкий посол в Гааге утверждал впоследствии, что герцог передавал в Берлин важную для Германии информацию военного характера. Ряд трофейных немецких документов свидетельствовал о планах герцога по заключению Англией сепаративного мира с Германией.

После войны стало известно, что Гитлер хотел вынудить Англию подписать мир, одним из условий которого была бы реставрация Эдуарда VIII на британском престоле. Партия войны во главе с Черчиллем ополчилась на бывшего короля, и он был сослан в места не столь отдаленные — губернатором на Багамские острова. В ссылку герцог Виндзорский направился через Пиренейский полуостров. В Лиссабоне он встречался с германским послом. На другой встрече с португальским банкиром — агентом абвера, герцог выразил восхищение фюрером и сказал, что он готов «выступить» и по условленному паролю вернуться с островов в Лондон.

Понятно, что отставной король и на Пиренейском полуострове опекался британской секретной службой. Но куда более интересно, что герцог уже с 1939 г. был «под колпаком» ИНО НКВД. 9 июля 1940 г.

начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД Фитин представил наверх совершенно секретную записку № 5/8175, где говорилось: «Бывший английский король Эдуард вместе с женой Симсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства, заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР».

С Багамских островов герцог дал телеграмму «португальскому банкиру», где просил его «дать знать, когда ему надо будет действовать».

Обыватель любит пикантные подробности из жизни великих людей, и «правдивая» западная пресса не отказывает ему в сенсациях. Вот роковая страсть короля к золушке. А вот заместитель Гитлера Рудольф Гесс сходит с ума и на дальнем истребителе Ме-110 перелетает в мае 1941 г. в Англию. Только вот зачем с «психом» вели долгие переговоры министры его величества, лорд Бивербрук и Антони Иден? И поминался ли в их задушевных беседах экс-король?

Британское правительство и королевская семья сделали все, чтобы никто и никогда не смог ответить на эти вопросы. Все документы, касающиеся свиданий Гесса с британскими лидерами, до сих пор засекречены. Сам Рудольф Гесс был убит в тюрьме английскими спецслужбами.

А можно Бенито Муссолини объявить антифашистом?

После неудачного путча нацистов в Вене и убийства австрийского канцлера Дольфуса в июле 1934 г. Муссолини произнес речь в Барии, полную презрения к нацистской Германии: «Тридцать столетий истории позволяют нам с жалостью взирать на определенные идеи по ту сторону Альп». Гитлера он назвал «отвратительным сексуальным калекой», а также «опасным дураком и клоуном». В органе фашистской партии, газете «Пополо ди Рома», Муссолини писал: «Кто же такие эти господа нацисты? Убийцы и педерасты!»[1]

К этому времени Муссолини уже 12 лет был у власти и пользовался у западных демократов определенным авторитетом. Еще в 1932 г. Черчилль льстиво называл его «крупнейшим законодателем современности» и «воплощением римского гения». А на конференции в Стрезе «римский гений» вместе с Англией и Францией занял к Германии непримиримую позицию. И это было... Но вскоре дуче и фюрер договорились и поладили.

В Испании Гитлер и Муссолини воевали на стороне Франко, а СССР — на стороне республиканцев. Италия поставила Франко около тысячи самолетов, 950 танков и бронеавтомобилей, 1930 артиллерийских орудий, 1426 минометов. В свою очередь, Германия отправила в Испанию 321 истребитель, 220 бомбардировщиков, 270 танков и автомобилей, 620 артиллерийских орудий и 6170 минометов.

---

[1] Цит. по: Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1985. С. 81.

Ну а Советский Союз с октября 1936 г. по январь 1939 г. поставил республиканцам 648 самолетов, 347 танков, 60 бронеавтомобилей и 1186 артиллерийских орудий. В ходе гражданской войны в Испании погибли 132 и пропали без вести 26 советских добровольцев.

Приведу лишь один небольшой эпизод гражданской войны. В ночь с 29 на 30 апреля 1937 г. два бомбардировщика СБ, судя по всему, с нашими экипажами вылетели на бомбежку франкистского порта на острове Иваса. Там они обнаружили крупный корабль и, приняв его за крейсер мятежников, бомбардировали его. Две бомбы попали в корабль, и еще летчики наблюдали два близких разрыва. Позже республиканцы узнали, что это был германский «карманный линкор» «Дойчланд». Погибли 23 немецких моряка, 83 получили ранения, из них 8 вскоре умерли.

В свою очередь, итальянцы и корабли мятежников потопили несколько советских транспортов, шедших в порты республики.

28 ноября 1937 г. на верфи в Ливорно был спущен на воду легкий крейсер, но предназначался он не для итальянского или испанского флота. Так началась история советского лидера «Ташкент». И это был не эпизод. В Испании шла война. В Средиземном море встречались советские суда, везшие в Испанию оружие, а в Италию — нефть. Обратно отправлялись итальянские 100-мм зенитные корабельные установки Минизини, сотни торпед, современные корабельные системы управления огнем и т.п.

Вот возьмем, к примеру, другую легенду советского флота — крейсер «Киров». Конструкцию корабля и башни главного калибра сделали по итальянскому проекту. Главная силовая установка — котлы и турбины — поставлены фирмой «Ансальдо»; источники электроэнергии — турбогенераторы — фирмой «Франко-Този»; дизель-генератор — опять «Ансальдо».

Итак, было и сотрудничество, была и война с фашизмом. История — не тротуар Невского проспекта.

А возьмем отражение Китаем японской агрессии. Только с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тысяч пулеметов, 50 тысяч винтовок, 1550 грузовых автомобилей и тракторов. К середине февраля 1939 г. там работали и участвовали в войне с японцами 3665 советских военных добровольцев. Из них погибли в боях 195 человек.

В отличие от Испании советские советники сражались в Китае бок о бок с сотнями германских инструкторов, служивших в армии Чан-Кайши.

Тем не менее военная помощь Германии Китаю не помешала ей заключить 25 ноября 1936 г. в Токио антикоминтерновский пакт. Содержание японо-германского соглашения сводилось к трем основным пунктам. В первом обе стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и ве-

сти против него борьбу в тесном сотрудничестве. Второй пункт обязывал стороны принимать необходимые меры борьбы и «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического интернационала». В третьем пункте устанавливался срок действия соглашения — пять лет.

Особое значение имел второй пункт соглашения. Он давал возможность договаривающимся сторонам под предлогом борьбы против Коминтерна вмешиваться в дела других государств.

6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. За это она получила со стороны Японии признание аннексии Абиссинии. В свою очередь, Германия и Италия официально признали правительство Манчжоу-Го. С конца 1937 г. Япония начала усиленно снабжаться немецкими самолетами и всеми видами военного снаряжения.

Новый договор держав «оси» даже английской консервативной прессой оценивался как «тяжело вооруженный союз», не имеющий прямого отношения к борьбе против коммунизма. «Три державы отнюдь не объединились просто для борьбы с опасностью коммунизма, — писал в декабре 1937 г. английский журнал «Time and Tide». — Намерены ли они пойти войной на Советский Союз? Не исключено, если бы им представилась такая возможность. Но пакт, в основном, имеет другие цели... Для Японии война против СССР трудна, завоевание Китая также сопряжено с большими трудностями. Наиболее легким направлением для Японии является южное — на Аннам и Голландскую Ост-Индию».

Французский журналист Пертинакс в газете «Echo de Paris» писал: «Все, что можно сказать, это то, что Советский Союз, быть может, менее затрагивается итало-германской системой, чем Британская империя. Три договаривающиеся страны не могут выступить с прямой атакой Советского Союза; зато каждая из них может поразить Англию и ее владения. Германия может бросить воздушный флот на Лондон, Италия угрожает Египту, Япония — Гонконгу и Сингапуру. Это касается также и Франции».

На XVIII съезде ВКП(б) Сталин съязвил: «Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! “У нас” нет никакого военного блока. “У нас” всего-навсего безобидная “ось Берлин — Рим”, то есть некоторая геометрическая формула насчет оси. (Смех).

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! “У нас” нет никакого военного блока. “У нас” всего-навсего безобидный “треугольник Берлин — Рим — Токио”, то есть маленькое увлечение геометрией. (Общий смех.)

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! “Мы” ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте “антикоминтерновский пакт”, заключенный между Италией, Германией и Японией.

Тут думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать "очаги" Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко. (Смех.)»[1]

Что же касается СССР, то его правительство действительно в 1920—1930-е годы придерживалось миролюбивого курса, стараясь всячески оттянуть войну.

Правительства могут сколько угодно врать в пропагандистских целях, но генштабисты в своих секретных планах никогда не врут, а если уж заблуждаются, то по своей глупости или неосведомленности. Поэтому я процитирую «Записку начальника Генштаба Красной Армии наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР» от 24 марта 1938 г.:

«Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германия, Италия, поддержанные Японией и Польшей.

<...>

Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов [государства Прибалтики. — *А.Ш.*] и на Востоке против Японии.

Италия, весьма вероятно, в войне будет участвовать своим флотом, посылку же экспедиционного корпуса к нашим границам вряд ли можно ожидать.

<...>

Наиболее вероятные противники на Западе — Германия и Польша в военное время развертывают в 1-ю очередь:

Германия — 96 пд [пехотные дивизии. — *А.Ш.*], 5 кд [кавалерийских дивизий. — *А.Ш.*], 5 мотодивизий, 30 танк. бригад и 3000 самолетов.

Польша — 65 пд, 16 кав. бригад, 1450 танков и танкеток, 1650 самолетов.

Итого — 161 пд, 13 кав. див., 7250 танков и танкеток, 4650 самолетов....

Финляндия, Эстония и Латвия развертывают 20 пехотных дивизий, 80 танков и 436 самолетов.

<...>

Германия и Польша могут сосредоточить свои главные силы к северу или к югу от Полесья. Этот вопрос указанными государствами будет решен в зависимости от положения в Средней Европе и, наконец, от того, насколько договорятся оба этих государства в украинском вопросе.

<...>

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма. Издание 11-е. С. 569.

Основной задачей РККА в предстоящем вооруженном столкновении должно быть нанесение решительного поражения противникам как на Западе, так и на Востоке.

Стратегическое развертывание на два фронта необходимо считать основным.

Главные противники и главный театр военных действий на Западе, поэтому здесь должны быть сосредоточены и главные наши силы.

Однако на Востоке против Японии должны быть назначены такие силы, которые гарантировали бы нам превосходство и успех в Северной Маньчжурии.

Остальные наши границы должны быть прикрыты минимальными силами.

<...>

Для ведения операций на Западе назначаются: 124 стрелковые дивизии, из которых 5 со сроком готовности на 30 день мобилизации; 16 кавалерийских дивизий; 26 танковых бригад, всего танков 10 255; 5867 самолетов (вместе с морской авиацией).

Если мы уступаем в числе стрелковых дивизий, то превосходим в танках и авиации, причем оснащение материальным снабжением взято при частичном поступлении из планов заказа 38-го г., с его выполнением наше превосходство в материальном снабжении будет возрастать.

<...>

...в данное время трудно сказать, где произойдет развертывание главных сил германских и польских армий — к северу от Полесья или к югу от него.

Поэтому предлагается иметь два варианта стратегического развертывания — к северу или к югу от Полесья.

<...>

При нейтралитете Финляндии, Эстонии и Латвии до 6 стрелковых дивизий и 2 танковых бригад может быть привлечено для действий к югу от Полесья»[1].

Как видим, Советский Союз активно готовился к войне, но к войне оборонительной. Ведь, начиная с 1937 г., войну предполагалось вести на двух фронтах, так как на Дальнем Востоке Япония развертывала огромную армию непосредственно у самых границ с СССР[2].

Сталин и большевики в целом могут кому-то нравиться, а кому-то нет, но пока нет никаких документов, свидетельствующих о том, что СССР хотел первым напасть на какое-либо государство. С 1922 г. до 1 августа 1939 г., наоборот, в СССР и политики, и военные чересчур преувеличивали «классовую солидарность капиталистических госу-

---

[1] Россия. XX век. Документы.1941 год / Под ред. В.П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 557—568.

[2] Подробно об этом рассказано в моей книге «Русско-японские войны 1904—1945» (Минск: Харвест, 2003).

дарств» и строили свои военные планы на том, что если начнется даже локальная война, то «капиталистические акулы» разом все кинутся на «первую в мире страну социализма». Соответственно, Сталин всеми силами пытался оттянуть вступление СССР в любой военный конфликт и ради этого зачастую принимал унизительные для великой державы решения как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Другой вопрос, что правительство СССР было готово в случае агрессии какого-либо государства у границ Советского Союза восстановить статус-кво силой оружия, но обязательно в союзе с достаточно сильным государством.

20 февраля 1938 г. Гитлер произнес в рейхстаге угрожающую речь. Он заявил, что «не потерпит дальнейших нападок европейской печати на Германию... Германия не может оставаться безучастной к судьбе 10 миллионов немцев, которые живут в двух соседних странах». Ясно, что речь шла об Австрии и Чехословакии. «Германское правительство будет добиваться объединения всего немецкого народа», — продолжал фюрер и добавил, что немецкая армия готова и что в ближайшее время она будет еще усилена.

В начале марта 1936 г. в Австрию были введены части вермахта. А 13 марта новое правительство Зейсс-Инкварта опубликовало официальный закон, объявляющий Австрию «германским государством». Одновременно таким же законодательным актом в Берлине было утверждено включение Австрии в состав Германской империи.

Гитлер еще в 1937 г. принял окончательное решение о расчленении Чехословакии. 24 июня 1937 г. верховное командование вермахта приняло директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне», где говорилось, что вермахт должен внезапно осуществить вторжение в Чехословакию, и чтобы при этом на Западе оставался только минимум сил в качестве тылового прикрытия этой наступательной операции. Цели и задачи этой операции состояли в следующем: разгромив чехословацкую армию и овладев Богемией и Моравией, заблаговременно и на весь период войны ликвидировать угрозу нападения Чехословакии с тыла, чтобы развязать себе руки для ведения войны на Западе и отнять у русской авиации важнейшую часть ее операционной базы, которую Советы могли бы создать на территории Чехословакии.

Сразу же после оккупации Австрии резко возросла активность судетских немцев в Чехословакии. На съезде профашистской судетской партии[1] в апреле 1938 г. в Карловых Варах были выдвинуты требования об отторжении от Чехословакии ряда пограничных районов и присоединении их к рейху. Кроме того, судетские немцы потребовали расторжения Чехословакией договоров о взаимной помощи с Францией и СССР.

Так возник так называемый Судетский кризис. О нем и о последовавшем Мюнхенском соглашении часто и много говорили советские

---

[1] Генлейновцы — члены профашистской партии, которая была создана в 1933 г. и бессменно возглавлялась Конрадом Генлейном (1898—1945 гг.).

историки и политики. При этом постоянно замалчивалась роль Польши в этом кризисе.

Дело в том, что польское правительство имело территориальные претензии не только к СССР, Германии и Литве, но и к Чехословакии. Поляки претендовали на Тешинскую Силезию. Очередной всплеск античехословацких настроений в Польше произошел в начале 1934 г., когда пресса развернула массированную кампанию о возвращении исконных польских земель. А осенью 1934 г. польская армия на границе с Чехословакией провела большие военные маневры, в ходе которых отрабатывались действия в случае распада Чехословакии или ее капитуляции перед Германией.

12 мая СССР заявил о готовности поддержать Чехословакию при условии прохода Красной Армии через Польшу или Румынию. Надо ли говорить, что правительства Польши и Румынии категорически отвергли предложение СССР?

В сентябре 1938 г. Судетский кризис достиг своего апогея. 3 сентября во Франции были призваны 300 тысяч резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью укомплектована техническими средствами. 22 сентября шесть французских дивизий были выдвинуты на границу Германии. В ночь на 24 сентября были призваны еще 600 тысяч резервистов и переброшено к границе 14 дивизий. К 28 сентября были мобилизованы полтора миллиона человек, а на германской границе развернуто 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков. Всего во французской армии насчитывалось более 1275 танков.

В составе вооруженных сил Великобритании имелось 20 дивизий и 2 бригады, всего около 400 тысяч человек, а также 375 танков и 1759 самолетов первой линии.

В СССР в середине лета 1938 г. готовились к помощи Чехословакии. 26 июня советское правительство приняло решение о реорганизации военно-территориальных структур Красной Армии и формировании шести армейских групп в Белорусском и Киевском военных округах.

Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля 1938 г., Белорусский военный округ был переименован в Белорусский особый военный округ. В его составе были сформированы: на базе управления IV стрелкового корпуса — Витебская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей; а на базе управления V стрелкового корпуса — Бобруйская армейская группа, в которую вошли войска, расположенные на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей.

Согласно приказу наркома обороны № 0152 от 26 июля 1938 г., Киевский военный округ был переименован в Киевский особый военный округ, а в его составе были сформированы: Житомирская армейская группа (на базе управления VIII стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Жито-

мирской областей; Винницкая армейская группа (на базе управления XVII армейского корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, а также Одесская армейская группа (на базе управления VI стрелкового корпуса), в которую вошли войска, расположенные на территории Николаевской области и Молдавской АССР. Также в состав Киевского особого военного округа вошла кавалерийская армейская группа в составе II и IV кавалерийских корпусов.

Польша же готовилась к нападению на Чехословакию в союзе с Германией. В сентябре 1938 г. на Волыни прошли крупные маневры польской армии, в которых участвовали пять пехотных дивизий, одна кавалерийская дивизия, одна мотобригада и одна бригада легких бомбардировщиков. Под прикрытием этих маневров польские войска стягивались к Тешину. На чехословацкой границе поляки развернули отдельную оперативную группу «Шлёнск» в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованных кавалерийских бригад под командованием генерала В. Бортновского. К 1 октября 1938 г. эта группировка насчитывала 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка, 9 бронемашин и 103 самолета.

28 сентября Ленинградский, Белорусский особый, Киевский особый, Харьковский, Орловский, Калининский, Московский, Приволжский, Уральский, Северокавказский и Закавказский военные округа получили телеграмму начальника Генштаба с приказанием «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять».

29 сентября военные советы Киевского особого, Белорусского особого, Ленинградского и Калининского военных округов получили директиву о приведении в боевую готовность дополнительно еще семнадцати стрелковых дивизий, управлений двух танковых корпусов и корпусных частей, 22 танковых и 3 мотострелковых бригады, 34 авиационных баз. Для их пополнения проводилась мобилизация необходимого количества приписного состава на двадцатидневные сборы.

В тот же день военные советы Харьковского, Орловского, Северокавказского, Приволжского и Уральского военных округов получили телеграммы с указанием в двухдневный срок призвать по 250—275 человек приписного командного и политического состава во все имеющиеся у них дивизии. Затем такая же телеграмма пришла и в Московский военный округ.

Кроме войск приграничных западных округов, мобилизационные мероприятия затронули еще тридцать стрелковых и шесть кавалерийских дивизий, два танковых корпуса, пятнадцать отдельных танковых бригад, тридцать четыре авиационные базы. Из запаса были призваны 328,7 тысяч человек, задержаны увольнением из армии сержантов и рядовых, отслуживших установленный срок. Особенно усиливал-

ся личным составом, транспортом и авиацией Киевский особый военный округ, там ко 2 октября на сборы приписного состава явились 108 528 человек.

Всего в Красной Армии насчитывалось 18 664 танка и 2 741 бронемашина, из которых 3609 танков и 294 бронемашины находились в войсках Белорусского особого военного округа, а 3644 танка и 249 бронемашин — в войсках Киевского особого военного округа.

28 сентября 1938 г. нарком обороны доложил советскому правительству о готовности направить в Чехословакию из Белорусского военного округа 16-ю авиационную бригаду в составе 56-го и 54-го среднебомбардировочных авиаполков и 58-ю авиационную бригаду в составе 21-го и 31-го истребительных авиаполков; из Киевского военного округа — 10-ю (33-й среднебомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й и 43-й истребительные авиаполки); из Харьковского военного округа — 60-й среднебомбардировочный авиаполк. Всего 548 боевых самолетов.

Всего же на 1 октября 1938 г. авиационная группировка Калининского, Белорусского и Киевского особых военных округов насчитывала 2690 самолетов.

Для сравнения, к 1 апреля 1938 г. вермахт располагал 15 213 орудиями и минометами и 1983 танками (из них T-I — 1468 машин, T-II — 443, T-III — 43 и T-IV — 30 машин). В вермахте имелись 51 дивизия и одна кавалерийская бригада, а летом 1938 г. были созданы восемь резервных дивизий.

Таким образом, Красная Армия одна могла в сентябре 1938 г. разгромить объединенные армии Германии и Польши. Но советское правительство не желало действовать в одиночку, не зная заранее дальнейших намерений Франции и Англии. Кроме того, не следует забывать, что в июле-августе 1938 г. Красная Армия вела тяжелые бои на озере Хасан и была на грани большой войны с Японией.

Англия и Франция не пожелали идти на серьезный конфликт с Гитлером. Ради этого семидесятилетний английский премьер Невилл Чемберлен рискнул впервые в жизни сесть на самолет и отправился в Берлин. В тот же день, 15 сентября 1938 г., Чемберлен и его спутники, Вильсон и Стрэнг, были приняты Гитлером в Берхтесгадене. Здесь состоялась трехчасовая беседа английских гостей с хозяином. Гитлер потребовал окончательного и полного «самоопределения» судетских немцев. Чемберлен попросил отсрочки для ответа на это требование: он сослался на необходимость вернуться в Лондон, чтобы принять решение, согласованное британским правительством с Францией и Чехословакией.

В тот же день состоялась беседа Геринга с английским послом Гендерсоном. Геринг не без наглости заявил, что «Германия подождет еще одной второй и окончательной встречи [с Чемберленом. — *А.Ш.*], но что она вообще тянуть больше не намерена... Если же Англия начнет войну против Германии, то трудно представить исход войны. Одно

только ясно, — угрожающе добавил Геринг, — что до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона».

По возвращении в Лондон Чемберлен пригласил туда на совещание главу французского кабинета Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Франции Жоржа Боннэ.

Второй раз Чемберлен полетел к Гитлеру 22 сентября. В тот же день в Годесберге состоялась его встреча с Гитлером. Британский премьер сообщил фюреру, что вопрос о судетских немцах решен английским и французским правительством в точном соответствии с пожеланиями Германии.

Чемберлен ожидал, что Гитлер выразит ему свое удовлетворение, но совершенно неожиданно услышал совсем другое. «Очень сожалею, — заявил Гитлер, — но теперь это нас не устраивает». Тут же Гитлер пояснил, чего он хочет. Оказалось, он требует, чтобы заодно удовлетворены были территориальные притязания Венгрии и Польши, с которыми Германия связана дружественными отношениями. В большом замешательстве Чемберлен заявил, что новые требования Германии должны быть подвергнуты обсуждению. На этом его беседа с Гитлером прервалась. Ночью Чемберлен заявил осаждавшим его корреспондентам: «Я не могу сказать, что положение безнадежно».

Вечером 26 сентября Гитлер выступил в берлинском Спорт-паласе с новыми угрозами против Чехословакии. «Если к 1 октября, — бесновался фюрер, — Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду, как первый солдат, против Чехословакии». Одобрительно упомянув об усердии Чемберлена, якобы стремящегося «сохранить мир», Гитлер повторил заявление, которое делал всякий раз, когда готовился к новому акту агрессии: «После того как судетско-германский вопрос будет урегулирован, мы не будем иметь никаких дальнейших территориальных претензий в Европе... Нам чехи не нужны».

29 сентября Чемберлен в третий раз сел в самолет и отбыл в Германию. В 12 ч. 45 мин. в Мюнхене в Коричневом доме открылась конференция полномочных представителей Германии, Великобритании, Франции и Италии. Германия была представлена Гитлером, Англия — Чемберленом, Франция — Даладье, Италия — Муссолини. Переговоры закончились около двух часов ночи. Условия Годесбергского меморандума были приняты полностью. Чехословакии предлагалось передать Германии все пограничные с ней районы. Таким образом, речь шла не только о Судетской области, но и о районах, пограничных с бывшей Австрией. Передаваемые районы Чехословакия должна была очистить в срок с 1 по 10 октября. Все военные сооружения, находившиеся в этих областях, передавались Германии. В соглашении указывалось также на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии. Таким образом, имелось в виду отторжение от Чехословакии еще некоторых частей ее территории в пользу Польши и Венгрии. После «урегулирования» этого вопроса оставшейся части Чехословакии должны быть предоставле-

ны гарантии Англии, Франции, Германии и Италии против неспровоцированной агрессии.

Судьба Чехословакии решалась в Мюнхене без всякого ее участия. Чешский посланник и представитель Министерства иностранных дел Чехословакии прибыли в Мюнхен лишь для того, чтобы «ожидать результатов конференции». Ни тот, ни другой не были допущены в зал совещания.

Перед отъездом из Мюнхена Чемберлен посетил Гитлера и подписал с ним следующую декларацию: «Мы, германский фюрер, имперский канцлер и британский премьер-министр... согласились в том, что вопрос об англо-германских отношениях имеет первостепенную важность для обеих стран и для всей Европы. Мы считаем, что соглашение, подписанное вчера вечером, равно как и англо-германское морское соглашение, символизируют волю обоих наших народов никогда впредь не воевать друг с другом».

В ту же ночь британский посол в Германии Невиль Гендерсон в упоении успехом своей миротворческой деятельности в Берлине восторженно писал Чемберлену: «Миллионы матерей будут благословлять ваше имя за то, что вы спасли их сыновей от ужасов войны».

1 октября 1938 г. германские войска вступили в Чехословакию. Они беспрепятственно заняли не только Судетонемецкую область, но и ряд районов и городов, где почти не было немецкого населения.

По приказу своего правительства чехословацкие войска 1 октября начали отход с польской границы, а на следующий день польские войска оккупировали район Тешина, где на тот момент проживали 80 тысяч поляков и 120 тысяч чехов и словаков. Таким образом, Польша увеличила у себя процент неполяков, но зато за счет присоединения столь экономически развитого района увеличила производственные мощности своей тяжелой промышленности почти на 50 %.

28 ноября 1938 г., окрыленные успехом, Бек и К° потребовали передачи им Чехословакией Моравской Островы и Виткович. Но Гитлер сам «положил на них глаз» и сказал «цыц».

14 марта 1939 г. Словакия по наущению Гитлера объявила о своей независимости. На следующий день в Берлин был вызван новый президент Чехословакии Гаха и министр иностранных дел Хвалковский. При встрече Гитлер грубо заявил им, что сейчас не время для разговоров. Он вызвал их лишь для того, чтобы получить их подпись на документе, которым Богемия и Моравия включались в состав Германской империи. «Всякий пытающийся сопротивляться, — заявил Гитлер, — будет растоптан». После этого Гитлер поставил свою подпись на документе и вышел. В итоге чехи были вынуждены подписать документ.

В тот же день, 15 марта, германские войска вступили на неоккупированную часть Чехословакии. Чехословацкая армия сопротивления не оказывала. На территории Чехии немцы создали Протекторат Богемия и Моравия.

Польское правительство не протестовало против захвата Чехии, хотя и было обижено тем, что при разделе Чехословакии им достался слишком маленький кусок.

Итак, в 1938 г. советское правительство сделало все возможное, чтобы остановить Гитлера. Ради этого Сталин был готов вести войну на два фронта и вступить в союз с заклятыми врагами России — Англией и Францией.

Любопытна оценка кризиса 1938 г. независимым наблюдателем. Сейчас, в XXI веке, когда мы слышим словосочетание «независимый наблюдатель», то невольно начинаем думать — кто и сколько ему платит? Но тогда, в 1938 году, в Мексике жил действительно ни от кого не зависящий наблюдатель, и звали его Лев Давидович Троцкий.

Он писал: «Войну между Чехословакией и Германией, даже если бы другие империалистские государства не вмешались сразу, недопустимо было бы рассматривать вне того переплета европейских и мировых империалистских отношений, из которых эта война могла вспыхнуть, как эпизод. Месяцем или двумя позже чешско-немецкая война — если бы чешская буржуазия хотела и могла воевать — вызвала бы почти неминуемо вмешательство других государств. Было бы поэтому для марксиста грубейшей ошибкой определять свою позицию на основании сегодняшних конъюнктурных дипломатических и военных группировок, а не на основании общего характера социальных сил, стоящих за этой войной...

Империалистская война, с какого бы угла она ни началась, будет вестись не из-за "национальной независимости", а ради передела мира в интересах отдельных клик финансового капитала. Это не исключает того, что попутно империалистская война может улучшить или ухудшить положение той или другой "нации"; точнее сказать, одной нации за счет другой. Так, Версальский мир раздробил Германию. Новый мир может раздробить Францию. Социал-патриоты как раз и пользуются ссылками на возможную "национальную" опасность в будущем для того, чтоб поддерживать "своих" империалистских бандитов в настоящем. Чехословакия ни в малейшей мере не составляет исключения из этого правила...

Сейчас, после свежего опыта Чехословакии, нет, кажется, надобности доказывать, что империалисты борются друг с другом не из-за политических принципов, а из-за господства над миром — под прикрытием каких угодно принципов.

Муссолини и его ближайшие сотрудники являются, надо думать, атеистами, т.е. не верят ни в бога, ни в черта. Великобританский король и его министры погрязают в средневековых предрассудках и верят даже в чертову бабушку. Это не значит, однако, что война между Италией и Англией будет войной науки против религии. Атеист Муссолини будет изо всех сил разжигать религиозные страсти мусульман. Благочестивый протестант Чемберлен будет, со своей стороны, искать помощи папы и т. д.

Гигиена занимает важное место в человеческой культуре. Однако, когда дело идет об убийстве, вопрос о том, вымыл ли убийца предварительно руки, не имеет решающего значения. Подменять реальные цели враждебных империалистских лагерей политическими или моральными абстракциями — значит не бороться за демократию, а помочь хищникам маскировать свои захваты, грабежи и насилия...

Отсюда столь внезапная вспышка преклонения перед гангренозной буржуазной демократией у тоталитарной банды Кремля»[1].

Конечно, Лев Давидович перегибает палку, говоря о преклонении Кремля перед «буржуазной демократией», однако его статья на эмоциональном уровне подтверждает сухие выкладки генштаба РККА — Россия в 1938 г. сделала более, чем могла, чтобы сохранить мир в Европе.

---

[1] Троцкий Л.Д. Свежий урок. // «Бюллетень оппозиции» 10 октября 1938 г.

Глава 31

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Еще до захвата Праги, 5 января 1939 г. в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с польским министром иностранных дел Беком. Гитлер предложил ему отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши. Поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остается и всегда будет немецким. Рано или поздно этот город отойдет к Германии. Однако он, фюрер, может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Затем рейхсканцлер перешел к вопросу о «польском коридоре». Следует признать, заметил Гитлер, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

Таким образом, Гитлер четко сформулировал позицию Германии — вернуть Данциг рейху и пересмотреть статус «польского коридора», отделявшего Восточную Пруссию от остальной Германии. Бек в ответ не сказал ничего толкового ни за, ни против. Любопытна лишь одна его фраза, касающаяся Украины: «Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра.

В ночь с 17 на 18 марта 1939 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов вызвал польского посла Гжибовского и сообщил ему о намерении ответить на германские ноты непризнанием легальности ан-

нексии Чехии и спросил о позиции Польши по этому вопросу. Утром 18 марта Гжибовский сообщил Литвинову «ответ века»: «Польша ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их».

Днем 18 марта Литвинов вызвал германского посла и вручил ему ноту, где говорилось: «Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората... Ввиду изложенного советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов».

17 марта английский и французский послы в Берлине явились в Министерство иностранных дел с нотами протеста, в которых заявлялось, что правительства Англии и Франции не признают законности нового положения в Чехословакии, созданного оккупацией республики германскими войсками. Но Риббентроп даже не удосужился лично принять послов.

Сейчас остается только гадать, были ли согласованы действия советских и западных дипломатов.

21 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей город Мемель с областью. Ни одно государство не поддержало Литву, и 23 марта в Мемель вступили германские войска.

25 марта 1939 г. в Варшаве произошли массовые демонстрации под лозунгами: «Долой немецких псов! Да здравствует польский Данциг!» В германском посольстве были выбиты все стекла. Одновременно в Кракове и Познани толпы поляков учинили немецкие погромы.

Лишь теперь Невилл Чемберлен решился действовать. 31 марта он заявил в Палате общин, что в случае, если Польша подвергнется нападению и сочтет необходимым оказать сопротивление, Англия выступит ей на помощь. 3 апреля Чемберлен подтвердил и дополнил свое заявление Парламенту. Он сообщил, что на помощь Польше против агрессора вместе с Англией выступит и Франция. В этот день в Лондоне уже находился польский министр иностранных дел Бек. В результате его переговоров с Чемберленом и заместителем министра иностранных дел лордом Галифаксом английский премьер выступил 6 апреля в парламенте с новым сообщением. Он заявил, что между Англией и Польшей достигнуто соглашение о взаимной помощи.

17 апреля 1939 г. Литвинов вручил британскому послу официальное предложение советского правительства. В нем говорилось:

«Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств...

Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия».

По этому поводу Уинстон Черчилль писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: "Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею", — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

4 мая 1939 г. Черчилль опубликовал заявление: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное — нельзя терять времени».

В ходе дебатов в парламенте Черчилль сказал: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

Однако большая часть британских и французских политиков предпочитала столкнуть лбами Германию и СССР и посмотреть, что из этого выйдет.

23 июля 1939 г. советское правительство предложило немедленно начать переговоры о заключении военной конвенции. Хотя Англия и Франция были вынуждены согласиться на посылку своих военных миссий, последние не торопились с приездом и прибыли в Москву только 11 августа. Английская миссия не имела полномочий от своего правительства для подписания соответствующих соглашений. Она состояла из второстепенных лиц и имела инструкции «свести военное соглашение к возможно более общим условиям».

Иную позицию занимала советская делегация, возглавляемая К.Е. Ворошиловым. Она заявила, что СССР готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, 5—5,5 тысячи бомбардировщиков и истребителей. В ответ английская делегация указала, что Англия сможет выставить лишь пять пехотных и одну моторизованную дивизию. Советский план предусматривал, что в случае нападения Германии на Англию и Францию Советский Союз выставит 70 % от вооруженных сил, выставленных Англией и Францией против Германии.

В случае нападения Германии на Польшу и Румынию Советский Союз обязывался послать столько же войск, сколько Англия и Франция, а Польша и Румыния — все свои силы.

В случае нападения Германии на Советский Союз через Финляндию, Латвию или Эстонию Англия и Франция должны будут послать 70 % от количества сил, выставленных СССР, и немедленно выступят против агрессора; Польша также примет участие в боевых операциях.

Советская делегация подчеркнула, что Советский Союз, не имеющий общих границ с Германией, может оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии только при условии прохода его войск через территорию Польши и Румынии. Однако Англия и Франция не считали необходимым оказать воздействие на Польшу, чтобы преодолеть ее упорный отказ в случае войны с Германией пропустить советские войска через свою территорию.

Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстания белорусов и украинцев, которые при виде советских танков пошлют помещиков и осадников к известной матери.

18 августа французский министр иностранных дел Боннэ запросил польского посла в Париже Ю. Лукасевича о причинах отказа в пропуске советских войск. Тот ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На это Боннэ заметил, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов». В ответ Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он пообещал передать запрос французского правительства в Варшаву. А на следующий день, 19 августа, Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР, мы не хотим его иметь».

Вот и вторая причина отказа — «польская кавалерия за неделю возьмет Берлин!». Только этим можно объяснить одновременный отказ от помощи СССР и новый этап польского давления на Данциг.

Как писал Оскар Райле: «Еще 29 июля вольный город направил Польше ноту протеста, в которой предъявил претензии польским таможенникам, увлекавшимся рукоприкладством. Одна данцигская газета воспользовалась случаем, чтобы потребовать применения репрессий против польских таможенников, при исполнении своих служебных обязанностей выходивших за предписанные им по договору рамки.

Ходацкий, дипломатический представитель Польши в Данциге, по согласованию с министром иностранных дел Беком, в ответ на это вручил 4 августа 1939 г. президенту сената вольного города ультиматум. В нем говорилось, что Польша перекроет импорт всех иностранных продуктов питания в Данциг, если правительство вольного города до

18 часов 5 августа не даст твердого согласия, что в будущем оно никогда не станет вмешиваться в дела польских таможенников. Впрочем, последние в дальнейшем при исполнении своих обязанностей в Данцигской области будут носить оружие.

Содержание ультиматума означало не более, не менее как угрозу, что Польша намеревается взять измором население вольного города Данцига, если его правительство не выполнит польских требований, поскольку в области вольного города производилось небольшое количество продуктов питания для населения.

По требованию Гитлера Грейзер, президент сената вольного города, следующим утром встретился с дипломатическим представителем Польши и заявил ему, что данцигское правительство подчиняется ультиматуму. Гитлер опасался, что ультиматумом Польша желает спровоцировать конфликт с Германией, и пока пытался сохранить мир...

6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Рыдз-Смиглы произнес в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа, как по команде, закричала: «Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг!» Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей...

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись в глубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока еще проживающих в Польше»[1].

«В середине августа поляки в качестве предупредительной меры провели сотни арестов среди местных немцев. На немецкие издательства и органы печати наложили запрет. 24 августа восемь немцев, арестованных в Верхней Силезии, были расстреляны по пути в тюрьму». Сия цитата не из речей Геббельса, а из монографии голландского антифашиста Луи де Ионга[2].

С какими же силами поляки собирались идти на Берлин?

В феврале 1939 г. польское командование приступило к разработке плана войны с Германией, получившего кодовое название «Захуд». По этому плану предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады.

На востоке была организована оперативная группа «Полесье» (командующий бригадный генерал Ф. Клееберг), которая должна была

---

[1] Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М., 2002. С. 122—124.

[2] Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004. С. 59.

прикрыть Польшу со стороны границы с СССР. Внутри армий образовывались свои оперативные группы, обычно в составе двух пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады.

Согласно плану, Польша к началу войны должна была отмобилизовать тридцать кадровых, девять резервных пехотных дивизий, пять пехотных и одиннадцать кавалерийских бригад и две бронемотобригады, что должно было составить около полутора миллионов человек. Но к 1 сентября 1939 г. численность польских войск составляла 840 тысяч человек. Не успели полностью отмобилизоваться 21-й батальон легких танков, три роты танков сопровождения, два бронепоезда и более двадцати соединений пехоты и кавалерии.

Любопытно, что и наши, и польские авторы, описывая войну 1939 г., все, как один, молчат о польском химическом оружии. Лишь в закрытом отчете интенданта 1-го ранга П.Д. Фадеева о подъеме судов польской флотилии рассказывается о подъеме стальной баржи К-13, принадлежавшей Пинской флотилии и затопленной поляками на 71-м км Припяти. Там водолазы ЭПРОНа обнаружили большое количество химических снарядов. Еще одна минно-химическая баржа с отравляющим веществом была поднята в октябре 1939 г. силами Днепровской военной флотилии. Это была самоходная баржа «Матва» (бывшая К-5) водоизмещением 61 т. На барже размещалось 160 речных мин типа «Рыбка» (еще из запасов русского Военного ведомства), а также склад химических снарядов и другого химического вооружения. Так что есть все основания полагать, что к 1 сентября 1939 г. польская армия была готова применить химическое оружие против СССР.

29 июня 1939 г. газета «Правда» опубликовала большую статью под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Там говорилось: «Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции советского правительства, несмотря на все усилия советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров не заметно сколько-нибудь существенного прогресса...

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, то есть с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжаются уже 75 дней, из них Советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения 16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же, в таком случае, несет ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и французы?

Известно, далее из практики заключения международных соглашений, подобных англо-франко-советскому, что та же самая Англия заключила пакт о взаимопомощи с Турцией и Польшей в течение очень короткого времени. Отсюда следует, что когда Англия *пожелала* за-

ключить договоры с Турцией и Польше, она сумела обеспечить и надлежащие темпы переговоров...

Не так давно польский министр иностранных дел Бек в интервью, данном им одному французскому журналисту, между прочим совершенно недвусмысленно заявил, что Польша ничего не требовала и ни о чем не просила в смысле предоставления ей каких бы то ни было гарантий от СССР и что она вполне удовлетворена тем, что между Польшей и СССР имеется недавно заключенное торговое соглашение».

Под статьей стояла подпись: депутат Верховного Совета СССР А. Жданов, то есть формально это была точка зрения отдельного депутата. Но Андрей Александрович Жданов был еще и секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), а также членом Политбюро. Ясно, что на публикацию статьи Жданов не мог не получить санкцию Сталина. Как видим, и содержание, и тон статьи должны были служить серьезным предупреждением правительствам Англии и Франции, но, увы, были ими проигнорированы.

В конце мая 1939 г. Япония начала наступление на реке Халхин-Гол. Советское правительство всеми силами старалось избежать тотальной войны с Японией, поэтому и МИД, и контролируемая властями пресса именовали бои на Халхин-Голе провокациями, в крайнем случае — конфликтом. На самом деле это была война, вполне сравнимая по масштабам с германско-польской войной в сентябре 1939 г. На реке Халхин-Гол Красная Армия использовала танков больше, чем их было во всей польской армии. Потери японцев в два раза превышали потери германской армии в сентябре 1939 г.

13 июля министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп отправил письмо министру иностранных дел Франции, в котором говорилось: «На историческое, исключительное по своему значению предложение фюрера об урегулировании вопроса о Данциге и об окончательной консолидации германо-польских отношений правительство Польши ответило угрозами начать войну, которые можно охарактеризовать лишь как странные. В данный момент невозможно понять, окажется ли польское правительство благоразумным и пересмотрит ли оно эту своеобразную позицию. Однако до тех пор, пока Польша занимает такую неразумную позицию, здесь можно только сказать, что на любое нарушение Польшей территориальной целостности Данцига или на любую, не совместимую с престижем германской империи провокацию со стороны Польши ответом будет немедленное выступление германских войск и уничтожение польской армии».

18 июля немцы в очередной раз вступили в секретные переговоры с англичанами. С германской стороны переговоры вел «экономист в штатском» некий Вольтат, а с британской — сэр Горас Вильсон, сэр Джозефом Болл и другие. Процитирую служебную записку от 24 июля 1939 г. Сэр Горас представил проект Программы германо-английского сотрудничества, в которой говорилось, что к сотрудничеству мож-

но привлечь и Россию, «в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом». Как должна была вести себя Россия, нетрудно догадаться.

Москва была прекрасно осведомлена о британо-германских контактах. В Англии работали несколько блестящих разведчиков-интеллектуалов, имевших доступ практически ко всем секретным материалам британского МИДа и секретных служб.

В 4 ч. 45 мин. утра 15 августа 1939 г. шифровальщик германского посольства в Москве разбудил посла графа фон Шуленбурга и вручил ему срочную телеграмму министра иностранных дел фон Риббентропа.

В телеграмме говорилось: «Прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее: ...интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств...

Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 г. эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...

Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину».

В сложившейся ситуации Сталин принял единственное решение, соответствовавшее интересам СССР, и согласился принять в Москве Риббентропа.

19 августа 1939 г. посол Шуленбург направил в Берлин текст советского пакта о ненападении.

20 августа в 16 ч. 55 мин. Гитлер отправил Сталину телеграмму:

«Господину Сталину, Москва.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов...

Я еще раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее — в среду, 23 августа. Имперский Министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола».

Ровно через сутки Сталин отправляет ответ:

«21 августа 1939 г.

Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами...

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа. И. Сталин».

23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп в Москве подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР». На следующий день газета «Правда» опубликовала текст договора. Наиболее интересными там были статья II: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»; и статья IV: «Ни одна из Договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Кроме того, стороны подписали и секретный дополнительный протокол к договору. Сей протокол является предметом длительных споров, и я вынужден привести его текст полностью: «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

Полностью этот протокол был опубликован в начале так называемой перестройки и сразу же вызвал дикие вопли «совков», перекрасившихся в демократов и срочно попрятавших партбилеты[1]. «Ах, какой ужасный протокол, да еще секретный!» Увы, невдомек нашим «совкам», что секретные приложения к договорам вечны, как мир. Почему-то никто не предлагает рассекретить все статьи Тильзитского (1807 г.) мира, которые старательно прячут наши дипломаты.

В приступе русофобии наши либералы даже коверкают русский язык, благо, он для большинства из них не родной. Например, уже много веков существует порядок называть договоры по месту их подписания, а не по именам подписантов. Никто не поймет, что такое договор Наполеона — Александра, зато все знают Тильзитский мир 1807 года, равно как Ништадтский, Парижский, Брестский мир, Мюнхенское, Ялтинское, Потсдамское соглашение и т.д. А вот наши русофобы уже после войны Московский договор назвали пактом Молотова — Риббентропа.

В июле 2007 г. в кулуарах студии «Интервидения» важный политический комментатор гневно клеймил пакт Молотова — Риббентропа. Я его в шутку спросил, что он думает о пакте Литвинова — Пилсудского. Тот долго отмалчивался, а в конце концов сказал, что он устал и забыл. Я напомнил, что речь идет о Рижском договоре 1920 года, тогда сей персонаж расплылся в улыбке — он-де сей пакт прекрасно знает.

Критики Московского договора 1939 г. выступают исключительно с традиционными «совковыми» постулатами: «Правительство СССР действует в интересах народов всего мира» и «От тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Но нельзя же быть таким идиотом, чтобы путать пропагандистские лозунги и реальность. Почему все правительства мира заботятся о своих собственных интересах, а бедная Россия должна заботиться обо всем мире? Да, действительно, Сталин с начала 1920-х годов до августа 1939 г. боялся возникновения мировой войны и справедливо полагал, что она в любом случае коснется СССР, и всячески противодействовал изменению статуса-кво в мире.

Опять же, надо различать коммунистическую пропаганду о победе мировой революции и реальные планы советского правительства. Спору нет, СССР оказывал материальную поддержку коммунистам в

---

[1] Сам автор, его родители и жены никогда не были в КПСС, а «Голос Америки» автор впервые поймал в девятилетнем возрасте, во время венгерских событий 1956 г.

различных странах. Но она не шла ни в какое сравнение с помощью СССР буржуазным правительствам Китая (Чан Кайши), Испании и Чехословакии, куда были посланы сотни самолетов, танков и артсистем.

Риторический вопрос: почему Сталин не мог предположить, что война закончится в ноябре-декабре 1939 г. соглашением между Германией и западными союзниками? Кто в Париже и Лондоне мог предположить, что Польша будет вдребезги разбита за две-три недели, а Франция с Бельгией, Голландией да еще с английской армией — за четыре-пять недель? А если бы такой эксперт и нашелся, то его немедленно упекли бы в психушку.

В 1939 г. в Англии не думали о Дюнкерке, а планировали вторжение в Норвегию и операцию «Катерин». В ходе последней английская эскадра в составе четырех линкоров типа «Роял Соверен» и других кораблей должна была войти в Балтийское море и навести страх на проклятых «бошей». Надо ли приводить дальнейшие примеры уровня мышления западных военных теоретиков?

А почему Сталин не мог подобно западным теоретикам предположить, что война на Западе по образцу Первой мировой будет носить позиционный характер, благо, французы на весь мир раструбили о неприступности линии Мажино. Таким образом, через два-три года позиционной войны противники были бы измотаны, а Красная Армия, не сделав ни одного выстрела, могла бы диктовать свои условия. Кому могло хоть в страшном сне привидеться, что армии Польши, Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции и другие не только побегут перед немцами, но и галантно отдадут им в полной целости и сохранности все вооружение, а заводы всей Европы, включая «нейтральную» Швецию, начнут работать на Третий рейх?

Подписав договор с Германией, Молотов одним росчерком пера покончил с боевыми действиями на Дальнем Востоке. В секретной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Японии Н.И. Генералова, отправленной из Токио в Москву 24 сентября 1939 г., говорилось: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета».

Спору нет, поражение японцев у реки Халхин-Гол оказало нужное действие. Но результат этого поражения стал бы катастрофой для, скажем, польской или финской армии, но для Японской империи это была просто неудачная операция, а попросту говоря, булавочный укол. И именно договор с Германией положил конец необъявленной войне на Дальнем Востоке. Замечу, что, кроме крупных сражений на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, на советско-маньчжурской границе с 1937-го по сентябрь 1939 г. периодически происходили боевые

столкновения. А вот после подписания договора и вплоть до 8 августа 1945 г. на границе стало относительно тихо.

Подводя итоги, можно сказать, что договор 1939 года был «похабный». Пусть даже менее похабный, чем Брестский мир 1918 г., и более похабный, чем Тильзитский мир 1807 г. Договор 1939 г., как и договоры 1807 и 1918 годов, был вынужденным и, как все вынужденные договоры, носил временный характер. И пока еще ни один из критиков договора не предложил разумной альтернативы действиям советского руководства. На кого работало время в 1939—1941 гг., вопрос спорный, и он ждет исследования объективных историков, а не придурков, для которых Пилсудский, требовавший вернуть границы 1772 г., то есть 150-летней давности, герой, а Гитлер и Сталин, решившие восстановить границы двадцатилетней давности и вернуть земли, столетиями принадлежавшие Германии и России и отнятые у них силой, злодеи.

Многие мудрецы говорили: «Практика — критерий истины». Если Молотов и Риббентроп в 1939 г. злодейским договором установили столь несправедливые границы, то кто мешал в 1991—2002 гг. соответствующим странам поменять свои границы до состояния на август 1939 г.? Ведь изменили же границы в Германии и Чехословакии, причем мирно и ко всеобщему удовлетворению. Странно, почему все хулители договора 1939 г. в Польше, прибалтийских странах и т.д. «падают до ниц», как говорят поляки, перед границами, проведенными такими «редисками», как Молотов и Риббентроп?

1 сентября 1939 г. германские войска вступили на польскую территорию. Британский премьер Невилл Чемберлен два дня колебался и лишь утром 3 сентября объявил в Палате общин, что Англия находится с 11 часов утра 3 сентября в состоянии войны с Германией. «Палата общин, — заметил английский историк Тэйлор, — силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству». В тот же день, в 17 часов, объявила войну и Франция.

Замечу, что англичане и французы могли в первый же день войны начать с воздуха разрушение германских промышленных центров. К началу войны англичане имели в метрополии 1476 боевых самолетов и еще 435 самолетов в колониях. И это не считая морской авиации сухопутного базирования. На шести английских авианосцах базировались 221 самолет.

В английской бомбардировочной авиации были подготовлены к боевым действиям 55 эскадрилий (480 бомбардировщиков) и еще 33 эскадрильи находились в резерве.

Франция располагала почти четырьмя тысячами самолетов. В 100-километровой зоне вдоль французской границы находились десятки германских крупных промышленных центров: Дуйсбург, Эссен, Вуппераль, Кёльн, Бонн, Дюссельдорф и др. По этим целям с приграничных фронтовых аэродромов могли действовать с полной боевой нагрузкой даже легкие одномоторные бомбардировщики. А истреби-

тели союзников на всем маршруте могли прикрывать действия своих бомбардировщиков.

Англия и Франция к августу 1939 г. имели 57 дивизий и 21 бригаду против 51 дивизии и 3 бригад у немцев, притом, что большая часть германских дивизий была брошена против Польши.

Однако после формального объявления войны на франзско-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возводить укрепления, а французские солдаты передовых частей, которым было запрещено заряжать оружие боевыми патронами, спокойно глазели на германскую территорию. У Саарбоюккена французы вывесили огромный плакат: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!». На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками.

Позже германский генерал А. Йодль писал: «Мы никогда, ни в 1938-м, ни в 1939 г., не были, собственно, в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными». Это подтвердил и генерал Б. Мюллер-Гиллебранд: «Западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным».

Замечу, что к августу 1939 г. политическое положение Гитлера не было столь прочно, как в августе 1940 г., после многочисленных побед германского оружия. Генералы вермахта были недовольны фюрером, и в случае решительного наступления союзников на западе и массированных бомбардировок германских городов генералы вполне могли устроить путч и уничтожить Гитлера.

Однако союзники и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Польше. Ни одна дивизия союзников не перешла в наступление на западе, и ни одна бомба не упала на германские города. Позже эти действия английские и французские историки справедливо окрестят «странной войной». Вот на море, правда, английские моряки занялись любимым со времен сэра Френсиса Дрейка делом — каперством. Они с удовольствием захватывали во всех районах Мирового океана германские суда. Дело это, кстати, очень прибыльное — потерь никаких, а деньги большие.

Подробное описание действий вермахта в Польскую кампанию выходит за рамки монографии. Я лишь скажу, что в ходе всей кампании немцы потеряли убитыми всего 16 343 солдата и офицера и 320 человек пленными и пропавшими без вести. Для справки скажу, что ле-

том 1940 г. в ходе разгрома французской, английской, голландской и бельгийской армий немцы потеряли около 45 тысяч убитыми и 630 человек пленными и пропавшими без вести. А вот за первые три месяца восточной кампании в России немцы потеряли 149 тысяч человек убитыми и 8900 пленными и без вести пропавшими, не считая потерь германского флота, финнов, венгров, итальянцев и румын[1].

Уже 5 сентября последовал приказ польского главного командования, предлагавший оставшимся частям армии «Поможе» «маршировать за армией "Познань"... на Варшаву». К 6 сентября польский фронт рухнул. Еще 1 сентября из Варшавы бежал президент страны И. Мосницкий. 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября бежало правительство, а в ночь на 7 сентября бежал и главнокомандующий армией Э. Рыдз-Смиглы. 8 сентября германские войска уже вели бои в предместьях Варшавы. 9—11 сентября польское правительство вело переговоры с французским правительством о предоставлении ему убежища. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию.

Перед советским правительством встал вопрос, что делать в сложившейся обстановке. Теоретически были возможны три варианта: 1 — начать войну с Германией; 2 — занять часть территории Польши, населенной белорусами и украинцами; 3 — вообще ничего не делать.

О первом варианте, то есть о войне СССР с Германией и Японией в одиночку и при враждебном отношении Англии и Франции, уже говорилось. Третий вариант дал бы немцам возможность сэкономить несколько недель в 1941 г. и позволил бы взять Москву еще в августе-сентябре 1941 г. И дело тут не столько в потерях личного состава вермахта в летнюю кампанию 1941 г., а в выходе из строя бронетехники и автомобилей. Русские дороги — «семь загибов на версту» — летом-осенью 1941 г. вывели из строя до 80 % германской техники. Французские автомобили вышли из строя еще до Смоленска, а затем стали лететь и германские автомобили, включая полугусеничные. Уже в июле люфтваффе пришлось организовать доставку танковых двигателей и других запчастей по воздуху[2]. А в сентябре-октябре германские солдаты начали шарить по русским деревням и забирать худых советских лошаденок и крестьянские телеги. Тысячи пленных были расконвоированы и посажены ездовыми на эти телеги. Но все эти экстраординарные меры не спасли передовые части вермахта, в ноябре-декабре 1941 г. остро ощущавшие дефицит топлива и боеприпасов.

---

[1] Все эти цифры германские — из справочника Мюллера-Гиллебранда (старое издание). По союзникам немцев данных нет. По русскому изданию «Гриф секретности снят», потери армий Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии в 1941—1945 гг. убитыми и пленными составили 1725,8 тыс. чел.

[2] Объективности ради стоит сказать, что подавляющее большинство советских танков летом-осенью 1941 г. вышли из строя из-за поломок ходовой части и отсутствия топлива, а не от огня противника.

Так что оставался только второй вариант, и советские войска 17 сентября перешли польскую границу, формально нарушив польско-советский пакт о ненападении 1932 г. Почему формально? Ну, представьте, вы заключили договор с дееспособным человеком, а теперь он хрипит в агонии. Можно ли по-прежнему считать договор действительным? В частной жизни можно попытаться заставить выполнить условия договора наследников или страховую компанию. 17 сентября у Польши не было наследников, если не считать Германию. Международное право предусматривает аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает свое существование. Правда, нашелся некий «известный советский историк» М.И. Семиряга, который утверждал, что, мол, договоры продолжают сохранять свое действие, «если государство-контрагент прекращает существование... если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством»[1].

Начнем с того, что 17 сентября 1939 г. не было никакого польского правительства в эмиграции, а члены бывшего польского правительства в этот день пересекали румынскую границу, но где они конкретно находились, не знали ни уцелевшие польские части, ни Москва, ни Лондон. А само утверждение Семиряги представляет полнейший бред.

Представим себе классическую ситуацию: страна «А» имеет договор со страной «В» о поставке больших партий вооружения. В стране «В» происходит государственный переворот и вся власть переходит к новому правительству, но кучка людей бежит в страну «С», где создает эмигрантское правительство. По Семиряге выходит, что страна «А» должна поставлять оружие эмигрантскому правительству... Если бы история развивалась по «семирягинскому» варианту, то уже давно Третья мировая война стерла бы с лица земли и Россию, и Америку. А ведь подобная чушь собачья одобрена кафедрой новой и новейшей истории МГУ.

Разгулявшийся «известный советский историк» считает сталинским преступлением цитирование Ф. Энгельса в журнале «Большевик»: «Чем больше я размышляю об истории, тем яснее мне становится, что поляки — une nation foute (разложившаяся нация), которая нужна как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого смысла. Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение...»[2]

---

[1] Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 97.

[2] Там же. С. 96.

Ай да Семиряга — борец за свободу слова, но только для себя и себе подобных! Замечу, что экономические теории Маркса и Энгельса критикуются уже свыше ста лет, но пока никто не утверждал, что Энгельс плохо разбирался в политике и в военном деле. Да и сам Семиряга возразить Энгельсу ничего не может.

Министр иностранных дел Германии Риббентроп в 18 ч. 50 мин. 3 сентября 1939 г. телеграфировал германскому послу в Москве Шуленбургу (телеграмма получена 4 сентября в 0 ч. 30 мин.). Телеграмма гласила: «Главе посольства или его представителю лично. Секретно! Должно быть расшифровано лично им! Совершеннейше секретно!

Мы, безусловно, надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах».

Шуленбург ответил Риббентропу 5 сентября в 14 ч. 30 мин.: «Молотов попросил меня встретиться с ним сегодня в 12.30 и передал мне следующий ответ советского правительства: "Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов"».

В ночь с 8 на 9 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу новую телеграмму с просьбой поторопить советское правительство. «Развитие военных действий, — говорилось в телеграмме, — даже превосходит наши ожидания. По всем показателям польская армия находится более или менее в состоянии разложения. Во всех случаях я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции [в Польшу]. Возможно, вызов русского военного атташе в Москву показывает, что там готовится решение».

9 сентября Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Молотов заявил мне сегодня в 15 часов, что советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней. Вызов военного атташе в Москву был действительно с этим связан. Будут также призваны многочисленные резервисты».

Меры к укреплению обороноспособности страны советское руководство начало принимать еще в июле 1939 г. Так, 27 июля Комиссия по организационным мероприятиям Наркомата обороны под председательством заместителя наркома, командарма 1-го ранга Г.И. Кулика приняла решение развернуть на базе стрелковых дивизий тройного развертывания ординарные стрелковые дивизии со штатом 4100 человек. Комиссия сделала вывод, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватало, поэтому к 1 ноября 1939 г. следовало перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы.

9 сентября германское информационное бюро ДНБ передало в эфир заявление главнокомандующего вермахта генерала Браухича, что ведение боевых действий в Польше уже не является необходимым и при таком развитии событий может произойти германо-польское перемирие. Было ли это очередной «уткой» Геббельса или сотрудники ДНБ переврали Браухича, теперь установить сложно. Однако это заявление после 1945 г. породило нелепые слухи, будто немцы хотели создать какое-то буферное (между Германией и СССР) маленькое польское государство, но Сталин помешал этому. На самом деле слухи эти не имели никакого документального подтверждения да и противоречили логике событий: ни Гитлер, ни Сталин не нуждались в таком буфере.

14 сентября 1939 г. газета «Правда» опубликовала редакционную статью «О внутренних причинах военного поражения Польши». В ней говорилось: «В чем же причины такого положения, которые привели Польшу на край банкротства? Они коренятся, в первую очередь, во внутренних слабостях и противоречиях польского государства. Польша является многонациональным государством. В составе населения Польши поляки составляют всего лишь около 60 %, а остальные 40 % составляют национальные меньшинства — главным образом, украинцы, белорусы и евреи. Достаточно указать, что украинцев в Польше 8 миллионов, а белорусов — около 3 миллионов... Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств и особенно украинцев и белорусов. Западная Украина и Западная Белоруссия — области с преобладанием украинского и белорусского населения — являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации со стороны польских помещиков... Национальные меньшинства, Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения».

15 сентября 1939 г. в 4 ч. 20 мин. Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось: «Белорусский,

украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичьей капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековечными врагами — помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно — Кобрин».

В 2 часа ночи 17 сентября Сталин вызвал в Кремль германского посла Шуленбурга и сообщил ему, что Красная Армия в 6 часов утра перейдет границу с Польшей. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток — Брест — Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. Шуленбург немного уточнил текст этой ноты, Сталин согласился с его поправками, после чего посол, вполне удовлетворенный, уехал из Кремля. А уже в 3 ч. 15 мин. утра польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР

В. Молотов».

В ответ посол Гжибовский гордо отказался принять ноту, заявив, что «это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». Однако наши дипломаты предусмотрели и такой вариант событий. Пока посол был в здании Наркомата иностранных дел, наш курьер отвез ноту в польское посольство и передал ее сторожу.

В тот же день все послы и посланники иностранных государств, находившиеся в Москве, получили идентичные ноты советского правительства, где говорилось о вручении ноты польскому послу с приложением оной, и говорилось, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношении «Вашей страны». Таким образом, Сталин послал правительствам Англии и Франции ясное предупреждение, что он не намерен воевать с ними, и там его правильно поняли.

В Польше реакция на советскую ноту и вторжение советских войск была противоречивой. Так, командующий польской армией Рыдз-Смиглы отдал два взаимоисключающих приказа по армии. В первом предписывалось оказывать советским частям вооруженное сопротивление, а во втором, наоборот, — «с большевиками в бой не вступать»[1]. Другой вопрос, что проку от его приказов было мало, поскольку он уже давно потерял управление войсками.

А вот командующий армией «Варшава» генерал Юлиуш Руммель дал указание рассматривать перешедшие границу советские части как «союзнические», о чем свидетельствует документ, адресованный советскому послу:

«Инспектор армии генерал дивизии Юлиуш Руммель.

Варшава, 17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Как командующий армией, защищающей столицу Польской республики, и будучи представителем командования польской армии в западном районе Польши, я обращаюсь к господину послу по следующему вопросу.

Запрошенный командирами частей польской армии на восточной границе, как они должны относиться к войскам Советской республики, вступающим в границы нашего государства, я ответил, что части армии СССР следует рассматривать как союзнические.

Имею честь просить господина посла дать разъяснение, как к моему приказу относится армия СССР.

Командующий армией “Варшава” Руммель»[2].

Сейчас в польской литературе можно встретить мнение, что польское правительство допустило серьезную ошибку, не объявив формаль-

---

[1] «Военно-исторический журнал», № 9/1994. С. 85.

[2] Там же.

но войну СССР, что позволило бы интернационализировать конфликт в «четыре часа утра» («Жите Варшавы», 17 сентября 1993 г.).

Подробности военной кампании в Польше выходят за рамки книги. Поэтому я остановлюсь здесь в основном на взаимодействии советских и германских дипломатов в решении проблем, вызванных банкротством польского государства.

Впервые контакт Красной Армии с вермахтом произошел в районе Львова. В 8 ч. 30 мин. немцы неожиданно предприняли атаку на западную и южную окраины города. Советские танки и бронемашины оказались между двух огней — немцев и поляков. Тогда командир бригады послал к немцам бронемашину, на которой был укреплен белый флаг (кусок нижней рубахи на палке). Советские танки и бронемашины выбрасывали красные и белые флажки, но огонь по ним с обеих сторон не прекращался, тогда из танков и бронемашин был открыт ответный огонь. При этом у немцев было подбито три противотанковых орудия, убиты три офицера и ранено девять солдат. Наши потери составили две бронемашины и один танк, убиты три человека и ранены четыре.

Вскоре огонь был прекращен, с бронемашиной прибыл командир 137-го полка немецкой горно-пехотной дивизии полковник фон Шляммер, с которым командир бригады в немецком штабе договорились по всем спорным вопросам. Красноармейцы подобрали своих раненых и убитых, а немцы — своих.

19 и 20 сентября неоднократно велись переговоры между командованием 24-й танковой бригады и представителями командования немецкой горнопехотной дивизии о прекращении боевых действий и ликвидации возникших конфликтов. В результате переговоров отношения были нормализованы, и впоследствии между частями советской 24-й танковой бригады и немецкой горно-пехотной дивизии никаких недоразумений не возникало. В ходе переговоров командующего артиллерией Украинского фронта комбрига Н.Д. Яковлева с германским командованием стороны требовали друг от друга отвести войска от города и не мешать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова.

22 сентября в 14 часов польские войска стали складывать оружие, а в 15 часов части 2-го кавалерийского корпуса в пешем строю вместе с танками 24-й, 38-й и 10-й танковых бригад вступили в город. Гарнизон в целом выполнил соглашение о сдаче, но отдельные группы офицеров в нескольких местах открыли огонь с баррикад, эти очаги сопротивления были быстро подавлены с помощью танков. К вечеру 23 сентября во Львове был наведен порядок и основные силы советских войск отошли на окраины города.

20 сентября части 12-й армии подошли к линии Николаев — Стрый. В районе Стрыя советское командование установило контакт с немецкими войсками, и 22 сентября немцы передали Стрый Красной Армии, а на следующий день туда вошла 26-я танковая бригада. В резуль-

тате переговоров советские войска были остановлены на достигнутой линии.

21 сентября в 10 ч. 30 мин. в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны, по которому все войска должны были оставаться на линии, достигнутой передовыми частями к 20 часам 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, находиться в полной боевой готовности и принять меры для охраны тылов и штабов. Командованию Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалкском выступе.

А тем временем руководство СССР и Германии вело напряженные переговоры, на которых решалось, где должна проходить демаркационная линия между советскими и германскими войсками.

20 сентября в 16 ч. 20 мин. начались переговоры между К.Е. Ворошиловым и Б.М. Шапошниковым — с одной стороны и генералом Кестрингом, полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом — с другой. Стороны договаривались о порядке отвода германских войск и продвижении советских войск на демаркационную линию. Следующий раунд переговоров состоялся с 2 до 4 часов ночи 21 сентября, стороны уточнили сроки выхода на демаркационную линию и подписали советско-германский протокол, в котором говорилось:

«Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 г., и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 г.

Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег г. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленки, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

21 сентября в Волковыске прошли переговоры между представителями германского командования и командованием 6-го кавалерийского корпуса, на которых была согласована процедура отвода немецких войск из Белостока. В это время части 6-го корпуса находились на линии Большая Берестовица — Свислочь. 22 сентября в 13 часов в Белосток прибыл передовой отряд в 250 человек под командованием полковника И.А. Плиева, а к 16 часам процедура приема Белостока у немцев завершилась, и немцы оставили город.

Прибытие в Белосток отряда Плиева вызвало в городе больше оживление, возник стихийный митинг. Позже Плиев писал: “Интерес-

но отметить, что эти бурные сцены происходили на виду у отступающих германских войск. Их уже не боялись, их теперь никто не замечал. Молча шагали они по чужим улицам враждебного города, молча, но видя, на чьей стороне ум и сердце народа"».

В тот же день в Белосток вошла 6-я кавалерийская дивизия, а 11-я кавалерийская дивизия достигла района Крынки Бялостоцкие — Городок.

25 сентября в 15 часов 20-я мотобригада, переданная в состав 10-й армии, приняла у немцев Осовец. 26 сентября бригада вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября была у Замбруве.

С началом 1990-х годов наши либералы периодически публикуют в СМИ фальшивки об имевших якобы место в этот период «совместных парадах» подразделений германских вооруженных сил и Красной Армии. Об этих парадах пишут очень часто и преподносят их как убедительное доказательство «братства по оружию» СССР и гитлеровской Германии. Встречаются даже утверждения, что это были своего рода «парады победы» армий двух стран, проведенные в ознаменование разгрома Польши. В подтверждение версии о совместных советско-германских парадах публикуются фотографии, сделанные в Бресте 22 сентября 1939 г., на которых запечатлены комбриг Кривошеин, генерал Гудериан и группа немецких офицеров, мимо которых движется германская военная техника. Сообщается, что аналогичные парады были проведены также в Белостоке, Гродно, Львове и других городах.

О том, что во Львове вместо парада имели место бои с вермахтом, мы уже знаем. Я лишь добавлю, что в этом районе при таинственных обстоятельствах были захвачены два германских танка T-II и один T-III, которые затем вывезли в СССР.

Что же касается знаменитого «брестского парада», то 22 сентября в 15 часов 29-я танковая 4-й армии бригада вошла в Брест, занятый немецким 19-м моторизованным корпусом. Комбриг С.М. Кривошеин вспоминал, что на переговорах с Гудерианом он предложил следующую процедуру парада: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши». Гудериан, настаивавший на проведение полноценного парада с предварительным построением, согласился все-таки на предложенный вариант, «оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части».

Таким образом, никакого парада не было, а просто комбриг Кривошеин лично проконтролировал уход германских войск из Бреста.

«Случаи фальсификации фотодокументов, связанных с отношениями между Красной Армией и вермахтом в сентябре 1939 г., не исчерпываются приведенным выше эпизодом. Таких случаев довольно много. В сборнике "СССР — Германия. 1939", изданном в Вильнюсе

в 1989 г., опубликована, например, фотография со следующей подписью: "Советские и немецкие офицеры делят Польшу. 1939 г.". На самом деле снимок был сделан в момент обсуждения советским представителем с командованием одной из германских частей порядка отвода этой части с территории, на которую должны были вступить подразделения Красной Армии»[1].

А как Запад отреагировал на ввод частей Красной Армии в Польшу? Тут сразу нужно отделить мух от котлет, то есть реакцию прессы и отдельных экстремистских политиков и реакцию руководителей государства. Пресса начала бешеную антисоветскую кампанию, а вот премьер-министр Франции Э. Даладье вежливо осведомился у советского посла, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой вооруженный протекторат временно или Москва намерена присоединить эти территории к СССР. В свое время французский посол спрашивал у Екатерины Великой, на каком основании в Польшу введены русские войска, а императрица ответила вопросом: «А какое право имеют французы вообще задавать подобные вопросы?»

18 сентября английское правительство приняло решение, что, согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии, и поэтому посылать протест в Советский Союз не следует.

Замечу, что в сентябре 1939 г. Англия и СССР вели переговоры по ряду аспектов взаимной торговли и 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово.

Англия всячески стремилась избежать обострения отношений с СССР. Вот, к примеру, в начале сентября 1939 г. несколько германских торговых судов, застигнутые войной в отдаленных от Германии морях, направились в Мурманск, откуда, простояв некоторое время и дождавшись тихой погоды, отправились в германские порты. Среди этих судов был и огромный лайнер «Бремен». Некоторые наши историки называют это событие чуть ли не участием СССР в войне. Увы, это обнаруживает лишь безграмотность оных писак в области морского права. Действия германских судов и советских портовых властей были абсолютно законными, а германские суда, к примеру, чуть ли не до самого последнего дня войны ходили в Швецию, причем до 1944 г. шведские военные корабли конвоировали германские торговые суда.

Английские корабли готовились перехватить германские торговые суда у Мурманска. В результате два британских эсминца оказались в зоне действия береговых батарей Северного флота и были обстреляны. Эсминцы поставили дымзавесу и ушли. При этом МИД Великобритании никак не среагировал на этот инцидент. Больше британские корабли близко к Кольскому полуострову не подходили.

---

[1] Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 111.

27 сентября в 18 часов в Москву прилетел Риббентроп. С 22 часов до 1 часа ночи он беседовал со Сталиным и Молотовым в присутствии Шуленбурга и Шкварцева. В ходе переговоров по поводу окончательного начертания границ на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооруженными силами» и Германии «не хватает в первую очередь леса и нефти», выразил надежду, что «Советское правительство сделает уступки в районе нефтерождений на юге в верхнем течение реки Сан. Того же самого ожидало бы немецкое правительство и у Августова и Белостока, так как там находятся обширные леса, очень важные для нашего хозяйства. Ясное решение этих вопросов было бы очень полезно для дальнейшего развития германо-советских отношений». Риббентроп еще раз подтвердил, что Германия, как и прежде, готова «осуществлять точное разграничение» территории Польши.

Сталин предложил оставить территорию этнографической Польши Германии, ссылаясь на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обеим государствам.

Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге Сталин сказал, что «в этом отношении какие-либо встречные шаги со стороны Советского правительства исключены. Эта территория уже обещана украинцам... Моя рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». Но в качестве компенсации Сталин предложил Германии поставить до 500 тысяч тонн нефти в обмен на уголь и стальные трубы.

Что же касается уступок на севере, то Сталин заявил о готовности советского правительства «передать Германии выступ между Восточной Пруссией и Литвой с городом Сувалки до линии непосредственно севернее Августова, но не более того». То есть Германия получала северную часть Августовских лесов.

В итоге по территориальному вопросу возникло два варианта: по первому — все оставалось, как и было решено 23 августа, а по второму Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова.

28 сентября в Москве Риббентроп и Молотов подписали «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией», где говорилось: «Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». В дополнительном протоколе была указана новая советско-германская граница. Во 2-й статье договора говорилось: «Обе Стороны признают установленную в статье I границу ободных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение». Статья III гласила: «Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии

производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР».

28—29 сентября Риббентроп имел две встречи со Сталиным в присутствии Молотова. В ходе беседы Риббентроп заявил: «Во время московских переговоров 23 августа 1939 г. остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и Советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши. Германское правительство поняло эту точку зрения и решилось осуществить точное разграничение. Германское правительство полагает, что самостоятельная Польша была бы источником постоянных беспокойств. Германские и советские намерения в этом вопросе идут в одинаковом направлении».

В беседе обе стороны коснулись широкого спектра политических, военных и экономических вопросов. Стоит отметить вопрос Риббентропа Сталину, что он мог бы сказать о положении в Англии и о поведении английского правительства. Сталин в ответ заявил следующее: «Недавно Галифакс пригласил господина Майского и спросил его, не было бы готово Советское правительство к сделкам экономического или иного порядка с Англией. Майский получил от Советского правительства указание позитивно отнестись к этим английским зондажам. Этим Советское правительство преследует только одну цель, а именно: выиграть время и разузнать, что, собственно говоря, Англия задумывает в отношении Советского Союза. Если немецкое правительство получит какую-нибудь информацию об этих дискуссиях советского посланника с Английским правительством, то оно не должно об этом беспокоиться. За ними ничего серьезного не скрывается, и Советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажравшимися государствами, как Англия, Америка и Франция. Чемберлен — болван, а Даладье — еще больший болван»[1].

Уже два десятилетия либеральные СМИ смакуют фальшивки о сотрудничестве органов НКВД и гестапо. Тут стоит процитировать Олега Вилшёва, детально занимавшегося этим вопросом.

«Важным компонентом концепции о “связанности кровью” нацистского и советского политического руководства в период действия договора о ненападении являются спекуляции относительно тесного сотрудничества НКВД и гестапо. Каких только небылиц не появилось в последнее время на этот счет! Пишут и о каких-то совместных операциях спецслужб СССР и фашистской Германии, и об их общих учебных центрах, и о встречах по обмену опытом, и о совместных испытаниях орудий пыток. Для убедительности сочиняются и всякого рода “документы”, вплоть до “совершенно секретных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) ”, извлеченных якобы из “самых тайных советских архивов”. Недавно промелькнуло даже утверждение, что накануне войны существовало некое “общество НКВД — СС”, своего рода общество дружбы.

---

[1] Россия. XX век. Документы, 1941 год. Кн. 2. С. 593.

Все это вымысел. О каком сотрудничестве НКВД и германских служб безопасности (гестапо, СД и т.п.) можно вести речь, если органы НКВД с января 1940-го по март 1941 г. раскрыли 66 резидентур германской разведки, разоблачили 1596 германских агентов, из них 1338 в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике. Только за семь месяцев 1940 г. ими было разгромлено в Западной Украине 30 оуновских отрядов, подготовленных и содержавшихся германскими спецслужбами. А что делалось на советско-германской "границе дружбы", где по одну сторону располагались погранвойска НКВД, а по другую — пограничная полиция имперского управления безопасности! В 1940 г. там произошло 235 конфликтов и инцидентов, включая ожесточенные перестрелки, в которых были убитые и раненые. Только с октября 1939-го по декабрь 1940 г. на границе СССР с Германией было обезврежено свыше 5 тыс. германских агентов...

Если НКВД и сотрудничал с гестаповцами, то только с теми, кого ему удалось завербовать, или с теми, кто по его заданию проник в ряды этой организации. Имя одного такого человека сегодня уже названо — это Вилли Леман, гауптштурмфюрер СС, ответственный работник берлинского гестапо. Были и другие люди.

Безусловно, сотрудникам НКВД не раз приходилось вступать и в другого рода контакты с представителями германских спецслужб безопасности. Это делалось по поручению советского правительства при урегулировании пограничных инцидентов, при высылке из СССР арестованных германских граждан и при приеме высылавшихся из Германии советских граждан, при обеспечении безопасности визитов руководителей государств, в частности двух визитов Риббентропа в Москву осенью 1939 г. и визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., а также при выполнении межправительственных соглашений об эвакуации беженцев и о переселении. Все эти контакты имели рутинный характер и не представляли собой ничего из ряда вон выходящего. Такого рода соприкосновения и взаимодействия служб безопасности разных стран всегда были, есть и будут, и делать далеко идущие политические выводы из контактов НКВД и германского Имперского управления безопасности, имевших место в 1939—1941 гг., могут либо недостаточно компетентные люди, либо лица, занимающие явно предвзятую позицию.

Немного подробнее следует сказать о том, как взаимодействовали НКВД и германские службы безопасности при выполнении соглашений о переселении и эвакуации, чтобы показать несостоятельность имеющихся на этот счет кривотолков.

Как известно, в 1939—1940 гг. граница СССР была отнесена на запад. В состав Советского Союза были включены Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, Литва, Латвия и Эстония. В связи с установлением новой границы возник целый комплекс проблем гуманитарного и имущественного порядка. На территории СССР оказались германские граждане и этнические немцы, желавшие переселить-

ся в Германию, оказалась также их собственность. В Западной Украине и Западной Белоруссии было много поляков, бежавших от немецких войск, а после окончания боевых действий пожелавших вернуться на прежнее место жительства, к своим родным и своему имуществу в районы, оккупированных Германией. В то же время на оккупированной немцами территории находились украинцы, белорусы, русские, русины, литовцы, желавшие переселиться в СССР. Для решения всех этих проблем правительствами СССР и Германии был подписан ряд соглашений и сформированы смешанные двусторонние комиссии...

Авторы, пытающиеся "связать кровью" СССР и нацистскую Германию, любят обращаться к теме некоего "антипольского соглашения" между НКВД и гестапо, заключенного якобы в целях реализации положений секретного дополнительного протокола к германо-советскому договору от 28 сентября 1939 г. Они утверждают, в частности, что в марте 1940 г. в Кракове и Закопане состоялось совещание "высочайших чинов НКВД и гестапо", на котором обсуждались совместные действия этих двух ведомств в борьбе с польским Сопротивлением, а также вопрос о судьбе интернированных в Советском Союзе польских офицеров. Предпринимаются попытки доказать, что по результатам этого совещания органами НКВД были уничтожены польские офицеры, захоронение которых было обнаружено в 1943 г. в Катыни. Сторонников этой версии, пущенной в оборот в 1952 г. польским генералом, графом Т. Бор-Коморовским, ничуть не смущает то обстоятельство, что они не могут назвать ни точной даты краковской встречи, ни лиц, принимавших в ней участие, ни конкретных пунктов достигнутых договоренностей, а также привести документальные свидетельства о совместных или хотя бы скоординированных действиях НКВД и гестапо, направленных против польского Сопротивления...

Действительно, 29—31 марта 1940 г. в Кракове находились представители советской комиссии, но не какой-то "особой комиссии НКВД", как вслед за Бор-Коморовским утверждают некоторые западные и отечественные авторы, а советской контрольно-пропускной комиссии по эвакуации беженцев. Эта комиссия, как и аналогичная германская, была образована на основе межправительственной договоренности. Советская делегация состояла из трех человек: В.С. Егнарова, И.И. Невского (соответственно, председатель и член Советской главной комиссии по эвакуации беженцев) и В.Н. Лисина (член местной комисси). В задачи делегации входило обсуждение ряда вопросов, связанных с организацией обмена беженцами, и подписание с представителями германской комиссии соответствующего протокола.

Партнерами советской делегации на переговорах в Кракове были губернатор Краковской области О.Г. Вехтер, являвшийся председателем Германской главной комиссии, его заместитель в этой комиссии майор жандармерии Г. Фладе и два представителя Министерства иностранных дел. В состав германской комиссии входили также представители и уполномоченные от других ведомств, которые, однако, в

официальной части встречи, связанной с обсуждением и подписанием протокола, участия не принимали...

Какие конкретно вопросы обсуждались на краковской встрече?

В разделе "Документы" публикуется в переводе с немецкого весь пакет документов, касающихся совещания в Кракове. Эти документы свидетельствуют о том, что ни проблемы борьбы против польского Сопротивления, ни вопрос о судьбе интернированных в СССР офицеров польской армии на встрече в Кракове не поднимались. Протокольная запись заседания германской контрольно-пропускной комиссии, предшествовавшего встрече с советской делегацией, позволяет заключить, что попутно с вопросом об эвакуации беженцев германская сторона намеревалась напомнить советским представителям о некоторых нерешенных проблемах: о необходимости освобождения и передачи на германскую территорию этнических немцев из Западной Белоруссии и Западной Украины (около 400 человек), часть из которых были арестованы еще поляками, часть — органами НКВД, а также о необходимости эвакуации солдат вермахта, отставших от своих частей во время польского похода, т.е. раненых, оказавшихся в советских госпиталях, и военнослужащих, числившихся пропавшими без вести. Однако никаких договоренностей по этим вопросам в советско-германском протоколе от 29 марта 1940 г. зафиксировано не было. Последующие документы также не содержат ни прямых, ни косвенных свидетельств того, что в Кракове были заключены дополнительные соглашения, выходившие за рамки проблемы беженцев.

Подписанный 29 марта 1940 г. в Кракове советско-германский протокол являлся, по сути, дела дополнением к соглашению о переселении от 16 ноября 1939 г. Он уточнял ряд пунктов последнего с учетом опыта, накопленного в ходе проведения переселения, модифицировал его первую статью применительно к проблеме беженцев и определял круг лиц, которые в качестве беженцев могли быть пропущены через границу к прежним местам проживания. Все это не имело никакого отношения ни к репрессиям против польских подпольщиков, ни к Катыни»[1].

Большое значение в германо-советских отношениях имел визит наркома иностранных дел В.М. Молотова в Берлин. 13 ноября 1940 г. поезд с наркомом подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина. Моросил дождь. На перроне среди встречающих находились министр иностранных дел Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Военный оркестр исполнял Интернационал. Сразу после завтрака советскую делегацию отвезли в имперскую канцелярию на встречу с Гитлером. Фюрер заявил Молотову, что «Англия будет уничтожена с воздуха. Затем он сделал краткий обзор военной ситуации, подчеркнув, что германская империя уже сейчас контролирует всю Западную Европу. Вместе с итальянскими союзниками германские войска ведут успешные операции

---

[1] Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. С. 118—123.

в Африке, откуда англичане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключил Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав оси предрешена. Поэтому, мол, настало время подумать об организации мира после победы.

Тут Гитлер стал развивать такую идею: в связи с неизбежным крахом Великобритании останется ее "бесконтрольное наследство" — разбросанные по всему земному шару осколки империи. Надо распорядиться этим имуществом. Германское правительство, заявил фюрер, уже обменивалось мнениями с правительствами Италии и Японии и теперь хотело бы узнать соображения советского правительства. Более конкретные предложения на этот счет он намерен сделать в дальнейшем...

Когда Гитлер окончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, слово взял Молотов. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, он заметил, что следовал бы обсудить более конкретные, практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхсканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с советским правительством? Ведь заключенный в 1939 году советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также интересует вопрос о том, для каких целей направлены германские войска в Финляндию. Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти вопросы подействовали на Гитлера, как холодный душ. Несмотря на актерские способности, фюреру не удалось скрыть растерянность. Скороговоркой он объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться: они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию.

Однако это объяснение не удовлетворило советскую делегацию. У советского правительства, заявил Молотов, на основании сообщений его представителей в Финляндии и Румынии создалось совсем иное впечатление. Войска, высадившиеся на южном побережье Финляндии, никуда дальше не двигаются и, видимо, собираются надолго задержаться в этой стране. В Румынии дело также не ограничилось одной лишь военной миссией. Туда прибывают все новые германские воинские части. Их уж слишком много для одной миссии. Какова же цель этих переброс германских войск? В Москве подобные мероприятия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать четкий ответ на эти вопросы.

Тут Гитлер предпринял испытанный дипломатический маневр: сослался на свою неосведомленность. Пообещав поинтересоваться вопросами, поставленными советской стороной, Гитлер заявил, что считает все эти дела второстепенными. Сейчас, сказал он, возвращаясь к

своей первоначальной теме, настало время обсудить проблемы, вытекающие из скорой победы держав оси.

Затем Гитлер стал снова развивать свой фантастический план раздела мира. Англия, уверял он, в ближайшие месяцы будет разбита и оккупирована германскими войсками, а Соединенные Штаты еще многие годы не смогут представлять угрозу для "новой Европы". Поэтому пора подумать о создании "нового порядка" на всем земном шаре. Что касается германского и итальянского правительств, продолжал фюрер, то они уже наметили сферу своих интересов. В нее входят Европа и Африка. Японию интересуют районы Восточной Азии. Исходя из этого, пояснил далее Гитлер, Советский Союз мог бы проявить заинтересованность к югу от своей государственной границы в направлении Индийского океана. Это открыло бы Советскому Союзу доступ к незамерзающим портам»[1].

В Англии знали о визите Молотова, и британская авиация ежедневно бомбила Берлин. В те годы действия британских бомбардировщиков не отличались эффективностью, и число погибших жителей германской столицы почти равнялось числу погибших английских летчиков. Однако психологическое воздействие эти бомбежки оказали. Геринг постоянно хвалился, что «ни одна вражеская бомба не упадет на Берлин», и теперь при звуках воздушной тревоги он скисал под ироничным взглядом Молотова.

Во время заседания в подземном бункере МИДа «Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита. На это Молотов возразил:

— Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?»[2]

Пребывание Молотова в Берлине довольно подробно описано нашими историками и мемуаристами. К сожалению, они опускают часть переговоров, касающуюся Проливов. Турецкое правительство с 1939 г. отчаянно маневрировало между великими державами, стараясь сохранить нейтралитет и контроль над Проливами.

При первой же встрече с Гитлером 13 ноября Молотов поднял вопрос о Проливах. Он вспомнил Крымскую войну, интервенцию 1918—1919 гг. и назвал Проливы «историческими воротами Англии для нападений на Советский Союз». На что фюрер ответил, что имперский министр иностранных дел уже рассматривал эту проблему, и он предусмотрел пересмотр Конвенции в Монтрё в пользу Советского Союза. Риббентроп подтвердил это и заявил, что итальянцы также заняли благожелательную позицию по этому вопросу.

---

[1] Бережков В.М. Старицы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. С. 21—23.

[2] Там же. С. 32.

Гитлер спросил Молотова, считает ли Россия, что у нее есть шанс гарантировать в достаточной степени свои черноморские интересы в случае пересмотра Конвенции в Монтрё. Молотов ответил, что в этом вопросе у России только одна цель. Она хочет гарантировать себя от нападения через Проливы и хочет урегулировать этот вопрос с Турцией. Несколько позже Молотов сказал Гитлеру, что Россия хочет гарантировать себя от удара со стороны Проливов не только на бумаге, но и на деле, и он уверен, что Россия сможет достичь с Турцией договоренности по этому вопросу.

В тот же день, поздно вечером (с 21 ч. 45 мин. до 24 ч. 00 мин.), Молотов продолжал переговоры с одним Риббентропом, без Гитлера. В ходе них опять был поднят вопрос о Проливах. Риббентроп предложил, чтобы Германия, Италия и Советский Союз совместно приложили усилия для аннулирования заключенной в Монтрё Конвенции о Проливах, действующей в настоящее время, и заменили ее другой конвенцией, которая предоставит Советскому Союзу неограниченное право прохода его военного флота через Проливы в любое время, тогда как все другие державы, кроме черноморских, а также Германии и Италии, откажутся, в принципе, от права прохода своих военных кораблей через Проливы. Право свободного прохода через Проливы торговых судов будет, конечно, в основном, сохранено. Молотов согласился с тем, что Конвенция, заключенная в Монтрё, потеряла какой-либо смысл. Для СССР, как и других крупных черноморских государств, это вопрос получения реальных гарантий своей безопасности. Понятно, что Советский Союз будет добиваться реальных гарантий безопасности.

17 ноября Молотов телеграфировал Сталину: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра Конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле».

25 ноября 1940 г. Молотов пригласил в Кремль посла Германии в СССР, графа фон Шуленбурга. Молотов заявил, что советское правительство рассмотрело предложение, сделанное 13 ноября Риббентропом, и готово на определенных условиях положительно отнестись к заключению «пакта четырех» держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. Условий было четыре. Из них для нас важно второе условие: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды».

Таким образом, Сталин впервые за многовековую историю русско-турецких отношений вывел оптимальный вариант соглашения с Турцией. При этом гарантировалась безопасность как южных рубежей

СССР, так и всей территории Турции. В случае принятия Турцией такого предложения вопрос о кресте на Святой Софии был бы навсегда похоронен.

Германия никак не ответил на предложение СССР.

17 января 1941 г. Молотов пригласил посла фон Шуленбурга и спросил, когда будет ответ германского правительства на заявление советского правительства от 25 ноября 1940 г. Аналогичный запрос в тот же день был сделан и в Берлине полпредом Деканозовым. 23 января фон Шуленбург сообщил Молотову: «Германское правительство находится в контакте с правительствами своих союзников, Италии и Японии, по этим вопросам и надеется, что после того, как будет изучена вся проблема, оно будет в состоянии возобновить политические обсуждения с советским правительством в ближайшее время».

Гитлер потерял интерес к переговорам. Он готовился к молниеносной войне с СССР.

Глава 32

ПРИЧИНЫ ТРАГЕДИИ 1941 ГОДА

Историей Великой Отечественной войны я интересовался с детства. Но увязать события на фронте и в тылу я не мог. На фронте наши летчики, танкисты и моряки постоянно сражались против превосходящих сил противника. А в тылу наши инженеры и рабочие производили в несколько раз больше самолетов, танков и катеров, чем немцы. Создавалось впечатление, что между фронтом и тылом существовала какая-то фантастическая «черная дыра», где бесследно исчезало 90 % произведенной в тылу военной техники.

Еще большая нестыковка выходила с руководством страны. Получалось, что в СССР были два Сталина, два Берии, два Молотова и т.д. — по одному для фронта, и по одному для тыла. В тылу они организовывали блестящие в условиях авианалетов эвакуации оборонных заводов на восток, а там в кратчайшие сроки налаживалось производство новейшей военной техники. Хотя немцы захватили к ноябрю 1941 г. чуть ли не треть территории СССР, где находилась как минимум половина оборонной промышленности, но и в 1941-м, и в 1942 годах в СССР выпускалось намного больше танков, самолетов, пушек, минометов и т.д.

Да и на международной арене советское правительство действовало весьма профессионально и постоянно переигрывало таких опытных политиков, как Черчилль и Рузвельт. Советское правительство сумело выйти из крайне сложного положения на Дальнем Востоке, где США и Англия — с одной стороны, а Япония — с другой пытались втянуть СССР в войну.

В Норвегии, Франции, Югославии и других странах гитлеровцы полагались не только на танковые и моторизованные части, но и на «пятую колонну» внутри страны[1]. Германская разведка как в предвоенный период, так и в первые месяцы войны подготовила к заброске в советский тыл десятки тысяч диверсантов.

Нацистское руководство, как, впрочем, и большинство лидеров русских эмигрантов надеялось, что после нескольких ударов вермахта в СССР начнется антибольшевистское восстание и Сталин будет свергнут.

---

[1] В 1937 г. Франко сказал: «Пошлите четыре колонны на Мадрид, а пятая будет там».

Увы, действия НКВД как до войны, так и после ее начала не допустили создания пятой колонны в нашем тылу. В СССР не оказалось ни Квислинга, ни Лаваля с Петеном. Несколько пленных генералов во главе с Власовым в счет не идут. Чтобы более не возвращаться к этой теме, скажу, что следует различать «власовцев», то есть людей, сотрудничавших с немцами, и тех, кто непосредственно служил в армии Власова. Первых было до миллиона — различные полицейские формирования, возницы в конных упряжках, прислуга зенитных орудий в ПВО Германии и противодесантных орудий Атлантического вала и т.д. А вот армия Власова фактически представляла собой ослабленный корпус, состоявший всего из двух дивизий.

Подавляющее большинство из десятков тысяч диверсантов, заброшенных в ходе войны в тыл Красной Армии, были обезврежены НКВД и СМЕРШем.

Итак, в тылу правительство и органы действовали достаточно эффективно. Но зато на фронте любое вмешательство Сталина и Берия в дела военных приводило к огромным потерям и тяжелым поражениям.

Мифы «совковых» ученых и мемуаристов никак не могли состыковаться. Но вот наступила эра гласности. Наконец мы узнали об огромных потерях Красной Армии в танках, самолетах и личном составе. Однако виновники поражений 1941—1942 гг. остались те же — Сталин, Берия, Молотов, Жданов и др.

События 22 июня 1941 г. были буквально захлестнуты «девятым валом» вранья советских историков, действовавших, разумеется, не по незнанию, а по социальному заказу властей. В 1960—1970-е годы престарелые мемуаристы врали, «как очевидцы». Вот, к примеру, Г.К. Жуков вспоминал: «В 3 часа 30 минут [22 июня 1941 г. — *А.Ш.*] начальник Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро».

Сам же Хрущев писал, что Сталин находился в состоянии шока и т.д.[1]

Но вот недавно были рассекречены выписки из журналов записей лиц, принятых И.В. Сталиным[2]. Согласно им:

20 июня 1941 г. Сталин принял 13 человек, начиная с 19 ч. 55 мин. до 0 ч. 45 мин., в том числе с 20 ч. 20 мин. до 0 ч. 45 мин. Л.П. Берию.

21 июня Сталин принял 12 человек с 18 ч. 27 мин. до 23 ч. 00 мин., в том числе Берию с 19 ч. 05 мин. до 23 ч. 00 мин.

22 июня Сталин принял в 5 ч. 45 мин. Молотова, Берию, Тимошенко, Мехлиса и Жукова.

Всего 22 июня с 5 ч. 45 мин. до 16 ч. 45 мин. Сталин принял 29 человек, в том числе Берия был принят трижды: с 5 ч. 45 мин. до 9 ч. 20 мин.; с 11 ч. 30 мин. до 12 ч. 00 мин.; с 16 ч. 25 мин. до 16 ч. 45 мин.

И в последующие дни Сталин принимал от 8 до 23 человек. Причем Берия ежедневно проводил с ним не менее 3 часов.

Комментировать сказанное не имеет смысла. Я лишь добавлю, что тетрадь записей посетителей Сталина всегда была в распоряжении нашего дорогого Никиты Сергеевича.

30 июня 1941 г. был создан знаменитый ГКО (Государственный комитет обороны) — единственный и главный орган управления страной. Басня Хрущева и К° о том, что в годы Великой Отечественной войны советским народом руководила коммунистическая партия, не выдерживает никакой критики. С начала войны и до 5 октября 1952 г. (!) ни разу не созывались высшие партийные органы, съезды и партконференции. ЦК партии в годы войны ни разу не собирался. После пленума ЦК ВКП(б) 21 февраля 1941 г. следующий пленум собрался лишь 13 марта 1946 г. Партия же была исполнителем воли ГКО.

Так кто же руководил ГКО? Естественно, что его председателем стал Сталин. Его заместитель Молотов курировал танкостроение, а члены КГО: Маленков — авиацию, Ворошилов — комплектование войск, Берия — угольную, нефтяную, лесную промышленность, черную и цветную металлургию, НКВД.

---

[1] Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Кн. 1. М, 1999. С. 300—301.

[2] Россия. XX век. Документы. 1941 год. Книга вторая. С. 300—428.

4 февраля 1942 г. ГКО поручил Берии контроль над наркоматами вооружения и минометов (наркомы Устинов и Паршин), а еще через 8 дней Берии передают под контроль Наркомат боеприпасов.

16 февраля Берия снимает с должности наркома боеприпасов П.Н. Горемыкина и назначает на его должность Б.Л. Ванникова.

17 февраля 1942 г. Берия издал указ об организации производства военной продукции в ГУЛАГе.

13 февраля 1942 г. Берия вошел в состав транспортной группы вместе с Маленковым и Кагановичем.

В декабре 1942 г. Берия по поручению ГКО начал вместо Молотова контролировать танковую промышленность.

30 сентября 1943 г. вышел указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении Л.П. Берии звания Героя Социалистического Труда за достижения в производстве вооружений и боеприпасов.

9 июля 1945 г. Л.П. Берии присвоено высшее воинское звание — маршал Советского Союза.

20 сентября 1945 г. Постановлением ГКО был образован Спецкомитет для руководства всеми работами по созданию атомного оружия, руководителем которого назначен Берия.

И наконец, 29 декабря 1945 г. Берия был освобожден от должности наркома внутренних дел в связи «с перегруженностью центральной работой». А с апреля 1946 г. Берия возглавил Бюро Совета министров, в которое входили все заместители председателя Совмина СССР Сталина.

С 1946 г. по март 1953 г. Берия курировал, кроме Спецкомитета, химическую промышленность, черную и цветную металлургию, лесную промышленность, водный транспорт, работу МВД и МГБ, как заместитель Председателя Совмина.

Все эти назначения Лаврентия Павловича легко подтверждаются неопровержимыми официальными документами, и тут «мифотворцы» предпочитают помалкивать. Зато мы периодически видим на экранах телевизоров холеных бабушек и дедушек, которые смачно рассказывают, как их лично пытал Лаврентий Павлович в своем кабинете на Лубянке в... 1946—1952 гг. Представьте себе картинку: приезжает во времена Брежнева, скажем, Суслов на Лубянку, занимает без спроса кабинет Андропова и начинает вести допросы с пристрастием...

Важной причиной поражений в начальный период войны наши СМИ объявили репрессии 1937—1938 гг. среди высшего военного командного состава РККА. Да, действительно, в ходе репрессий пострадали немало невинных людей. Но, увы, никто из репрессированных не годился в стратеги. Все они были выдвиженцами председателя Реввоенсовета Троцкого.

Лев Давидович охотно давал командовать дивизиями и фронтами бывшим слесарям, матросам, подпольщикам без определенной специальности, врачам, ну, в лучшем случае, бывшем унтер-офицерам и поручикам.

Увы, любая гражданская война является бедствием для армии страны, в которой она происходит. И дело тут не только в людских и материальных потерях. Гражданская война обычно ведется вопреки всем правилам военного искусства. В ходе гражданских войн генералами становятся не стратеги, а горлопаны, умеющие лишь орать лозунги и махать саблей. Кто из сотни французских генералов, выдвинувшихся за несколько дней в ходе революции 1789 г. из столяров, конюхов и адвокатов, прославился в войнах с коалицией европейских монархий? Да никто! В ходе осады Тулона в 1793 г. за три месяца сменились трое командующих, поднаторевших на истреблении собственных сограждан, но спасовавших перед англичанами. Тут понадобились иные люди, и они пришли. Маленький капитан Бонапарт пришел не один, с ним были юные лейтенанты, которых позже прозвали железной когортой Бонапарта. Именно они прошли победным маршем по всей Европе.

То же самое произошло и в Красной Армии. На основании опыта Гражданской войны маршал Тухачевский заявил, что «новая мировая война будет войной моторов...». И эта половина фразы великого стратега с 1956 г. кочевала из одного издания в другое. А вот Сталин-де не оценил мудрости маршала, уничтожил его и всех лучших военачальников Красной Армии, за что наш народ расплатился миллионами убитых в 1941 г.

Но, увы, никто из «совковых» историков не знал или скрывал от народа вторую половину высказывания великого маршала: «...против классово-неоднородного противника». Вот тут-то и «собака зарыта». Надо создать какое-то новое революционное оружие, которым надо не столько уничтожить, сколько напугать «классово неоднородного противника». И вот тогда-то рабочие и крестьяне, одетые в форму буржуазной армии, запоют Интернационал и пойдут сдаваться частям Красной Армии.

Думаю, стоит несколько слов сказать о тех, от кого с конца 1920-х годов до 1937 г. зависело развитие нашей военной техники. Итак, Тухачевский Михаил Николаевич, с 1931 г. заместитель председателя Реввоенсовета и начальник вооружений РККА, с 1934 г. заместитель наркома обороны по вооружению. Образование: закончил в 1914 г. Александровское военное училище, больше он нигде не учился, а только учил других.

Что же касается его коллег, наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и его заместителя Ивана Петровича Павлуновского, то они и военных училищ не заканчивали. Орджоникидзе в 1901—1905 гг. учился в фельдшерской школе и, видимо, ее так и не закончил. А Павлуновский вообще нигде, кроме как в церковно-приходской школе, не учился. Зато Павлуновский еще ведал и мобилизационным управлением РККА. Вот эта славная троица дилетантов и руководила техническим оснащением РККА.

В результате к 1939 г. мы имели танки с «картонной» броней, тихоходные самолеты и другое устаревшее вооружение и только в 1940—

1941 гг. впервые получили танки с противоснарядной броней, зенитные автоматические пушки, крупнокалиберные пулеметы, орудия особой мощности, скоростные истребители и т.д.

Кстати, подготовка новых кадров у нас велась довольно плохо. Сейчас мало кто знает, что в военных армейских и морских училищах во многих случаях экзамен или зачет один курсант сдавал за целую группу.

В итоге оказывается, что на самом же деле именно руководство РККА в первую очередь несет ответственность за поражения. В нашем Генштабе не были сделаны должные выводы из кампании на Западном фронте летом 1940 г. Уровень офицеров и генералов в РККА был немного ниже, чем в вермахте. А уровень подготовки рядового состава явно несопоставим. Можно ли сравнить казаха или туркмена, едва-едва понимающего русский язык, с немецким парнем, окончившим среднюю школу и прошедшим военную и спортивную подготовку в гитлерюгенде?

Наши военные историки и так и сяк вертят данными по числу самолетов и танков в РККА и вермахте, но почему-то никто не приводит уровня грамотности личного состава этих армий. Каюсь, я этих данных и сам не нашел. Но по данным «Советской энциклопедии» с 1918 по 1941 год в СССР среднее образование получили 3829 тысяч человек. Если отбросить женщин, умерших и не годных к военной службе мужчин, то среди военнослужащих к 22 июня 1941 г. было не более 1,5 миллиона человек со средним образованием. Нельзя отрицать, что советское правительство сделало очень многое. Так, в 1913 г. среди рядового состава русской армии были всего 1480 человек со средним образованием. А всего грамотных в армии были 604 тысячи человек, малограмотных — 302 тысячи, а неграмотных — 353 тысячи человек. Так что качественный скачок в грамотности за первые двадцать лет советской власти налицо, но, увы, мы по-прежнему здорово отставали в этом плане от Германии.

Самым же важным фактором поражения, на мой взгляд, стало столкновение отмобилизованной воевавшей армии с не отмобилизованной и не воевавшей 20 лет армией.

Говоря о личном составе вермахта, чтобы не было обвинений в предвзятости, процитирую книгу одного из лучших советских военных теоретиков, А.М. Зайончковского, где говорится: «Германская армия после успехов своего оружия в 1866 г. и в особенности в 1870 г. законно заслужила название лучшей армии в мире и с достоинством поддержала свое первенство до конца мировой войны. Преемственность системы, ряд талантливых лиц, стоявших во главе управления, вложенные в нее все положительные национальные качества, а также любовь народа к своей армии и гордость ею были тому причиной... Оплотом германской армии служил сплоченный, однообразный и отлично подготовленный офицерский и унтер-офицерский состав»[1].

---

[1] Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1918. М.: Воениздат, 1931. С. 27.

Очевидец поражения 1940 г. на Западном фронте, американский журналист и фанатик-антифашист Уильям Ширер писал, впервые увидев британских пленных: «Но больше всего меня поразило их физическое состояние. Все со впалой грудью, тощие и узкоплечие. Примерно у трети плохо со зрением — они в очках. Характерно, заключил я, для молодежи, которой Англия столь преступно пренебрегала все 22 послевоенных года, в то время как Германия, несмотря на поражение, изоляцию и 6 млн безработных, вытаскивала свою молодежь на солнце и свежий воздух... В 30 ярдах от нас в сторону фронта маршировали немецкие пехотинцы. Невольно сравнивал их с этими английскими парнями. Все немцы загорелые, крепко сложенные, на вид здоровые как львы, грудь колесом и т.д. Это один из аспектов неравной схватки»[1].

Попробуйте написать такое про советских солдат! Засудят, особенно если коснуться кавказцев и среднеазиатов! Так что я помолчу, а сомневающихся отошлю к германской кинохронике, где показывают крупным планом советских пленных.

С 1930 г. по июнь 1941 г. советская промышленность произвела танков больше, чем все страны мира, вместе взятые. На 1 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 25 621 танк, из которых исправных было 19 997. Из них КВ-1 — 412 единиц, КВ-2 — 135, Т-34 — 1030. Из танков старых типов: тяжелых Т-35 — 59, средних Т-28 — 442, остальные были легкие.

В вермахте к июню 1941 г. состояло легких танков 2663, а средних (I-IV) — 439. Кроме того, имелось 230 «командирских» танков, вооруженных пулеметами.

Соотношение сил впечатляет. Тем не менее, в 1941 г. РККА потеряла 20,5 тысяч танков и 3 тысячи бронеавтомобилей и другой бронетехники. (В 1941 г. от промышленности и союзников поступило 5,6 тысячи танков.) Почему?

Сейчас все улицы Москвы залеплены рекламными плакатами: «На 100 лошадиных сил нужна хоть одна голова». Но ее-то и не было у наших танкистов. Я имею в виду командира танка, занятого исключительно наблюдением за обстановкой на поле боя и командованием экипажем. У немцев он был, а у нас командир выполнял еще обязанности заряжающего или наводчика пушки.

Германские танки имели куда более качественные приборы наблюдения, а самое главное — танковые прицелы. Согласно секретному советскому отчету, наибольшее число советских танков было поражено немецкими 76-мм пушками с расстояния 600 м, а 88-мм пушками — 800 м. Немецкие танки на Курской дуге безнаказанно расстреливали наши танки на дистанциях, где огонь советских танковых пушек был не эффективен. А в конце 1943 г. были приняты на вооружение дальномеры, активные и пассивные приборы ночного видения.

---

[1] Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002. С. 312.

Снаряды наших танковых и противотанковых пушек были плохого качества и имели бронепробиваемость существенно ниже табличной.

Дизельные двигатели В-2 имели плохие воздухоочистители, в результате чего моторы не развивали полной мощности, происходил быстрый износ цилиндров и т.д.

Двигатели В-2 снабжались ненадежными стартерами, была неудовлетворительная трансмиссия и т.д.

Мелкая, но крайне важная деталь, не замеченная нашими историками: благодаря специальным люкам в моторных отделениях двигатели германских танков Т-III и Т-IV быстро заменялись в полевых условиях. Летом 1941 г. германские автомобили зачастую не успевали доставлять запасные двигатели в передовые танковые части, и их доставляли на самолетах Ю-52. У немцев были бронированные ремонтно-эвакуационные машины, а в Красной Армии таких машин не было. Мелочи, мелочи, мелочи...

Нужно ли было перед войной создавать механизированные корпуса — вопрос спорный. Однако сколачивали их безобразно. Вот, к примеру, наличие танков во 2-й танковой дивизии 2-го мехкорпуса: КВ-1 — 32, КВ-2 — 19, Т-28 — 27, БТ-7 — 116, Т-26 — 19, химических танков — 12 единиц. Всего 252 танка. А вот состав 32-й танковой дивизии 2-го мехкорпуса: КВ — 49, Т-34 — 173, БТ-7 — 31, Т-26 — 70, Т-27 — 38.

Разнотипность танков впечатляет, как будто речь идет об учебной части или танковом музее. Между прочим, возможности всей дивизии определяет самый худший танк, то есть проходимость по мостам — КВ-2, скорость по шоссе — Т-26 и т.д.

А вот данные по 12-му мехкорпусу к 7 июля 1941 г.

202-я моторизованная дивизия: всего танков 105 семи (!) типов, сумели вывести по тревоге 66 танков, остальные неисправны. Боевые потери за две недели боев — 27 танков, оставлены на поле боя по техническим причинам — 31 танк, осталось в наличии — 8 танков.

В 1930-е годы тяжелые танки Т-35 входили в специальные тяжелые бригады. В ходе же Великой Отечественной войны тяжелые танки входили у нас в состав танковых полков прорыва, а у немцев — в отдельные батальоны. Включение же тяжелых танков в состав танковых дивизий было попросту глупостью.

Между прочим, танки КВ-2, вооруженные 152-мм гаубицами, создавались не для полевых войск, а для штурма бетонных сооружений типа линии Маннергейма. Естественно, почти все они погибли без пользы в первые недели войны. И наши генералы, не мудрствуя лукаво, решили — тяжелые танки с мощными гаубицами и мортирами нам не нужны. Получилась нелепая ситуация: впервые в мире у нас был создан сравнительно неплохой штурмовой танк КВ-2, но мы его производство прекратили. Зато немцы и англичане на базе своих тяжелых танков «Тигр-I» и «Черчилль» создали штурмовые танки «Штурмтигр» с 380-мм установкой и AVRE с 305-мм мортирой. Обе

машины отлично показали себя в ходе выполнения специфических задач.

Если бы наше командование в июне 1941 г. догадалось отвести в тыл все танки КВ-2, как это было сделано с 203-мм гаубицами Б-4 и более тяжелыми артсистемами, то в 1944—1945 гг. КВ-2 могли сыграть большую роль в боях за Берлин и другие германские города и спасти от гибели многие тысячи советских солдат.

Несколько слов о тактике действия танков. Танк не может воевать один, без поддержки пехоты, артиллерии и авиации. Генерал Гудериан еще в 1936 г. записал: «Задача пехоты состоит в том, чтобы немедленно использовать эффект танковой атаки для быстрого продвижения вперед и развития успеха до тех пор, пока местность не будет полностью захвачена и очищена от противника».

«Крепка броня, и танки наши быстры!» А что толку, если наши артиллерийские тягачи (в большинстве своем обычные сельскохозяйственные тракторы) тянут «бога войны» со скоростью 3—5 км/ч. Германские же полугусеничные тягачи везут самые тяжелые артсистемы со скоростью до 35 км/ч.

У немцев к июню 1941 г. были на вооружении многие сотни бронетранспортеров — колесных, полугусеничных и гусеничных германского, английского и французского производства. А в Красной Армии всю войну не было бронетранспортеров, за исключением поставленных по ленд-лизу, и пехота могла сопровождать танки лишь на грузовиках ЗИС-5 с весьма низкой проходимостью.

Что произошло с нашей авиацией летом 1941 г. — общеизвестно. Зато мало кто знает, что наши танковые армады было нечем прикрывать с воздуха. Первые зенитные автоматы 37-мм 61К начали поступать в войска лишь в конце 1940 г. В армии их имелось крайне мало, да и «подлипковские пушкари» поставили 61К на громоздкие четырехколесные телеги, лишив их тем самым мобильности и возможности участвовать в боях в качестве полевой артиллерии.

А вот германские 20-мм и 37-мм зенитные автоматы монтировали на легко отделяющемся двухколесном ходе. Они легко перетаскивались расчетом на поле боя, а при отделенном ходе имели более низкий силуэт, чем даже противотанковые пушки. У нас подобная система (ЗУ-23) была принята на вооружение лишь в 1960 г.

К 22 июня 1941 г. у немцев многие десятки 20-мм и 37-мм зенитных пушек устанавливались на шасси полугусеничных тягачей и были способны сопровождать танковые части. Первые ЗСУ на базе танков фирмы «Алкет» начали сдавать еще в январе 1941 г., а в 1942—1943 гг. были изготовлены сотни ЗСУ на шасси танков 38(t), Т-III и Т-IV. У нас же ЗСУ не было в течение всей войны.

Наши писатели, кинорежиссеры и, что гораздо хуже, генералы до сих пор считают, что в Великой Отечественной войне большинство наших и германских танков стали жертвами танковых пушек. На самом же деле подавляющее число подбитых германских и советских танков приходится

на огонь буксируемой артиллерии. В ходе войны постепенно увеличивался процент танков, подбитых самоходными установками. САУ на шасси танков немцы использовали еще во время боев во Франции в 1940 г., а в 1943 г. в Германии было выпущено самоходок больше, чем танков. В СССР первые самоходки появились на поле боя лишь к концу 1943 г.

В заключение стоит сказать о революции в противотанковой артиллерии, произведенной германскими генералами в 1941 г. Начну с того, что немцы с большим успехом, но без помпы использовали летом 1941 г. не только свои штатные 37-мм противотанковые пушки (кстати, эквивалентные нашим «сорокопяткам», созданным на базе 37-мм пушек «Рейнметалл»), но и более мощные, 47-мм трофейные пушки. Речь идет о 823 французских пушках образца 1937 г., 400 чешских пушках, 50 австрийских пушках образца 1935 г. и т.д.

А в 1941—1942 гг. немцы обратили в противотанковые пушки несколько сот дивизионных 76-мм пушек Ф-22 конструкции В.Г. Грабина. Причем они стали до середины 1943 г. самыми лучшими противотанковыми пушками в мире.

Производили немцы в 1940—1941 гг. и мощные собственные противотанковые орудия, как, например, 50-мм пушка PaK.38, а также 20-мм s.Pz.B.41. Последняя весила всего 229 кг, но могла на дистанции 100 м под углом 30° пробить 52-мм броню. Секрет мини-пушки был в коническом канале ствола.

В конце 1941 г. немцы впервые в истории применили новые противотанковые снаряды — кумулятивный и подкалиберный. Используя их, практически все противотанковые полевые орудия получили возможность бороться с Т-34 и КВ.

С системами связи было плохо в пехоте, в танковых войсках и в артиллерии. О состоянии советской авиационной техники, аэродромов и потерянных около 1200 самолетах в первый день войны написано достаточно много, и я не стану повторяться.

А вот артиллерийский вектор поражений 1941 года у нас фактически не освещен. К началу войны на вооружении РККА состояло: 45-мм противотанковых пушек — 1493, 76-мм полковых пушек — 4708, 76-мм дивизионных пушек обр. 1902—1930 г. — 4447, Ф-22 — 2874, УСВ — 1170, 76-мм горных пушек — 2085, 122-мм гаубиц — 8142, 152-мм гаубиц — 3768, 107-мм пушек — 863, 122-мм пушек — 1255, 152-мм пушек и гаубиц-пушек — 2877.

Я перечислил лишь дивизионные и корпусные орудия, без зенитных и орудий большой и особой мощности.

Следует добавить сотни орудий береговой артиллерии — они принадлежали флоту, 1698 орудий (калибра 45—152 мм) сорока девяти укрепленных районов, 138 орудий на бронепоездах (калибра 76—107 мм) и др.

Ахиллесовой пятой нашей артиллерии явились средства тяги. Германская артиллерия была моторизована почти на 100 процентов, а у нас большая часть орудий была на конной тяге.

Как видим, главной ударной силой советских дивизий были 76-мм полковые и дивизионные пушки, стрелявшие унитарными снарядами под углом 25—27°, то есть навесной огонь из них был исключен.

У немцев же все орудия, кроме противотанковых и зенитных пушек, имели раздельно-гильзовое заряжание и были способны вести огонь под углами до 60—75°. Немцы еще в 1920-х годах отказались от 75-мм дивизионных пушек, заменив их 105-мм гаубицами. Навесной огонь германских орудий сыграл огромную роль в успехах вермахта. Кстати, после 1945 г. все страны мира постепенно отказались от дивизионных пушек, заменив их гаубицами (противотанковые пушки, естественно, не в счет).

В плачевном состоянии находилась и советская зенитная артиллерия. Как уже говорилось, 37-мм установок 61К имелось мало, да и конструктивно они были неудачны. Пушка имела малую скорострельность, ее четырехколесная повозка была тяжела и громоздка (вес составлял почти 3 тонны). Самое интересное, что наши конструкторы А.А. Волков и С.А. Ярцев создали превосходную 23-мм автоматическую пушку ВЯ с ленточным питанием и темпом стрельбы 550—650 выстрелов в минуту. Для сравнения, у 37-мм пушки 61К питание магазинное и темп стрельбы 160—170 выстрелов в минуту, то есть в 3,8 раза меньше. Пушка ВЯ была принята на вооружение в мае 1941 г. За годы войны выпустили 48 186 этих пушек. Но, увы, все они пошли на штурмовики Ил-2. Лишь моряки изготовили малую серию спаренных и счетверенных установок с 23-мм автоматами ВЯ.

Между прочим, в 1950—1960-х годах под патрон пушки ВЯ в соответствии с ее баллистикой были созданы 23-мм спаренная буксируемая установка ЗУ-23 и самоходная ЗСУ «Шилка», которые до сих пор весьма успешно используются в вялотекущей гражданской войне, идущей на территории бывшего СССР. А то, что установки типа ЗУ-23 с автоматами ВЯ не были созданы в годы войны, можно объяснить лишь тупостью и упрямством деятелей из ГАУ.

Вермахт же к июню 1941 г. обладал превосходными для того времени 2-см и 3,7-см зенитными автоматами. 2-см установки изготавливались ординарными, спаренными и счетверенными, 3,7-см установки — ординарными и спаренными. Немецкие зенитные автоматы имели легко отделяемый колесный ход и постоянно использовались для поддержки пехоты на линии огня. 2-см и 3,7-см автоматы буксировались на двухколесных повозках, а также на шасси танков и полугусеничных автомобилей. Уже в ходе войны немцы создали 3-см автоматы Flak 103/38 и 5-см Flak 41.

Для стрельбы по высотным целям немцы создали мощные зенитные пушки 8,8-см Flak 41 (досягаемость по высоте 14,7 км), а также несколько типов 10,5-см (12,8 км) и 12,8-см (14,8 км) зенитных орудий. Было даже создано несколько опытных образцов 15-см зенитных орудий (досягаемость по высоте 18 км). Все эти пушки имели электроприводы вертикального и горизонтального наведения, автоматический

установщик трубки, а часть их имела центральную наводку от ПУАЗО, оснащенного радиолокатором.

Ничего подобного у нас не было, хоть разработка 100-мм «стратосферной» пушки Л-6 была начата еще в 1934 г. в КБ Кировского завода под руководством И.А. Маханова. Испытания Л-6 шли до середины 1940 г., но Маханов так и не сумел довести ее до ума.

Брались за 100-мм зенитные пушки и другие КБ (завода им. Калинина, ОКБ-172), но ничего путного сделать не смогли. Нам очень крупно повезло, что немецкие бомбардировщики летали только на средних высотах, 4—6 км, где их легко доставали наши 76-мм и 85-мм зенитные пушки. Но налет высотных летающих крепостей типа Б-17 отражать было бы просто нечем (речь идет только о зенитных орудиях).

По этим и многим другим причинам наши артиллеристы потеряли в 1941 г.: 12 тысяч противотанковых пушек, 12,3 тысячи полевых, горных и дивизионных пушек, 6 тысяч 122-мм гаубиц, 2,6 тысячи 152-мм гаубиц, 0,9 тысячи 122-мм пушек, 2,1 тысяча 152-мм пушек и гаубиц-пушек, свыше 100 орудий большой и особой мощности калибра от 203 мм и выше, а также 4,1 тысячи зенитных орудий.

Но и немцам хвалиться было нечем. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. вермахт потерял убитыми 93 736 человек и пропавшими без вести 3469 человек, а с июня 1941 г. и до конца 1941 г. — убитыми 280 700 человек и пропавшими без вести 26 653 человека.

С июня по ноябрь 1941 г. безвозвратные потери вермахта составили 2251 танк и 75 самоходных орудий. Так как почти все подбитые германские танки оставались у немцев, то понятно, что общее число подбитых танков было в несколько раз больше. Из 500 тысяч колесных автомобилей, находившихся в составе сухопутных сил на Восточном фронте до конца 1941 г., безвозвратно вышли из строя 106 тысяч. Потеряно 38 500 мотоциклов. С осени 1941 г. многие немецкие части стали постепенно переходить на конную тягу.

Веселая прогулка по «демократической» Европе для немцев закончилась 22 июня 1941 г. Далее началась настоящая война.

Глава 33

РУССКАЯ ГЕРМАНИЯ

8 мая 1945 г. Германия после подписания ее высшими военными представителями Акта о безоговорочной капитуляции была лишена суверенитета как страна и государство, а также политического национального руководства. Подобного прецедента в истории международных отношений еще не было. Союзники уничтожили германское государство и все его институты. Собственно, в Германии не было даже местного самоуправления.

Союзники приняли капитуляцию вермахта, но заключать мир им было не с кем. Так, 14 мая 1945 г. американская и британская военная администрация в западных оккупационных зонах запретила любую политическую деятельность, создание партий и профсоюзов, были распущены даже антифашистские комитеты. Этот запрет был частично снят лишь в августе-сентябре 1945 г.

Согласно Потсдамскому соглашению от 2 августа 1945 г. были образованы четыре зоны (одна советская — восточная, и три западные).

В Английскую зону входила Северо-Западная Германия — земли Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия.

В Американскую зону входила Юго-Западная Германия — земли Гессен, Вюртемберг-Баден, Бавария и выделенный из английской зоны анклав — Бремен.

Во Французскую (Рейнскую) зону входили Рейнланд-Пфальц, Вюртемберг-Гогенцоллерн, Баден.

Саарская область (Саар) была целиком передана Франции, как владение включена в состав французской национальной территории и находилась в составе Франции с 22 декабря 1946 г. по 27 октября 1956 г., когда она решением союзников, НАТО и правительства Франции была вновь возвращена Германии, то есть передана в состав ФРГ.

Советская (Восточная) зона включала в себя Мекленбург, Бранденбург, Саксен-Ангальт, Тюрингию и Саксонию.

Столица Германии, город Берлин, была разделена также на четыре зоны — восточную советскую и три западные (для союзников), позднее объединенных в одну: Западный Берлин (1 октября 1950 г. по Конституции Западного Берлина).

Что происходило в советской зоне оккупации в 1945—1946 гг.? Тут мне вновь придется процитировать классика: «История — не тротуар...» Вот, к примеру, уже свыше 60 лет западные СМИ, а с начала 1990-х годов и отечественные смакуют тему массовых изнасилований немок военнослужащими СССР. Изнасилование женщин иноземцами всегда возмущает местное население, чем и пользуются русофобы. Да, действительно, такие факты имели место. Однако отношение Сталина, как вождя тоталитарного государства и как восточного человека, к сексуальной распущенности хорошо известно. Да и органы НКВД были принципиально против интимных связей военнослужащих с иностранками. Позже в СССР даже был принят закон, запрещавший браки граждан СССР с иностранцами. Поэтому среди частей Красной Армии с 1944 г. велась соответствующая разъяснительная работа, а когда слова не помогали, отрезвляюще действовали публичные расстрелы.

Было разграбление Германии? Да, было. Сотни военных и гражданских предприятий демонтировались и вывозились в западные страны и в СССР.

Только в США были «добровольно-принудительно» вывезены ученых и инженеров Третьего рейха около тысячи человек. По моим подсчетам, в СССР вывезли от двух до трех тысяч инженерно-технических работников.

27 июля 1946 г. 27 бывших союзных государств подписали в Лондоне соглашение, согласно которому, все немецкие патенты, находящиеся вне пределов Германии и зарегистрированные до 1 августа 1946 г., были экспроприированы. Библиотека Конгресса в Вашингтоне стала издавать библиографический еженедельник, в котором были указаны рассекреченные военные и научные документы, их краткое содержание, количество и стоимость сделанных с них копий и т.д. Эти еженедельные бюллетени рассылались 125 библиотекам Соединенных Штатов, чтобы сделать их более доступными для публики.

Не будем говорить и о десятках тысяч советских кандидатов и докторов наук, защитивших диссертации на германских технологиях и патентах. С германской техникой мы постоянно имели дело и в быту. Кто из счастливых обладателей первых массовых отечественных телевизоров Т-2 «Ленинград» в конце 1950-х годов знал, что это всего лишь косметическая модернизация телевизора FE-IV образца 1936 г.

Нравится нам или нет, но дорога к гагаринскому старту и высадке Армстронга на Луну начиналась в Пенемюнде.

Из германских музеев было вывезено несколько знаменитых коллекций, как, например, коллекция Дрезденской галереи или «золото Шлимана». Кстати, золото Трои Генрих Шлиман откопал на русские деньги, как нажитые за счет поставок, так и полученные в счет приданого русской купеческой дочки, с которой он вскоре развелся. А затем Шлиман совершил преступление, вывезя золото из Турции вопреки закону этой страны и письменному договору с турецким правительством.

Что же касается остальных «перемещенных ценностей», то их общая стоимость на пару порядков ниже стоимости культурных ценностей, уничтоженных или украденных немцами в СССР в 1941—1944 гг.

Советское командование разрешило рядовым красноармейкам отправлять домой посылки с награбленными в Германии одеждой и предметами быта. Ну а многие генералы попросту потеряли чувство меры, вывозя барахло из Германии.

«Товарищу Сталину.

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

<...>

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается.

Булганин

21 августа 1946 года.

Совет министров СССР

Товарищу Сталину И.В.

В соответствии с Вашим указанием, 5 января с. г. [1948] на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск.

Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими драгоценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате.

В шкатулке оказалось:

часов — 24 шт., в том числе: золотых — 17 и с драгоценными камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 шт., из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

<...>

В ночь с 8 на 9 января с.г. [1948] был произведен негласный обыск на даче Жукова, находящейся в поселке Рублева, под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов -- всего свыше 4000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчовых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потстдамского и др. дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

<...>

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым теснением, исключительно на немецком языке...»[1]

Перефразируя «Ревизора» Гоголя, можно сказать: «Георгий Жуков — великий полководец, но зачем столько стульев тырить».

А вот протокол допроса Сиднева Алексея Матвеевича от 6 февраля 1948 г., бывшего начальника оперативного сектора МВД в Берлине:

«ВОПРОС: — Какой период времени вы работали в Германии?

ОТВЕТ: — с 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.

ВОПРОС: — После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

ОТВЕТ: — Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать.

Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело

---

[1] Военные архивы России. 1-й выпуск. 1993. С. 184—190.

обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

<...>

ВОПРОС: — Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных, большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков.

Где вы утащили эти гобелены?

ОТВЕТ: — Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи.

Увидев их, я приказал своему коменданту Аксенову отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

<...>

ВОПРОС: — Мы вам напомним. Дамскую сумочку, сделанную из чистого золота, вы где взяли?

ОТВЕТ: — Точно не помню, где я прихватил эту сумку. Думаю, что она была взята мною или женой в подвале Рейхсбанка.

ВОПРОС: — А три золотых браслета с бриллиантами где вы "прихватили"?

ОТВЕТ: — Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно — не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес бухгалтер берлинского оперсектора Ночвин.

ВОПРОС: — 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?»[1]

И дел таких хватало. Другой вопрос, что пострадали за мародерство лишь небольшой процент генералов и высших офицеров. А Жукова наказали, отправив из Москвы в Одессу командовать округом.

Но грабежи и мародерство — только одна сторона медали. Была и другая. Уже 28 апреля 1945 г. комендант Берлина Н.Э. Берзарин распорядился организовать продажу населению продовольствия по карточкам. В конце апреля в Берлине открылись продовольственные магазины.

8 мая 1945 г. проблемой снабжения населения освобожденных Красной Армией районов Германии, прежде всего Берлина, занимался Государственный комитет обороны СССР. Он обсудил предложения Военного совета 1-го Белорусского фронта о снабжении берлинцев основными продуктами питания, установив новые, более высокие

---

[1] Военные архивы. С. 197—198.

нормы[1]. ГКО СССР распорядился немедленно отправить из Советского Союза в Берлин кофе и чай, а продовольствие выделить из резервов 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

В целом до 1 августа 1945 г. советской стороной было предоставлено Берлину продовольствия на сумму 41 586 457,75 рейхсмарки (в оптовых ценах). По данным советской комендатуры, в период с 10 мая по 1 августа 1945 г. Советское командование передало немецким органам 58 771,2 т муки, 8199,6 т мяса, 97 589,6 т картофеля, 382,6 т кофе (натурального), 804,7 т кофе (суррогата), 11 015,9 т крупы, 2116,2 т жиров, 5221,3 т сахара, 161,3 т. чая[2].

К середине июня 1945 г. удалось, в основном, наладить систему медицинского обслуживания населения в Берлине и открыть почти все лечебные учреждения, насчитывавшие 31 780 койкомест.

Приказом Н.Э. Берзарина № 3 от 18 мая 1945 г. была разрешена частная торговля. К августу 1945 г. в Берлине работало уже 17 523 торговых предприятия.

Советское командование передало магистрату 1142 грузовые автомашины, ставшие основой нового городского автопарка.

В июле 1945 г. работало уже 600 промышленных предприятий. Были закрыты свыше 150 прежних частных банков и создан единый городской банк, который стал важным финансово-экономическим рычагом в восстановлении и развитии Берлина. Чтобы обеспечить нормальную работу магистрата, советские оккупационные власти предоставили ему кредит на сумму 25 млн рейхсмарок.

Оживала в Берлине и культурная, и общественно-политическая жизнь. Так, 13 мая возобновила свои передачи немецкая радиостанция «Берлинер Рундфунк», и в тот же день состоялся первый послевоенный концерт берлинского камерного оркестра. Начали работать театры, кабаре, литературные кружки и т.д. 15 мая увидела свет первая в Германии немецкая газета «Теглихе рундшау». К 17 мая в Берлине работали уже 30 кинотеатров, а к концу июня — 127. 20 мая состоялся первый футбольный матч. 21 мая начался выпуск газеты «Берлинер Цайтунг». 27 мая дал свой первый спектакль Ренессанс-театр. В мае же возобновили работу большинство школ. Жизнь в Берлине постепенно входила в обычную колею.

Приказом главноначальствующего СВАГ № 2 от 10 июня 1945 г. была разрешена деятельность политических партий, что стало наглядным проявлением доверия к демократическим силам немецкого народа. А на следующий день ЦК Компартии Германии выступил с воззванием к немецкому народу: «Не повторять ошибок 1918 года! Покончить с расколом

---

[1] В среднем на одного человека в день эти нормы составляли: хлеб — 400—500 г, крупы — 50 г, мясо — 60 г, жир — 15 г, сахар — 20 г, а нормы выдачи овощей, молока и других продуктов устанавливались военными советами фронтов.

[2] Архив МО СССР. Ф. Управления военного коменданта г. Берлина. Оп. 726833. Д. 2.

трудящихся! Никакой пощады нацизму и реакции! Навсегда покончить с пропагандой вражды к Советскому Союзу!» Отметив, что «было бы неправильным навязывать Германии советскую систему, ибо она не соответствует нынешним условиям развития», компартия Германии выдвинула конкретную программу создания антифашистско-демократического режима на основе единства действий рабочего класса и тесного сотрудничества всех антифашистских и демократических сил.

Естественно, что в разрушенной войной Германии населению жилось несладко. И тут надо заметить, что помощь из СССР шла не только в виде безвозмездных раздач продовольствия. К маю 1945 г. промышленность страны была предельно милитаризирована. В западных секторах она встала, а в советской зоне значительная ее часть, как уже говорилось, была вывезена, а не менее значительная часть... работала, но уже на Красную Армию. Это касается артиллерийских, авиационных, судостроительных, приборостроительных и других заводов. Мало того, в 1945 г. в Восточной зоне было организовано свыше двух десятков КБ, где под надзором наших специалистов трудились германские ученые и инженеры[1].

Таким образом, многие десятки тысяч немцев получили работу. К сожалению, правительство СССР в 1947 г. уступило нажиму союзников и прекратило работу военных предприятий в Германии. СССР в годы войны понес самые тяжелые потери в людях и материальных ценностях. В 1947 г. союзники прекратили выплату нам репараций из западных зон оккупации, а с другой стороны, СССР не мог воспользоваться трофейным имуществом. Вот маленький пример: американцы и англичане попросту надули Сталина при разделе германского и итальянского флотов, а в 1947 г. заставили СССР законсервировать или разобрать уже почти достроенные 40 новейших океанских подводных лодок XXI серии, с которыми силы ПЛО союзников были не в состоянии бороться.

Любопытно, что первые рабочие восстания произошли в английской оккупационной зоне. Английские оккупационные войска «выжимали» все возможное из своей зоны. После войны Великобритания как империя находилась в сложном положении, попросту разваливалась. Материальные и финансовые ресурсы откуда-то надо было восполнять. Трудности империи вызывали падение морального духа британских войск: среди них в первые годы оккупации было самое большое количество дезертиров и перебежчиков, в том числе и в советскую оккупационную зону. У англичан было и самое большое желание «выжать» из Германии как можно больше под лозунгом: «Немцы за все заплатят».

Немецкие рабочие, доведенные до отчаяния беспределом английской администрации, подняли восстание. Беспорядки начались в марте

---

[1] Подробно об этом рассказано в моей книге «Тевтонский меч и русская броня».

1947 г. и продолжались, по данным советской разведки, целых три месяца. Демонстранты нападали на английских военнослужащих. Целью захватов были офицерские и солдатские столовые. Там немцы забирали продовольствие и уносили его по домам. А в английских солдат и офицеров летели камни и тухлые помидоры.

Немецкая полиция оказалась бессильной, ничего не смогла сделать и английская полиция. И только введение в Брауншвейг английской пехоты и танков, установка пулеметов у зданий военной администрации в определенной мере успокоили ситуацию. Подействовали и угрозы расстрелов.

Об этих событиях ничего не писалось, они просто замалчивались. И лишь в 1990-е годы о них стало известно благодаря рассекречиванию донесений разведки 1950-х годов. Ни в Ялте, ни в Потсдаме советское правительство не предполагало, что раздел Германии может столь затянуться. 10 июня 1946 г. В.М. Молотов выдвинул «План поэтапного создания в Германии представительной (выборной) местной администрации, проведения демократических парламентских выборов, организации государственной власти из немецких политических и государственных деятелей и заключение с правительством демократической Германии мирного договора».

Однако на этот документ последовал категорический отказ западных держав от проведения согласованной политики всех четырех союзников в отношении Германии. В результате западная и советская зоны оккупации постепенно отдалялись друг от друга в политическом и экономическом отношении. В связи с этим возникла проблема Берлина.

Еще 12 сентября 1944 г. союзники решили разделить столицу Германии на секторы. Окончательно их границы были установлены 26 июля 1945 г.

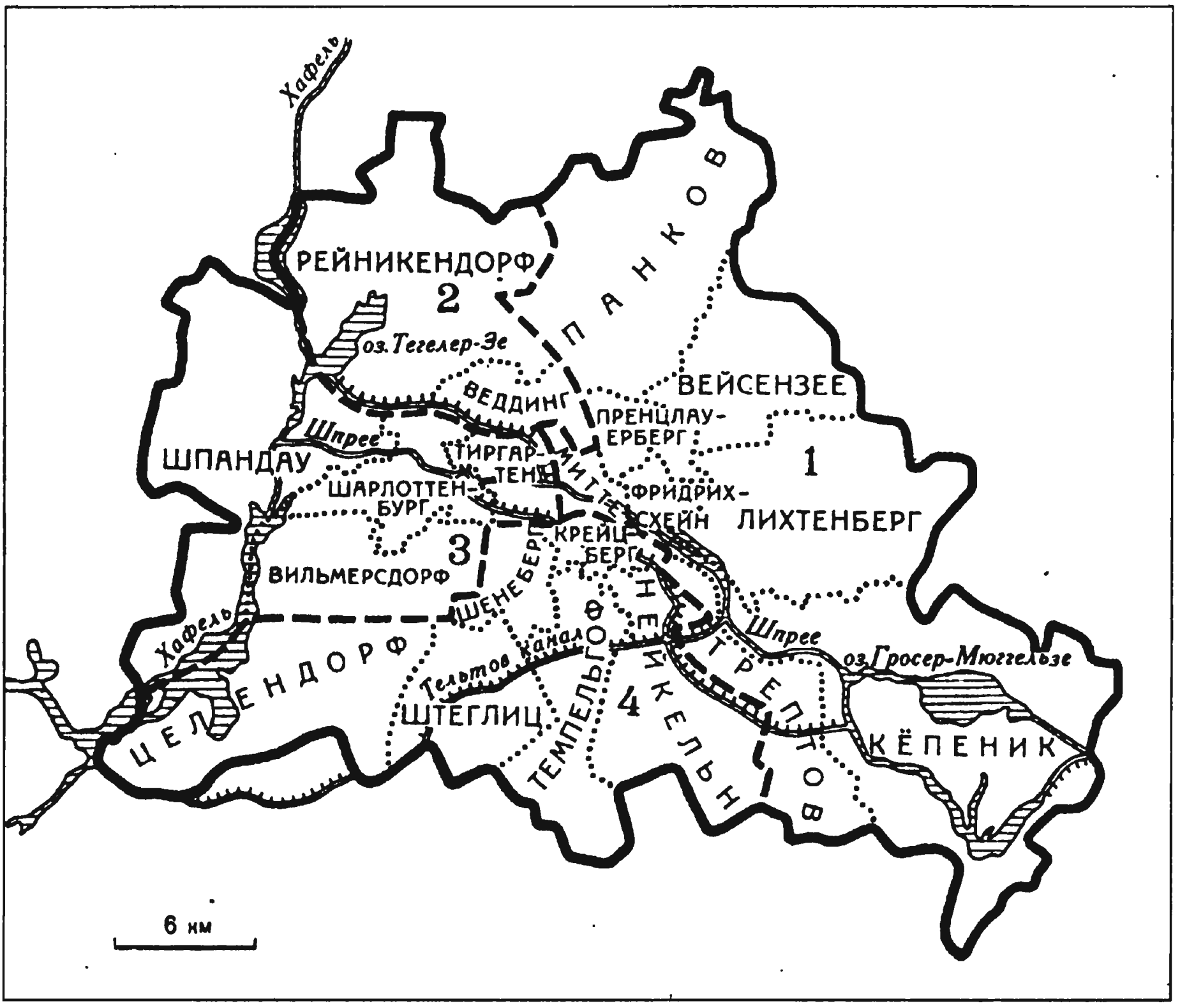
Таблица 2

Сектора оккупации Берлина

Сектора и количество районов в них	Площадь		Население	
	кв. км	%	тыс. чел.	%
Советский (8)	402,8	45,3	1058	37
Американский (6)	210,8	23,7	836	31
Британский (4)	165,6	18,6	503	19
Французский (2)	104,6	12,4	372	13

Таким образом, в центре советской зоны образовался анклав, занятый войсками союзников. С западными зонами, отстоявшими на расстояние 180 км, Западный Берлин связывали железная дорога и автомагистрали.

Границы секторов в Берлине не охранялись. Так, к примеру, из Восточного в Западный сектор можно было проехать на метро. Естественно, начались спекуляции в невиданных для Германии масштабах.

Сектора оккупации Берлина, установленные соглашением великих держав от 12 сентября 1944 г. (с изменениями от 26 июля 1945 г.)
1 — Советский. 2 — Французский. 3 — Английский. 4 — Американский

Только в мае 1948 г. через Берлин в западные зоны было вывезено свыше 1000 т алюминия, 500 т меди, большое количество других цветных металлов и т.д. Подобное происходило и у нас в начале 1990-х годов на границе с Эстонией, когда эта «самостийная» республика внезапно стала крупнейшим экспортером меди и других цветных металлов.

1 января 1947 г. США и Англия перевели расчеты по торговле западной и советской зон с марок на доллары, то есть установили такой режим во внутригерманской торговле, который практиковался только в межгосударственной торговле.

25 марта 1948 г. руководитель Советской военной администрации в Германии (СВАГ) маршал Советского Союза В.Д. Соколовский подписал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации в Германии», в котором предписывалось начальнику транспортного управления СВАГ обеспечить сокращение до минимума движения пассажирских поездов и транспортов американских, английских и французских войск. 27 марта в соответствии с приказом Соколовского «Об усилении охраны и контроля

на внешних границах Большого Берлина» вводились существенные ограничения на передвижения людей и транспортные перевозки через берлинские границы.

Отвечая на запрос фракции Социалистической единой партии германии (СЕПГ) в городской палате депутатов Берлина по поводу сообщений в западной печати о намерении западных держав провести сепаратную денежную реформу, В.Д. Соколовский 18 июня 1948 г. заявил: «Советский Союз стоит за проведение именно общегерманской денежной реформы, так как сепаратная денежная реформа в одной или нескольких зонах Германии означала бы завершение раскола Германии, что не соответствует интересам немецкого народа и миролюбивых, демократических народов Европы. Советская военная администрация в Германии готова поддержать поэтому всякое мероприятие, которое служило бы осуществлению общегерманской денежной реформы на базе четырехстороннего соглашения, которое я считаю вполне возможным».

Однако западные державы были категорически против единой финансовой системы. В тот же день на пресс-конференции американский генерал Клей откровенно заявил: «Об общегерманской реформе не может быть и речи». А на следующий день западные державы провели сепаратную денежную реформу в своих зонах оккупации. В официальном письме, направленном Соколовскому всего за несколько часов до ее обнародования, администрация западных зон сообщала, что реформа не затронет западных секторов Берлина. Но вскоре стало ясно, что это наглая ложь, направленная на дезориентацию советской власти.

Проведение сепаратной денежной реформы создавало угрозу наводнения советской оккупационный зоны, включая Берлин, обесцененными денежными знаками. Чтобы не допустить дезорганизации экономики советской зоны, были необходимы экстренные меры. А советская сторона не располагала даже особыми денежными знаками.

19 июня 1948 г. СВАГ обратилась к немецкому населению с сообщением, что ввоз в советскую зону и Берлин выпущенных в западных зонах денежных знаков запрещен, а с целью предотвращения расстройства экономики советской зоны будут приняты «и другие необходимые меры, вытекающие из создавшегося положения».

С 19 июня 1948 г. прекратилось движение пассажирских поездов между советской и западными зонами, закрылся доступ из западных зон в советскую зону для всех видов гужевого и автомобильного транспорта, в том числе и по основной автостраде Гельмштедт — Берлин. Все же перевозки водным путем допускались только с разрешения начальника транспортного управления СВАГ и только после тщательного досмотра грузов и личных вещей судовых команд. Был прекращен допуск в советскую зону через КПП на демаркационной линии всех лиц без разрешения органов СВАГ или соответствующих немецких

органов советской зоны. Движение товарных поездов разрешалось лишь при условии тщательной проверки всех грузов и личных вещей поездных бригад сопровождения и охраны составов.

23 июня 1948 г. оккупационные власти США, Англии и Франции незаконно распространили сепаратную денежную реформу на западные сектора Берлина и начали вводить в них западную марку с особым клеймом «Б». Одновременно банкам и сберкассам, расположенным в западных секторах города, было запрещено давать любую бухгалтерскую и статистическую отчетность каким-либо органам магистрата, находящимся в советском секторе.

Распространение сепаратной денежной реформы на Берлин было настолько провокационным актом, что даже французские власти воспротивились этому. Однако под давлением США и Англии французам пришлось сдать свои позиции, заявив, что «им не остается другого выбора», но они «снимают с себя ответственность за все последствия» такого шага.

В ответ СВАГ 23 июня 1948 г. прекратила движение водного транспорта между Берлином и западными зонами оккупации, а 24 июня — и железнодорожное сообщение.

25—27 июня 1948 г. состоялось совещание в Белом доме, на котором обсуждалась создавшаяся обстановка. Американский президент вопреки мнению большинства своих советников принял решение оставаться в Берлине и направить в Германию бомбардировщики Б-29, оснащенные ядерным оружием.

В связи с контрмерами советской стороны западные державы подняли небывалый шум об «усилении агрессивности Кремля», о «блокаде Берлина» и т.п. В конце июня 1948 г. они объявили об организации так называемого воздушного моста (люфтбрюкке) из западных зон в Берлин для обеспечения его западных секторов продовольствием, топливом и сырьем.

Американцы и англичане действительно устроили воздушный мост в Западный Берлин. К перевозке были подключены 405 американских и 170 английских транспортных самолетов и даже бомбардировщики. За 343 дня блокады было совершено 277 264 полета в Берлин и доставлено 2,35 млн тонн грузов. При транспортировке разбилось 19 самолетов. Советские ВВС не препятствовали полетам союзников.

В свою очередь, западные державы организовали контрблокаду советской зоны, прекратив поставку из западных зон продовольствия, химикатов, стали и другой продукции.

В результате сложных переговоров СССР и западные союзники договорились о прекращении 9 мая 1949 г. взаимной блокады.

События в Берлине в известной степени ускорили создание в апреле 1949 г. западного военного блока НАТО. 10 апреля 1949 г. западные державы тайно и без согласия СССР передали часть своих полномочий так называемому Парламентскому совету. 8 мая в Бонне этот совет принял конституцию нового государства — Федеративной Республики Германия.

15 сентября 1949 г. был избран глава нового государства (канцлер). Им стал 73-летний Конрад Аденауэр, который в первом же интервью заявил, что «его правительство не может занимать дружественную позицию в отношении СССР».

Создание ФРГ окончательно закрепило раскол Германии. Теперь СССР и восточногерманским левым силам ничего не оставалось делать, как создать свое правительство. 7 октября 1949 г. на 9-й сессии Немецкого народного конгресса были принято решение о создании Германской Демократической Республики (ГДР). Немецкий народный совет, избранный 30 мая 1949 г. Конгрессом, провозгласил себя Временной народной палатой. В тот же день открылось первое (учредительное) собрание Палаты, которая единогласно приняла закон об образовании правительства и утвердила Конституцию. 11 октября 1949 г. состоялось учредительное заседание Временной палаты земель. В тот же день на совместном заседании обеих палат председатель правления СЕПГ Вильгельм Пик был избран президентом республики.

Советский Союз немедленно передал Германской Демократической Республике функции управления, принадлежавшие до этого СВАГ.

Таким образом, Германия перестала существовать как единое целое и фактически, и юридически. Лидеры ГДР неоднократно заявляли, что у ГДР с ФРГ общий только язык, на котором говорит население.

В 1950 г. в результате досрочного выполнения двухлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства ГДР превзошла уровень промышленного развития соответствующих территорий довоенной Германии. В период первой пятилетки (1951—1955 гг.) были созданы собственная металлургия и тяжелое машиностроение. В 1950—1968 гг. объем валовой продукции увеличился в 4,7 раза. В 1969 г. за первые 10 месяцев промышленность ГДР выпустила столько же продукции, сколько вся Германия в 1936 г.

Основное место в экономике ГДР занимал социалистический сектор, включавший государственные (народные) и кооперативные предприятия. В руках государства находились командные высоты в промышленности, на транспорте, в области финансов, во внешней и оптовой внутренней торговле, а также важные позиции в розничной торговле и в сельском хозяйстве.

Кооперативная собственность была представлена сельскохозяйственными производственными кооперативами, крестьянскими товариществами, кооперативами ремесленников и потребительской кооперации.

В 1945—1950 гг. была проведена земельная реформа, в результате которой 2 189 999 гектаров земли, принадлежавшей прежде юнкерам и крупным помещикам, перешло в руки около 560 тысяч трудящихся крестьян, сельхозрабочих и переселенцев. Было создано около 210 тысяч новых крестьянских дворов. Согласно статье 24 Конституции ГДР, крупная частная собственность на землю (более 100 гектаров) ликвидировалась и подлежала безвозмездному разделу.

В мелкотоварный сектор входили предприятия, опиравшиеся на мелкую частную собственность производителей на орудия и средства производства и основанные, как правило, на их личном труде. К этому сектору относились хозяйства мелких и средних крестьян, а также мелкие предприятия ремесленников и розничных торговцев. С 1950-го по 1955 год доля государственного сектора в народном хозяйстве возросла с 55 % до 63 %, остальное принадлежало кооперативам и мелким частным производителям.

Власть в ГДР принадлежала коммунистам — Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Вроде бы все было, как в СССР. Однако германские коммунисты оказались умнее Хрущева, обещавшего на XXII съезде КПСС построить коммунизм через 20 лет. В противоположность неуемному Никите Сергеевичу Вальтер Ульбрихт предложил построить в ГДР для начала «развитое социалистическое общество». Позже этот термин взял на вооружение Брежнев.

В отличие от СССР ГДР имела многопартийную систему. Говоря упрощенно, восточные немцы имели то, к чему стремилась с 1993 г. российская правящая элита — наличие партии власти и «конструктивной оппозиции». У наших демократов-образованцев всегда были проблемы со знанием истории и языка. В переводе с английского «opposite» означает: противоположный, непримиримый. Теперь у нас на «кремлевском» новоязе принципиально не согласные с властью люди именуются «непримиримой оппозицией» и экстремистами и с ними власти предпочитают разговаривать с помощью 125-мм танковых пушек. Но для сохранения фигового демократического листа на непристойном органе власти требуется конструктивная оппозиция, то есть группа лакеев, периодически лепечущих: «Чуть-чуть левее (правее), ваше высокопревосходительство».

Так вот, в ГДР были реализованы мечты нынешних кремлевских властей. Там при СЕПГ существовали еще четыре конструктивно оппозиционных партии:

Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ), созданная в 1948 г., которая объединяла часть крестьян — членов сельскохозяйственных производственных кооперативов, служащих и интеллигенции, связанных с сельским хозяйством;

Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ), созданная в 1945 г. и объединявшая ремесленников, торговцев, часть интеллигенции, служащих и кооперативного крестьянства;

Национально-демократическая партия Германии (НДПГ), созданная в 1948 г. и объединявшая, в основном, часть средних слоев населения;

Христианско-демократический союз (ХДС) — партия религиозных слоев населения ГДР, выступавших за мир и социализм.

Число членов партий к началу 1980 г. определялось следующим образом: СЕПГ — 2127 тысяч, ДКПГ — 95 тысяч, ЛДПГ — 75 тысяч, НДПГ — 85 тысяч, ХДС — 85 тысяч человек.

Как видим, мечты «единороссов» в ГДР стали былью.

Между ФРГ и ГДР постепенно была образована хорошо охраняемая граница. Но между Западным и Восточным Берлином по-прежнему оставалось свободное сообщение.

В Западном Берлине были созданы специальные центры, занимавшиеся скупкой в ГДР оптических приборов, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, фарфора, художественных изделий и т.д. Контрабандным путем в больших количествах вывозились масло и мясо. Так, например, организация, возглавляемая супругами Гиллерт, специализировалась на скупке пишущих машинок, группа Э. Брумме — на вывозе произведений искусства и антиквариата, Ф. Буршберг — на скупке изделий галантерейной промышленности, шайка Г. Велса, объединявшая более двадцати человек, — на спекуляции продовольственными товарами. При задержании Буршберга народная полиция изъяла у него 26 640 метров дорогих кружев, которые он пытался вывезти из ГДР. Один только Велс за первое полугодие 1961 г. переправил из Восточного в Западный Берлин 2500 кг сливочного масла, 500 кг ветчины и 500 кг мяса, а его сестра за это же время перевезла 1500 кг масла. И таких гиллертов, буршбергов и велсов были тысячи.

Проводились и различные другие махинации. Поэтому не удивительно, что количество меняльных контор в Западном Берлине возросло с 40 в 1949 г. до 88 в 1961 г. Иными словами, Западный Берлин превратился в централизованный черный рынок внутри валютной сферы ГДР, в перевалочный пункт для организованной в широких масштабах контрабанды.

Все это дорого обходилось ГДР. По подсчетам американского экономиста профессора Апеля, один только ущерб, нанесенный ГДР махинациями с обменным курсом и различного рода спекуляциями, составил с момента образования ГДР до 13 августа 1961 г. не менее 13 млрд марок.

Все более широкие масштабы принимало сманивание из ГДР на Запад квалифицированной рабочей силы, особенно специалистов, с целью «обескровливания» республики. Президент объединения западногерманской промышленности Ф. Берг еще в 1955 г. призывал к «усиленному оттягиванию квалифицированной рабочей силы и ученых» из ГДР в ФРГ. В Западной Германии, где в конце 1950-х годов на тысячу жителей приходилось 27 студентов (в то время как в ГДР — 50), не хватало инженеров, механиков, химиков, врачей и других специалистов.

Вербовкой специалистов в ГДР занимались в первую очередь крупные концерны. К примеру, «Телефункен» выплачивал сотрудникам своих предприятий за одного переманенного гражданина ГДР премию в 50 марок, а за крупного специалиста — до нескольких тысяч марок. Тем же занимались и представительства Круппа, кильской фирмы «Машиненбау АГ» и др. При поддержке правительства ФРГ были созданы даже специальные организации, развивавшие невиданную активность. Так, они приглашали в Западный Берлин сотрудников кон-

структорских бюро и квалифицированных мастеров с предприятий ГДР для «обмена опытом» и «ознакомления с новинками техники» и побуждали их переехать в ФРГ.

Известный западногерманский экономист профессор Бааде подсчитал, что вербовка квалифицированной рабочей силы, а также сманивание технической интеллигенции нанесли ГДР еще больший ущерб, чем манипуляции с обменным курсом и разного рода спекуляции. Ущерб этот он оценивал в 22,3 млрд марок.

Но на этом проблемы не исчерпывались. В Западном Берлине до 13 августа 1961 г. работали, по официальным неполным данным, приблизительно 63 тысячи жителей столицы ГДР. Создавая прибавочную стоимость на западноберлинских предприятиях и не внося никакого вклада в развитие ГДР, они в то же время пользовались всеми преимуществами социального законодательства республики (бесплатной медициной, детскими садами и школами, дешевыми коммунальными услугами, а также получали пенсии по старости и инвалидности), в результате чего ГДР ежегодно теряла около 1 млрд марок.

Интересно, из ФРГ через Западный Берлин в ГДР переселились десятки тысяч пенсионеров. Так что в известной степени ФРГ паразитировала на экономике ГДР.

Если подсчитать все потери, в том числе и косвенные, понесенные ГДР с момента ее основании до взятия под контроль границы с Западным Берлином, то они составят, по данным профессора Апеля, огромную сумму — 83,3 млрд марок. Для сравнения укажу, что годовой бюджет ГДР в 1960 г. составлял около 49 млрд марок, а совокупный валовой продукт республики за 1961 г. — около 141 млрд марок. Сумма ущерба, причиненного ГДР, фактически ненамного меньше репараций, которые должна была выплатить Германия после Первой мировой войны.

Ущерб, нанесенный ГДР в период существования открытой границы с Западным Берлином, сильно тормозил развитие ГДР. Если бы ГДР не несла таких больших потерь, то темпы ее экономического развития могли бы быть, по мнению профессора Апеля, намного выше, чем в ФРГ.

Западный Берлин стал центром подготовки шпионажа и диверсий против ГДР. Летом 1953 г. спецслужбы США и ФРГ задумали устроить в Восточной Германии «оранжевую» революцию. В Берлине, Магдебурге, Лейпциге и других городах ГДР готовились забастовки, намечалось даже «создание контрправительства, которое в случае удачи путча должно было обратиться за помощью к западным державам». 12 июня 1953 г. в Западной Германии была разрешена массовая скупка акций экспроприированных в ГДР предприятий.

Уже 13 июня по указанию главы американской разведки А. Даллеса, «случайно» оказавшегося в Западном Берлине, РИАС[1] разработала

---

[1] РИАС — радиостанция американского сектора.

специальную «аргументацию радиопередач на случай беспорядков в Восточном Берлине». Начиная с полуночи 16 июня, РИАС непрерывно передавала инструкции и указания агентам, а также распространяла ложные сообщения, поощряя провокации и призывая к открытому мятежу.

Поводом к беспорядкам стало повышение цен на... мармелад.

В ночь с 16 на 17 июня радиостанция РИАС начала передавать призывы к организации всеобщей забастовки в ГДР. Пограничная охрана ФРГ была приведена в состояние повышенной боеготовности. Американские танковые подразделения заняли исходные районы в Баварии, по всей границе с ГДР. На территорию ГДР было введено большое количество сотрудников спецслужб, в том числе и вооруженных.

17 июня 1953 г. в Берлине и других городах многие промышленные предприятия прекратили работу. Начались уличные демонстрации. Западногерманские власти предоставляли транспорт для переброски демонстрантов. Они входили на территорию Восточного Берлина колоннами до 500—600 человек. Использовались даже специальные американские военные звуковещательные машины.

В ходе манифестаций особую активность проявляли специально подготовленные группы, которые оперативно управлялись из Западного Берлина. У демонстрантов появились политические лозунги: свержение правительства и ликвидация СЕПГ.

Были организованы погромы партийных учреждений, осквернение партийных и государственных символов. Толпа расправилась с некоторыми функционерами партийного и государственного аппарата, активистами рабочего движения. В ходе уличных беспорядков имели место поджоги и мародерство, а также нападения на полицейские участки и тюрьмы. В Галле из заключения была освобождена бывшая комендантша нацистского лагеря Э. Дорн. Американцы и англичане стягивали свои войска к границам ГДР. Американские военные транспортные самолеты С-47 летали в район Берлина и сбрасывали листовки и оружие на территорию ГДР.

Организаторам июньского выступления не удалось добиться главной цели — забастовки и демонстрации не переросли в восстание против правящего режима. Основная масса населения дистанцировалась от политических лозунгов, выдвигая лишь экономические требования (снижение цен и рабочих норм).

На многих предприятиях СЕПГ удалось оперативно организовать вооруженную охрану, которая с июля 1953 г. существовала как «боевые дружины рабочего класса». Однако решающую роль сыграла твердая позиция СССР. Для подавления мятежа в Германию прибыл Л.П. Берия. По его приказанию на улицы Берлина, Лейпцига, Дрездена и других городов были выведены советские танки.

Вывод танковых частей на улицы привел не к кровавой драме, как писали западные СМИ, а к прекращению беспорядков. Всего с 17 по 29 июня в ГДР бастовали свыше 430 тысяч человек. Всего убиты были

40 человек. Погибли 11 полицейских и партийных активистов ГДР. Ранены были 400 человек. Арестованы и задержаны — 9530. К расстрелу приговорили 6 человек из числа участников беспорядков и погромов, четверых расстреляли (двоих в Магдебурге, по одному — в Берлине и Йене). Два осужденных в городе Герлице были помилованы.

26 июня в районах Восточного Берлина — Кепенек, Мите и Фридрихсхайн были организованы демонстрации немецких рабочих, служащих и молодежи в поддержку действий советских войск.

К 1 июля 1953 г. обстановка в целом нормализовалась. В Берлине было снято военное положение. Советские части покинули немецкие города и населенные пункты и приступили к плановой боевой подготовке.

В 1954 г. был упразднен статус оккупации, с советских войск этот статус, соответственно, был также снят. Контроль Верховного комиссара СССР в Германии над деятельностью органов государственной власти на востоке Германии был прекращен. Правовые основы пребывания советских войск определялись Договором между ГДР и СССР от 20 сентября 1955 г.

В результате межправительственных переговоров в августе 1953 г. в Москве Советский Союз освободил ГДР от уплаты оставшихся 2,5 млрд долларов репараций, передал последние 33 предприятия, находившиеся под советским управлением. Кроме того, советской стороной был предоставлен кредит и осуществлены дополнительные поставки товаров.

После июньских событий в жизни ГДР произошли определенные изменения. Было обновлено руководство СЕПГ, первым секретарем избрали В. Пика. Пост Генерального секретаря упразднили. Началось массовое государственное и кооперативное жилищное строительство, была создана широкая сеть пансионатов, санаториев и домов отдыха.

Замечу, что из стран социализма в ГДР была самая либеральная цензура СМИ (за исключением разве что Югославии). Знаю по собственному опыту. Я с 5-го класса интересовался военной историей и по крайней мере раз в месяц наведывался в книжный магазин «Дружба», находившийся тогда напротив памятника Юрию Долгорукому в Москве. Там продавались книги социалистических государств. В военных изданиях ГДР содержалась довольно подробная информация о вооруженных силах стран НАТО, ГДР и СССР. Наши военные только ахали, когда я показывал им «совершенно секретные» данные и фотографии матчасти. Врать не буду, в военных журналах ГДР я с удовольствием рассматривал и эротику. Но не красоток из «Плейбоя» с напарафиненым бюстом и не двухметровых «барби» с конкурсов красоты, а обычных 16—20-летних немецких девушек, столь похожих на московских студенток.

С 1954 г. США начали доставку тактического ядерного оружия в ФРГ. Первыми были доставлены 280-мм пушки М-65, специально сконструированные для стрельбы ядерным зарядом. Почти одновре-

менно в Германию прибыли и неуправляемые ракеты «Онест Джон» с ядерными боевыми частями.

В 1955—1956 гг. в ФРГ были размещены баллистические оперативно-тактические ракеты «Капрал» с дальностью стрельбы около 150 км. А в 1957 г. начались поставки 203-мм снарядов с ядерными боевыми частями, гаубиц М.2 и других систем. В 1958 г. в ФРГ был переброшен первый дивизион баллистических ракет «Редстоун» с дальностью 400 км.

Примерно через год—два после доставки в ФРГ американских носителей ядерного оружия эта матчасть поступила и на вооружение бундесвера, но без ядерных боевых частей. Эти боеголовки бундесвер должен был получить в «угрожаемый период».

11 ноября 1957 г. правительство ГДР предложило ФРГ взаимно отказаться от производства и размещения на их территориях атомного оружия и о вхождении ГДР и ФРГ в безатомную зону. США и ФРГ ответили категорическим отказом.

К этому времени СССР уже обзавелся ядерными зарядами для дальних бомбардировщиков и стратегических баллистических ракет. Но НАТО пока считала себя монополистом в области тактического ядерного оружия. В США наряду с доктриной массированного ядерного удара была принята доктрина «локальной ядерной войны». Речь шла о применении ядерного оружия ограниченной мощности (до 10—20 килотонн) на ограниченной территории. Фактически же речь шла о том, чтобы превратить ФРГ и ГДР в очаг ядерной войны так, чтобы не затронуть Англию и США.

Однако уже в начале 1960-х годов на вооружение Советской Армии были приняты тактические неуправляемые ракеты «Филин», «Марс» и «Луна» со специальными боевыми частями, а также оперативно-тактическая баллистическая ракета Р-17. Естественно, что значительная часть ракет со специальными боевыми частями была доставлена в ГДР.

ФРГ и государства НАТО не признавали ГДР. 3—4 июня 1961 г. Хрущев на встрече в Вене с президентом США Кеннеди предложил подписать мирный договор с обоими германскими государствами и предоставить Западному Берлину статус вольного города. Кеннеди отказался, причем даже не попытавшись выдвинуть какие-либо контраргументы по данному вопросу. США вполне устраивали неопределенность ситуации в Германии и постоянная балансировка на грани ядерной войны.

После встречи с Кеннеди Хрущев по согласованию с руководителем ГДР Вальтером Ульбрихтом решил установить на границе Восточного и Западного Берлина легкие защитные сооружения. Инициатива постройки бетонной стены принадлежала «германским товарищам».

И вот в ночь с 12 на 13 августа на границе с Западным Берлином был установлен строгий пограничный режим и устроены легкие защитные сооружения, в том числе и колючая проволока. Охраняли их

пограничники ГДР. Возведение защитных сооружений формально было внутренним делом ГДР и не давало повода для иностранного вмешательства. Однако президент Кеннеди отдал приказ о призыве в США 250 тысяч резервистов в армию и флот. В выступлении по телевидению Кеннеди объявил о своей готовности воевать за Западный Берлин. «Мы стремимся к миру, но мы никогда не капитулируем... В Западном Берлине сейчас проверяются западная решимость и неприступность... Мы никогда не позволим коммунистам изгнать нас из Берлина ни миром, ни силой... Три раза за мою жизнь наша страна и Европа втягивались в тяжелые войны... Если война начнется, то она начнется в Москве, а не в Берлине. Выбор между войной и миром делают они, а не мы. Советский Союз втянул нас в кризис... Это они отказались от заключения мира с единой Германией в нарушение международных законов и соглашений».

Американцы направили в Западный Берлин дополнительный контингент войск — 1,5 тысячи мотопехоты. Хрущев приказал нашим генералам пропустить американцев.

27 октября 1961 г. американские военные решили устроить провокацию на границе и снести с помощью бульдозеров защитные ограждения в районе Фридрихштрассе между британским и советским секторами. Наша разведка вовремя доложила об американском плане командованию ГСВГ.

Поначалу действия развивались в соответствии с планом, разработанным в штабе генерала Клея. К КП у Бранденбургских ворот двигались три джипа с военными и штатскими лицами, за ними шли мощные бульдозеры и замыкали шествие 10 танков М-48 с закрытыми люками и расчехленными орудиями. Советское командование разместило в переулках в этом районе до батальона пехоты и до полка советских танков. После того как джипы беспрепятственно проехали КП, были заведены моторы наших танков, и они стали выходить из переулков навстречу бульдозерам. Мало того, в переулках были расположены передвижные радиоустановки, транслировавшие на полную громкость рев танковых дизелей. У янки создавалось впечатление, что за домами скрыты еще сотни танков.

Бульдозеры остановились на западной территории, не достигнув разграничительной линии. Советские танки тоже остановились. Джипы, пометавшись в тылу наших танков, развернулись и возвратились в Западный Берлин. Танки, американские и советские, остались на местах. Противостояние продолжалось практически всю ночь. Затем по команде из Москвы наши танки развернулись и ушли назад, в переулки. Минут через 20—30 американские танки и бульдозеры также ушли.

Этим противостоянием закончился второй берлинский кризис. Были признаны де-факто установление границ и контроль за ними со стороны ГДР. Мирному разрешению кризиса весьма способствовала документальная и другая информация от источников ГРУ.

НАТО сделало Берлинскую стену чуть ли не главным козырем антикоммунистической пропаганды. Президент Джон Кеннеди положил почин, приехав в Западный Берлин и произнеся там зажигательную речь. После этого каждый из видных западных политиков, как правоверный мусульманин в Мекку, совершал хадж в Западный Берлин, к Стене, где сотрясал воздух трагическими тирадами.

А в чем, собственно, дело? Еще римские цезари ограждали империю валами на сотни километров, чтобы защититься от варваров. Китайцы построили знаменитую стену от набегов северных кочевников.

Но вот в СССР началась перестройка. В 1990 г. М.С. Горбачев предал всех союзников СССР, включая ГДР, а через год он предал свою партию и страну.

В 1990 г. рухнула Берлинская стена и произошло поглощение Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германия. Не воссоединение, а именно поглощение. Земли бывшей ГДР стали как бы колонией Западной Германии. Как метко заметил один восточногерманский диссидент: «Потребовалось падение Берлинской стены, чтобы мы поняли: все, что говорили коммунисты о капитализме, — правда».

И вот в XXI веке великие демократы занялись постройкой великих стен, в десятки раз длиннее Берлинской. США строят стену вдоль всей границы с Мексикой, а Израиль — почти по всему периметру своих границ. А западные СМИ и отечественные либералы помалкивают в тряпочку.

Отечественные СМИ даже не заметили, что в Германии начались массовые процессы против граждан бывшей ГДР. В начале 1999 г. по всей стране проходило 62 тысячи расследований против 100 тысяч обвиняемых. В одном только Берлине таких расследований было открыто 20 тысяч. В конце концов, из 100 тысяч обвиняемых были приговорены в судебном порядке лишь около 300 человек, или 0,3 %.

Незначительное число вынесенных приговоров вполне объяснимо, ведь граждан ГДР судили по законам другого государства. Случай, беспрецедентный в мировой истории. Следует заметить, что спецслужбам Германии не было нужды отправлять 100 тысяч человек за решетку — это создало бы огромные проблемы правительству. Важно было запугать не только эти 100 тысяч человек, но и миллионы бывших граждан ГДР и создать у них комплекс вины.

Говоря об отношениях России и Германии, я не хочу писать заключение. XXI век развивается столь бурно и непредсказуемо, что делать досрочные прогнозы — удел не самых умных или не очень честных людей. Могу лишь сказать, что сейчас Германия стоит на перепутье между добрососедскими отношениями и конфронтацией с Россией.

Сейчас США пытаются создать нестабильность в Восточной Европе, поддерживая «оранжевую» революцию на Украине, размещая ракеты в Польше и т.д. Единственным решением Москвы могут стать усиление военной группировки в Калининградской области, доставка

туда оперативно-тактических ракет «Искандер» со спецбоечастями и другие меры по обеспечению собственной безопасности. В этом варианте Германии неизбежно придется вступить в военное противостояние с Россией, что вряд ли соответствует политическим и экономическим интересам обоих государств.

Между тем сейчас между Германией и Россией нет никаких политических противоречий, мелкие и надуманные проблемы типа «возвращения перемещенных ценностей» — не в счет.

На мой взгляд, чтобы наладить нормальные отношения, нам следует поставлять немцам энергоносители и... историю Германии. Англосаксы лишили народ собственной истории. Не пора ли нам вернуть ее немцам без идеологических и политических купюр?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков. М.: Белый волк, 1999.

Арутюнян А.О. Кавказский фронт (1914—1917 гг.). Ереван, 1971.

Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М.: АСТ, 2001.

Басилая Ш.И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Бережков В.М. Старицы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М.: Учпедгиз, 1960.

Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М.: Ладомир, 2004.

Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия — ЖЗЛ, 1997.

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. М.: Советская энциклопедия, 1977.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М. — Л.: Военморгиздат 1939.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.

Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца и др.: В 18 т., Петербург, 1911—1915.

Военные архивы России. 1-й выпуск. 1993.

Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004.

Высоцкий В.Н. Западный Берлин. М.: Мысль, 1971.

Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М.: Наука, 1972.

Гитлер А. Моя борьба. М.: Витязь, 2000.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.

Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: Советская Россия» 1992.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1918. М.: Воениздат, 1931.

Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756—1776. / Под ред. А.Л. Нелепина. М.: Российский фонд клуьтуры «Российский Архив», 2004.

История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время 1871—1914 / автор тома В.М. Хвостов. М.: Государственное Издательство политической литературы, 1963.

История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М.: — Л-д.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1945.

История Первой мировой войны 1914—1918 / Под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1975.

История средних веков / Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1979.

Керенский А.Ф. Гатчина.1922.

Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1999.

Кожинов В. Тютчев. М.: Соратник, 1994.

Коробков Н.М. Семилетняя война. М.: Воениздат, 1940.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить! М.: АСТ; Астрель, 2003.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М.: Международные отношения, 1991.

Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета. 1993.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740—1750. М.: ОГИ, 2000.

Ионг, Луи де. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки Третьего рейха. М.: Вече, 2004.

Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.

Маниковского А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Воениздат, 1937.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973.

Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975.

Махутина И. Украинский Брестский мир. М.: Европа, 2007.
Михайлов О.Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973.
Монархи Европы: судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. М.: Республика, 1996.
Нарочницкая Л. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М.: Наука, 1989.
Ольденберг С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939.
Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Новости, 1991.
Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. М., 1909.
Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005.
Под Андреевским флагом: Век XVIII / Сост. В.В. Шигин. М.: Патриот, 1994.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1908.
Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995.
Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1985
Раздел Азиатской Турции. М., 1924.
Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921—1945). М., 2002.
Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.
Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994.
Россия. История XIX века. М.: Новь, 1998.
Россия. XX век. Документы.1941 год / Под ред. В.П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
Рыжов К.В. Все монархи мира. Западная Европа. М.: Вече, 2001.
Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск 5. М., 1930.
Семилетняя война. Материалы. М.: Воениздат, 1948.
Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.: Высшая школа, 1992.
Соловьев С.М. Император Александр I. М.: Мысль, 1995.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993.
Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.
Стечкин В. Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М.: Яуза, 2005.

Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

Татищев С.С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.

Тирпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 1996.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Москва, 1998.

Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб, 1872.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304 гг. М.: Прогресс, 1989.

Французская буржуазная революция 1780—1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). М, 1999.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775. М.: Наука, 1995.

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003.

Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002.

Широкорад А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Широкорад А.Б. Падение Порт-Артура. М.: АСТ; Ермак, 2003.

Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война 1857—1907 гг. М.: АСТ, 2003.

Широкорад А.Б. Русско-японские войны 1904—1945. Минск: Харвест, 2003.

Широкорад А.Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.

Широкорад А.Б. Тевтонский меч и русская броня. Русско-германское военное сотрудничество. М.: Вече, 2003.

Широкорад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000.

Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М.: Просвещение, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1
Почему немцы не окрестили Русь,
а Вена не стала русским городом.....3

ГЛАВА 2
Как немцы закрыли двинское «окно в Европу».....10

ГЛАВА 3
Как Колывань стала Ревелем.....19

ГЛАВА 4
Тайны Ледового побоища 27

ГЛАВА 5
Ливонская война 39

ГЛАВА 6
Германские химеры Петра Великого 46

ГЛАВА 7
Русские выходят к Рейну! 65

ГЛАВА 8
Глупая бабья война 71

ГЛАВА 9
Вторжение русских в Восточную Пруссию.....78

ГЛАВА 10
Виктория при Кунерсдорфе и первое «падение Берлина»..89

ГЛАВА 11
Осада Кольберга и действия русского флота.....96

ГЛАВА 12
Голштинец на русском троне 100

ГЛАВА 13
Три раздела Речи Посполитой.....107

ГЛАВА 14
Война с Бонапартом за гегемонию в Германии.....125

ГЛАВА 15
Как Франц Иосиф отблагодарил Николая I.....147

ГЛАВА 16
«Битва двух великих канцлеров» —
пушки Бисмарка и циркуляры Горчакова.....154

ГЛАВА 17
Роль Германии и Австрии в русско-турецкой войне
1877—1878 гг.....165

ГЛАВА 18
Александр III между Парижем и Берлином.....178

ГЛАВА 19
Россия на пути к войне с Японией.....189

ГЛАВА 20
Англия и Япония против России и Германии.....198

ГЛАВА 21
Дипломатия яхт.....213

ГЛАВА 22
«Разруха в головах».....218

ГЛАВА 23
Сила и слабость русской армии.....227

ГЛАВА 24
Почему крепости не спасли Россию?.....239

ГЛАВА 25
Поиски сепаратного мира.....251

ГЛАВА 26
Был ли Ленин германским шпионом?.....257

ГЛАВА 27
Брестский мир и германская интервенция.....275

ГЛАВА 28
Версальский мир 292

ГЛАВА 29
Политика и оружие 297

ГЛАВА 30
Политические зигзаги 30-х годов 311

ГЛАВА 31
Начало Второй Мировой войны 326

ГЛАВА 32
Причины трагедии 1941 года 358

ГЛАВА 33
Русская Германия 370

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 391

Научно-популярное издание
Друзья и враги России

Широкорад Александр Борисович

ГЕРМАНИЯ
Противостояние сквозь века

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *С.В. Цыганова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 21.04.2008. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 25. Тираж 3000 экз. Заказ № 7943.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

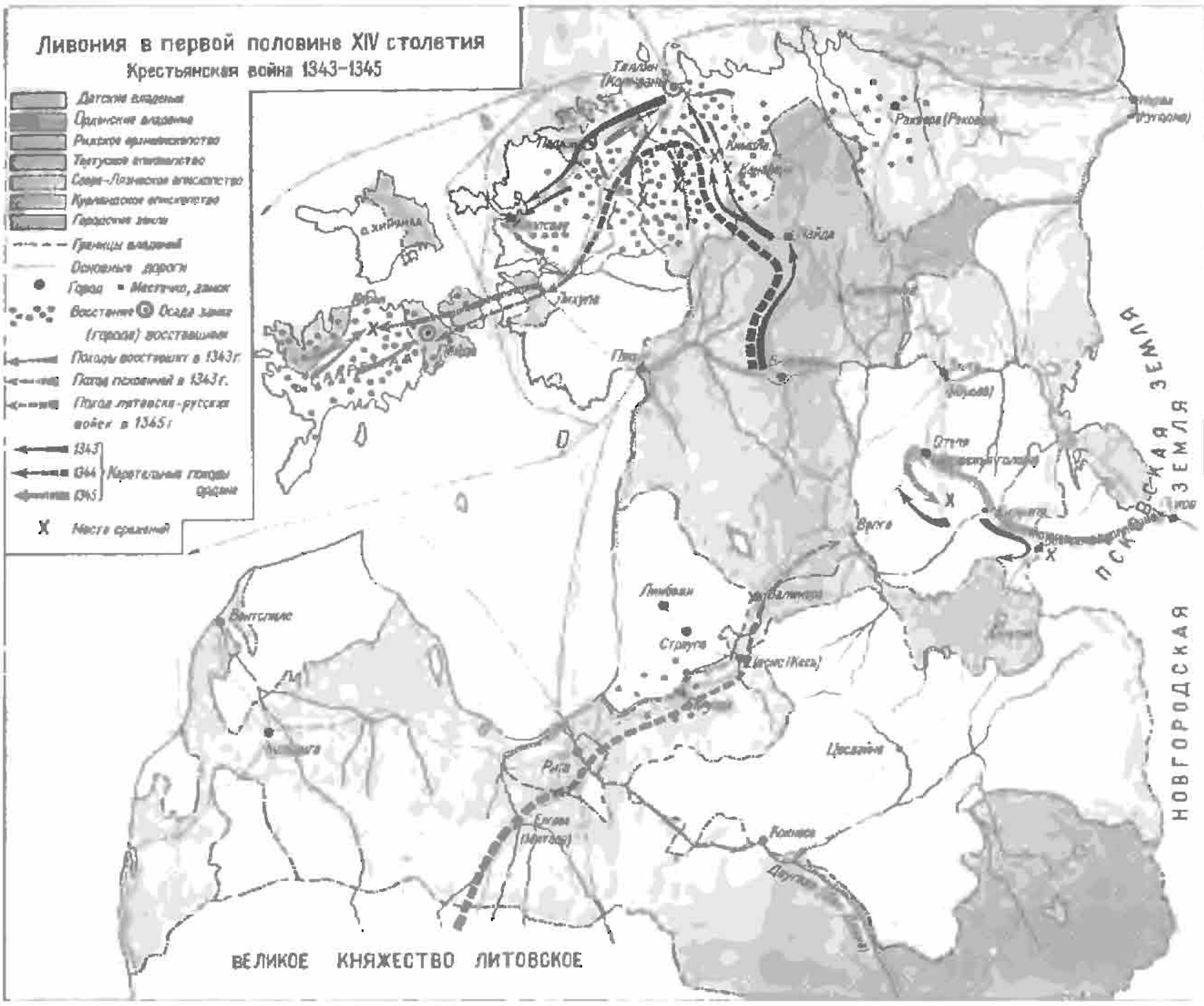
Александр Широкорад

Друзья и враги России

ГЕРМАНИЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СКВОЗЬ ВЕКА

Ливония первой половины XIV века

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин

Фридрих Великий

Обманчиво-идиллический семейный портрет Петра III, Екатерины II и Павла I

Германский император Вильгельм II

Николай II с двоюродным братом — английским королем Георгом V

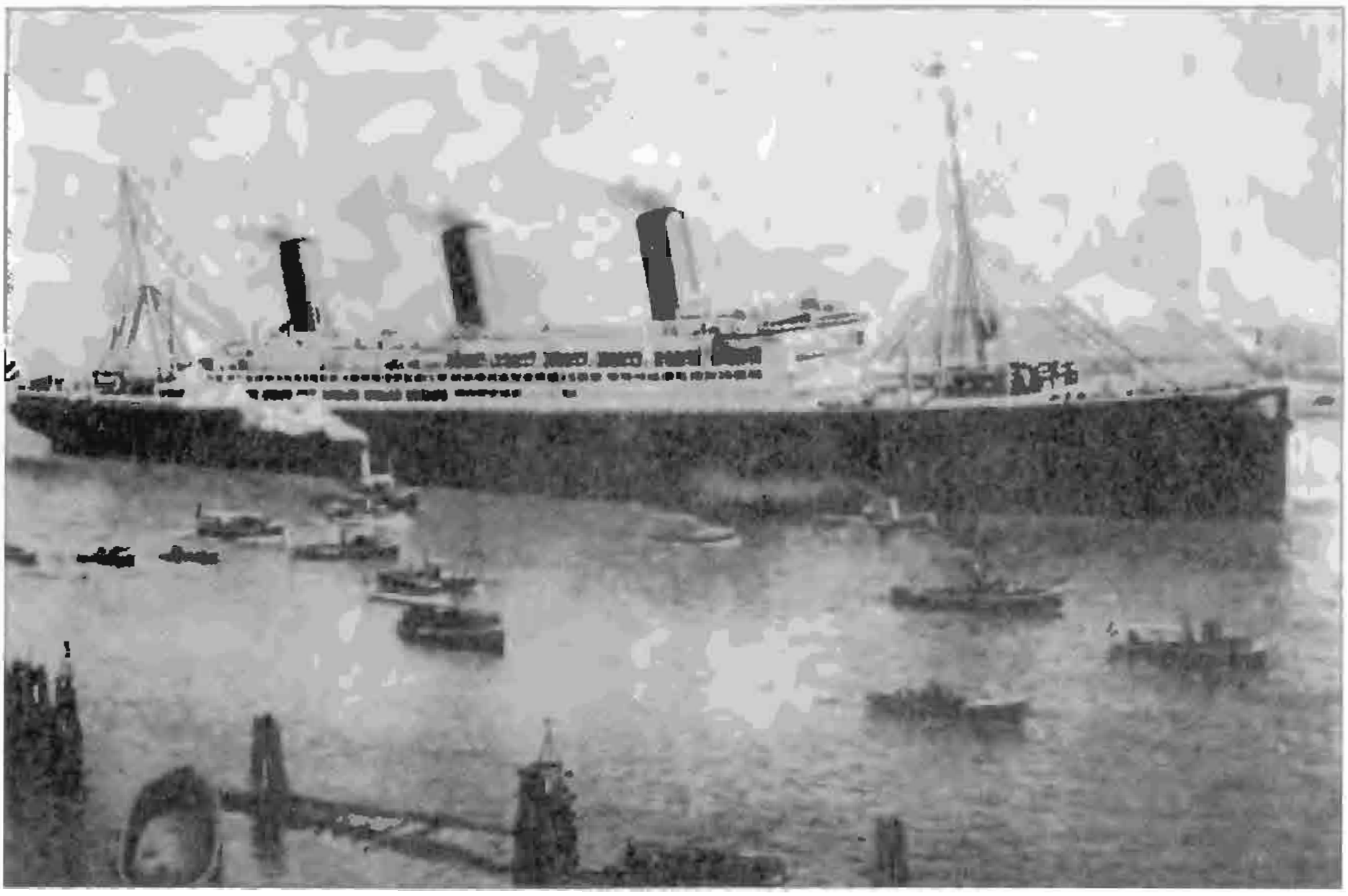
Отец императрицы Александры Федоровны великий герцог Гессенский Людвиг IV

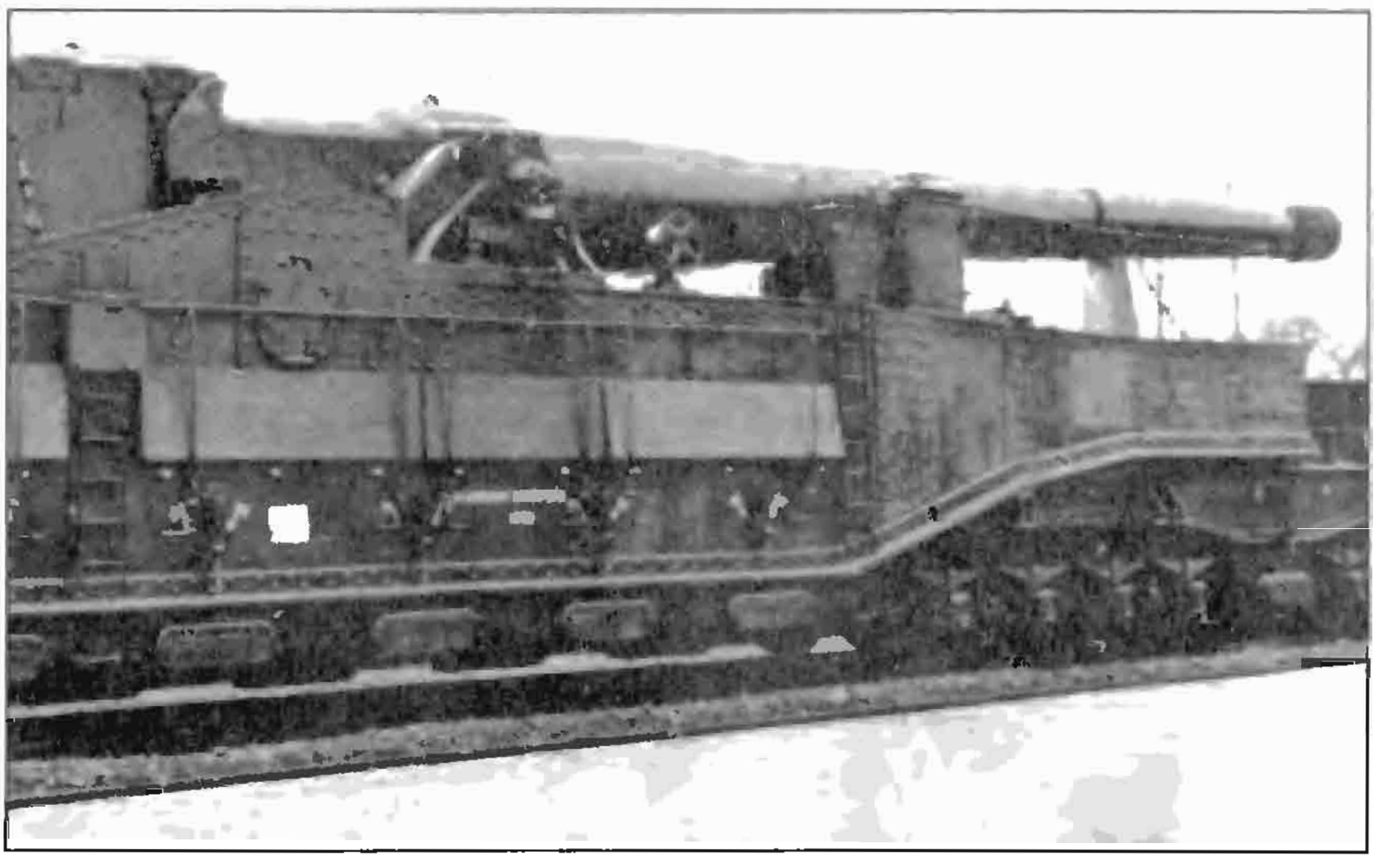
Брат императрицы Александры Федоровны Эрнст — полковник Генштаба

Члены русской императорской фамилии во время посещения Англии. Лондон, Виндзор. 1900-гг.

Торговый флот Германии в начале XX века стал опасным конкурентом британскому торговому флоту. Германский лайнер «Фатерланд» вместимостью 55 тыс. тонн

Французская 340-мм тяжелая железнодорожная установка. Такие установки действовали с 1914 г. на Западном фронте, обстреливая немцев, а с 1941 г. — на Восточном фронте уже в составе вермахта

А вот такое «старье» нам поставляли французы — 155-мм пушка обр. 1878 г.

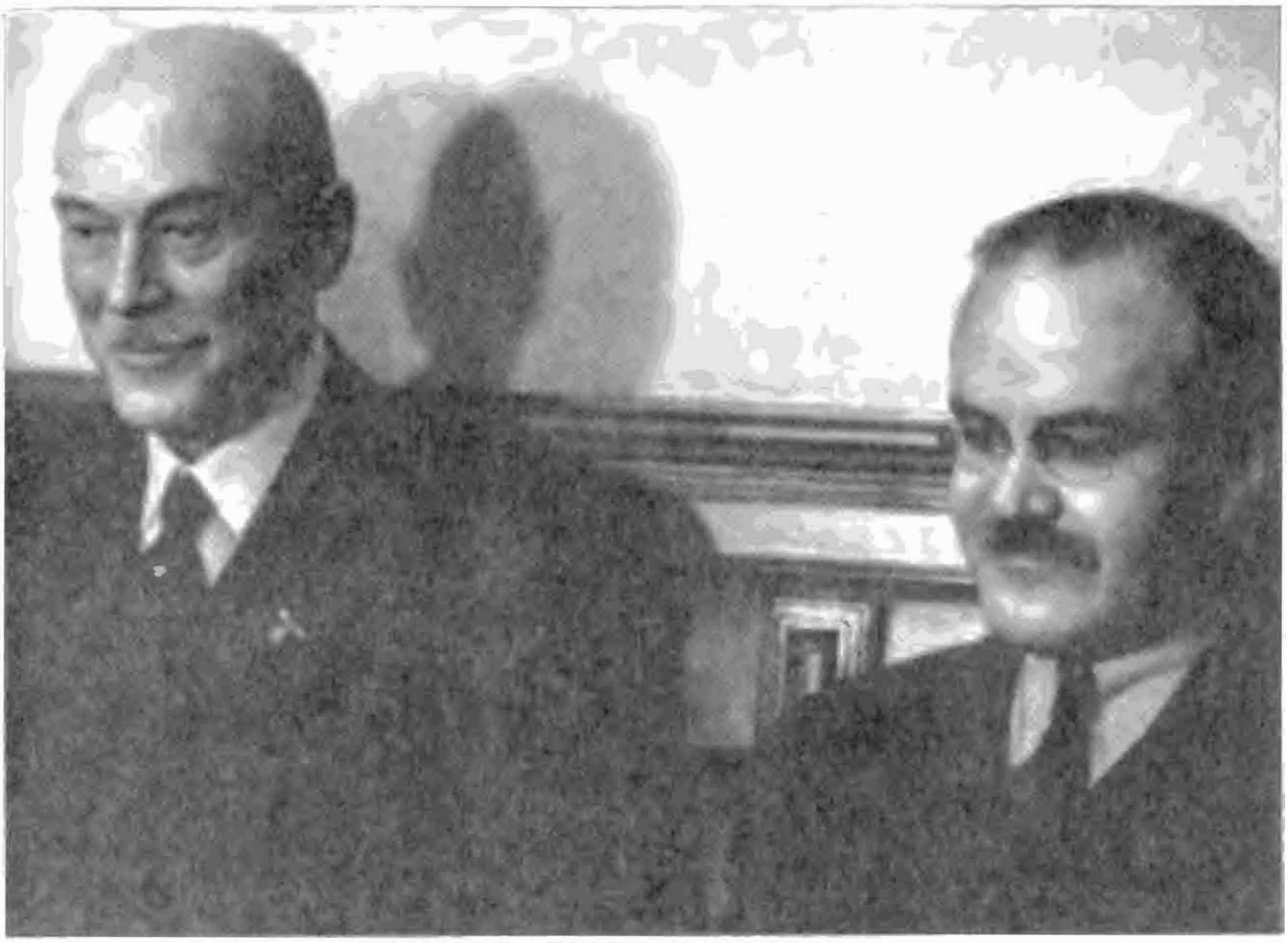
Копия трофейного германского миномета, изготовленная на Путиловском заводе. 1915 г.

Встреча Вильгельма II с Лениным. «Наконец — одни!»
Рис. В. Сварога. Карикатура лета 1917 г.

Май 1933 г. У власти Гитлер. В.Д. Широкорад гуляет у Музея искусств в Берлине с женой и сыном Борисом

В.М. Молотов и В. фон Шуленбург во время подписания пакта Молотова — Риббентропа

Беседа В.М. Молотова с Гитлером в Берлине. Ноябрь 1940 г.

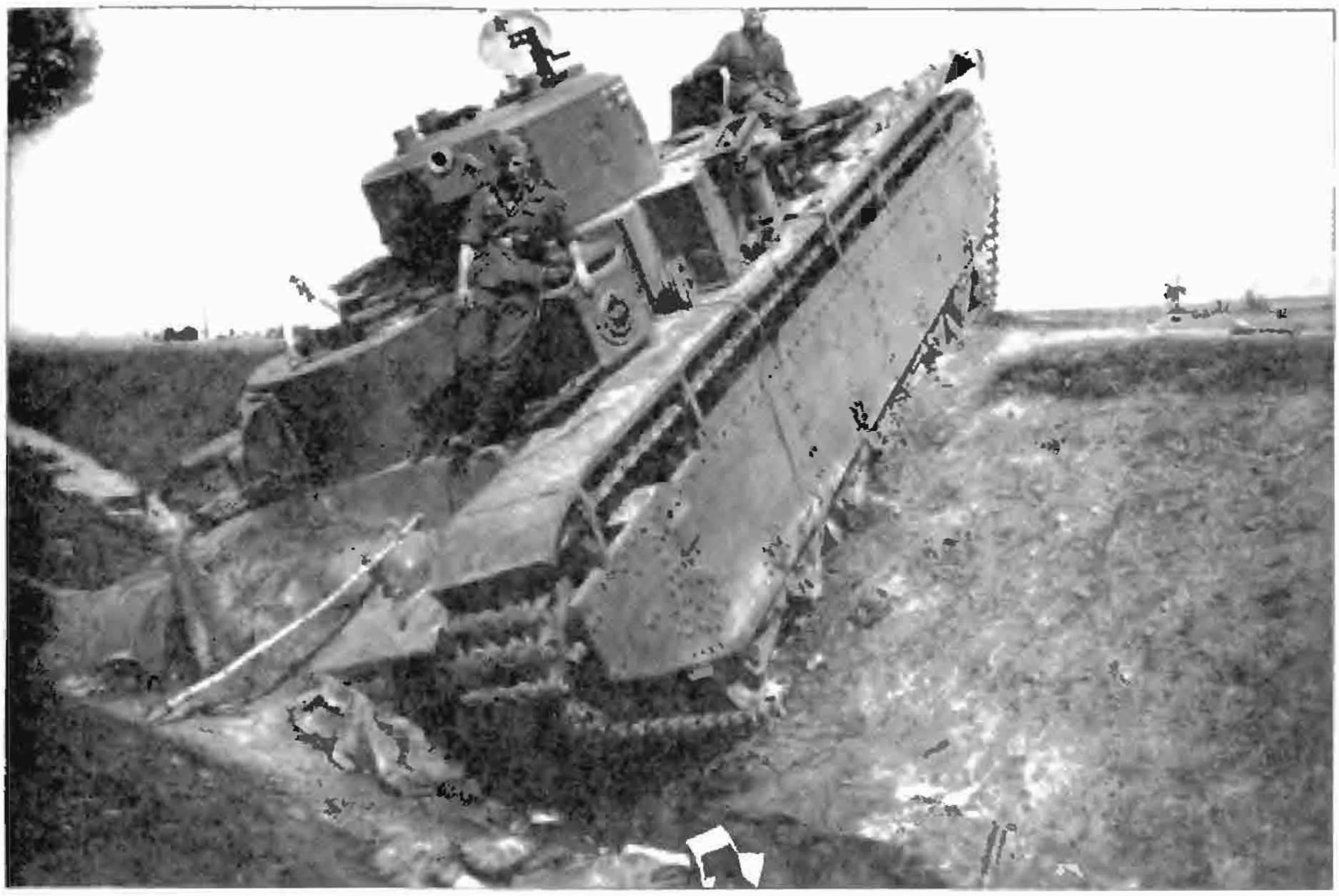
Нарком обороны марша С.К. Тимошенко, начальник штаба генерал К.А. Мерецков и генерал Г.К. Жуков осматривают артиллерийское снаряжение. Лето 1940 г.

Территориальные изменения в 1938—1940 гг.

Странная война. Ноябрь 1939 г.
Французские солдаты играют в карты на линии Мажино

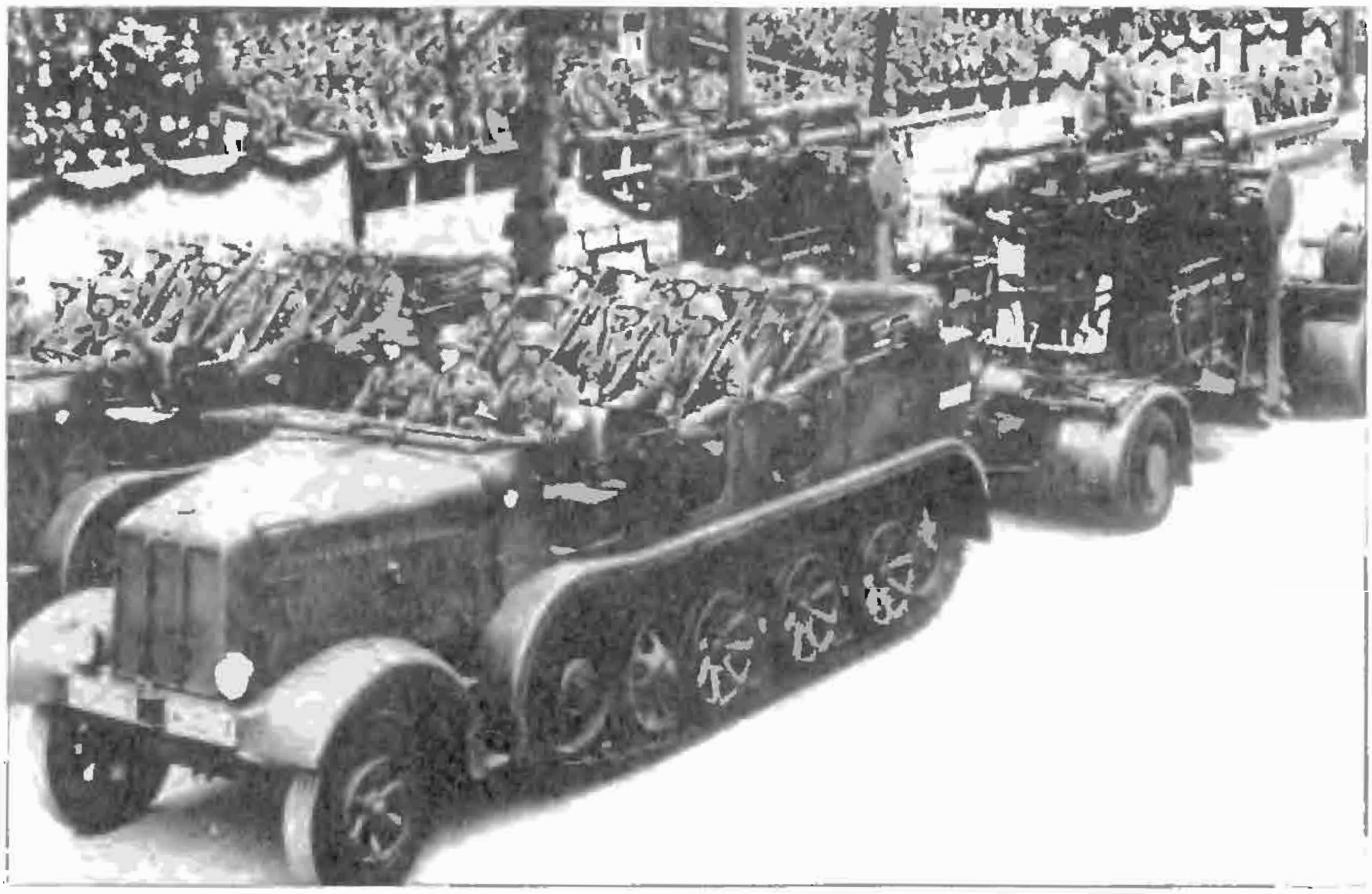
Немецкие солдаты у подбитого тяжелого танка Т-35

Перевернувшийся КВ-1. 1941 г.

Танк КВ-2, захваченный немцами

В успехах вермахта в 1941 г. тяжелые артиллерийские тягачи сыграли не меньшую роль, чем танки

Германский легкий полугусеничный тягач. 1941 г.

А у нас в основном артиллерию возили сельскохозяйственные трактора

Армия ГДР получила новейшее по тем временам ракетное оружие: ракетный комплекс Р-17 — знаменитый «Скад»

Расчет отбегает от комплекса «Луна» перед пуском

Смотр механизированной дивизии ГДР. Середина 1960-х гг.

Генерал армии Гейнц Гофман с отличниками боевой подготовки армии ГДР. 1979 г.

Зенитчики ГДР перегружают ракету советского комплекса С-75

Истребитель МиГ-21 ВВС ГДР

Друзья и враги России

Историк, описывающий более чем тысячелетнюю историю взаимоотношений русского и немецкого народов, часто сталкивается с рядом вопросов, ответы на которые позволяют понять ближайшее родство и взаимовлияние двух великих стран.

Почему христианство пришло на Русь не из Германии, а из Византии? Сколько было заключено русско-германских пактов о разделе Польши со времен Ярослава Мудрого? Почему Петр Великий создал в Прибалтике «германский заповедник»? Как при Анне Иоанновне русская армия оказалась на Рейне и зачем Елизавете Петровне понадобилась Восточная Пруссия в качестве новой губернии? Мог ли Сталин отказаться от пакта с Гитлером? Кто и зачем провоцировал берлинские кризисы? Об этом и о многом другом читатель узнает из книги А. Б. Широкорада.

ISBN 978-5-9533-2867-8
9 785953 328678
ВЕЧЕ